

КОЛИН
МАККАЛОУ

ДЭНИЗ
РОБИНС

Колин Маккалоу

ТИМ

Дэниз Робинс

ЖОНКИЛЬ-
ЦВЕТОҚ
ЛЮБВИ

ТАШКЕНТ
"ЎЗБЕКИСТОН"
1993

И (Австрия)
М 15

Ответственная за выпуск
А ВИЧЕРОВА

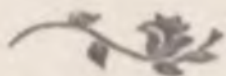
Совместное издание издательства "Узбекистан"
и фирмы "Икар", Санкт-Петербург

ISBN 5-640-01536-5

М 480400000—57 93
М 551 (04) 93

© Икар, Санкт-Петербург, 1993

Колин Маккалоу

ТИМ

В это утро, в пятницу, строитель Гарри Маркхэм прибыл на работу со своей бригадой точно в семь. Гарри и его бригадир, Джим Ирвин, сидели в кабине пикапа, а остальные - в открытом кузове, устроившись кому как удалось. Дом, где они работали, находился на побережье к северу от Сиднея в пригороде Артармон, как раз за опустевшим карьером, в котором прежде добывалась глина для кирпичей. Работа была небольшой, даже для такого мелкого подрядчика, как Гарри. Надо было покрыть штукатуркой бунгало из красного кирпича и сделать пристройку к веранде. Гарри любил такого рода небольшие работы, которые заполняли промежутки между более крупными контрактами.

Если судить по этому пятничному утру, конец недели обещал быть жарким. Рабочие вывалились из пикапа и бросились в тенистую боковую аллею и, нимало не смущаясь, сбрасывали с себя одежду, чтобы переодеться для работы. Они как раз сгрудились у заднего угла дома, когда старушенция в выцветшем розовом халате прошаркала по двору, осторожно неся в обеих руках расписанный цветами фарфоровый ночной горшок. Голова ее представляла собой сплошную массу металлических бигуди тоже, как и халат, ветхозаветного образца. Никаких новомодных штучек миссис Эмили Паркер не признавала - благодарю покорно.

Двор полого спускался к глубокому глиняному каньону, который когда-то снабжал Сидней кирпичами, а сейчас служил для старушенции местом, куда она каждое утро вывозила свой горшок. Эмили Паркер твердо держалась привычек своих деревенских предков и считала должным

по ночам пользоваться только "ночной вазой". Когда ее содержимое янтарной аркой пролилось на дно ямы, она повернулась и недовольно посмотрела на полуголых мужчин.

— Добрый день, миссис Паркер! — крикнул Гарри. — Надо бы сегодня кончить работу, я полагаю.

— Самое время, вы, сборище ленивцев, — рывкнула старушенция и без всякого смущения зашаркала вверх по двору. — И чего только мне не приходится терпеть из-за вас. Мисс Хортон вчера вечером жаловалась, что ее герань, которая получила приз на выставке цветов, оказалась вся покрыта цементной пылью, а какой-то недотепа швырнул кирпич ей через забор, раздавил ее адриантум - венерин волос, и тот вчера завял.

— Если мисс Хортон - это та старая дева с постным лицом, которая живет рядом, то бьюсь об заклад, ее венерин волос завял не вчера, а давным-давно, — пробормотал Мик Девин Биллу Несмиту. — Без употребления, — прибавил он.

Все еще громко жалуясь, старушенция исчезла со своим горшком в доме. Несколько секунд спустя строители услышали, как она мост его в туалете, спускает воду и вешает на день на крюк над вполне современным унитазом.

— Боже мой, клянусь, вся трава в этой яме позеленела, — сказал Гарри ухмыляющимся рабочим.

— Странно, черт побери, что она там еще не устроила наводнения, — хихикнул Билл.

— Ну, если вы меня спросите, то я скажу, что у нее не все дома, — сказал Мик. — В наше время, когда в доме два настоящих гальяона, ей нужна эта штука...

— Какая штука? — отозвался Тим Мелвил.

— А та, куда попадаешь ногой, если вскакиваешь ночью второпях, — объяснил Гарри. Он посмотрел на часы. — Машина с бетоном сейчас подъедет. Тим, иди-ка на улицу и подожди ее. Сними с пикапа тачку и начинай подвозить бетон, как только этот гад покажется, о'кей?

Тим Мелвил улыбнулся, кивнул и потрусил к воротам.

Мик Девин, следя за ним и все еще размышляя о странностях старушенции, рассмеялся:

— Эй, я кое-что придумал! Послушайте, ребята, на перекуре поддержите меня, и кое-чему научим Тима.

Мэри Хортон закрутила свои длинные волосы в обычный пучок на затылке, воткнула в него еще две шпильки и взглянула на свое отражение в зеркале. Она смотрела без радости, без печали и без особого интереса. Если бы она рассматривала себя повнимательнее, то увидела бы маленькую, довольно плотную женщину средних лет с белыми, бесцветными волосами, стянутыми назад и открывавшими квадратное, но с правильными чертами лицо. Она не пользовалась косметикой, считая это пустой тратой времени и денег. Глаза у нее были темно-карие, взгляд быстрый, внимательный, настороженный, что соответствовало жестким чертам лица. Одежду Мэри Хортон ее коллеги давно воспринимали как что-то вроде армейской формы или монашеского облачения: белая, жесткая, застегнутая на все пуговицы кофточка, строгого покроя серый легкий костюм, юбка всегда ниже колен и достаточно широкая, чтобы не задиралась, когда Мэри садилась. На ногах достаточно плотные туго сидящие чулки и черные на шнурках туфли с толстыми каблуками.

Туфли были начищены до блеска, на белой кофточке ни пятнышка, ни морщинки на полотняном костюме. Безупречная одежда и собранность - это было у Мэри Хортон чем-то вроде идеи фикс. Ее молоденькая помощница утверждала, что Мэри перед тем, как войти в туалет, снимает, чтобы не помять, свой костюм и вешает на плечики.

Мэри Хортон, убедившись при взгляде в зеркало, что все соответствует ее неизменным стандартам, сдвинула черную соломенную шляпку к верхнему краю пучка волос и одним движением проткнула ее длинной шляпной булавкой, затем натянула черные перчатки и поодвинула к краю стола свою огромную сумку. Она открыла ее и методично проверила содержимое: ключи, деньги, носовой платок, пачечка бумажных салфеток, перо и блокнот, записная книжка, удостоверение личности и кредитные карточки, водительские права, право на пользование стиральной машинкой, французские булавки, просто булавки, коробочка с иголками и нитками, ножницы, пилка для ногтей, запас-

ные пуговицы, отвертка, плоскогубцы, кусачки, электрический фонарик, стальной сантиметр с отметками и для дюймов, коробка с патронами 38-го калибра и полицейский револьвер.

Она была первоклассным стрелком. Брать деньги из банка входило в ее обязанности как сотрудника компании "Констабл Стил энд Майнинг" с тех пор, как ее пуля пробила руку вора, когда он убегал, пытаясь унести всю зарплату компании. Во всем Сиднее не было ни одного преступника, который бы решился иметь дело с мисс Хортон. В тот раз она отдала чемоданчик с деньгами так спокойно и без всякого протеста, что вор почел себя в полной безопасности. Но когда он повернулся, чтобы убежать, она открыла сумку, вытащила пистолет, узнала его, прицелилась и выстрелила. Сержант Гопкинс, ответственный за полигон полиции города, утверждал, что ее реакция быстрее, чем у самого Сэмми Дэвиса младшего.

Оставшись совсем одна на белом свете, когда ей было четырнадцать лет, она поселилась в комнате общежития Христианской Ассоциации с пятью другими девушками и работала клерком у Дэвида Джонса, пока не закончила вечерние секретарские курсы. В пятнадцать лет она начала работать машинисткой в компании и была такой бедной, что имела только одну юбку и кофточку, которые непрерывно стирала, а ее простые чулки, казалось, состояли из одной штопки. Через пять лет ее квалификация, спокойное достойное поведение и замечательный ум позволили ей занять пост личного секретаря Арчибальда Джонсона, управляющего компанией. Однако в течение первых десяти лет работы в фирме она продолжала жить в общежитии, штопала чулки и откладывала гораздо больше, чем тратила.

Когда ей исполнилось двадцать пять, она обратилась к Арчи Джонсону за советом, как ей лучше вложить свои сбережения, и к тридцати годам ее капитал во много, много раз превышал первоначальные сбережения. И вот в возрасте сорока трех лет она владела домом в Артамонс, тихом пригороде, где жили люди среднего класса, водила весьма консервативный, но очень дорогой "бритиш бенгли", где салон был обтянут настоящей кожей и отделан настоящим ореховым деревом, владела участком побережья в двадцати

садик, коттеджем к северу от Сиднея и заказывала свои платья у того же портного, который шил для жены генерал-губернатора Австралии.

Она была вполне довольна собой и своей жизнью, могла иногда позволить себе ту или иную роскошь. Но и дома, и на работе Мэри старалась быть всегда одна, и врузьвин ее были пять тысяч томов книг, которые обрамляли стены ее кабинета, да еще несколько сотен дорогих пластинок с записями музыки Баха, Брамса, Бетховена и Генделя. Она любила возиться в саду, убирать в доме, не смотрела телевизор и не ходила в кино. У нее никогда не было мужчин, и она не стремилась к этому.

Когда Мэри Хортон вышла на переднее крыльцо, она вытупила там некоторое время, прищурив глаза от яркого солнца и оглядывая садик перед домом. Траву давно пора было стричь. И где этот чертов мужик, которому она платила за то, чтобы он стриг траву раз в две недели по четвергам? Его не было уже месяц, и гладкая поверхность зеленого ковра начала выглядеть неопрятно. "Вот досада", — подумала она.

В воздухе стояло странное гудение, что-то среднее между звуком и ощущением. Слабое "буум, буум, бум", казалось, проникало до костей, и жителю Сиднея было ясно, что сегодня будет очень жаркий день. Два цветущих австралийца по обе стороны ворот поникли своими синими шаровидными листьями, как бы протестуя против пульсирующего зноя, а японские жуки шелкали и сустились среди желтых цветов на кустах кассии. Двойной ряд величественных красных олеандров обрамлял выложенную камнем дорожку, ведущую от двери к гаражу. Мэри Хортон, пытаясь губы, направилась по ней.

Ей предстояла схватка, борьба, которую она вела каждое утро и каждый вечер в течение всего лета. Когда она подошла к первому красивому, усыпанному цветами кусту, он начал вопить и визжать так громко, что у нее зазвенело в ушах и закружилась голова. Бросив сумку и сив перчатки, Мэри Хортон шагнула к лежащему аккуратно валиками шлангу, включила кран на полную мощность и направила струю на олеандры. Постепенно, по мере того, как пропитывались водой кусты, шум стихал,

пока не остался единственный басовитый звук "брик", исходящий из куста, ближайшего к дому Мэри погрозила ему кулаком.

— Я до тебя доберусь, старый поганец! — сказала она сквозь зубы.

— Бри-и-и-и-ик, — насмешливо ответила цикада-хормейстер.

Опять натянуты перчатки, поднята сумка, и в тишине и спокойствии Мэри направляется к гаражу.

С подъездной дорожки отлично был виден развал, который творился вокруг прелестного домика из красного кирпича ее соседки миссис Эмили Паркер. Когда Мэри поднимала дверцу гаража, она бросила неодобрительный взгляд на этот хаос, потом посмотрела на тротуар.

А тротуары на Волтон Стрит были сделаны великолепно. Они представляли собой узкую цементную дорожку, вдоль которой до самой обочины тянулась широкая полоса идеально подстриженного газона. На расстоянии тридцати футов друг от друга с каждой стороны улицы росли огромные олеандры. Одно дерево цвело белыми цветами, за ним шло розовое, потом красное, потом опять розовое и затем последовательность цветов повторялась. Улица была гордостью ее жителей и обычно получала приз на ежегодном смотре, проводимом газетой "Геральд".

Большущая машина-бетономешалка стояла рядом с олеандром напротив участка Эмили Паркер. Барабан медленно вращался, и из желоба выливался липкий серый цемент. Им были залиты ветки дерева, тяжелые капли падали с окаменевшей листвы. Струйки раствора текли по цементной дорожке, покрывая траву и собираясь лужицами в углублениях. Возмущение охватило Мэри, она поджала губы так, что ее рот превратился в одну белую линию. "Какое помрачение напало на Эмили Паркер, что она захотела покрыть кирпичные стены этой отвратительной кашей?! Вкусы людские необъяснимы, вернее, отсутствие их", — думала Мэри.

На солнце с непокрытой головой стоял молодой человек, равнодушно взирая на осквернение Волтон Стрит. А на расстоянии двадцати шагов, совершенно остолбеневшая, стояла и смотрела на него Мэри Хортон.

Живи он две с половиной тысячи лет назад, величайшие греческие скульпторы лепили бы с него изваяния бога Апполона. Он, изваянный в гладком белоснежном мраморе, обрел бы бессмертие, и его каменные глаза смотрели бы безучастно поверх восторженных лиц поколений и поколений людей.

Но он стоял здесь, среди бетонной грязи, на Волтон Стрит. Он, очевидно, был из бригады строителей, так как на нем были надеты форменные шорты цвета хаки, спущенные до самых бедер и подвернутые снизу настолько, что была видна нижняя часть ягодиц. Кроме шортов и пары толстых шерстяных носок, завернутых на тяжелые рабочие ботинки, на нем не было ничего - ни рубашки, ни куртки, ни кепки.

Он стоял к ней вполоборота и блестел на солнце, словно отлитый из золота. А ноги у него были такой красивой формы, что она подумала, что он бегун на длинные дистанции. И весь он был удлинненным, тонким и изящным. Когда он резко повернулся к ней, она увидела сначала широкие плечи, а затем узкие изящные бедра.

А лицо! Лицо было безупречно. Нос короткий и прямой, высокие слегка выдающиеся скулы, нежно очерченный рот. В уголке рта с левой стороны была тонкая морщинка и она придавала его лицу печальное выражение, выражение потерянного, невинного ребенка. Волосы, брови и ресницы были цвета спелой ржи под ярким солнцем, а глаза ярко синие, как васильки.

Когда он заметил, что она следит за ним, он радостно ей улыбнулся, и эта улыбка заставила ее задохнуться. Мэри Хортон с трудом ловила воздух. Никогда за всю ее жизнь с ней такого не случалось, она была очарована такой невероятной красотой. Мэри пришла в ужас и, чтобы спастись, бросилась к машине и укрылась там.

Всю дорогу в коммерческий центр северного Сиднея, где находилось сорокаэтажное здание офиса компании "Коистэбл Стил энд Майнинг", его образ стоял у нее перед глазами. Как Мэри ни старалась сосредоточить внимание на транспорте и заботах предстоящего рабочего дня, она не могла изгнать его из своей памяти. Если бы в нем было что-то женственное, если бы лицо его было просто хоро-

шенькое или наоборот в нем просто пало бы что-то грубое, она забыла бы его легко: самодисциплина помогала ей забывать все, что она приказывала себе забыть. Но он был безусловно красив! Затем она вспомнила: Эмили Паркер обещала, что строители сегодня закончат работу. Она продолжала упорно вести машину, но все вокруг, наполненное зноем дня, казалось, померкло.

3

Когда Мэри Хортон ушла, а садовый шланг перестал испускать из себя воду, цикада-хормейстер на своем олеандровом кусте издал глубокий, пронзительный звук: "бриик!". И немедленно с куста чуть подальше ему ответила примадонна-сопрано. Один за другим в хор вступили теноры, контральто, баритоны, другие сопрано, пока обжигающее солнце не наполнило их сверкающие зеленые тельца такой энергией, что пытаться разговаривать на расстоянии нескольких шагов от кустов было невозможно. Оглушающий хор расширялся, поднимаясь над верхушками кассий, и звук его долетал до цветущих эвкалиптов, через забор к олеандромам, стоящим вдоль тротуаров Волтон Стрит и до рядов Камфорных лавров позади домов Мэри Хортон и Эмили Паркер.

Строители работали и замечали хор цикад только, когда им приходилось что-то крикнуть друг другу, подходя к большой куче цемента. Его то и дело подвозил Тим Мелвил, а они, захватив полный мастерок, бросали цемент - хлоп! - о кирпичные стены бунгало старушенции. Пристройка уже была закончена, осталась наружная штукатурка. Голые спины в замедленном ритме наклонялись и выпрямлялись, строители методично двигались вдоль дома и вокруг него, солнечные лучи прожаривали до костей, пот высыхал, не успевал собраться в капли на их шелковистой коричневой коже. Билл Несмит бросал сырой бетон на кирпичи, Мик Девин разглаживал комки, превращая их в полосу крупно-зернистой зеленоватой штукатурки, а за ним Джим Ирвин скользил вдоль лесов и легкими полукруглы-

ми движениями мастера создавал рисунок на ее поверхности. Гарри Маркхэм взглянул на часы и закричал Тиму:

— Эй, парень, зайди в дом и спроси старушенцию, не оставит ли она чайник, а?

Тим поставил тачку в боковом проходе, взял пятилитровый жестяной чайник и коробку с припасами в охапку и стукнул в заднюю дверь, вызывая хозяйку.

Миссис Паркер появилась минутой спустя. За сеткой от шума на темном фоне она казалась тенью.

— А, это ты, милоч, — сказала она, открывая дверь. — Таходи, заходи! Ты, наверное, хочешь, чтобы я вскипятила чайник для этих оглоздов? — продолжала она, закуривая и с удовольствием рассматривая его, а он стоял, моргая и ничего не видя в сумраке после солнца.

— Да, пожалуйста, миссис Паркер, — улыбаясь, сказал вежливо Тим.

— Ладно, полагаю выбора-то у меня нет, если хочу чтобы до выходных закончили работу. Посиди, милоч, пока закипит чайник.

Двигаясь по кухне она небрежно, темные с сильной прихлостью волосы были уложены старомодными волнами. Светлое домашнее платье с яркими малиновыми и желтыми цветами обтягивало фигуру без корсета.

— Хочешь печеньица, милоч? — спросила она, протягивая ему коробку. — Есть обливное, шоколадное, возьми.

— Да, спасибо, миссис Паркер, — улыбнулся Тим, загнув руку в коробку и, пошарив там, вытащил липкое шоколадное печенье.

Он молча сидел на стуле, пока старушенция, взяв у него коробку с припасами, всыпала заварку в чайник. Когда закипел котел, она влила в огромный чайник кипяток, наполовину заполнив его, и опять поставила котел на огонь. Тим расставил на кухонном столе эмалированные кружки, бутылку молока и большую сахарницу.

— На, дружок, вытри-ка руки полотенцем, будь добр, — попросила старушенция, когда увидела, что Тим оставил шоколадное пятно на краешке стола.

Она подошла к двери на задний двор, высунула голову и крикнула: "Перекур!". Тим налил себе в кружку черного, горячего угля, чая без молока и затем стал сыпать в нее сахар,

пока жидкость не полилась через край. Старушенция опять заохоталась:

— Боже, куда тебе столько? — Она улыбнулась ему снисходительно. — От этих хапуг я бы не потерпела такого. Ну, а от тебя уж ладно. Ты ведь иначе не можешь, да, милоч?

Тим ласково улыбнулся ей, взял кружку и понес ее на улицу, а остальные мужчины стали заходить на кухню.

Они шли позади дома, как раз там, где начинался только что возведенный флигель. Это было тенистое место, в стороне от мусорных бачков, и мух там было немного. Каждый соорудил себе из кирпичей местечко, чтобы присесть и поесть. Лавры, которые разделяли задние дворы мисс Хортон и миссис Паркер, окружали их густой тенью, и здесь было приятно отдохнуть после работы на палящем солнце. Каждый сидел с кружкой чая в одной руке и пакетом с едой в другой, протянув ноги и отмахиваясь от мух.

Поскольку они начинали работу в семь и заканчивали в три часа, этот утренний перерыв бывал в девять, за ним в одиннадцать тридцать следовал ланч. Традиционно этот девятичасовой перерыв назывался "перекур" и продолжался около получаса. Они занимались тяжелой физической работой и аппетит у них был прекрасный, однако это никак не сказывалось на их довольно худых, мускулистых телах. День каждого мужчины начинался где-то в половине шестого с завтрака, состоящего из овсяной каши, отбивных или сосисок с яичницей из двух-трех яиц, нескольких чашек чая и ломтиков тоста. Во время "перекура" они поглощали приготовленные дома бутерброды и куски кекса, а на ланч было то же самое, только в двойном размере. Днем перерывов не было. В три часа они уходили, спрятав рабочие шорты в коричневые сумки, напоиннающие медицинский саквояж. Направляясь в паб, они вновь были одеты в рубашки с открытым воротом и тонкие хлопчатобумажные брюки.

Каждый день, неизбежно, все они шли в паб. В этом гудящем, похожем на отхожее место помещении они могли расслабиться, закинув ногу на ограждение в баре, держа в руке большую, наполненную до краев кружку пива, болтая с товарищами по работе и приятелями и слегка флиртуя с грубоватыми барменшами. Возвращение домой

переносило их совсем в другой мир, где мелочные семейные проблемы окружали их плотным кольцом.

В это утро, когда они уселись на перекур, в них настроении чувствовалось какое-то напряженное ожидание. Мик Павин и его дружок Билл Несмит сидели рядом, прислонившись спинами к забору. Кружки стояли у их ног, а на поддонах лежала еда. Гарри Маркхэм и Джим Ирвин расположились напротив, а Тим Мелвил занял место ближе всего к кухонной двери дома старушенции, чтобы, если понадобится, сбегать и принести или унести, что кому понадобится. Как младший в бригаде он был у всех на посылках.

В документах его должность называлась "строительный чернорабочий", и в этой должности он проработал у Гарри десять из своих двадцати пяти лет, так и не получив повышения.

— Эй, Тим, с чем это у тебя сэндвичи сегодня? — спросил Мик, подмигивая остальным.

— Как всегда, Мик, с джемом, — ответил Тим, протягивая ему неровно отрезанный ломоть с толстым слоем янтарного джема, стекающего по краям.

— И какой это джем? — настаивал Мик, осматривая свой сэндвич неодобрительно.

— Да абрикосовый, я думаю.

— Хочешь махнемся? У меня сосиски.

Лицо Тима вспыхнуло от удовольствия:

— Сосиски? О, я люблю сэндвичи с сосисками. Я согласен!

Обмен был произведен. Мик запустил зубы в сэндвич с абрикосовым джемом, а Тим, не замечая ухмыляющихся друг другу лиц, в несколько укусов расправился с сэндвичем с сосиской. Он приготовился доесть последний кусок, когда Мик, тряхнув от сдавленного смеха, схватил его за запястье.

Голубые глаза вопросительно и беспомощно по-детски велинули на Мика, в них показался страх.

— В чем дело, Мик? — спросил он.

— Этой чертовой сосиски и не видно было, приятель. Или ты так быстро проглотил, что и не заметил?

Крохотная морщинка с левой стороны опять появилась, когда Тим закрыл рот и посмотрел на Мика, предчувствуя

неладное.

— Все в порядке, Мик, — сказал он медленно. — Вкус был немного странный, но все в порядке.

Мик покотился со смеху и за ним все остальные начали корчиться от смеха, слезы текли по щекам, руки хлопали по бедрам, рты хватали воздух.

— Ой, Тим, ну ты даешь! Гарри думает, что ты стоишь шестьдесят центов на доллар. А я говорил - не больше, чем десять, и вижу, что был прав. Больше десяти центов на доллар за тебя не дать.

— В чем дело, — спросил Тим, ничего не понимая. — Что я сделал? Я знаю, что на целый доллар я не потяну, честно, Мик!

— Если в твоём сэндвиче была не сосиска, Тим, так что же там было? — со смехом спросил Мик.

— Ну, не знаю. — Тим сдвинул от напряжения свои золотистые брови. — Не знаю. Вкус какой-то другой.

— Ну так рассмотри хорошенько остатний кусочек!

Красивые руки Тима начали неловко возиться с кусочком сэндвича.

— Поиюхай! — приказал Мик, оглядываясь и вытирая слезы тыльной стороной ладони.

Тим поднес кусочек к носу, ноздри его вздрагивали, затем опять положил хлеб и сидел в полном недоумении.

— Я не знаю, что это, — сказал он трогательно.

— Это экскремент, дурная ты голова! — ответил Мик с отвращением. — Ну ты и дурак! До сих пор не знаешь что это, хоть и поиюхал?

— Экскремент? — повторил Тим, уставившись на Мика. — Что значит "экскремент", Мик?

Все повалились от нового приступа смеха, а Тим сидел и держал в пальцах остатки сэндвича, терпеливо ожидая, когда кончат смеяться и ответят ему.

— Экскремент, Тим, мой мальчик, это большой жирный кусок говна! — провыл Мик.

Тим задрожал, глотнул, в ужасе отбросил хлеб и сжавшись сидел, ломая руки. Все быстро отодвинулись в сторону, думая, что его вырвет, но его не вырвало. Он просто сидел и смотрел на них, пораженный горем.

Это случилось опять. Он опять насмешил всех, сделав

что-то глупое, но он не знал, что это и почему это смешно. Его отец говорил ему, что он должен быть всегда начеку. Он не был начеку, он просто с удовольствием ел сосиску, которая была вовсе не сосиской. Они говорят "кусочек говна", но откуда ему знать, какого вкуса говно, если он никогда не ел его раньше? И что тут смешного? Он не понимал. Он так хотел понять, смеяться со всеми и понимать.

Его большие синие глаза наполнились слезами, лицо исказилось от горя и он начал громко, как ребенок, рыдать, ломая руки и стараясь отодвинуться от них подальше.

— Черт бы вас побрал, грязные скоты! — заорала старушенция, выскакивая из двери, как гарпия, желтые и малиновые цветы платья мелькали вокруг нее. Она подошла к Тиму, взяла его за руки, потянула, чтобы он встал, и с яростью посмотрела на присмиревших мужчин.

— Пойдем, милоч, пойдем со мной, я дам тебе что-то вкусное, чтобы отбить эту мерзость. — успокаивала она его, похлопывая по рукам и поглаживая по голове.

— А что касается вас всех, — прошипела она с такой злостью, что Мик отпрянул, — я надеюсь, что вы провалитесь в яму, задницей вперед на толстую железную пику! Вас всех стоит выпороть кнутом за это. А ты, Гарри Маркхэм, присмотри, чтобы работа была закончена сегодня же! И чтоб я больше вас никогда не видела!

Квохча, она повела Тима в дом.

Мик пожал плечами:

— Чертовы бабы! Ни одной никогда не встречал с чувством юмора. Ну пошли, надо сегодня заканчивать, надоело до смерти.

Миссис Паркер повела Тима в кухню и усадила там.

— Бедный ты глупыш, — сказала она, подходя к холодильнику. — Не знаю, чего эти чертовы мужики находят забавного в том, чтобы дразнить дурачков и собак. Послушай ка, гогочут, как лошади, смешно им! Я бы испекла им шоколадный торт и посыпала говном, раз это им так смешно. Ты, бедняжка, тебя даже не вырвало, а эти блевали бы целый час, велики герои!

Она обернулась к нему и смягчилась, так как он все еще плакал, крупные слезы текли по щекам, он всхлипывал.

— Ой, перестань, пожалуйста! — сказала она, вытаскивая бумажную салфетку из коробки. — Ну-ка, высморкайся, дурачок!

Он послушался, а затем терпеливо сносил, пока она вытирала ему лицо.

— Боже, какая жалость! — пробормотала она, глядя на его лицо.

Затем она бросила салфетку в мусорный бачок и пожала плечами:

— Да, так вот устроена жизнь, я полагаю. Нельзя иметь все, даже самым богатым и лучшим из нас, да, милочек? — Своей жилистой старой рукой она потрепала его по щеке. — Ну, милый, что ты больше любишь: мороженое с шоколадным сиропом или большой кусок джемового кекса с банановым кремом?

Он перестал всхлипывать и засиял улыбкой:

— О, джемовый кекс, миссис Паркер! Я люблю джемовый кекс, а больше всего банановый крем!

Пока он засовывал в рот кекс большой ложкой, она сидела против него и ворчала, что он ест слишком быстро и говорила, чтоб он помнил о хороших манерах.

— Жуй с закрытым ртом, милочек. Противно смотреть, когда кто ест с открытым ртом. Посмотри, как вымазался. И уберн локти со стола, будь хорошим мальчиком.

4

Мэри Хортон в этот вечер поставила машину в гараж в шесть тридцать. Она так устала, что у нее дрожали колени, пока она прошла несколько шагов до парадной двери. Целый день она яростно загоняла себя работой и преуспела наконец в этом настолько, что все ее чувства притупились и она ощущала только слабость.

Дом миссис Паркер был, как видно, закончен. Красные кирпичные стены исчезли под слоем сырой, серо-зеленой штукатурки. Как только она закрыла дверь, зазвонил телефон и она побежала поднять трубку.

— Мисс Хортон, это вы? — задребезжал голос соседки.

— Это Эмили Паркер, милочка. Послушайте, не могли бы вы кое-что для меня сделать?

— Конечно.

— Мне придется уехать сейчас, мой сын позвонил из Центральной, мне надо поехать и его забрать. Строители все закончили, но на заднем дворе еще полно мусору, и Гарри сказал, что придет и все вычистит. Приглядите вместо меня, ладно?

— Конечно, миссис Паркер.

— Спасибо, дорогая. До завтра.

Мэри вздохнула от огорчения. Все, что ей хотелось, это сесть в кресло перед широким окном, положить повыше ноги и как обычно вечером перед обедом не спеша выпить коктейль и почитать "Сидней Морнинг Геральд". Она устало прошла через гостиную и открыла бар. Рюмки у нее были дорогие и изящные. Она взяла с полированной полки фужер на длинной тонкой ножке. Она любила не очень сладкое шерри, которое смешивала сама. Закончив ритуал, она прошла на заднюю террасу дома.

Ее дом был лучше спроектирован, чем у миссис Паркер. Вместо задней веранды у нее был широкий внутренний дворик, вымощенный большими плитами. Он террасами спускался с трех сторон к лужайке, расположенной внизу на расстоянии пятнадцати футов. Дворик был очень красив, и в летнюю жару здесь всегда было прохладно, потому что по решетке над головой вился виноград и глициний. Летом она могла сидеть под навесом густой зелени, скрытая от солнца, а зимой обнаженные искривленные ветви свободно пропускали солнечные лучи, и было тепло. Весной же сиреневые гроздья цветов глицинии делали это место необычайно красивым, а поздним летом и осенью со шпалер свисали тяжелые гроздья сладкого винограда — красные, белые и фиолетовые.

В своих аккуратных черных туфлях она бесшумно шла по плитам. У нее вообще была кошачья походка, и она любила подходить к людям неслышно, чтобы увидеть их раньше, чем они заметят ее. Иногда очень полезно застаивать людей врасплох.

По краю дворика шла балюстрада из сварного, покрашенного белым, металла с рисунком в виде виноградных

гроздьей. В двух-трех шагах от нее ступеньки спускались к лужайке внизу. Она стояла, поставив фужер на балюстраду, и смотрела на задний двор миссис Паркер.

Солнце опускалось к горизонту. Мэри стояла, повернувшись лицом на запад, и если бы ей было не чуждо чувство прекрасного, она была бы поражена красотой открывавшейся панорамы. Между террасой и Синими Горами на расстоянии двадцати миль ничто не заслоняло перспективы, даже холмы Райда не поднимались выше, а скорее усиливали впечатление, придавая перспективе объемность. На небе не было ни облачка, ничто не омрачало вечера. И свет заката был прекрасен — темно-желтый с бронзовым оттенком. Он делал зелень еще более зеленой, а все остальное янтарным. Мэри прикрыла глаза рукой и осмотрела двор миссис Паркер.

Молодой человек, которого она видела утром, взметая тучи пыли, сгребал оставшийся мусор в одну кучу. Кажется, он весь сосредоточился на этой простой задаче. Он был все такой же полуголый, все такой же красивый и даже еще красивее в этом прозрачном воздухе вечера, нежели при резком солнечном свете. Забыв о коктейле, Мэри стояла и следила за ним, не осознавая ни себя, ни того, что ее охватило совершенно чуждое ей чувство.

Закончив мести, он вдруг поднял голову, увидел ее, махнул рукой в знак приветствия и исчез. Мэри вздрогнула, сердце ее забилося, как птица, и не задумавшись она пересекла аллею эвкалиптов, разделявших два сада, и проскользнула в щель между планками забора.

Очевидно он закончил работу, потому что держал в руках рабочую сумку и доставал оттуда одежду.

— Хэлло! — сказал он, улыбаясь без тени неловкости, как будто не имел никакого представления ни о своей красоте, ни о том, какое впечатление она производит на других.

— Хэлю, — ответила Мэри, но не улыбнулась, и почувствовала, что ее рука стала мокрой. Она взглянула и увидела, что коктейль расплескался — она совсем забыла о нем.

— Вы пролили свое питье, — заметил он.

— Да, какое идиотство, — осмелилась она сказать, ста-

раясь придать приятное выражение своему лицу.

На это он не мог ответить. Он просто стоял и смотрел на нее с интересом и улыбался.

— Вы бы хотели немного приработать? — наконец, спросила Мэри.

— А? — спросил он растерянно.

Она вспыхнула, глядя на него насмешливо своими темными глазами.

— Мне нужно постричь траву, а рабочего не было уже месяц, и я сомневаюсь, появится ли он опять. Я горжусь своим садом и в ужасе от того, как он выглядит. Но достать кого-нибудь для такой работы очень трудно. Поэтому я подумала, что раз вы работали в пятницу сверхурочно, то, может, вам нужны дополнительные деньги. Не смогли бы вы прийти завтра и постричь траву? У меня есть специальный трактор, так что вы справитесь легко.

— А? — повторил он, улыбаясь, но не так широко.

Она нетерпеливо пожала плечами:

— О, ради Бога! Если вы не хотите, так и скажите. Я просто хочу узнать, придете ли вы завтра постричь мою траву. Я заплачу больше, чем мистер Маркхэм.

Он подошел к дыре в заборе и с любопытством заглянул к ней во двор, затем кивнул.

— Да, постричь надо, правда. Я ее вам постригу.

Она проскользнула назад на свою сторону и повернулась к нему:

— Спасибо. Я это ценю, и вы не пожалеете, что согласились. Приходите завтра к кухонной двери и я дам вам инструкции.

— Хорошо, миссис. — ответил он серьезно.

— Вы не хотите узнать мое имя? — спросила она.

— Хочу. — улыбнулся он.

Эта его постоянная улыбка задела ее за живое, и она опять вспыхнула.

— Меня зовут мисс Хортон! — резко сказала она. — А как ваше имя, молодой человек?

— Тим Мелвил.

— Значит, увидимся завтра, мистер Мелвил. До свидания и спасибо.

— Пока. — сказал он, улыбаясь.

Когда она поднялась наверх и обернулась посмотреть во двор миссис Паркер, его уже не было. Коктейля тоже не было, последние капли пролились, когда она в рассеянности перевернула бокал, спеша укрыться от этого невинного снислого взгляда.

5

Прибрежный отель был очень популярным среди местных жителей. Люди стекались сюда со всех концов огромного, расплывшегося пригорода. Здесь подавали прекрасное пиво, хорошо охлажденное, было просторно, но каковы бы ни были причины популярности этого места, в нем всегда, когда он был открыт, царил веселье. В здании было несколько этажей, стены покрыты белой штукатуркой, по фасаду шли арки. До океана было не более полумили. Вид из отеля был великолепный - один из красивейших на западном побережье. Внизу находился пляж для серфинга. Большинство посетителей располагалось на открытой длинной веранде, которая во второй половине дня оказывалась в глубокой тени. И в жаркий вечер здесь было приятно посидеть и выпить. Солнце заходило за горы позади отеля, а впереди сверкал Тихий океан, откуда дул легкий бриз.

Рон Мелвил стоял на веранде с двумя приятелями и поглядывал то на берег внизу, то на часы. Тим опаздывал. Было уже почти восемь часов, а он должен был прийти самое позднее в шесть тридцать. Рон больше сердился, чем нервничал. Долгие годы научили его, что нервничать из-за Тима это верный путь к сердечному приступу.

Наступили короткие сиднейские сумерки, и сосны, окаймляющие прогулочную аллею у берега, стали из темно-зеленых черными. Начинаясь прилив, волны прибоя с шумом набегали на берег уже гораздо выше полосы пляжа, а тени становились все длиннее, уходя к самой воде. Автобусы, спускаясь с горы, шли вдоль парка и останавливались далеко внизу. Рон увидел, как один из них, взвизгнув, остановился. Он оглядел выходящих пассажиров, ища светлую голову Тима. Рон ее заметил и сразу же отвернулся.

— Там Тим приехал, так что я пойду и закажу ему пива. Еще пройдемся разок? — спросил он небрежно.

Когда он вышел опять, уже загляли уличные фонари, а Тим стоял и улыбался приятелям Рона.

— Хэлло, пап, — сказал он Рону, улыбаясь

— Добрый день, приятель, где это ты был? — спросил сердито отец.

— Мне пришлось закончить работу. Гарри не хотел возвращаться в понедельник.

— Ладно, сверхурочные не повредят.

— А у меня еще одна работа, — важно сказал Тим, взяв из рук отца стакаи с пивом и опороживив его одним глотком.

— Здорово. Можно мне еще, пап?

— Через минутку. Какая еще работа?

— А, это... Леди, соседка, хочет чтобы я у нее постриг завтра траву.

— Чья соседка?

— Соседка, где мы сегодня работали.

Кели Кампбел фыркнул.

— Ты спросил, где траву подстригать, Тим? Внутри или снаружи?

— Заткнись, Кели, — огрызнулся Рон. — Ты знаешь, Тим не понимает таких шуток.

— Ее трава стала слишком длинной и ее надо постричь, — объяснил Тим.

— Ты согласился? — спросил Рон.

— Да, пойду завтра утром. Она сказала, что заплатит мне, и я подумал, что ты не будешь против.

Рон посмотрел на красивое лицо Тима и усмехнулся. Если у этой леди есть какие-то соображения на его счет, то пять минут с Тимом живо ее отрезвят. Ничего не охлаждало их пыл так быстро, как открытие, что у Тима не все дома. А если и это их не обескураживало, то они скоро убеждались, что соблазнить Тима - пустой номер, так как он понятия не имел, чего от него хотят. Рон научил сына давать тягу, как только он заметит, что женщина проявляет слишком большую настойчивость в его адрес. Тим легко постиг эту науку - он вообще боялся всего.

— Можно мне еще пива, пан? — снова попросил Тим.

— Хорошо, сынок. Пойди и попроси Флорри еще кру-

жечку. Думаю, ты ее заработал.

Мелвилы, отец и сми, ушли из Прибрежного около девяти и быстро миновали ряды ярко освещенных молочных баров, игровых кафе и пивных лавок на дальнем конце парка. Рои проворно провел сына через две улицы, стараясь срезать дорогу, чтобы миновать болтающихся там проституток: они слишком возбуждались при виде Тима.

Дом Мелвилов находился на Серф Стрит, но не в том шиварном квартале, где жил жокей Нобби Кларк. Они легко забрались по невероятно крутому склону, даже не запыхавшись, так как оба работали строителями и были в прекрасной физической форме. Перевалив на другую сторону и спустившись в небольшую долину, которая лежала между двумя холмами, они свернули в боковую калитку обычного кирпичного дома на две семьи.

Женская часть семьи Мелвилов давно уже пообедала, но когда Рои и Тим вошли в заднюю дверь, Эсме Мелвил вышла из гостиной и встретила их в кухне.

— Ваш обед уже испортился, — сказала она без особого возмущения.

— Ладно, Эс, ты всегда так говоришь. — улыбнулся Рои, садясь за кухонный стол, где все еще было накрыто для него и Тима. — Чего поесть?

— Как будто тебе не все равно, когда ты нальешься пивом, — ответила Эсме. — Сегодня же пятница, отец. А что ты всегда ешь в пятницу? У меня рыба и чипсы, как всегда.

— Ой, здорово. Рыба и чипсы, — воскликнул Тим, просяв. — Мам, я люблю рыбу и чипсы!

Мать нежно посмотрела на него и слегка потрепала его густые волосы. Это было ее единственным проявлением нежности. "Что бы я тебе ни дала, милый, — подумала она, — ты все равно скажешь, что это твоё любимое".

Она поставила полные тарелки жирной рыбы и жареной картошки перед каждым из мужчин и ушла назад в гостиную. Там по телевизору шла уже уйму раз повторившаяся картина под названием "Коронейшен Стрит". Картина была из жизни английского рабочего класса, и Эсме обожала ее. Она бывало смотрела ее и думала о своем хорошем большом доме и саде, о хорошей погоде, о теннисе и

вдвжж и от всего сердца жалела обитателей Коронейшем Серит. Если уж быть рабочим, то жить надо только в Австралии, думала она.

Тим не сказал ни отцу, ни матери, о том, что ел смывач с экскрементами, потому что он совсем забыл об этом. Отец с сыном покончили с рыбой и картошкой, оставили пустые тарелки на столе и пошли в гостиную.

— Послушай, Эс, время для крикетных новостей, — сказал Рон, переключая канал.

Его жена вздохнула.

— Жаль, что ты не задержался подольше, я могла бы посмотреть картину с Джоан Крофорда, а то все этот спорт да спорт!

— Ну, дорогуша моя, если Тим получит за сверхурочную работу, куплю я тебе телевизор. Будет твой собственный, — пообещал Рон, обрасывая ботинки и вытягиваясь во весь рост на диване. — Где Донни?

— А с каким-то парнем, наверно.

— Кто на этот раз?

— Черт те знает, милый. Я о ней никогда не волнуюсь. Слишком она у нас умна, чтобы попасть в неприятности.

Рон смотрел на сына:

— Сгранные штуки жизнь выкидывает, а Эс? У нас самый красивый парень в Сиднее, а ума в голове ни на грош. Все, что умеет, так это досчитать до десяти и написать свое имя, а Донни, и не стараясь, получит золотую медаль в университете.

Эсме взяла вязанье и печально взглянула на Рона. Да, он переживает, бедняга. Но се Рон делал для Тима все, как нужно, следил за ним, но не давил, не обращался с ним, как с младенцем. Разве он не позволял мальчику выпивать с ним, разве он не настаивал, чтобы Тим зарабатывал себе на хлеб сам, как нормальный парень? И это правильно, потому что они с Роном уже не молодые. Рону почти семьдесят, она всего на шесть месяцев моложе. Вот по этому Тим, поздний ребенок, и родился умственно отсталым. Так говорили ей врачи. Ему сейчас двадцать пять, и он был у них первым. И ей и Рону было куда как за сорок, когда родился Тим. А потом, год спустя, родилась Донни, совершенно нормальная. Бывзет, сказали врачи. Когда женщина начинает

рожать после сорока, перворожденному приходится хуже всего.

Она опустила глаза на Тима, который сидел в своем кресле у дальней стены возле телевизора: он, как маленький ребенок, любил сидеть поближе. Он сидел там, прелестный, добрый мальчик, глаза его сияли. Он с жаром аплодировал каждому забитому мячу. Она вздохнула и уже в миллионный раз подумала, что будет с ним, когда она и Рон умрут. Дони, конечно, придется присматривать за Тимом. Она очень любила брата, но ведь может придти день, когда ей надоеет учиться и она решит выйти замуж. А нужен ли будет ее мужу такой человек, как Тим? Эсме сомневалась в этом. Кому нужен взрослый пятилетний ребенок, если это не твоя плоть и кровь?

6

В субботу был такой же безоблачный и такой же жаркий день, как в пятницу, поэтому Тим, отправившись из дома в шесть утра, надел спортивную рубашку с короткими рукавами, сшитые на заказ шорты и носки до колен. Его мать всегда следила за тем, как он одет, готовила ему завтрак, запаковывала еду на день, проверяла, есть ли у него чистые рабочие шорты и достаточно ли денег, чтобы не возникло никаких затруднений.

Когда Тим постучал в дверь к Мэри Хортон, было всего семь утра и она крепко спала. Неровной походкой она прошла босиком через весь дом к кухонной двери, наскоро накинув темно-серый халат на пижаму и нетерпеливо откидывая с лица пряди волос.

— Боже, вы всегда приходите в семь утра? — пробормотала она, протирая сонные глаза.

— Да, мне надо начинать работу в семь, — ответил он, улыбаясь.

— Ну, раз уж вы здесь, я покажу, что надо делать, — решительно сказала Мэри и направилась вниз по ступеням дворика, через лужайку к маленькому домику, скрытому зарослями папоротника.

Папоротник этот скрывал склад садового оборудования, инструменты и удобрения. Маленький, новейшей модели трактор стоял внутри, покрытый водонепроницаемым чехлом на тот случай, если будет протекать крыша, чего, конечно, у Мэри Хортон не могло произойти.

— Вот трактор и приспособление для стрижки травы, уже прицепленное. Можете им управлять?

Тим снял чехол и любовно погладил сияющую поверхность:

— Какой красавиц!

Мэри подавила в себе нетерпение:

— Красавиц или нет, неважно. Можете вы работать на нем, мистер Мелвил?

— О, да! Папа говорит, я здорово управляюсь с машинами.

— Как приятно. — заметила она насмешливо. — Вам понадобится что-нибудь еще, мистер Мелвил?

Синие глаза смотрели на нее с удивлением.

— Почему вы меня все время зовете мистер Мелвил? — спросил он. — Мистер Мелвил — это мой отец, а я просто Тим.

— Боже, — подумала она, — он просто ребенок. — Но вслух сказала:

— Ну, я вас оставляю. Если вам что-нибудь понадобится, постучите в кухонную дверь.

— Ага, миссис, — радостно воскликнул он, улыбаясь.

— Я не миссис, — резко заметила она. — Мое имя Хортон, мисс Хортон!

— Ага, мисс Хортон, — согласился он, ничуть не смутившись.

Когда она вернулась в дом, сон совсем прошел, и она отказалась от мысли поспать еще часика два-три. С минуты на минуту он заведет трактор, и все будет кончено. Дом был оборудован кондиционером и в нем было всегда прохладно и сухо. Но приготовив тост и чай, Мэри решила, что приятно будет посидеть на террасе. Кроме того, можно будет присмотреть за новым садовником.

Маленький поднос она вынесла уже одетая, как всегда бывала одета в выходные: простое хлопчатобумажное платье без единой морщинки, безукоризненно сшитое. Во-

досы, которые на ночь она заплетала в длинную косу, были уложены кольцом на затылке. Мэри никогда не носила шлепанцев или сандалий, даже когда она приезжала в свой коттедж на берегу океана недалеко от Госфорда. Как только она вставала с кровати, она надевала плотные колготки и крепкие черные ботинки.

Косилка мягко гудела уже минут двадцать, когда Мэри села за белый столик из сварного железа у балюстрады и налила себе чашку чая. Тим работал на дальнем конце, где двор подходил к старым глиняным разработкам. Работал он так же медленно и методично, как он работал на Гарри Маркхэмз. Когда он заканчивал полосу, то сходил с трактора, чтобы убедиться, что следующая полоса пойдет внахлест. Она сидела, прихлебывая чай, а глаза ее не отрывались от фигуры вдалеке. Пока она не давала себе труда проанализировать свои ощущения или даже задуматься над ними. Ей не приходило в голову удивиться, почему она так пристально следит за ним. Она понимала, что он чем-то очаровал ее, но ни на минуту не думала, что под этим может скрывать что-то серьезное.

— Добрый день, мисс Хортон! — послышался хриплый голос, и старушечка в своем ярком платье хлопнула на стул рядом.

— Добрый день, миссис Паркер. Не выпьете ли чашечку чая? — довольно холодно сказала Мэри.

— О, милочка, звучит заманчиво. Нет, нет, не вставайте, я сама найду чашку.

— Да мне все равно нужно еще заварить.

Когда она вернулась с чайником и тостами, миссис Паркер сидела, подперев подбородок рукой и следила за Тимом.

— Хорошая мысль заставить Тима постричь лужайку. Я заметила, что вашего типа уже давно не видно. Здесь мне повезло. Один из моих сыновей всегда приходит косить у меня, но у вас-то нет сына.

— Я сделала, как вы просили вчера, последняя, чтобы убрали мусор, — сказала Мэри. — Там и увидела Тима, его оставили убирать одного. Я и предложила ему подзаработать.

Миссис Паркер пропустила мимо ушей последнюю

фразу.

— Вот это похоже на них! Грязные свиньи! — окрысилась она на строителей. — Недостаточно того, что они издевались над беднягой днем, так оставили доделывать их работу, а сами подались в паб. Нахально ввали, что вернутся и все уберут. Я еще сброшу пару сотен со счета этого мистера Гарри Маркхэма, погодите!

Мэри поставила чашку и воззрилась на миссис Паркер:

— Чем вы так уж возмущены, миссис Паркер?

Внушительный бюст миссис Паркер, охваченный ярким халатом, вздымался и опускался.

— А вы бы не возмущались? О, я совсем забыла, ведь я вас вчера вечером не видела и не рассказала, что эти жалкие ублюдки сотворили с беднягой. Иногда, клянусь, мне кажется, что я могла бы убить всех мужчин на свете! У них нет никакой жалости к слабому, если, конечно, он не пьян или не такой же, как они сами. А вот к Тиму, который честно работает и зарабатывает себе на жизнь, к такому они не чувствуют никакой жалости. Насмешничают и издеваются, а он, бедный дурачок, этого даже не понимает. Чем он виноват-то, что родился таким? Какая жалость! Подумать только, парень такой красивый и умственно отсталый! Я прямо плакать готова. Подождите, сейчас я вам расскажу, что они проделали с ним вчера на перекуре...

Гнусавым голосом миссис Паркер монотонно рассказывала Мэри отвратительную историю, но она слушала вполуха. Взор ее был прикован к склоненной золотистой голове в дальнем конце двора.

Вчера поздно вечером, перед тем как лечь спать, она перерыла все полки в библиотеке в поисках лица, похожего на него. "Может быть, Ботичелли?" — думала она, но найдя альбом с репродукциями, отложила его в сторону. Лица у Ботичелли были или слишком мягкими, слишком женственными, или порой хитрыми и злобными. Только в древних греческих и римских статуях нашла она что-то общее с Тимом. Возможно, потому что такой тип красоты лучше выражался в камне, чем на полотне. Тим был существом трех измерений. И как она сожалела, что у нее не было таланта, чтобы увековечить его.

Ее охватило ужасное, невероятное чувство разочарова-

ния и захотелось заплакать. Она забыла о миссис Паркер. Как горько было узнать, что трагическая складка около рта у Тима и его задумчивые удивленные глаза выражали лишь пустоту, что искра его души давно потухла. Он был как собака или кошка, которых держат потому, что на них приятно смотреть и они тебя любят и тебе слепо верны. Но они не могут разумно ответить, не могут стать собеседниками. Зверь просто сидит, смотрит и любит. Как это делал Тим, Тим-простачок. Когда его обманом заставили съесть гадость, его не вырвало, как вырвало бы любого нормального человека. Вместо этого он плакал, как заскулила бы обиженная собака, и опять бы утешилась перспективой съесть что-нибудь вкусное. Бездетная, не знавшая любви, Мэри Хортон не имела эмоционального опыта и не могла понять то новое, пугающее, что она чувствовала. Тим был отсталым в умственном отношении, но такой же отсталой, но в эмоциональном отношении, была и она. Она еще не знала, что Тима можно любить как раз из-за его слабоумия, не говоря уже о том, что несмотря на это, она воображала, как познакомит его с Бетховеном и Прустом и начнет развивать и обогащать его разум, как он станет понимать музыку, литературу, искусство и, наконец, будет таким же прекрасным внутренне, как и внешне. Но он был простачок - бедненький слабоумный. Здесь, в Австралии, называли таких особо грубовато, но выразительно: переводили интеллект в деньги и выражали его в денежных единицах. Тот, у кого "не хватало", был для них "не целый доллар", и оценка его интеллекта выражалась в центах. Человек мог стоить девять центов, а мог и все девяносто, но все равно он был не целый доллар.

Миссис Паркер даже не замечала, что Мэри почти не слушает ее. Она с удовольствием болтала о бесчувственности мужчин, выпила несколько чашек чая, ответила на свои собственные вопросы и, наконец, поднялась, собираясь уходить.

— Ну, счастливенько, дорогуша, и спасибо за чай. Если у вас ничего вкусенького не припасено в холодильнике, посылайте его ко мне, я его покормлю.

Мэри рассеянно кивнула. Гостья спустилась по ступеням и исчезла, а она вернулась к размышлениям о Тиме.

Взглянув на часы, она увидела, что время подбирается к девяти и вспомнила, что рабочие, работающие на открытом воздухе, любят пить утресний чай в девять. Она зашла в дом, заварила новый чай, вытащила из морозилки шоколадный кекс, оттаяла его и залила свежевзбитыми сливками.

— Тим! — крикнула она, поставив поднос на стол под виноградом.

Солнце уже показалось над крышей и на ступенях стало жарко.

Он поднял голову, помахал ей и немедленно остановил трактор, чтобы услышать, что она кричит.

— Тим, идите и выпейте чашку чая!

Его лицо просияло, и он стал похож на предвкушающего удовольствия щенка. Он соскочил с трактора, нырнул в домик за папоротники, появился с пакетом в руках и взбежал наверх, прыгая через ступеньку.

— Ой, спасибо, что вы меня позвали, мисс Хортон, мне не уследить за временем, — сказал он радостно, садясь на стул, который она указала и послушно ожидая, когда она разрешит ему начать есть.

— Можешь ты сказать, сколько времени, Тим? — спросила она деликатно, удивляясь сама на себя.

— О, нет, не очень. Вообще-то я знаю, когда время идти домой. Это когда большая стрелка наверху, а на три штучки ниже. Три часа. Но у меня нет своих часов, потому что папа говорит, что я их потеряю. А я и не беспокоюсь. Кто-нибудь всегда говорит мне время, время когда готовить чай в перекур, или когда перерыв на ланч, или когда идти домой. Я ведь не целый доллар, но все это знают, так что все в порядке.

— Да, наверно, так, — печально ответила она. — Ешь, Тим. Этот кекс для тебя.

— О, хорошо. Я люблю шоколадный, особенно, когда много сливок, как этот! Спасибо мисс Хортон!

— Какой ты любишь чай, Тим?

— Без молока и много сахару.

— Много сахару? Сколько, именно?

Он нахмурился и поднял все измазанное кремом лицо.

— Ох, не помню. Я просто сыплю сахар, пока чай не

потечет на блюдце, тогда я знаю, что хватит.

— Ты когда-нибудь ходил в школу, Тим? — осторожно спросила она, опять начиная интересоваться им.

— Не долго. Но я не могу учиться, и они не стали заставлять меня ходить. Я оставался дома и присматривал за мамой.

— Но ты все-таки понимаешь, что тебе говорят, и ты самостоятельно управлял трактором!

— Некоторые вещи легко делать, а вот читать и писать ужасно трудно, мисс Хортон.

Мэри, продолжая удивляться сама себе, потрепала его по голове. Помешав чай, она сказала:

— Тим, это неважно.

— Вот и мам так говорит.

Он покончил с кексом, вспомнил, что у него есть сэндвич из дома, съел и его и запил это все тремя большими чашками чая.

— Здорово, мисс Хортон, прямо супер! — он вздохнул и посмотрел на нее с восторгом.

— Меня зовут Мэри. И ведь гораздо легче сказать Мэри, чем мисс Хортон, правда? Почему бы тебе не называть меня Мэри?

Он взглянул на нее с сомнением:

— А так будет правильно? Пап говорит, что старых людей в должен называть только мистер, миссис или мисс.

— Иногда допустимо и по имени, если это друзья.

— А?

Она опять сделала попытку, мысленно убрав все трудные слова из своего словаря.

— Я не такая уж старая, Тим. Просто у меня седые волосы, и от этого я кажусь старше. Не думаю, что твой папа будет возражать, если ты назовешь меня Мэри.

— А разве седые волосы не значит, что человек старый, Мэри? Я всегда думал, что да. У папы волосы седые и у мамы тоже. И я знаю, что они старые.

"Ему двадцать пять, — подумала Мэри, — значит, его отец и мать постарше, чем я", — но она сказала:

— Ну, я моложе, чем они, и поэтому я еще не старая.

Он встал.

— Мис пора работать. У вас лужайка очень большая.

Надеюсь, закончу вовремя.

— Ну, если не закончишь, то можно это сделать в другой день. Если хочешь, приходи в другой раз и закончи.

Он серьезно обдумывал проблему:

— Я думаю, я бы пришел, если пап скажет можно. — Он улыбнулся ей. — Ты мне нравишься, Мэри. Ты мне нравишься гораздо больше, чем Мик, и Гарри, и Джим, и Билл, и Кели, и Дейв. Ты мне нравишься больше всех, кроме папы и мамы и моей Донн. Ты хорошенькая, и у тебя красивые белые волосы.

Мэри была потрясена, сотни самых противоречивых чувств охватили ее, но она справилась и сумела улыбнуться.

— Ну, спасибо, Тим. Ты очень любезен.

— О, не за что, — сказал он небрежно и поскакал вниз по ступеням, приставив руки к ушам и размахивая ими.

— Вот как я умею изображать кролика, — крикнул он с лужайки.

— Очень похоже, Тим. Я сразу догадалась, что это кролик, как только ты начал скакать, — ответила Мэри.

Она собрала посуду и унесла в дом. Да, ей было очень трудно вести с ним разговор. Он как ребенок, а она никогда не имела дела с детьми с тех пор, как сама перестала быть ребенком. А молодой она по-настоящему и не была. Но она обладала чуткостью в достаточной мере, чтобы почувствовать, что Тима легко обидеть, что она должна следить за тем, что говорит, держать под контролем нетерпение и раздражение. Если она даст ему почувствовать свой острый язык, то он и слов-то не поймет, но угадает смысл сказанного. Вспомнив, как она резко оборвала его пакануне, решив, что он нарочно изображает из себя тупого, она расстроилась. Бедный Тим! Он так уязвим! Она ему понравилась, он подумал, что она хорошенькая, потому что у нее были такие же совсем белые волосы, как у его отца и матери.

Почему же выражение его рта такое печальное, если он мало знает о жизни?

Она вывела машину и поехала в супермаркет, чтобы сделать покупки до ланча, потому что в доме у нее не было ничего такого, что бы ему особо понравилось. Шоколадный

кекс был просто на случай, если бы кто зашел, а сливки принес молочник просто по ошибке. Она знала, что Тим принес свой ланч с собой, но, возможно, ему будет мало или его удастся соблазнить гамбургером или горячими сосисками, которые так любят есть дети на праздниках.

— Ты когда-нибудь ловил рыбу, Тим? — спросила она за ланчем.

— О, да, я люблю ловить рыбу, — ответил он, принимаясь за третью сосиску. — Папа иногда берет меня на рыбалку, когда не очень занят.

— А он часто занят?

— Ну, он ходит на бег, и на крикет, и на футбол, и на все такое. Я с ним не хожу, потому что мне плохо в толпе. Когда много людей и шум, у меня болит голова и в пузе что-то странное делается.

— Ну тогда я как-нибудь возьму тебя на рыбалку, — сказала она, но не стала развивать тему.

К середине дня он закончил задний двор и пришел спросить насчет сада перед домом. Она посмотрела на часы.

— Думаю, не стоит сегодня об этом беспокоиться, Тим, тебе уже пора домой. Приходи в следующую субботу и выкосишь передний двор, если тебе папа позволит.

Он радостно кивнул:

— Хорошо, Мэри!

— Пойди возьми в папоротниковом домике свой мешок, Тим. Ты можешь переодеться в ванне и посмотреть, все ли у тебя в порядке.

Интерьер ее дома, строгий и чистый, очаровал его. Он бродил по гостиной, погружал пальцы босых ног в пушистый ковер с выражением полного блаженства на лице, гладил жемчужно-серую обивку стен и мебели.

— Здорово, Мэри, какой дом! — с энтузиазмом восклицал он. — Все такое мягкое и прохладное.

— Пойдем, посмотришь мою библиотеку. — Она так решила показать ему свою гордость и источник радости, что взяла его за руку.

Но библиотека совсем не произвела на него впечатления, наоборот, она испугала его и он чуть не заплакал.

— Ой, сколько книг, — он задрожал и бросился вон, хотя видел, что она разочарована.

Ушло несколько минут, чтоб его успокоить и погасить его странный страх перед библиотекой. После этого она старательно избегала показывать ему что-нибудь интеллектуальное.

Придя в прежнее восторженное состояние, он проявил способность к критике и упрекнул ее в том, что в доме нет ярких цветовых пятен.

— Все такое красивое, Мэри, но все одного цвета! — убеждал он. — Почему нет ничего красного? Я так люблю красное!

— Скажи мне, какой это цвет? — спросила она, протягивая красную шелковую закладку для книг.

— Красный, конечно, — ответил он.

— Ну тогда я посмотрю, что я могу сделать, — пообещала она.

Она дала ему конверт с тридцатью долларами, что было гораздо больше, чем мог заработать в Сиднее любой рабочий.

— Мой адрес и телефон написаны на листке внутри, — наставляла она его, — и я хочу, чтобы ты дал его твоему отцу, когда придешь домой, чтобы он знал, где я живу и как со мной связаться. Не забудь отдать ему конверт. Не забудешь?

Он обиженно посмотрел на нее:

— Я никогда не забываю, если мне скажут как следует.

— Извини, Тим. Я не хотела тебя обидеть, — сказала Мэри Хортон, которая никогда нисколько не заботилась о том, обидят ли ее слова кого-нибудь или нет. Не то, чтобы она обычно говорила неприятные вещи, нет, она их, конечно, избегала, но из соображений такта, дипломатии или хороших манер, а вовсе не потому, что может причинить кому-то боль.

Она помахала ему рукой с крыльца, так как он не согласился, чтобы она отвезла его на станцию на машине. Когда он прошел по улице несколько ярдов, она подошла к воротам, облокотилась о них и следила за ним, пока он не свернул за угол.

Для любого, кто видел его на улице, он казался удивительно красивым молодым человеком с широкой походкой, высоким и здоровым — весь мир у ног такого! Это как шут-

ка, думала она, шутка, какой развалюкались греческие боги, смеясь над своими творениями-людьми, когда те слишком зазнавались или забывали, чем они обязаны богам. Тим Мелвил должен вызывать у них гомерический хохот!

7

Рон как всегда, был в Прибрежном отеле, но для субботы пришел слишком рано. Утром он наполнил свою сумку холодильником пивом и отправился на крикетный матч. Он был одет в шорты, плетенные сандалии и расстегнутую рубашку, чтобы подставить голую грудь морскому бризу. Кели и Дейв почему-то не пришли, а лежать на траве на холме и дремать одному было не интересно. Пару часов он там проторчал, но крикет-игра, которая идет черепашьям шагом, а лошади, на которых он ставил, пришли последними. Так что около трех он опять сложил пиво в сумку, взял радио и отправился в отель. Ему никогда бы не пришло в голову пойти домой. Эс со своими приятельницами играла по субботам в теннис в своем клубе, который назывался "Хи-хи". Дони сейчас с каким-нибудь из своих приятелей, а Тим работает, так что в доме никого не будет.

Когда чуть позже четырех появился Тим, Рон был очень рад этому и купил ему большую кружку пива.

— Как дела, дружок? — спросил он, когда они стояли, опершись спинами о колонны и глядя на море.

— Здорово, пап! Мэри очень хорошая леди.

— Мэри? — Рон, удивленный и настороженный, внимательно посмотрел на Тима.

— Мисс Хортон. Она позволила мне называть ее Мэри. Я сначала встревожился, но она сказала, что все в порядке. Все в порядке? Правда, пап? — спросил он с тревогой, чувствуя что-то необычное в реакции отца.

— Не знаю, дружок. А какая из себя эта мисс Хортон?

— О, прекрасная, пап. Она угостила меня такими вкусными вещами и показала мне весь дом. Там кондиционер, пап! Такая мебель красивая и ковер, но все серое, и я спросил, почему у нее нет ничего красного, и она сказала, что

посмотрит, что может сделать.

— Она трогала тебя, дружок?

Тим посмотрел на Рона ничего не понимая:

— Трогала меня? Не знаю. Наверно, да. Она взяла меня за руку, когда показывала свои книги. — Он скорчил гримасу. — Мне не понравились книги, слишком их много.

— Она хорошенькая дружок?

— О, да! У нее очень красивые белые волосы, как у тебя или у мамы, только еще белее. Поэтому я не знаю, правильно ли сделал, что назвал ее Мэри, потому, что ты и мам всегда говорите мне, что называть старых людей по имени невежливо.

Рон расслабился.

— Ох! — Он игриво хлопнул сына по плечу. — Ну ты и заставил меня поволноваться, скажу я тебе. Она старушка, да?

— Да.

— Она тебе заплатила, как обещала?

— Да, здесь в конверте. Там ее фамилия и адрес. Она велела отдать его тебе в случае, если ты захочешь поговорить с ней. А почему ты хочешь поговорить с ней, пап? Я не понимаю, почему тебе надо с ней поговорить.

Рон взял конверт.

— Я не хочу разговаривать с ней, дружок. Ты закончил работу?

— Нет, у нее слишком большая лужайка. Если ты не возражаешь, она хочет, чтобы я выкосил траву перед домом в следующую субботу.

В конверте были три хрустящие банкноты по десять долларов. Рон смотрел на них и четкий, ясный почерк, говорящий об образовании и высоком положении Мэри Хортон. Глупые молодые девушки или одинокие домохозяйки так не пишут, решил он. Тридцать долларов за дневную работу в саду! Он положил банкноты в свой бумажник и похлопал Тима по спине.

— Ты хорошо сделал, дружок, и можешь пойти в следующую субботу и докончить ее лужайку, если хочешь. В общем-то, она так платит, что можешь работать на нее в любое время, когда она захочет.

— Ой, спасибо, пап! — Он помахивал пустой кружкой,

намекая - можно ли мне еще пива?

— Почему ты не научишься пить медленно, Тим?

Лицо Тима выразило сильное огорчение.

— Ой, я опять забыл! Я хотел пить медленно, пап, но было так вкусно, что взял и забыл.

Рон пожалел, что сделал ему замечание.

— Неважно, дружок, не расстраивайся. Пойди и попроси у Флори еще кружечку.

Пиво, крайне крепкое в Австралии, казалось не оказывало никакого действия на Тима. Некоторые слабоумные чуть не сходят с ума, когда лишь понюхают грог, удивлялся Рон, а у Тима ни в одном глазу, когда его старший отец уже под столом валяется. Парень еще и домой его отнесет.

— Кто эта Мэри Хортон? — спросила Эс, когда они отправили Тима спать.

— Какая-то старая особа из Артармона.

— Тиму она очень понравилась, правда?

Рон подумал о тридцати долларах в бумажнике и безучастно посмотрел на жену.

— Наверное. Она к нему ласкова, а, работая у нее в саду по субботам, он будет занят и ни во что дурное не влезет, по крайней мере.

— И тебя освободит, чтоб болтаться по пабам и скачкам с друзьями, это ты хочешь сказать? — наученная долгими годами супружества, объяснила Эс.

— Ну, черт побери, Эс, что за гадости ты говоришь человеку!

— Хм, — фыркнула она, откладывая вязанье. — Правда-то глаза колет? Она заплатила ему, а?

— Несколько долларов.

— Которые ты прикарманил, конечно.

— Ну, уж не так-то много. Что ты ожидала заплатят за чертову лужайку, ты, недоверчивая старая цеплялка? Целое состояние что ли, черт побери?

— Пока у меня хватает на домашнее хозяйство, дружок, мне плевать, сколько она ему заплатила!

Она встала, потянулась.

— Чайку выпьешь, милоч?

— Ага, было бы здорово. Где Доин?

— Откуда я, прах побери, знаю? Ей двадцать четыре, и

она сама себе хозяйка.

— Пока над ней не появилось хозяина...

Эс пожалала плечами:

— Дети думают не так, как мы, мой дорогой, и ничего тут не поделаешь. А кроме того, хватит у тебя пороха спросить Дони, где она была и с кем она водит шашни?

Рон последовал за Эс на кухню и сказал, ласково хлопнув ее по заду.

— Ну нет! Она как посмотрит сверху вниз и как начнет высказываться!.. А если в этих слов совсем не понимаю, то приходится чувствовать себя круглым дураком.

— Ох, Рон, дорогой, если бы Бог поделил мозги между нашими детьми посправедливее хоть немного. — вздохнула Эс и поставила чайник на огонь. — Если бы Он разделил их пополам, то обоим бы хватило и было бы все в порядке.

— Да ладно, слезами горю не поможешь, есть какой-нибудь кекс?

— Фруктовый или с тмином?

— С тмином, мать.

Они сели за стол друг против друга и уплели половинку кекса с тмином, запив его тремя чашками чая каждый.

8

Всю рабочую неделю в офисе компании "Констэбл Стил сил Майнинг" Мэри Хортон, поддерживаемая самодисциплиной, провела так, как будто Тим Мелвин никогда не входил в ее жизнь. Как обычно, она сбрасывала пиджак перед тем, как войти в туалет, вела все дела Арчи Джонсона, а также снимала стружку со всех семнадцати машинисток, посыльных и клерков. Но по вечерам, дома, она обнаруживала, что книги не увлекают ее, и проводила время на кухне, изучая кулинарные рецепты и экспериментируя с кексами, соусами и пудингами. Наставления Эмили Паркер дали ей лучше понять вкусы Тима, и она хотела, чтобы когда он придет в субботу, ей было чем его угостить.

Одни раз во время обеденного перерыва она поехала в северную часть Сиднея к декоратору и купила очень доро-

гой кофейный столик рубинового стекла. Затем нашла диванчик, обитый давленным бархатом такого же цвета. Этот удар яркого, вибрирующего цвета сначала подействовал ей на нервы, но попривыкнув, она вынуждена была признать, что гостиная только выиграла. Голые, жемчужно-серые стены вдруг потеплели, и она подумала, что, может быть, Тим, как многие примитивные люди, обладает инстинктивным чувством красоты. Возможно, когда-нибудь она возьмет его с собой в музей и посмотрит, что там откроют его глаза.

В пятницу она легла очень поздно, ожидая, что вдруг позвонит его отец и скажет, что не хочет, чтобы его сын работал садовником в свои выходные дни. Но звонка не последовало, и на следующее утро, ровно в семь часов, разбудил ее стук Тима. На этот раз она сразу завела его в дом и спросила, не выпьет ли он чаю, пока она одевается.

— Нет, спасибо, все в порядке, — ответил он, его синие глаза сияли.

— Тогда зайди в маленький туалет, там за прачечной и пересоденься, пока и я оденусь. Я хочу тебе показать, что нужно сделать в саду.

Вскоре она, как всегда кошачьей поступью, вернулась в кухню, тихо остановилась в дверях и смотрела на него, вновь пораженная его абсолютной красотой. Как ужасно, как несправедливо, думала она, что такая удивительная оболочка скрывает такое простодушное существо. Затем ей стало стыдно. Возможно, это и было причиной его красоты, возможно, его путь к греху и остановился, когда он был еще невинным ребенком. Если бы он развивался нормально, он, возможно, выглядел бы совсем по-иному, действительно, как из полотнах Ботичелли — самодовольно улыбающийся, с жизненным опытом, который просвечивал бы за взглядом голубых глаз. Тим не принадлежал к числу взрослых людей, он был только намеком на них.

— Пойдем, Тим, я тебе покажу, что надо сделать в саду перед домом, — сказала она, выходя из задумчивости.

Цикады вопили и трещали из каждого куста и с каждого дерева. Мэри заткнула уши, сделала гримасу Тиму и бросилась к своему единственному оружию — к шлангу.

— Не помню другого года, когда бы цикады так буйст-

воваали. — сказала она, когда шум немного стих и тяжелые капли, как дождь полились вниз с олеандров на дорожку

"Бри-и-ик!" — прозвучал захлебывающийся бас хормейстера, когда все другие уже замолчали

-- Вот опять, ну старый негодяй!

Мэри подошла к ближайшему от двери олеандру и, раздвинув мокрые ветви, стала внимательно вглядываться в глубину растения, похожую на готический собор.

— Никогда не могу его найти. — объяснила она, садясь на корточки, и улыбнулась Тиму, который стоял за ней

— Он нужен тебе? — спросил серьезно Тим.

— Очень даже. Он начинает весь этот концерт, без него они бы молчали.

— Я его тебе достану.

Его голое тело легко проскользнуло между листьями и ветвями и верхняя его часть исчезла из виду. В это утро на нем не было ни сапог, ни носков, поскольку он работал не из цемента, от которого трескалась кожа. Сырая земля кое-где прилипла к его ногам. "Бри-и-ик!" — прогудела цикада, достаточно высохнув, чтобы попробовать голос.

— Поймал! — заорал Тим, выбираясь, в его правой руке было что-то зажато.

Мэри никогда не видела живых цикад, а только их сброшенную коричневую шкурку в траве, и поэтому осторожно и бояливо приблизилась, потому что, как большинство женщин, она боялась пауков, жуков и всяких ползучих существ.

— Вот он, посмотри на него! — гордо сказал Тим, осторожно разжимая пальцы, пока цикада не открылась совсем, придерживаемая за кончики крыльев между большим и указательным пальцами Тима.

— Фу! — вздрогнула Мэри, отступив и так и не взглянув как следует.

— О, не бойся его, Мэри, — попросил Тим, улыбаясь и мягко поглаживая цикаду. — Посмотри, разве он не прелесть — весь зеленый и красивый, как бабочка?

Золотая голова склонилась над цикадой. Мэри посмотрела на них обоих, и ее вдруг охватила шемящая жалость. Тим, казалось, имел какую-то связь с этим существом, ибо оно лежало у него на ладони без страха и паники и было

действительно красиво, если, конечно, не обращать внимания на марсианские щупальца и щитки, как у омара. У цикады было толстое ярко-зеленое тельце длиной в два дюйма, как бы обсыпанное золотым порошком, глаза сверкали, как два больших топаза. Над спиной были сложены прозрачные крылья с золотисто-желтыми, как на листе, прожилками. Они сверкали всеми оттенками радуги. А над ним склонился Тим - такой же чуждый и красивый, и такой же живой и блестящий

— Ты правда хочешь убить его? — просящим голосом спросил Тим, глядя на нее печально

— Нет, -- ответила она, отворачиваясь. — Посади его назад в куст, Тим.

К ланчу он закончил переднюю лужайку. Мэри дала ему два гамбургера, полную тарелку жареной картошки, затем, адсбавок, горячий пудинг с банановым кремом.

— Думаю, я все закончил, Мэри, — сказал Тим, когда выпил третью чашку чая. — Но мне жаль, что работа так быстро кончилась.

Широко расставленные глаза задумчиво смотрели на нее.

— Ты мне нравишься, Мэри, — начал он. — Ты мне нравишься больше, чем Мик и Гарри, или Джим, или Билл, или Кели, или Дейв. Ты мне нравишься больше всех, кроме папы и мамы и Дони.

Она хлопнула его по руке и сказала ласково.

— Это очень любезно так говорить, Тим, но я не думаю, что это правда, ты же меня знаешь совсем немного.

— Больше нечего косить, — вздохнул он, игнорируя ее отказ принять комплимент.

— Трава опять вырастет, Тим.

— А? -- этот короткий вопрос был сигналом, что надо говорить медленнее, что чего-то он не понял.

— А можешь ты выкопать клумбы в саду?

— Могу, наверное. Я это все время делаю для папы.

— Тогда хотел бы ты приходить каждую субботу и делать в саду все, что нужно: косить траву, когда надо, сажать семена, копать цветочные клумбы, опрыскивать кусты, чистить дорожки, вносить удобрения?

Он схватил ее за руку и пожал ее, широко улыбаясь:

— Ой, Мэри, ты мне так нравишься! Я буду приходить каждую субботу и присматривать за садом, обещаю, я присмотрю за садом!

Когда он ушел в три часа, в кошельке у него было тридцать долларов.

9

Тим приходил уже пять недель, когда однажды поздно вечером в четверг Мэри Хортон позвонила его отцу. Рон сам поднял трубку.

— Алё? — сказал он.

— Добрый вечер, мистер Мелвил. Это Мэри Хортон, субботний друг Тима.

Рон немедленно наострил уши, сделав знак Эс, чтобы она тоже слушала.

— Приятно вас слышать, мисс Хортон. Как дела у Тима, все в порядке?

— С ним очень приятно иметь дело, мистер Мелвил. Я получаю удовольствие от его общества.

Он удовлетворенно засмеялся:

— Судя по тому, что он рассказывает, я думаю, он уже проел весь ваш дом, мисс Хортон.

— Вовсе нет. Приятно смотреть, как он ест, мистер Мелвил.

Последовала неловкая пауза, пока Рон не нарушил ее, сказав:

— В чем дело, мисс Хортон? Вам не нужен Тим на этой неделе?

— Не совсем так, мистер Мелвил. Дело в том, что мне нужно поехать в Госфорд на выходные и посмотреть, как там дела в моем коттедже. Я была занята городским домом и гадом, а коттедж совсем запустила. Во всяком случае, я хотела узнать, не возражаете ли вы, если я возьму Тима с собой и он мне там поможет. Там есть что делать, и Тим будет незаменим. Там совсем тихо, и я даю вам слово, что никакие посторонние люди не беспокоят его. Он сказал, что любит ловить рыбу, а коттедж расположен там, где

лучшие места для рыбалки, и я подумала, что, возможно, ему там понравится. Кажется, он любит мое общество, а я, безусловно, люблю его общество.

Рэн подвигал бровями, спрашивая мнение Эс, а она просто закивала и взяла у него трубку.

— Хэлло, мисс Хортон, это я, мать Тима.. Да, я вполне здорова, спасибо, а как вы?.. Да, очень рада это слышать, мисс Хортон, очень любезно с вашей стороны пригласить Тима поехать с вами на выходные.. Да, он немного одинок, тяжело такому бедняге, как он, вы же понимаете... Не знаю, почему бы ему не поехать с вами. Думаю, перемена ему будет полезна... Да, вы ему ужасно нравитесь... Позвольте опять передать трубку мужу, и спасибо большое..

— Мисс Хортон! — спросил Рэн, выхватывая у жены трубку. — Ну, слышали, что сказала моя старуха! Так что она не возражает, а уж тогда мне то лучше тоже не возражать - ха-ха-ха! Да, вот так! О'кей, прослежу, чтобы он запаковал свой мешок и приехал к вам в субботу к семи... Да, мисс Хортон, спасибо вам большое... Ну пока, и до следующего раза.

Мэри планировала поездку в шестьдесят миль как настоящее путешествие. Загрузила машину собой и всем необходимым, что может понадобиться для развлечений и полного комфорта и чего могло не оказаться в летнем коттедже. Тим прибыл в субботу утром ровно в семь. День был теплый и ясный - уже вторую неделю подряд не было и намека на дождь. Мэри повела Тима прямо в гараж.

— Прыгай, Тим, и устраивайся поудобнее. Все хорошо?

— Все хорошо, — ответил он.

— Мой дом не в самом Госфорде, — сказала она, когда машина понеслась по шоссе вдоль Тихого океана к Ньюкаслу. — Так как я живу и работаю в городе, я не хотела проводить свободное время опять среди толпы и купила именно в стороне, на Хоксбери, у залива Брокен. Нам придется заехать в Госфорд, потому что единственная дорога ко мне идет оттуда. Ты знаешь, этот Госфорд так вырос! Я помню, в нем еще недавно был всего один паб, гараж, человека два народу и собака. А теперь он забит людьми - и теми, кто живет постоянно, и теми, кто приезжает в отпуск. Их, должно быть, теперь тысяч шестьдесят, не меньше.

ше. Кажется...

Она замолчала, взглянув на него сбоку, и почувствовала неловкость. Вот она тут пытается завести разговор с ним, как будто он человек как человек. А он, в свою очередь, пытался быть заинтересованным слушателем и, отрывая свой взгляд от проносящегося мимо и чарующего его пейзажа, смотрел на нее.

— Бедный Тим, — вздохнула она. — Не обращай на меня внимания, просто расслабься и смотри в окно.

После этого в машине долго царило молчание. Видно было, что Тим в восторге от поездки. Повернувшись в сторону и почти прижав нос к стеклу, он, казалось, не пропускал ничего за окном, а она думала, как мало разнообразия в его скучной повседневной жизни.

— У твоего отца есть машина, Тим?

На этот раз он не обернулся к ней, а продолжал смотреть в окно:

— Нет, он говорит, что иметь в городе машину — только терять время и деньги. Он говорит, что ходить гораздо полезнее, и гораздо проще сесть на автобус, если куда надо поехать.

— А тебя кто-нибудь возил на прогулку?

— Редко, меня тошнит в машине.

Она повернулась и посмотрела на него в тревоге.

— А как ты сейчас себя чувствуешь? Тебя тошнит?

— Нет, хорошо чувствую. Эта машина не позбрасывает меня вверх-вниз, как другие, и я сижу впереди, а не сзади, так что и не трясет.

— Очень хорошо, Тим! Совершенно правильно. Если ты почувствуешь тошноту, скажи мне заранее, хорошо? Не очень приятно, если машина будет запачкана.

— Да. Мэри, обещаю, потому что ты никогда не орешь на меня и не сердишься.

Она засмеялась:

— Ну, Тим! Не изображай из себя жертву! Я уверена, никто не орет на тебя и не сердится, если ты этого не заслуживаешь.

— Да, — ухмыльнулся он. — Мама прямо с ума сходит, когда меня вырвет и я все запачкаю.

— Я несколько се не виню, я бы тоже разозлилась, поз-

тому обязательно мне скажи, если почувствуешь тошноту, и потерпи, пока не вылезешь из машины. Ладно?

— Ладно, Мэри.

Через некоторое время Мэри опять заговорила:

— А ты за город ездил, Тим?

Он покачал головой.

— Почему?

— Не знаю. Думаю, маме и папе нечего смотреть за городом.

— А Дони?

— Моя Дони бывает везде. Она даже в Англии была. — по его словам казалось, Англия где-то совсем неподалеку.

— Ну, а как насчет поездок, когда ты был маленьким мальчиком?

— Мы всегда оставались дома. Мама и папа не любят леса, они любят только город.

— Ну, Тим, я часто езжу в мой коттедж, и ты всегда можешь ездить со мной. Возможно, попозже как-нибудь я возьму тебя в пустыню или к Большому Барьерному Рифу. Это будет настоящий отпуск.

Но он уже не слушал ее — они спускались к реке Хоксбери Риверс, и вид был великолепным.

— О, как прекрасно, правда? — восклицал он, вертясь на сиденье и сжимая руки, как он делал всегда, когда был взволнован или расстроен.

Но Мэри не замечала ничего от боли, боли такой неожиданной, такой новой и неизвестной ей, что она никак не могла ее себе объяснить. Бедный, несчастный парень! Все в его жизни как сговорились, чтобы он не мог развить свой ум. Его родители, несомненно, любят его, но их жизнь ограничена, линия горизонта не простирается дальше крыш небоскребов Сиднея. В глубине сердца она не могла обвинять их. Ведь им просто никогда не приходило в голову поинтересоваться, счастлив ли их сын или нет, потому что он действительно был счастлив. Но разве он не мог быть еще счастливее? Каким бы он был, если бы его освободили от цепей рутинного существования, позволили хоть немного развиваться?

Мэри было так трудно свести воедино все ее разнообразные чувства по отношению к Тиму: в какой-то момент

она думала о нем, как о ребенке, в другой - его физическое великолепие напоминало ей, что он совершенно взрослый мужчина. Да и вообще ей было очень трудно чувствовать, так как долгие годы ее жизнь сводилась просто к существованию. У нее просто не было инструмента с помощью которого можно отличить жалость от любви. Тим и она были как две противоположности, совмещенные каким-то неопостижимым образом.

С тех пор, как она впервые увидела Тима, она не позволяла себе разбираться со своими чувствами, понять, что с ней происходит. И сейчас она этого делать не будет, не будет искать источник страдания и его причину.

Вокруг коттеджа на две мили не было соседей, так как эта территория еще не была освоена. Единственная дорога была ужасной - просто земляная тропа через эвкалиптовый лес. Когда шел дождь, грязь делала ее непроходимой, когда дождя не было, облака пыли вздымались за машиной и оседали на ветвях, превращая деревья в окаменевшие тонкие коричневые скелеты. Борозды, кочки и ямы на дороге могли вывести из строя даже самые крепкие машины, и немногие бы рискнули терпеть эти неудобства ради тишины и одиночества.

Имение Мэри было довольно большим. Она купила его, имея в виду будущее. Она знала, что город со временем разрастется, в этих местах начнется строительство и прибыль будет фантастической. А до этого времени место вполне отвечало ее любви к одиночеству.

Тропа, уходящая между деревьями, отмечала границы ее владений. Мэри свернула с дороги и выехала на тропу, которая шла еще с полмили через красивый, душистый лес. В конце тропы находилась большая поляна, дальний конец которой представлял собой крошечный пляж, на берегу Хоксбери Ривер, которая вилась среди скал. В этом месте вода была еще соленая и чувствовался прилив. Пляж Мэри занимал не больше ста ярдов в длину, с обеих сторон его окаймляли высокие желтые утесы.

Коттедж был простым, квадратным строением с крышей, покрытой рифленным железом, и широкой открытой верандой, окружавшей весь дом по периметру. Мэри покрасила дом, потому что она не терпела беспорядка и запущенности.

шенности, но тускло-коричневый цвет, который она выбрала, не улучшал внешний вид дома. Две огромные оцинкованные цистерны с водой стояли с задней стороны дома. На поляне на некотором расстоянии друг от друга были посажены деревья. Они уже достаточно выросли, чтобы скрыть оголенность этого места. Она не развела здесь сад, и трава разрослась вовсю. Но, несмотря на все это, место обладало каким-то неопределенным очарованием.

С тех пор как Мэри купила этот участок пятнадцать лет назад, она истратила из него немало. Большие цистерны для хранения пресной воды, элстричество - все это стоило денег, но Мэри не прельщали ни открытые каминны, ни свечи. Все это были одни неудобства и лишняя работа.

Хотя с дороги дом представлял собой самую невыигрышную своей стороной, Тим был в восторге. Мэри с трудом извлекла его из машины и уговорила зайти внутрь.

— Это твоя комната, Тим, — сказала она, показывая ему простую, но большую спальню с белыми стенами. Она была похожа на монашескую келью. — Если ты захочешь приезжать сюда, то подумай, в какой цвет тебе хотелось бы ее покрасить и какую мебель здесь поставить. Мы могли бы в городе пойти и купить все, что надо.

Он не мог ответить, слишком взволнованный, чтобы воспринять эту новую радость. Она помогла ему распаковать чемодан и положить вещи в шкаф и пустые ящики комода, затем взяла его за руку и повела в гостиную.

Из всех помещений дома только здесь она сделала серьезные переделки. Раньше гостиная, тянувшаяся во всю длину передней стены, была темной, плохо освещенной комнатой. Она постепенно по частям убрала наружную стену и заменила ее стеклянными скользящими дверьми, которые шли от пола до потолка, так что в хорошую погоду ничего не отделяло гостиную от открытого воздуха. Вид из этой комнаты был потрясающий. Склон, покрытый травой, спускался к ярко-желтому песчаному пляжу, залитому солнцем и безукоризненно чистому. Голубые воды Хоксбери легкими волнами набегали на прибрежную полосу, а на другом берегу широкой реки поднимались к чистому высокому небу удивительной красоты утесы, увенчанные лесом. Единственными звуками, говорившими о присутствии

человека, были те, что шли с реки: треск моторных лодок, ныхтенне экскурсионных паромов, рев быстрых катеров, за которыми скользили спортсмены на водяных лыжах. Птицы пронзительно кричали и пели на каждом дереве, оглушающе звенели цикады, ветер слабо стонал в вставях деревьев.

Мэри прежде никогда ни с кем не делила своего удивления, по многу раз она повторяла воображаемый разговор, который вела бы со своими гостями. А они бы выражали свое удивление и восторг по поводу всего, что тут видели. Но Тим не говорил ничего, и она не имела представления, какую он мог дать оценку всему этому. То, что он считал это все "прекрасным", было ясно, но он считал прекрасным все, что не огорчало его. Был ли он способен различать степень прекрасного? Нравилась ли ему одни вещи больше других?

Распаковав свои вещи и распределив по местам продукты на кухне, она приготовила ланч. За едой он говорил очень мало, спокойно жуя все, что она перед ним ставила. Если он не был слишком голоден или расстроен, его манеры за столом были безукоризненны.

— Ты умешь плавать? — спросила она после того, как он помог ей вымыть посуду.

Его лицо вспыхнуло от удовольствия.

— О, да, да!

— Тогда почему бы тебе не надеть плавки, пока я здесь закончу, и мы пойдем на пляж. Хорошо?

Он на мгновение исчез и опять появился так быстро, что ему пришлось ждать, пока она привела все в порядок на кухне. Неся два шезлонга, зонт, полотенца и другие предметы для отдыха на берегу, они направились к пляжу.

Она села в шезлонг и открыла книгу прежде, чем заметила, что он все еще стоит и смотрит на нее, озадаченный и, видимо, расстроенный.

Она закрыла книгу.

— В чем дело, Тим? Что с тобой?

Он беспомощно взмахнул руками.

— Я думал, ты сказала, что мы пойдем плавать.

— Не мы, Тим, — мягко поправила она его. — Я хочу, чтобы ты поплавал в свое удовольствие, а я никогда не

купаюсь.

Он встал на колени у ее стула и положил ей на руку обе свои руки.

— Но это же совсем другое дело, Мэри! Я не хочу плавать один! — Слезы засверкали на его длинных, светлых ресницах, как капельки воды на хрустале. — Пожалуйста, о, пожалуйста, не заставляй меня идти одного!

Она протянула к нему руку, но тотчас отдернула ее.

— Но у меня нет с собой купального костюма, Тим! Я бы не могла купаться, даже если бы захотела.

Он раскачивал головой взад-вперед, все больше приходя в волнение.

— Я знаю, ты не хочешь быть со мной, я тебе совсем не нравлюсь, я знаю. Ты всегда одета так, как будто идешь в город, никогда не надеваешь шорты или брюки, не ходишь без чулок, как мама.

— О, Тим, что мне с тобой делать? То, что я так одета, вовсе не означает, что я не хочу быть с тобой! Просто мне неудобно одеваться иначе. Я не люблю ходить в шортах, или брюках, или без чулок.

Но он не поверил ей и отвернулся.

— Если бы тебе было весело, ты бы одевалась так же, как мама, когда ей весело, — упрямо твердил он.

Последовало долгое молчание. Хотя Мэри и не осознавала этого, это, фактически, была их первая дуэль. Воля одного столкнулась с волей другого. В конце концов она вздохнула и положила книгу.

— Ладно, я найду в дом и посмотрю, что я смогу найти, только ты должен мне торжественно обещать, что никаких шуток со мной в воде делать не будешь, нырять под меня или прятаться от меня. Я не умею плавать, и это значит, ты должен все время присматривать за мной, когда я в воде. Обещаешь?

Он опять стал сплошной улыбкой.

— Обещаю, обещаю. Но не копайся долго, Мэри, пожалуйста, поскорее!

Хотя это все и шло вразрез с ее привычками, Мэри собралась с духом и надела белое хлопчатобумажное белье, сверху накинула серый полотняный халатик, который снизу обрезала ножницами до половины бедер, выпо-

рола рукава, а сверху вырезала декольте. Все это она сделала аккуратно, но подшивать времени не было, и это раздражало ее и портило настроение.

Когда она шла к берегу, то чувствовала себя ужасно голой без корсета и чулок с молочни-белыми ногами и руками. Эти чувства не имели никакого отношения к Тиму. Ведь даже совсем одна она бывала полностью одета.

Тим, добившись своего, радостно прыгал на песке.

— Вот так гораздо лучше, Мэри! Теперь мы оба можем поплавать! Пошли скорее!

Мэри вошла в воду, вздрагивая от отвращения, как привередливая и капризная кошка. Все, что она могла заставить себя сделать, это зайти немного поглубже, в то время как ей хотелось развернуться и броситься со всех ног к сухому, удобному шезлонгу. Тим, демонстрируя ответственность мужчины, которому поручили охранять сокровище, ни за что не разрешил ей идти дальше того места, где вода доходила ей до пояса. Он вился вокруг нее, как муха, взволнованный и тревожный: он чувствовал ее смещение, и это портило ему всю радость. Наконец, она подавила в себе страх и окунулась в воду по шею. Шок от холодной воды вызвал у нее невольный смех.

Он ждал именно этого и начал резвиться, чувствуя себя в воде, как дельфин. Заставляя себя улыбаться, она начала хлопать ладонями по воде. Надеясь, что это сойдет за выражение восторга по поводу купания, она, очертя голову, бросилась за ним.

Вода была удивительно чистая и прозрачная, и, когда она смотрела вниз, она видела свои ноги на песке, они колебались и казались чем-то неприятно-белым и трясущимся, как желе, а солнце на спине и шее лежало, как теплая рука. Через некоторое время ей начало нравиться прикосновение соленой воды; оно бодрило, а погрузить по плечи разгоряченное солнцем тело в приятную невесомую прохладу было восхитительно. Чувство неловкости по поводу непривычной одежды исчезло, и она начала наслаждаться свободой.

Однако здравого смысла она не потеряла и минут через двадцать позвала Тима:

— Теперь я должна выйти, Тим, потому что я не при-

выкла к солнцу. Посмотри, какая я белая и какой ты загорелый. Со временем я так же загорю, но спешить здесь не надо, солнце сильно обжигает такую белую кожу, как у меня, и я могу сильно заболеть. Не думай, что я не получваю удовольствия, но сейчас я должна уйти в тень.

Он принял это спокойно.

— Я знаю, потому что когда я был совсем маленьким, я однажды так обгорел на солнце, что попал в госпиталь. Было так больно, что я плакал день и ночь, день и ночь. Я не хочу, чтобы ты плакала день и ночь, Мэри.

— Я скажу тебе, что я сделаю, Тим. Я сяду под зонтиком и буду следить за тобой. Обещаю тебе: я не буду читать. Просто буду следить за тобой. Хорошо?

— Хорошо, хорошо, хорошо! — запел он, изображая из себя подводную лодку, но благородно удерживаясь от того, чтобы ее торпедировать.

Убедившись, что зонт полностью защищает ее от солнца, все еще мокрая Мэри растянулась на шезлонге и вытерла лицо. С прически на затылке сочилась вода и стекала по спине, что было очень неприятно. Тогда она вынула шпильки и перекинула волосы через спинку, чтобы они просохли. Ей пришлось признаться, что она чувствует себя прекрасно, как будто соленая вода обладала каким-то целебным свойством. Кожа слегка горела, мускулы расслабились, руки и ноги отяжелели...

...Она была в салоне, который посещала не часто, и парикмахер ритмичными движениями расчесывал ее волосы, раз, два, три - раз, два, три, слегка натягивая кожу каждый раз, когда щетка касалась головы, и приятное ощущение сохранялось все время, пока щетка двигалась по волосам. Улыбаясь от удовольствия, она открыла глаза и обнаружила, что она вовсе не в салоне, а на берегу в шезлонге, и что солнце склонилось так низко за деревьями, что тени целиком закрыли пляж.

Тим стоял сзади и, наклонившись, играл с ее волосами. Ее охватила паника; она вскочила в невыразимом ужасе, схватилась за волосы и яростно принялась искать в кармане своего обрезанного выше колен халатика шпильки. Глаза ее были расширены от страха, а сердце сильно колотилось.

Он стоял, глядя на нее с удивительно беспомощным страдальческим выражением, которое у него бывало, когда он сделал что-то неправильно, но не понимал, что же именно. Он хотел искупить свою вину, он так хотел понять, какой проступок он, сам того не зная, совершил. В такие моменты, подумала она, Тим особенно остро чувствует свою убогость, как собака, которая не знает, за что пнул ее хозяин. Совсем потерянный, он стоял, ломая руки и приоткрыв рот. Жестом раскаяния и жалости она протянула ему руки:

— О, мой дорогой! Мой дорогой, я не хотела этого! Просто я спала, и ты испугал меня! Не смотри на меня так! Я ни за что на свете не обижу тебя! Правда, Тим! Пожалуйста, не смотри на меня так!

Он уклонился от ее рук и отошел подальше, потому что не был уверен, действительно ли она так думает, или просто утешает его.

— Они были такие красивые... — робко объяснил он. — Я просто хотел потрогать их, Мэри.

Пораженная, она уставилась на него. Он сказал "красивые"? Да, сказал. И сказал так, как будто действительно понимал, что это слово отличается от тех, что он обычно употреблял для похвалы, таких как "прелесть", "приятный", "супер" или "здорово". Тим обучался! Он усвоил кое-что из того, что говорила она, и понял правильно.

Она нежно засмеялась, решительно подошла к нему, взяла его за руки и крепко сжала их.

— Благослови тебя Бог, Тим, ты же знаешь: ты мне нравишься больше всех! Не сердись на меня, я не хотела тебя обидеть, правда, не хотела!

Его лицо опять осветила улыбка, боль в глазах исчезла.

— Ты мне тоже нравишься, Мэри, ты мне нравишься больше всех, кроме папы, мамы и моей Дони, — он задумался на мгновение. — Я думаю, что ты мне нравишься больше моей Дони, фактически.

Ну, вот опять! Он сказал "фактически", точно так, как говорила она сама! Конечно, в основном он просто повторял, как попугай, но не совсем. В том, как он употребил это слово, проскользнула какая-то уверенность.

— Пошли, Тим. Пойдем в дом, становится прохладно.

выкла к солнцу. Посмотри, какая я белая и какой ты загорелый. Со временем я так же загорю, но спешить здесь не надо, солнце сильно обжигает такую белую кожу, как у меня, и я могу сильно заболеть. Не думай, что я не получаю удовольствия, но сейчас я должна уйти в тень.

Он принял это спокойно.

— Я знаю, потому что когда я был совсем маленьким, я однажды так обгорел на солнце, что попал в госпиталь. Было так больно, что я плакал день и ночь, день и ночь. Я не хочу, чтобы ты плакала день и ночь, Мэри.

— Я скажу тебе, что я сделаю, Тим. Я сяду под зонтиком и буду следить за тобой. Обещаю тебе: я не буду читать. Просто буду следить за тобой. Хорошо?

— Хорошо, хорошо, хорошо! — запел он, изображая из себя подводную лодку, но благородно удерживаясь от того, чтобы ее торпедировать.

Убедившись, что зонт полностью защищает ее от солнца, все еще мокрая Мэри растянулась на шезлонге и вытерла лицо. С прически на затылке сочилась вода и стекала по спине, что было очень неприятно. Тогда она вынула шпильки и перекинула волосы через спинку, чтобы они просохли. Ей пришлось признаться, что она чувствует себя прекрасно, как будто соленая вода обладала каким-то целебным свойством. Кожа слегка горела, мускулы расслабились, руки и ноги отяжелели...

...Она была в салоне, который посещала не часто, и парикмахер ритмичными движениями расчесывал ее волосы, раз, два, три - раз, два, три, слегка натягивая кожу каждый раз, когда щетка касалась головы, и приятное ощущение сохранялось все время, пока щетка двигалась по волосам. Улыбаясь от удовольствия, она открыла глаза и обнаружила, что она вовсе не в салоне, а на берегу в шезлонге, и что солнце склонилось так низко за деревьями, что тени целиком закрыли пляж.

Тим стоял сзади и, наклонившись, играл с ее волосами. Ее охватила паника; она вскочила в невыразимом ужасе, схватилась за волосы и яростно принялась искать в кармане своего обрезанного выше колен халатика шпильки. Глаза ее были расширены от страха, а сердце сильно колотилось.

Он стоял, глядя на нее с удивительно беспомощным страдальческим выражением, которое у него бывало, когда он сделал что-то неправильно, но не понимал, что же именно. Он хотел искупить свою вину, он так хотел понять, какой проступок он, сам того не зная, совершил. В такие моменты, подумала она, Тим особенно остро чувствует свою убогость, как собака, которая не знает, за что пнул ее хозяин. Совсем потерянный, он стоял, ломая руки и приоткрыв рот. Жестом раскаяния и жалости она протянула ему руки:

— О, мой дорогой! Мой дорогой, я не хотела этого! Просто я спала, и ты испугал меня! Не смотри на меня так! Я ни за что на свете не обижу тебя! Правда, Тим! Пожалуйста, не смотри на меня так!

Он уклонился от ее рук и отошел подальше, потому что не был уверен, действительно ли она так думает, или просто утешает его.

— Они были такие красивые... — робко объяснил он. — Я просто хотел потрогать их, Мэри.

Пораженная, она уставилась на него. Он сказал "красивые"? Да, сказал. И сказал так, как будто действительно понимал, что это слово отличается от тех, что он обычно употреблял для похвалы, таких как "прелесть", "приятный", "супер" или "здорово". Тим обучался! Он усвоил кое-что из того, что говорила она, и понял правильно.

Она нежно засмеялась, решительно подошла к нему, взяла его за руки и крепко сжала их.

— Благослови тебя Бог, Тим, ты же знаешь: ты мне нравишься больше всех! Не сердись на меня, я не хотела тебя обидеть, правда, не хотела!

Его лицо опять осветила улыбка, боль в глазах исчезла.

— Ты мне тоже нравишься, Мэри, ты мне нравишься больше всех, кроме папы, мамы и моей Дони, — он задумался на мгновение. — Я думаю, что ты мне нравишься больше моей Дони, фактически.

Ну, вот опять! Он сказал "фактически", точно так, как говорила она сама! Конечно, в основном он просто повторял, как попугай, но не совсем. В том, как он употребил это слово, проскользнула какая-то уверенность.

— Пошли, Тим. Пойдем в дом, становится прохладно.

Когда вечером начинает дуть бриз с низовой реки, то быстро холодает, даже в разгаре лета. Что ты хочешь на ужин?

После того, как они поужинали и была вымыта и убрана посуда, Мэри посадила Тима в удобное кресло и просмотрела свои пластинки.

— Ты любишь музыку, Тим?

— Иногда, — ответил он осторожно, изгибая шею, чтобы посмотреть на стоящую сзади Мэри.

Что ему понравится? Здесь, в коттедже, была, пожалуй, более подходящая для него музыка, чем в доме в Артармонс, потому что она перевезла сюда все старые пластинки, к которым уже потеряла интерес: "Болеро" Равеля, "Аве Мария", "Ларго" Генделя, марш из "Аиды", "Финляндия" Сибелиуса и тому подобное. Здесь их были десятки. Музыка мелодичная. "Попытаюсь поставить что-нибудь из этого", — думала она.

Он сидел, очарованный и потрясенный, погружившись целиком в музыку. Мэри уже успела почитать кое-что об умственно отсталых и помнила, что часто такие люди очень любят высокую и сложную музыку.

Сердце ее переполнялось болью за него, пока она следила, как любое изменение в музыке находило отражение на его выразительном лице. Как он был красив, Боже, как красив!

К полуночи ветер, дующий с моря, стал еще холоднее. Он дул порывами и стал таким резким, что Мэри закрыла стеклянные двери. Тим ушел спать около десяти, изнуренный впечатлениями и долгим купанием. Она подумала, что ему может стать холодно, порылась в чулане и нашла там пуховое одеяло. Бесшумно двигаясь по голому белому полу с одеялом подмышкой, чтобы случайно оно не зацепилось за что-нибудь и не было бы шума, Мэри подошла к узкой кровати. На столике тускло горела маленькая керосиновая лампа. Он признался ей, довольно нерешительно, что боится темноты, и попросил поставить рядом с кроватью какой-нибудь свистильник.

Он лежал свернувшись, возможно, потому что замерз, обхватив руками грудь и подтянув к ней колени. Тонкое одеяло соскользнуло, оголив спину, повернутую к открытому окну.

Мэри посмотрела на него сверху. Руки на складках одеяла, рот слегка приоткрыт. Лицо спящего было таким спокойным, светлые ресницы оттеняли худые щеки, золотая масса волос вилась вокруг прекрасной головы. Губы слегка улыбались, а печальная морщинка с левой стороны делала его похожим на Пьеро. Грудь подымалась так незаметно, что сначала она испугалась - уж жив ли он?

Сколько времени она так простояла, неизвестно. Наконец, она вздрогнула, отошла и развернула одеяло. Она не стала пытаться натянуть тонкое покрывало на него, а лишь подоткнула и затем набросила теплое пуховое одеяло ему на плечи. Он вздохнул, шевельнулся, устраиваясь поудобнее, но через мгновение опять погрузился в мир сновидений. Она хотела бы знать, какие сны видят умственно отсталые люди: остается ли он в своих ночных путешествиях таким же ограниченным, как во время бодрствования, или случается чудо и освобождает его от всех цепей? Узнать это было невозможно...

После того как Мэри ушла из его комнаты, дом ей показался невыносимым. Тихо открыв стеклянные двери, она пересекла веранду и спустилась по ступенькам на дорожку, которая вела к пляжу. Деревья раскачивались на ветру, на ветке, нависающей над тропинкой, сидела маленькая сова, моргая круглыми глазами и издавая свой странный крик. Мэри изглянула на птицу, едва видя ее, и вдруг почувствовала, что наткнулась лицом на легкое и липкое. Она вскрикнула в испуге и тут поняла, что это паутина. Она осторожно ощупала себя, боясь, что хозяин паутины оказался на ней, но нет, ее рука чувствовала только платье и ничего больше.

Берег был усыпан сухими ветками. Мэри начала собирать их, затем сложила посредине пляжа около большого камня и поднесла спичку. Холодный морской ветер по ночам был благословением для восточного берега Австралии, но человеку, который весь день изнывал от зноя, а ночью, промерзая до костей, было трудно. Она, конечно, могла бы вернуться в дом за свитером, но в горящем костре было что-то дружеское, а Мэри так нуждалась в утешении! Когда языки пламени поднялись высоко, она села на камень и протянула к огню руки. Уцепившись хвостом за ветку бли-

жайшего дерева, свесившись вниз головой и лѣнливо покачиваясь, опоссум смотрел на нее умными круглыми глазами. Мордочка у него была миленькая и настороженная: странное существо, казалось, думал он, сидит перед огнем, перед опасностью, а тени все время прыгают вокруг. Затем он зевнул, сорвал плод с ветки и стал громко жевать. Ее нечего бояться. Просто женщина сидит с лицом, застывшим от боли, немолодая, некрасивая.

Уже давно в ее жизни не было места страданию, раздумывала Мэри, подперев подбородок ладонью. Мысленно она вернулась в то время, когда была маленькой девочкой и в доме для сирот засыпала вся в слезах. Как одинока она была тогда, так одинока, что временами желала смерти. Люди говорят, что детский ум не может стремиться к смерти, но Мэри Хортон думала по-другому. У нее не было воспоминаний о родном доме, о любящих руках, о тех, кому она нужна. Чувство одиночества было абсолютным, ибо она не могла стремиться к тому, чего не знала. Она думала, что ее несчастье коренилось в ее непривлекательности. Эта боль появилась, когда обожаемая ею сестра Томас предпочла ей девочку, которая была хорошенькой.

Но если ей по наследству не досталось привлекательности, то в генах ее была закодирована сила. По мере того, как Мэри росла, она развивала в себе самодисциплину, и к четырнадцати годам, покидая дом для сирот, она уже научилась владеть эмоциями и подавлять в себе печаль. После этого радость, удовлетворение ей приносила лишь хорошо выполненная работа и все растущий счет в банке. Эти радости не были такими уж пустыми, но они не смягчали и не грели ее. Нет, жизнь ее пустой не была, было достаточно впечатлений, но любви она была лишена абсолютно.

Никогда не испытав желания стать матерью или стремления к мужчине, Мэри не могла оценить характер своей любви к Тиму. Она даже по-настоящему не знала, можно ли то, что она чувствовала к нему, назвать любовью. Он просто стал центром ее жизни. Она ни на минуту не забывала о его существовании, он приходил ей на ум тысячи раз в день, и если мысленно она говорила "Тим", то неосознанно улыбалась или чувствовала сердечную боль. Как будто он жия внутри нее, сохраняя в то же время свою

отдельную сущность.

Когда она прежде одна в полумраке гостиной, слушала чарующие звуки скрипки, она разом стремилась к чему-то неизвестному, но когда она сидела в полутемной гостиной и смотрела на Тима, ничего искать было не надо, все, к чему она могла стремиться, воплощалось в нем. Если она и ожидала от него чего-то, пока не узнала о его умственной недоразвитости, то сейчас ей было достаточно самого факта его существования. Он захватил ее всю; и это единственное слово, которым она могла выразить свое чувство. Все женские устремления она в себе давно и безжалостно подавила и всегда была достаточно осторожна, чтобы избежать любой ситуации, которая могла их спровоцировать. Если она находила мужчину привлекательным, она старательно игнорировала его, если ее трогал смех какого-то ребенка, она делала так, чтобы никогда больше его не видеть. Она отказывалась признавать физическую сторону своего существования. "Держись подальше от неприятностей", — говорили ей монахини из сиротского дома, и Мэри Хортон старательно держалась подальше от неприятностей.

Сначала красота и беспомощность Тима обезоружили ее: все годы одиночества встали перед ней со всей остротой. Похоже было, что она, действительно, нужна ему, как будто он видел в ней что-то, чего она сама в себе не осознавала. Ей никогда никто не оказывал предпочтения до того, как она встретила Тима. Что же он в ней нашел, в ней, холодной, прозаичной женщине? Для человека, неопытного в области чувств, все это было очень сложно. У него была мать — значит, не этого он искал. Он был слишком ребенком, а она слишком старой девой для того, чтобы речь могла идти о сексе. Наверное, было очень много людей в его жизни, кто был к нему жесток, но было также очень много тех, кто был добр к нему и даже любил его. Людям с внешностью и характером Тима всегда хватает любви. Почему же тогда он предпочел ее?

Костер затухал. Мэри пошла было поискать еще дров, но потом решила не поддерживать больше огонь. Она посидела еще некоторое время, глядя на мерцающие огоньки на углях. Червяк высунулся из песка. Жар костра медленно проникал в землю и заставлял сотни ее обитателей бежать,

спасаться. Не имея понятия о бедствии, которое причинял ее костер, Мэри загасила его песком, а не водой. Как мера предосторожности против пожара это было правильно, но для обитателей песка он холоднее от этого не стал.

10

Все лето Мэри продолжала возить Тима в Госфорд. Она была уже хорошо знакома с отцом и матерью Тима, правда, только по телефону. Она никогда не приглашала Мелвилов к себе в Артармон, и они не были склонны пригласить ее. Никому из них не приходило в голову проверить, насколько их представление о Мэри Хортон совпадало с действительностью.

— Этой зимой, возможно, в июле или августе, я собираюсь провести отпуск на Большом Барьерном Рифе, и я бы хотела взять Тима с собой, если вы не возражаете, — сказала она Рону Мелвилу, позвонив им как-то вечером в воскресенье.

— Прекрасно, мисс Хортон, вы так добры к Тиму. Он может поехать, но только с одним условием: пусть платит сам за себя.

— Если вам так удобнее, мистер Мелвил, то конечно, но уверяю вас, я была бы очень рада иметь Тима просто в качестве моего гостя.

— Очень любезно с вашей стороны, мисс Хортон, но я все же думаю, что Тиму надо самому платить за дорогу. Он вполне это может себе позволить. Мы и сами бы могли свозить его туда в любое время, если бы подумали об этом, но как-то так получилось, что мы с Эс никогда не уезжали из Сиднея.

— Я вполне понимаю вас, мистер Мелвил. До свидания.
Рон повесил трубку, сунул большие пальцы за пояс и пошел, насвистывая, в гостиную.

— Эй, Эс, мисс Хортон хочет взять Тима на Большой Барьерный Риф в июле или августе, — объявил Рон, удобно растягиваясь на диване и положив ноги выше головы.

— Очень хорошо с ее стороны, — сказала Эс.

Несколько минут спустя под окном послышался стук высоких каблуков, затем звук закрываемой на кухне двери. В комнату вошла молодая женщина, кивнула им, вздохнув, села и сбросила туфли. Она была и похожа, и не похожа на Тима. Рост и светлые волосы были как у него, но ей не хватало абсолютного совершенства его форм, и глаза у нее были карие.

— Думаю, я видела эту таинственную мисс Хортон, — сказала она, подавляя зевок и подтягиваясь поближе к кушетке, чтобы положить на нее ноги.

Эс прекратила вязать.

— А какая она из себя, эта старушенция?

— Я не могла рассмотреть ее как следует, но такая коренастенькая, волосы серебристые, и носит их сзади пучком. Типично для старых дев. Наверно, ей лет шестьдесят пять, но лица я не разглядела. А машина, ребята! Большой черный "бентли"! Такой, на каком королева Елизавета ездит. Ого! Денег, наверное, выше головы.

— Насчет этого не знаю, но, должно быть, зажиточная, раз имеет столько собственности.

— Наверное! Интересно, что она в Тиме находит? Иногда это меня беспокоит. Он так к ней привязался.

— Ой, Дони, это же хорошо, — сказала Эс. — Чего ты придираешься?

— Чего? Я придираюсь? — резко ответила Дони. — Черт побери, он мой брат! И мне не нравится эта дружба, и все. Что мы знаем об этой мисс Хортон?

— Мы знаем все, что нам нужно, Дони, — сказала мягко Эс. — Она добра к Тиму.

— Он только о ней и думает, мам! Мэри то, Мэри се! Иной раз я его задушить хочу!

— Ну, успокойся, Дони, не будь занудой! Просто тебе завидно! — фыркнула Эс.

Рон сердито посмотрел на Дони:

— С кем это ты была сегодня вечером? — спросил он, меняя тему.

Ее настроение мгновенно исправилось и она взглянула на него своими живыми умными глазами.

— Управляющий международной фармацевтической фирмы. Думаю пойти туда работать.

— Ну ты даешь! Думаю, они все сами пойдут на тебя работать. И как тебе удастся держать всех этих парней на веревочке, Дони? Что они в тебе находят?

— Откуда я знаю? — она зевнула и прислушалась. — Бог и Тим

Он вошел усталый и счастливый.

— Привет, дружок! — сказал радостно его отец — Хорошо провел время?

— Еще как, пап. Мы делали цветник вокруг дома, а на берегу - кирпичную печку, чтобы жарить шашлык. Скоро там будет красиво, как на открытке, правда, Эс?

Но Эс не ответила. Она выпрямилась и схватила Рона за руку.

— Послушай. Рои, как могла мисс Хортон говорить с тобой по телефону минуту назад и тут же оказаться с Тимом у нашего дома?

— Черт бы меня побрал, да! Тим, звонила нам мисс Хортон только что, перед тем как привезти тебя?

— Да, пап. У нее в машине есть телефон.

— Фу-ты, ну-ты. Похоже, что меня дурачат, дружок.

— Но у нее есть телефон в машине! — возмущенно воскликнул Тим. — Она сказала, что ее боссу, мистеру Джонсону, иногда нужно с ней срочно поговорить.

— А почему же она не могла зайти на минутку и поговорить с нами лично, если она была рядом? — ухмыльнулась Дони.

Тим нахмурил брови:

— Не знаю, Дони. Может, она стесняется, ну, как я?

Рон внимательно и удивленно смотрел на Тима, но молчал, пока Тим не ушел спать. Затем он сбросил ноги с дивана и сел так, чтобы видеть одновременно жену и дочь.

— Мне это кажется, девочки, или Тим стал умнее? На днях мне показалось, что он начал употреблять какие-то мудреные слова, как бы грамотные.

Эс кивнула:

— Да, я тоже заметила.

— Я тоже, папа. Очевидно, мисс Хортон учит Тима.

— Ура, и дай Бог ей счастья! — сказала Эс. — У меня никогда не хватало терпения, да и у учителей в школе - тоже, но я всегда думала, что Тим может учиться.

— Ой, не ерунди, мама! — огрызнулась Дони. — Скоро ты ее начнешь называть "Святая Мария"!

Она резко поднялась.

— Раз у вас нет другой темы разговора, как о хорошем влиянии этой женщины на Тима, я пойду спать!

Рон и Эс остались одни, взволнованные и расстроенные.

— Знаешь, Рон, я думаю, Дони немного ревнует Тима к мисс Хортон, — наконец сказала Эс.

— Но почему, черт побери, ей надо ревновать?

— Не знаю, милый. Иногда женщины такие собственницы. У меня такое чувство, что Дони сердится, потому что Тим теперь не торчит здесь, как раньше.

— Но она должна бы быть рада! Она всегда ныла, что Тим болтается под ногами, и, кроме того, чем старше она становится, тем больше у нее своей личной жизни.

— А знаешь собаку на сене?

— Ну, ей придется стерпеть. Я так очень рад, что Тим занят мисс Хортон, а не слоняется здесь и не ждет, пока Дони придет домой.

На следующий день Рон, как обычно, встретился с сыном в "Прибрежном". Домой они шли в наступающей темноте, дни становились все короче.

Когда они подошли к задней двери, Эс ждала их со странным выражением на лице. В руках у нее была тонкая, ярко раскрашенная книжка.

— Тим, дорогой, это твое? — тонким голосом вскричала она. Глаза ее горели от восторга.

Тим взглянул на книжку и улыбнулся, как будто вспомнив что-то приятное:

— Да, мам. Мэри мне ее подарила.

Рон взял книжку, перевернул ее и посмотрел на заглавие.

— Котенок, который думал, что он мышка, — прочитал он медленно.

— Мэри учит меня читать, — объяснил Тим, удивляясь, что могло привести родителей в такое волнение.

— И можешь что-нибудь здесь прочесть?

— Немного. Это очень трудно, но не так трудно, как писать. Но Мэри не сердится, если я забываю.

— Она что, и писать тебя учит, дружок? — спросил Рон, едва веря своим ушам.

— Да Она пишет слово, а я его переписываю, чтобы оно было таким же, как у нее. Сам я еще не могу писать, — он вздохнул. — Это гораздо труднее, чем читать.

Пришла Дони, и родители, совершенно не обратив внимания на ее необычную взволнованность, потащили ее к Тиму.

Он прочел страницу, не слишком путаясь и запинаясь, и когда он кончил, они все закричали и зааплодировали, похлопывая его по спине и ероша волосы. Выпятив грудь, как зобастый голубь, он гордо прошагал в свою комнату, благоговейно держа книжку и улыбаясь. За всю свою жизнь он не знал более прекрасного мига! Он им понравился, по-настоящему понравился, заставил их гордиться им, как они гордились Дони.

После того, как Тим ушел спать, Эс подняла глаза от своего бесконечного вязанья.

— Как насчет чайку, отец? — спросила она Рона.

— Хорошая мысль, мать. Пошли, Дони, пойдем с нами на кухню, будь хорошей девочкой. Что-то ты сегодня какая-то не такая.

— У меня найдется кусочек фруктового кекса с апельсиновым желе или кремный пудинг, сегодня купила у Джунго, — объявила Эс, расставляя посуду на кухонном столе.

— Кремный пудинг! — хором воскликнули Рон и Дони.

В воздухе чувствовалась приятная прохлада, был конец апреля, жара уже схлынула, в Австралии наступала осень. Рон встал и закрыл дверь на улицу, потом погнался за огромным мотыльком, настиг его у стекла и прихлопнул свернутой газетой. Он упал, окутанный облаком золотистой пыли, покрывавшей его крылья. Рон поднял бабочку, все еще отчаянно машущую крыльями, отнес в ванную и спустил в унитаз.

— Спасибо, пап, — сказала Дони, с облегчением вздохнув. — Я терпеть не могу этих чертовых существ, лезут в лицо. Я всегда боюсь, что они попадут в волосы или еще куда.

Он засмеялся:

— Вы, женщины, боитесь всего, что летает или ползает.

Он взял огромный кусок кекса и засунул почти весь в рот.

— В чем дело, Дони, дорогая? — прошамкал он с полным ртом, слизывая крем.

— Ничего, ничего, — ответила она, отделяя вилкой маленькие кусочки сладкого и отправляя их в рот.

— Ну, малышка, не дурачь старика, — сказал он более отчетливо. — Давай выкладывай! Чего хандрить?

Дони положила вилку, нахмурилась, затем подняла свои большие блестящие глаза. Они смягчились, когда она посмотрела на отца. Она искренне была к нему привязана.

— Если тебе надо знать подробности, то мне стыдно. Когда я пришла сегодня вечером, у меня для вас была новость, а когда увидела, что Тим стал центром внимания, то немного взревновала. Это было отвратительно. Бедный парень! Всю жизнь я его оттесняла. А сегодня, когда он смог что-то нам показать, вы были горды им, а я разозлилась потому, что он испортил мне радость.

Эс потянулась и похлопала ее по руке:

— Не расстраивайся, дорогая. Тим не нарочно так сделал. Ты хорошая девушка, Дони, и у тебя доброе сердце.

Дони улыбнулась, и вдруг она стала очень похожей на Тима, и сразу стало ясно, почему у нее так много кавалеров.

— Да, моя старушка! Всегда ты найдешь, как утешить, всегда скажешь что-то приятное, что успокоит, и раздражение пройдет.

Рон засмеялся:

— Всегда скажет что-то приятное, если только не набрасывается на меня. Старая ты карга, а, Эс!

— А что ты можешь ожидать, когда бываешь пьян, как сапожник?

Все засмеялись. Эс на дно каждой чашки налила молока и крепкого, черного, как кофе, чая. Положив сахару, каждый выпил свою чашку, и только после второй они возобновили разговор.

— Что ты хотела сказать нам, Дони? — спросила мать.

— Я выхожу замуж.

Воцарилось гробовое молчание. Наконец Рон со стуком поставил чашку на блюдце.

— Ну и новость, — сказал он. — Ну ты дасшь, как бомбу взорвала! Никогда не думал, что ты вот так - раз! - и выйдешь замуж, Дони. Да, дом без тебя будет пустой!

Эс ласково посмотрела на дочь.

— Ну, дорогая, я знала, что это скоро случится, и если ты так хочешь, я рада. Правда рада. А кто парень?

— Мик Харрингтон-Смит, мой босс.

Они вытарашили глаза.

— Это тот, который считает, что удел женщины - кухня, а не исследовательская работа?

— Да, это он! — радостно ответила Дони и улыбнулась. — Я думаю, что он решил жениться на мне потому, что это единственный способ вытащить меня из лаборатории и водворить на кухню, где мне и место.

— Трудновато тебе с ним будет, а? — спросил Рон.

— Иногда. Но если знать, как с ним обходиться, то ничего. Самый большой его недостаток - это то, что он сноб. Я знаю таких: королевский колледж, дом в Поинг Пайпер, предки - первые переселенцы - не каторжники, конечно, иначе семья в этом бы не призналась. Но я отучу его от этого со временем.

— А как получилось, что он женится на такой, как ты? — ехидно спросила Эс. — Мы не знаем, кто были наши предки. Скорее всего воры и головорезы, а улица наша не самая шикарная в Сиднее, да и школа твоя была не самая модная.

Дони вздохнула.

— Не беспокойся об этом, мама! Самое важное то, что он хочет на мне жениться и он точно знает, кто я, откуда и кто мои родители.

— Мы не можем устроить тебе дорогую свадьбу, родная. — печально сказала Эс.

— У меня у самой есть кое-какие деньги, и я могу потратиться на такую свадьбу, какую захотят его родители. Я-то лично надеюсь, что они согласятся на скромную, но уж если им хочется закатить пышное празднество, они его получат.

— Тебе будет стыдно за нас, — запинаяющимся голосом сказала Эс. — Глаза ее были полны слез.

Дони засмеялась и вытянула руки, мускулы наняглись под загорелой кожей.

— Почему это я должна вас стыдиться? Вы мне создали прекрасную, счастливую жизнь, о которой любая девочка могла только мечтать, вы воспитали меня свободной от всяких комплексов, неврозозов и проблем, которые, кажется, есть у всех моих сверстников. Честно-то говоря, вы оказались куда лучшими воспитателями, чем родители Мика. Или мы ему понравимся, или ему придется примириться с нами, вот и все. Противоположности сходятся, — продолжала она задумчиво, — у нас ведь, кроме интеллекта, ничего нет общего. Во всяком случае ему тридцать пять и он мог выбирать среди всех аристократок Сиднея, а он выбрал простолюдинку из рабочего квартала, Дони Мелвил.

— Это говорит в его пользу, — решительно сказал Рон. Он вздохнул. — Вряд ли он захочет провести время за пивом со мной и Тимом в "Прибрежном". Думаю, для таких типов больше подходит виски с содовой где-нибудь в шикарном кафе.

— Пока да, но он не знает, что он теряет. Подожди немного! В конце года я его заставлю побывать в "Прибрежном".

Эс резко встал:

— Оставьте посуду на столе. Я уберу завтра утром. А сейчас иду спать, я устала.

— Бедняга Дони, тяжело ей придется замужем за таким надутым индюком, — сказала Эс Рону, когда они поднимались наверх в свою спальню.

— Ничего хорошего не бывает, когда уходишь из своего класса, Эс, — сурово заметил Рон. — Хотел бы я, чтоб у нее было поменьше мозгов, тогда вышла бы замуж за нормального парня из нашего квартала и поселилась бы в стандартном домике где-нибудь в Блэктауне. Но Дони не нравятся обыкновенные парни.

— Надеюсь, что все хорошо кончится, но так не случится, если она будет поддерживать отношения с нами, Рон. Ей это не понравится, но я думаю, что после того, как она выйдет замуж, нам надо постепенно уйти из ее жизни.

Пусть она найдет место в их мире, потому что это мир, где ей придется воспитывать своих детей, а?

— Ты права, старушка, — он посмотрел на потолок, моргая глазами. — Только Тим будет скучать. Бедняга, он не сможет этого понять.

— Нет, он ведь как ребенок, Рон, а у детей короткая память. Ты же знаешь его. Он как щенок. Сначала будет скучать, а потом и забудет. Хорошо, что он познакомился с мисс Хортон, так я думаю. Она, наверное, тоже не всегда будет с ним, но надеюсь, что достаточно долго, чтобы он успел пережить уход Дони, — она похлопала его по руке. — Жизнь идет не так, как хочешь, правда? Я как-то подумывала, что Дони вообще не выйдет замуж и что она и Тим останутся в старом доме, когда нас не будет. Она так его любит. Но все же, я рада, что она решилась. Я ведь ей говорила много раз, что мы совсем не хотим, чтобы она жертвовала своей жизнью ради Тима. Это было бы несправедливо. И все же я все-таки думаю, что она его немножко ревнует к мисс Хортон. Эта помолвка - так вдруг... Тим нашел себе друга, и Дони завелась, потому что мисс Хортон нашла время обучить его читать, а Дони нет, и она сразу - бах! - и обручилась.

Рон протянул руку и выключил свет.

— Но, Эс, почему именно этот? Никогда даже не думал, что он ей нравится.

— Ну, он много старше ее, и ей льстит, что он выбрал ее после всех этих своих великосветских дам. Может, она его немного боится, немного робеет и перед его окружением и от того, что он ее босс. Можно иметь самые умные мозги в мире и все-таки быть глупее, чем последний дурачок.

Рон вертелся, пока, наконец, не нашел удобного места на подушке.

— Ну, любимая моя, мы ничего не можем тут сделать. Она совершеннолетняя да и никогда особо с нами не считалась. А в неприятности не попадала потому, что она голова-стая и очень практичная. — Он поцеловал жену в губы. — Спокойной ночи, моя любимая. Я так устал. Все эти волнения...

— Я тоже, — зевнула она. — Спокойной ночи, милый.

Когда в следующую субботу Тим прибыл в Артармон к дому Мэри, он был молчалив и подавлен. Мэри ничего не стала спрашивать, посадила его в "бентли" и выехала на дорогу. Им пришлось заехать в питомник в Хочнсби, чтобы забрать растения и кусты, которые Мэри заказала на неделе. Тим старательно уложил их в машину, и Мэри велела ему сесть сзади и следить, чтобы растения не упали, пока они едут, и не запачкали кожаную обивку.

По приезде она оставила его разгружать растения и прошла в его комнату, чтобы раснаковать чемодан, хотя теперь у него здесь уже был свой небольшой запас одежды. Комната изменилась. Больше не было голых белых стен, они стали бледно-желтыми, стояла современная мебель, на окнах висели темно-желтые занавески, на полу — толстый оранжевый ковер. Освободив чемодан, она прошла в свою комнату и привела себя в порядок, прежде чем вернуться к машине и посмотреть, как дела у Тима.

Что-то с ним не так, он явно был не в себе. Нахмурившись, она внимательно следила за ним, пока он вытаскивал последние растения. Она не думала, что он плохо себя чувствует — выглядел он вполне здоровым. Очевидно, его мучило что-то другое. Вряд ли это было связано с ней, разве что его родители сказали ему что-то, что его расстроило. Но нет, конечно, нет! Только на днях она долго разговаривала с Роном Мелвиллом, и он был в восторге от того, что Тим проявил успехи в чтении и счете.

— Вы так добры к нему, мисс Хортон. — сказал ей Рои. — Только, пожалуйста, не отказывайтесь от него, как от безнадежного. Я так жалею, что вы узнали его лишь недавно.

Они молча поели и вышли в сад. Он скажет обо всем сам, в свое время. Наверное, лучше, если она будет вести себя, как будто ничего не случилось, пойдет сажать новые растения, а он будет помогать ей. На прошлой неделе они получили такое удовольствие, когда сажали цветы. спорили, сделать ли клумбы из одних левкоев или смешать их с львиным зевом. Он совсем не знал названий цветов, и она

вытащила книги и показывала их на картинках. Он был в восторге, ходил и бормотал, заучивая их названия.

В этот день они работали молча, пока тени не стали длинными и порывы морского ветра, дующего вверх по реке, не предупредили их о том, что приближается ночь.

— Давай разожжем костер и приготовим ужины на берегу, — предложила в отчаянии Мэри. — Мы можем пойти ноплавать пока разгорается огонь в мангале, а потом развести костер на песке и обсушиться перед едой. Ну как, Тим, согласен?

Он попытался улыбнуться:

— Чудесно, Мэри.

К этому времени Мэри уже научилась любить воду и могла даже чуть-чуть проплыть, чтобы быть в тех местах, где любил резвиться Тим. Она купила черный купальник с довольно длинной юбкой, скромность не позволяла иначе. Тим считал купальник роскошным. Кожа ее загорела, и она выглядела моложе и здоровее.

На этот раз Тим и в воде вел себя не как обычно. Он спокойно плавал и не пытался нырять и торпедировать ее, и когда она предложила выйти на берег, сразу же последовал за ней. Обычно вытащить его из воды стоило огромных трудов, он готов был сидеть там до полуночи.

Она поджарила отбивные из молодого барашка и большие сосиски. И то и другое было его любимым блюдом. Но он поковырял немного отбивную и отодвинул тарелку. Вздохнув, он устало покачал головой.

— Я не хочу есть, Мэри.

Они сидели бок о бок на полотенце перед костром и, несмотря на зимний ветер, им было тепло и уютно. Солнце уже село, и мир вокруг потерял яркость, но еще не стал ни серым, ни черным. Над ними в чистом огромном небе блеснула вечерняя звезда на светло-зеленом горизонте и еще несколько крупных звезд пытались пробиться сквозь свет, то появляясь, то исчезая. Повсюду чирикали и свистели птицы, укладываясь спать, а лес был полон таинственных звуков и шелеста.

Мэри раньше никогда не замечала всего этого, была совершенно безразлична к окружающему миру, если он не вторгался в ее жизнь, но сейчас она вдруг обнаружила, что

стала остро его чувствовать, все: небо, землю, воду, животных и растения. Все это казалось ей теперь удивительным и красивым. Тим научил ее этому, когда показал цикаду-хормейстера с олеандрового куста. Он приносил и показывал ей сокровища, которые находил: паука, или дикую орхидею, или крошечное пушистое животное, и она научилась не отпрыгивать с отвращением, но смотреть на них его глазами, видеть в них то, чем она в действительности была: частью планеты Земля, как и она сама, если не больше.

Обеспокоенная и расстроенная, Мэри вертелась сидя на полотенце, пока не приняла такое положение, когда могла смотреть на его профиль, четко вырисовывающийся на фоне перламутрового неба. Щека, повернутая к ней, была слабо очерчена, невидим глаз в потемневшей глазнице, печально сложен рот. Он слегка повернулся, и в остававшемся еще свете, она увидела ряд крошечных капелек на его ресницах, сверкая, они стекали вниз по щеке.

— О, Тим! — вскричала она, протягивая к нему руки, — не плачь, мой дорогой мальчик, не плачь! Что с тобой, что произошло? Скажи мне - мы ведь такие с тобой друзья!

Она вспомнила, Рон рассказывал ей, что Тим плакал много и как маленький ребенок, громко всхлипывая и икая. Но в последнее время он так плакать перестал. Теперь в тех редких случаях, когда что-то доводило его до слез, он плакал, как взрослый, тихо и незаметно, говорил Рон. Вот так он плачет и сейчас, подумала она. Сколько же раз он сегодня плакал, а она не заметила?!

Слишком расстроенная, чтобы оценить свое поведение, она положила руку ему на плечо и начала гладить его, пытаясь успокоить. Он тотчас повернулся к ней и, прежде чем она успела отпрянуть, положил голову ей на грудь и прижался к ней, как маленькое животное, которое ищет место, куда спрятаться, а руки его охватили ее за талию. Его руки так же естественно опустились ему на спину, а голова поникла и коснулась его волос.

— Не плачь, Тим, — шептала она, глядя его по волосам и целуя в лоб.

Она забыла все на свете, кроме стремления утешить его. Он нуждался в ней, он бросился к ней и спрятал лицо у

нее на груди, как будто думал, что она может укрыть его от всех опасностей мира. Жизнь ее не готовила к этому, она не представляла, что может наступить такой момент - бесконечно прекрасный и так пронизанный болью. Его спина под ее рукой казалась прохладной и гладкой, как шелк; небритые щеки кололи ей грудь.

Сначала неловко и нерешительно она прижала его ближе к себе. Одной рукой нежно, но крепко она охватила его спину, а другой обняла голову, пальцы ее утонули в его густых, слегка пропитанных солью волосах. Сорок три года ее пустой, без любви жизни исчезли, улетели прочь, растворились в этом крошечном мгновении. Теперь они не имели значения, и если ей суждено прожить еще сорок три таких же пустых года, все равно это не будет иметь значения. Теперь уже не будет иметь!

Через некоторое время он перестал плакать и лежал в ее объятиях совершенно неподвижно, только его слабое дыхание говорило ей о том, что он жив. Она тоже не двигалась, сама мысль о том, чтобы шевельнуться, приводила ее в ужас, ибо инстинкт говорил ей, что если кто-то из них двинется, все будет кончено. Она крепче прижалась губами к его волосам, закрыла глаза, чувствуя себя абсолютно счастливой.

Он глубоко вздохнул, всхлипнул и слегка подвинулся, чтобы ему было более удобно, но для Мэри это был сигнал, что опасный момент прошел. Осторожно она слегка отодвинулась, чтобы дать ему возможность, оставаясь на прежнем месте, поднять голову и посмотреть на нее. Она потянула его за волосы, и он поднял лицо. Она почувствовала его дыхание у себя на шее. В слабом свете его красота приобрела какой-то волшебный характер. Он был Обероном или Морфеем, чем-то нереальным, существом из другого мира. Лунный свет упал ему на глаза и они, теперь серебристоголубые, смотрели на нее как бы через тонкую пелену. Возможно, он действительно так смотрел на нее, ибо, подумала она, он видел в ней то, чего никто другой не видел.

— Тим, неужели ты мне не скажешь, что сделало тебя таким несчастным?

— Это моя Дони, Мэри. Она скоро уйдет, и мы не будем ее видеть так часто. Я не хочу, чтобы моя Дони уходила, я

хочу, чтобы она жила с нами!

— Понятно, — она смотрела в его немигающие лунные глаза. — Она выходит замуж, Тим? Поэтому она уходит?

— Да, но я не хочу, чтобы она выходила замуж и ушла от нас! — вскричал он с вызовом.

— Тим, по мере того, как ты будешь жить, ты узнаешь, что жизнь состоит из встреч, узнавания людей и расставаний. Иногда мы любим людей, которых встречаем, иногда мы не любим людей, которых встречаем, но знать их — самое важное в жизни, это и делает нас людьми. Видишь ли, в течение многих лет я отказывалась это признавать, и я не была очень хорошим человеком. Затем я встретила тебя, и когда я тебя узнала, это как бы изменило мою жизнь, я стала лучше.

Но расставания, Тим! Они самые трудные, их горько принять, особенно, если мы любим. Разлука означает, что так, как было, уже не будет. Что-то уходит из нашей жизни, какую-то часть самих себя мы теряем и уже не найдем, не сможем вернуть. Но расставания бывают нередко, Тим. Они такая же часть нашей жизни, как встречи. Тебе надо помнить, что ты знал Дони, а не горевать потому, что тебе пришлось расстаться с ней. Этого нельзя избежать. Если ты сохранишь память о ней, а горевать о ней не будешь, то тебе не будет так больно. И все это так длинно и так сложно, что ты не понял ни слова. Правда, любимый?

— Я думаю, я понял немножко, Мэри, — ответил он серьезно.

Она засмеялась, чары рассеялись, и он немного отодвинулся. Встав, она протянула ему руки, и он поднялся на ноги.

— Мэри, то, что ты сказала, значит, что когда-нибудь и ты уйдешь от меня тоже?

— Нет, если ты сам этого не захочешь, или я не умру.

Костер погасили, и тонкие струйки дыма потянулись от песка вверх. На берегу стало очень холодно. Мэри задрожала, обхватив себя руками.

— Пойдем, пойдем в дом, Тим. Там тепло и светло.

Он удержал ее, пристально смотря ей в лицо со страстным истерпением, обычно совершенно чуждым ему.

— Мэри, я всегда хотел знать, но никто мне не хотел

сказать. Что такое смерть, что значит - умереть и быть мертвым? Это все одно и то же?

— Да, все это относится к одному и тому же, — она взяла его руку и прижала ладонь к своей груди, чуть выше левого соска. — Чувствуешь, как бьется сердце, Тим? Чувствуешь его стук? Оно бьется всегда, никогда не останавливается ни на минуту.

Он кивнул, зачарованный:

-- Да, чувствую, чувствую!

— Ну вот, пока оно бьется, ты можешь видеть и слышать, ходить, смеяться и плакать, есть и пить, и вставать утром, чувствовать солнце и ветер. И когда я говорю "жить", я имею в виду - видеть, слышать, ходить, смеяться и плакать. Но ты видел, что все стареет, изнашивается, ломается? Тачка или бетономешалка, например? Ну, и мы все с нашим сердцем, которое бьется в нашей груди. — каждый из нас, Тим, каждый - мы стареем, и устает, и изнашиваемся тоже. Со временем и мы начинаем ломаться, и то, что бьется у нас в груди, останавливается, как часы, которые не завели. Это случается со всеми, когда придет время. Некоторые из нас изнашиваются быстрее, чем другие, некоторых остановит несчастный случай, если мы попадем в катастрофу или что-нибудь такое. Никто не знает, когда ему придет конец. Это просто когда-то случится, когда мы совсем износимся и слишком устанем, чтобы продолжать жить.

Когда остановится наше сердце, Тим, и мы остановимся. Мы больше не будем ни видеть, ни слышать, ни ходить, ни есть. Мы не сможем смеяться или плакать. Мы будем мертвы, Тим. Нас больше не будет, и нас положат туда, где мы будем лежать и спать потревоженные, нас положат навсегда под землю. Это происходит со всеми, и этого нечего бояться, больно не будет. Это как уснуть и никогда не проснуться. Нам ведь не больно, пока мы спим, правда? А пока мы живем, мы должны наслаждаться жизнью и не бояться умереть, когда придет наше время.

— Тогда я могу умереть так же, как ты, Мэри? — сказал он со страстью, приблизив к ней свое лицо.

— Да, можешь, но я старая, а ты молодой, и поэтому, если все будет идти нормально, я остановлюсь раньше, чем

ты. Я более изношена, чем ты. Понимасшь?

Он опять был на пороге слез:

— Нет, нет, нет! Я не хочу, чтобы ты умерла раньше меня, я не хочу, не хочу!

Она взяла его холодные руки в свои и стала тереть их энергично.

— Ну, ну, Тим. Не расстраивайся! Что я тебе говорила только что? Надо наслаждаться каждым мгновением, пока мы живы! Смерть в будущем, о ней даже думать не надо!

Смерть - это окончательное расставание, Тим, и его труднее всего пережить потому, что это - навсегда. Но все мы приходим к этому, и мы не можем закрывать на это глаза и притворяться, что этого не существует. Если мы будем вести себя, как взрослые и разумные люди, если будем сильные, мы будем понимать, что такое смерть, знать о ней, но мы не допустим, чтобы она беспокоила нас. Я теперь знаю, что ты взрослый, разумный человек, я знаю, что ты - хороший и сильный, и я хочу, чтобы ты обещал мне, что не будешь расстраиваться по поводу смерти, что ты не будешь бояться, что это случится со мной или с тобой. Я хочу, чтобы ты пообещал, что будешь вести себя, как мужчина, что не сделаешь бедную Дони несчастной из-за того, что ты сам несчастен. Дони имеет такое же право наслаждаться жизнью, как и ты. И ты не должен ей мешать, давая ей заметить, как ты расстроен.

Она взяла его за подбородок и посмотрела в затуманенные глаза.

— Я знаю, что ты хороший, сильный и добрый, Тим, и поэтому я хочу, чтобы ты вел себя по отношению к Дони, как я сказала. И это относится ко всему другому, что может тебя опечалить. Ты не должен предаваться грусти ни на минуту. Обещаешь?

Он серьезно кивнул:

— Я обещаю тебе, Мэри.

— А теперь пойдем в дом. Я замерзла.

Мэри включила большую электрическую печь в гостиной и поставила музыку, которая, как она знала, отвлечет его. И действительно, он вскоре начал смеяться и разговаривать, как-будто ничего не случилось. Он захотел читать и она с радостью занялась с ним, потом Тим свернулся на

полу у ее ног, а голову положил на ручку кресла.

— Мэри, — позвал он ее после долгой паузы, когда она как раз собиралась открыть рот, чтобы отправить его спать.

— Да?

Он повернулся так, чтобы видеть ее лицо.

— Когда я плачу и ты обнимаешь меня, как это называется?

Она улыбнулась, похлопав его по плечу.

— Не знаю, наверно, утешать. Да, это слово подойдет — "утешать". А что?

— Мне это так понравилось. Мама это делала иногда, но давным давно, когда я был совсем малышом, но потом она сказала, что я уже слишком большой и никогда больше этого не делала. А ты не думаешь, что я слишком большой?

Она закрыла рукой глаза и так сидела некоторое время. Затем рука упала на колени и крепко сжала другую руку.

— Не важно, большой ты или нет, важно насколько велико твоё горе. Может, ты и большой теперь, но горе твоё ещё больше, правда? Ведь утешение тебе помогло?

Он отвернулся, удовлетворенный.

— Да, да. Очень. Было так хорошо. Я бы хотел, чтоб ты утешала меня каждый день.

Она засмеялась:

— Может, ты и хочешь, чтобы тебя утешали каждый день, но этого не будет. Когда что-то делается слишком часто, то все удовольствие пропадает, разве не так? Если тебя будут утешать каждый день, независимо от того, нужно тебе это или нет, то тебе надоест. И так хорошо уже не будет.

— Но мне это нужно все время, Мэри, мне нужно, чтоб ты меня утешала каждый день.

— Фу, что за чепуха! Я смотрю, ты соблазнитель, мой друг! Ну, я думаю, пора спать, а?

Он встал.

— Спокойной ночи, Мэри. Ты мне нравишься, нравишься больше всех, кроме папы и мамы. Нравишься так же, как папа и мама.

— О, Тим! А как насчет Дони?

— О, мне и Дони нравится, но тебя я люблю больше, чем ее. Я люблю тебя больше всех, кроме папы и мамы.

Теперь я буду называть тебя моя Мэри, а Дони больше не буду называть моя Дони.

— Тим, не будь злопамятным! Это так жестоко и неразумно! Пожалуйста, не показывай ей, что я заняла ее место в твоём сердце. Это сделает ее очень несчастной.

— Но я люблю тебя, Мэри, больше, чем Дони! Я ничего не могу поделать, это так!

— Я тоже люблю тебя, Тим, и вообще-то больше всех на свете, потому что у меня нет папы и мамы.

12

Времени на подготовку свадьбы Дони оставалось мало. Узнав о происхождении невесты, родители Мика, так же, как и Дони, решили устроить свадьбу как можно скромнее.

Обе пары родителей и молодые встретились на нейтральной территории, а именно в номере отеля Вентворт, где и планировалось обсудить детали свадебной церемонии. Всем было неловко. Рон в белом воротничке и галстук и Эс в корсете сидели на краешке стульев и ни за что не хотели участвовать в разговоре, в то время, как родители Мика, для которых и воротничок, и галстук, и корсет были делом повседневным, приняв несколько снисходительный вид, говорили скучными голосами. Мик и Дони старались изо всех сил снять напряженность, но без успеха.

— Дон, конечно, наденет длинное белое платье, и по крайней мере один человек будет при ней в качестве сопровождающего, — сказала миссис Харрингтон-Смит с вызовом.

Эс тупо смотрела на нее. Она совсем забыла, что настоящее имя Дони — это Дон, и ей не понравилось, что семье Мелвиллов напомнили, что они называют дочь по-простонародному. "Хм", — был ее ответ, но миссис Харрингтон-Смит приняла его за согласие.

— Мужчинам на свадьбе лучше быть в темных костюмах и гладких синих шелковых галстуках, — продолжала миссис Харрингтон-Смит. — Раз будет маленькая, скромная свадьба, смокинги и белые галстуки совсем не подой-

дут.

— Хм, — сказала Эс, ища рукой под столом, пока не натолкнулась на руку Рона, и схватилась за нее с облегчением.

— Я вам дам список гостей со стороны жениха, миссис Мелвил.

И все это продолжалось до тех пор, пока миссис Харрингтон-Смит не заметила:

— Я знаю, что у Дон есть старший брат, миссис Мелвил, но Майкл не сказал мне, какую роль он будет играть в свадебной церемонии. Естественно, вы понимаете, что он не может быть шафером, поскольку друг Майкла Хиллари Арбукл-Хит будет выступать в этой роли, и я не представляю, какая другая роль подойдет для него при таком малом количестве народа. Если, конечно, Дон не передумает и не возьмет еще одного сопровождающего.

— Все правильно, мэм. — резко сказал Рон, сжимая руку Эс. — Тим не будет на свадьбе. Мы, фактически, думаем отправить его к мисс Мэри Хортон на этот день.

Дони ахнула:

— О, пап, ты не сделаешь этого! Тим мой единственный брат, и я хочу, чтобы он был у меня на свадьбе!

— Но Дони, милая, ты знаешь, Тим не любит, когда много людей! — возразил ей отец. — Подумай, какой будет скандал, если его вдруг там вырвет! Вот будет веселенькая история! Думаю, гораздо лучше, если он поедет к мисс Хортон.

В глазах Дони блеснули слезы.

— Люди подумают, что ты его стыдишься, папа! Я его не стыжусь, я хочу, чтобы его видели все и любили все, как я!

— Дони, дорогая, я думаю, твой старик прав в отношении Тима, — внесла свою долю Эс. — Ты знаешь, как он ненавидит толпу, и если даже ему не будет плохо, ему будет очень тяжело сидеть неподвижно, пока тянется вся эта свадебная церемония.

Харрингтон-Смиты смотрели друг на друга, ничего не понимая.

— Я думала, что он старше, чем Дон, — сказала миссис Харрингтон-Смит. — Я не знала, что он только ребенок.

Извините, пожалуйста.

— Ну, он не ребенок, — вспыхнула Дони, красные пятна горели на ее щеках. — Он на год старше меня, но он умственно отсталый, и они стараются скрыть это от всех!

Последовало напряженное молчание; миссис Харрингтон-Смит барабанила пальцами по столу, а Мик смотрел с удивлением на Дони.

— Разве ты мне говорила, что он умственно отсталый? — сказал он.

— Нет, не говорила, потому что мне не пришло в голову, что это важно! Я жила бок о бок с Тимом всю свою жизнь, он — часть моей жизни, важная часть! Когда я говорю о нем, я не помню, что он — умственно отсталый, вот и все!

— Не сердись, Дон, — попросил Мик. — Это действительно не имеет значения, ты права. Я просто удивился, и все.

— Да, я сержусь! Я не хочу скрывать тот факт, что мой родной брат — умственно отсталый, это, похоже, хотят сделать мои мать и отец! Папа, как ты можешь?

Рон выглядел очень смущенным.

— Ну, Дони, мы не то чтобы хотим это скрыть, просто мы думаем, что тебе проще было бы, если бы он не пришел. Тим не любит, когда много народу, ты же знаешь. Все на него смотрят, и он начинает вести себя странно.

— О, Боже, на него что, так неприятно смотреть? — спросила миссис Харрингтон-Смит. Сомнение отразилось в ее глазах, когда она посмотрела на Дони. Может быть, это наследственное? Что за идиот Майкл! Выбрал эту девицу из низшего класса, а сколько чудесных девушек отверг! Говорят, что она блестяще умна, но ум — не замена хорошему воспитанию, он никогда не перевесит вульгарности, и все это семейство — сплошь вульгарное, вульгарное, вульгарное! У девушки нет никакой утонченности, никакого понятия, как вести себя в приличном обществе.

— Тим — самый красивый человек, какого я когда-либо видела, — воскликнула Дони. — Люди смотрят на него в восхищении, только он не понимает этого!

— О, он очень красив, — сказала Эс. — Мисс Хортон говорит — как греческий бог.

— Мисс Хортон? — спросил Мик, надеясь переменить разговор.

— Мисс Хортон - это леди, к которой Тим ходит по субботам следить за ее садом.

— Правда? Значит, Тим - садовник?

— Нет, черт подери, никакой он не садовник, — вспыхнула Дони, выведенная из себя тоном, каким был задан вопрос. — Он работает разнорабочим в строительной бригаде, а по выходным подрабатывает у богатой старой леди.

Объяснение Дони еще ухудшило положение. Харрингтон-Смиты заерзали на стульях, стараясь не смотреть друг на друга и на Мелвиллов.

— Уровень интеллекта Тима - 75, — сказала Дони более спокойно. — Поэтому считается, что он не может работать, но мои родители повели себя замечательно с самого начала. Они поняли, что поддерживать Тима всю жизнь они не смогут, и поэтому воспитали его так, чтобы он был самостоятельным и независимым, насколько это возможно. С пятнадцати лет Тим зарабатывает себе на жизнь. Он чернорабочий, это единственная работа, которую он может выполнять. Кстати сказать, он все еще работает у того человека, который взял его, когда ему было пятнадцать, и это доказывает, что к нему хорошо относятся. Папа оплачивает страховку за Тима, ему на жизнь хватит. С тех пор, как я начала работать, я тоже помогала увеличить сумму страховки, и часть зарплаты Тима тоже шла на это. Тим у нас - самый богатый член семьи, ха-ха! До последнего времени Тим не умел ни читать, ни писать, ни считать, но мама и папа обучили его всему необходимому. Например, как проехать по городу без посторонней помощи. Они научили его считать деньги, хотя ничего другого он сосчитать не может. Это необъяснимо, но это так. Он может купить себе билет на автобус или на поезд, он может купить еду или одежду. Он не является для нас бременем! Я люблю моего брата и предана ему. Таких добрых, милых и славных людей, как он, нет на свете.

— И, Мик. — прибавила она, повернувшись к своему жениху, — когда Тим останется один, ему понадобится дом. Я его возьму к себе. Если тебе это не подходит - ну что ж, тем хуже! Тогда лучше отменить все это сейчас.

— Моя дорогая, дорогая Дон, — сказал Мик невозмутимо. — Я бы женился на тебе, даже если бы у тебя было с десяток слабоумных братьев.

Ответ ей не понравился, но она была слишком взволнована, чтобы проанализировать, почему он ей не понравился, а потом вообще забыла об этом.

— Это у нас не наследственное, — трогательно объясняла Эс. — Так доктор сказал. Мне было за сорок, когда я вышла замуж за Рона, и у меня никогда раньше не было детей. Поэтому Тим и родился неполным долларом, понимаете? С Дони было все в порядке, повлияло только на первого, на Тима. Но, Дони правильно говорит, лучшего парня, чем Тим, нет на свете.

— Понятно. — сказала миссис Харингтон-Смит, не зная, что еще сказать. — Ну, я думаю, что никто, кроме мистера и миссис Мелвил не должен решать, будет их сын присутствовать на бракосочетании или нет.

— А мы решили, — твердо сказала Эс. — Тим не любит, когда много народу, и поэтому Тим не пойдет. Мисс Хортон будет рада взять его на выходные.

Донн разразилась слезами и бросилась из комнаты. Несколько минут спустя мать нашла ее в туалетной комнате.

— Не плачь, дорогая, — Эс обняла ее за плечи.

— Но все идет неправильно, мам! Тебе и папе не нравятся Харингтон-Смиты, и вы им тоже не нравитесь, а что думает Мик, я уже не знаю. Боже, получается какой-то кошмар!

— Чепуха. Рон и я совсем из другого мира, чем Харингтон-Смиты, вот и все. Обычно они не общаются с такими, как мы, и как ты можешь ожидать, что они будут знать, как вести себя с нами? То же относится и к нам. С такими людьми, как Харингтон-Смиты, я не играю в теннис по вторникам, четвергам и субботам, а Рон не встречается с ними в "Прибрежном", ни в своем клубе. Ты уже большая, Дони, и очень умная. Ты должна знать, что мы не можем стать друзьями. Но мы и не враги, особенно если наши дети поженились. Мы просто не будем видеться, ну, может быть, на крестинах и тому подобное. И так должно быть. Почему мы должны портить друг другу настроение, если наши дети поженились? Ты ведь достаточно умная, чтобы это понять,

а?

Дони вытерла глаза.

— Да, хорошо, мам. Но, мама, я так хотела, чтобы все было хорошо, как надо!

— Конечно, милая, но жизнь-то не такая, ну, не всегда такая. Ты выбрала Мика, а он тебя, а не нас или Харрингтон-Смитов. Если бы нам предоставили выбор, мы бы никогда не выбрали тебе в мужа Мика, тоже самое и эти воображали Харрингтон-Смиты. Тоже мне, двойная фамилия, видишь ли! Прямо лопаются от важности! Но мы стараемся сделать все как можно лучше, поэтому и ты постарайся, ради Бога, и не устраивай скандал из-за Тима. Нехорошо с твоей стороны заставлять его приходить. Пусть Тим живет своей жизнью, и не навязывай его Харрингтон-Смитам. Они его не знают так, как знаем его мы, и ты не можешь ожидать, чтобы они его поняли.

— Благослови тебя Бог, мама! Я не знаю, что бы я делала без тебя! Я считаюсь в семье Мелвиллов самой умной, но мне кажется, что по-настоящему самые умные у нас это ты и папа. И где ты научилась мудрости, мама?

— Да нигде, дорогая. Ни я, ни отец. Жизнь это делает со временем. Когда у тебя будут дети твоего возраста, тогда ты будешь куда мудрее!

В конце концов Рон позвонил Мэри Хортон и попросил ее помочь решить вопрос, как быть с Тимом - идти ему на свадьбу или нет. Хотя они никогда не встречались и он понимал, что Мэри Хортон больше принадлежала к кругу Харрингтон-Смитов, чем к его, Рон почему-то чувствовал себя с ней непринужденно. Она все поймет и предложит лучший выход.

— Дело плохо, мисс Хортон, — сказал он, громко дыша в трубку. — Харрингтон-Смиты не очень довольны выбором сына и, честно говоря, я их не виню. Они боятся, что она не подойдет к их кругу, и если бы Дони не была так башковита, я бы тоже этого боялся. А так-то она научится всему быстрее, чем они думают, и никому не придется стыдиться за то, что она скажет или сделает.

— Я не знакома с Дони лично, мистер Мелвил, но из того, что я слышала, уверена, что вы правы, — ответила Мэри. — Так что я бы не беспокоилась о ней.

— Да, и я не беспокоюсь, — ответил он. — У Дони железный характер, с ней все в порядке. Вот Тим меня беспокоит.

— Тим? Почему?

— Ну, он-то совсем другой. Он-то не понимает, когда делает ошибку, не может он учиться на ошибках. Что будет с беднягой, когда мы умрем?

— Я думаю, что вы великолепно воспитали Тима, — у Мэри стоял комок в горле. — Вы воспитали его самостоятельным и независимым.

— Да, я знаю это! — сказал Рон немного нетерпеливо. — Если бы вопрос стоял только о том, чтобы он умел присмотреть за собой, я бы не беспокоился. Но не только об этом речь. Тиму нужны отец и мать, нужна любовь, душевный покой. И нас некому заменить. Человеку нужна жена, семья, а Тим этого никогда не сможет найти.

— Но вы еще долго проживете, мистер Мелвил. И вы и ваша жена еще молоды.

— Вот тут вы ошибаетесь, мисс Хортон. Эс и я совсем не молоды. У нас разница шесть месяцев и в этом году мы оба уже отпраздновали семидесятилетие.

— О! — На минуту Мэри замолчала, затем опять слышался ее голос, но довольно нерешительный. — Я представления не имела, что вы и миссис Мелвил в таком возрасте.

— Да, говорю вам, мисс Хортон, что Дони выходит замуж за такого типа, который, конечно, не захочет, чтобы у него болтался по дому умственно отсталый родственник. И это нас с Эс самих сводит с ума. Иногда ночью я слышу, как бедная Эс плачет, и знаю, что она плачет о Тиме. Он нас долго не переживет, понимаете. Когда он окажется один, то умрет от горя, вот увидите.

— Люди не умирают от горя, мистер Мелвил, — сказала Мэри, потому что в своем эмоциональном невежестве она не могла в это поверить.

— Еще как умирают, черт побери! — взорвался Рон. — Ой, извините, мисс Хортон! Я знаю, я не должен был ругаться, но поверьте мне, умирают люди от горя! Я видел это собственными глазами и не раз. Во-всяком случае Тим умрет, просто сойдет на нет. Чтобы жить, надо иметь не толь-

ко здоровье, но и волю. дорогая. И когда о Тиме некому будет заботиться, он умрет. Просто сядет, будет плакать, забудет поесть и умрет.

— Ну пока я жива, я позабочусь о том, чтобы было кому присмотреть за ним, — сказала Мэри с осторожностью.

— Но вы тоже не молоды, мисс Хортон! Раньше я надеялся, что Дони... Но теперь уже не надеюсь, — он вздохнул. — Ну ладно, нечего попусту слезы лить.

У Мэри висело на кончике языка, сказать Рону, что ей далеко не семьдесят, но он заговорил снова.

— Я ведь вам зачем звоню: это насчет того, идти ли Тиму на свадьбу. Я бы хотел его взять, но знаю, ему там будет несладко. Ему не выдержать всю церемонию, а затем еще прием. Дони очень расстроилась, когда я сказал, что он не должен идти, но я все-таки и сейчас так думаю. Может, вы не будете возражать, если Тим останется с вами на выходные?

— Конечно нет, мистер Мелвил! Но некрасиво будет, если Тима не будет, когда Дони будет готовиться к свадьбе, и на венчании он должен быть... Вот что я думаю. Привезите его в церковь, и после этого я сразу заберу его, так что идти на прием ему будет не надо.

— Ого, вот это мысль, мисс Хортон! И чего я не подумал об этом сам? Это все проблемы разрешит.

— Да, я тоже так думаю. Позвоните мне, когда все определится, и я даю вам слово, что присмотрю за Тимом после церемонии.

— Мисс Хортон, вы чудо! Правда!

13

Тиму очень понравились приготовления к свадьбе. Дони была особо внимательна и нежна к нему последнюю неделю перед тем, как она их всех покинет — так она про себя определила свой уход.

Утром в день свадьбы, в субботу, он был весь захвачен суетой и волнением, которые, казалось, переполняли их

всех, бродил повсюду, пытаясь помочь, но только мешался под ногами. Ему купили новый темно-синий костюм с брюками-клевш и слегка приталенным пиджаком. Он был в восторге. Он тотчас его надел и важно рассказывал, прихорашиваясь и разглядывая себя в зеркале.

— Но когда он увидел Дони в ее туалете, он был просто ошеломлен.

— О, Донн, ты как принцесса из сказки! — воскликнул он, глядя на нее широко открытыми синими глазами.

Она схватила его и прижала к себе, моргая, чтобы стряхнуть слезы.

— О, Тим, если у меня когда-нибудь будет сын, я хочу, чтобы он был такой же хороший, как ты, — прошептала она, целуя его в щеку.

Он был счастлив, не от того, что она сказала — этого он не понял, а от ее ласки.

— Ты утешила меня! — пропел он. — Ты меня утешила, Дони. А я люблю, когда меня утешают, больше всего на свете.

— Ну, Тим, теперь иди к воротам и следи, когда подъедут машины, будь хорошим мальчиком, — наставляла его Эс, стараясь не замечать легкую боль в боку, которую она чувствовала в последнее время.

Дони с отцом посадили в роскошный лимузин, подружка невесты в одиночестве села во второй, а Эс вместе с Тимом уселись в третий.

— Сиди тихо, Тим, и попытайся быть хорошим мальчиком, — напоминала она, откидываясь со вздохом на мягкую спинку сиденья.

— Ты такая красивая, мама, — сказал Тим, более, чем его мать, привыкший ездить в дорогом автомобиле.

— Спасибо, любимый, хотела бы я и чувствовать себя соответственно, — ответила Эс.

Она пыталась одеться не слишком броско. Догадываясь, что новым важным родственникам Дони не понравился бы наряд, который надевали матери невест в кругу Мелвиллов. Поэтому со вздохом огорчения она отказалась от светло-лилового гипюрового платья, манто и шляпы с лилиями, окрашенными в тот же цвет, и вместо них выбрала платье и манто бледно-голубого шелка, украшенные лишь двумя бе-

лыми розами.

Церковь была уже переполнена, когда она и Тим нашли свою скамью впереди на стороне невесты. Все время, пока они шли по проходу, Эс остро чувствовала, что люди на стороне жениха, вытаращив глаза, смотрят на Тима. Мистер и миссис Харрингтон-Смит смотрели на него, не веря своим глазам, а каждая девица до девятнадцати мгновенно теряла голову от любви. Эс была безмерно рада, что он не будет на приеме.

Во время церемонии, которая была не долгой, он вел себя превосходно. После ее окончания, пока длились поздравления и сверкали вспышки фотоаппаратов, Эс и Рон тихо вывели Тима и посадили у ворот.

— Теперь, сынок, ты здесь подожди Мэри и никуда не уходи, слышишь? — твердо сказала Эс.

Он кивнул:

— Хорошо, мам, я здесь подожду. Можно мне повернуться и посмотреть, как Дони будет спускаться по ступенькам?

— Конечно можно. Только не уходи, и если кто-нибудь подойдет и заговорит с тобой, отвечай вежливо, а потом вообще ничего не говори. Теперь мне и отцу надо вернуться в церковь, потому что они хотят сфотографироваться с нами, Бог их прости. Мы увидимся с тобой завтра вечером, когда мисс Хортон привезет тебя домой.

Мэри Хортон подъехала через десять минут после того, как новобрачные и гости уехали. Она была недовольна собой, потому что запуталась в маленьких улочках и подъехала сначала к другой церкви.

Тим сидел на низкой каменной оgrade - осеннее солнце проникало через густые кроны деревьев, в золотых столбах света танцевали пылинки. Он казался таким потерянным, таким одиноким, когда пристально и без надежды глядел на дорогу, и, казалось, был в тревоге, не случилось ли с ней чего. Новый костюм сидел на нем превосходно, но он казался чужим, очень красивым и искушенным. Только поза была его послушная и спокойная, как у хорошего маленького мальчика. Или как у собаки, подумала она, и как собака он будет сидеть, пока не погибнет от голода, но не двинется с места, потому что те, кого он любит, велели ему

сидеть и не двигаться.

Слова Рона по телефону о том, что Тим может умереть от горя, все еще мучали ее. Очевидно, Рон считал, что она близка им по возрасту, но она не просветила его на этот счет, ей почему-то не хотелось называть свой истинный возраст. "А почему я это сделала? — спрашивала она себя, — не надо было этого делать, глупо получилось".

Может ли, действительно, человек умереть от горя? В старых романах, которые теперь совершенно вышли из моды, женщины умирали. Она всегда считала, что кончина героини, как и все остальное в этих печальных романах, относится целиком к воображению автора. А вдруг это правда? Что она будет делать, если Тим навсегда уйдет из ее жизни? Вдруг его отберут разгневанные родители? Или, Боже сохрани, смерть? Какой серой и пустой будет ее жизнь без Тима, каким мертвым и бессмысленным окажется мир!

Он стал центром всего ее существования, и уже несколько человек заметили какую-то перемену в ней самой.

Не так давно миссис Эмили Паркер пригласила ее к себе.

— Я что-то давно уже не вижу вас в выходные, — сказала она.

Мэри пробормотала что-то насчет занятости.

— Ха-ха-ха! — покатила со смеху миссис Паркер. — Точно заняты. — Она подмигнула Мэри и добродушно ткнула ее пальцем в ребра. — Должна сказать, вам пришелся по душе молодой Тим, мисс Хортон. Эти старые сплетницы на нашей улице уже распустили языки.

— Мне, действительно, пришлось по душе молодой Тим, — спокойно ответила Мэри, начиная приходить в себя. — Он такой хороший парень, так старается услужить и такой одинокий. Сначала я дала ему работу в саду, потому что думала, ему пригодятся дополнительные деньги, затем, когда я узнала его ближе, мне он стал нравиться уже сам по себе, несмотря на то, что он не целый доллар, как у нас говорят. Он искренний, ласковый и совершенно бесхитрый. Так приятно встретить кого-то, у кого абсолютно отсутствует хитрость, не правда ли?

Она внимательно, но ласково посмотрела на миссис

Паркер. Миссис Паркер, у которой была выбита почва из-под ног, тоже воззрилась на Мэри.

— Хм, да, наверно, так. Ну и то, что вы всегда были одна, а теперь он вам компания, правда?

— Безусловно! Мне и Тиму весело вдвоем. Мы ухаживаем за садом, слушаем музыку, плаваем и устраиваем пикники, ну много чего. У него простые вкусы, и он учит меня ценить простоту. Со мной ведь нелегко ладить, но Тим подходит мне. Он помогает проявиться моим лучшим чертам характера.

Несмотря на все свое любопытство, старушенция была добрым и непридирчивым человеком. Она поощрительно хлопала Мэри по плечу.

— Ну, я рада за вас, детка. Хорошо, что вы нашли себе компанию, ведь так одиноко одной. А этих старых сплетниц я приструню. Я говорила им, что вы не тот человек, чтоб покупать себе дружка.

Ну, а теперь как насчет чашечки чая? Я хочу услышать все о молодом Тиме.

Но Мэри не шевельнулась, лицо ее застыло как неподвижная маска. Она взглянула на миссис Паркер и спросила:

— Это правда, что они так думают? Как отвратительно, как недостойно с их стороны! Я забочусь не о себе, о Тиме! Боже мой, как ужасно!

Вторым человеком, который заметил изменения в Мэри, был ее босс Арчи Джонсон, хотя он ничего не знал о причинах. Как-то, когда они завтракали в кафетерии офиса, Арчи затронул эту тему.

— Знаешь, Мэри, это, конечно не мое дело и я готов к тому, что ты поставишь меня на место, но в последнее время у тебя, кажется, появились новые интересы?

Она вытаращила глаза, застигнутая врасплох:

— Извините, сэр?

— Ой, перестань, Мэри! Не надо никаких ни "сэров", ни мистеров Джонсонов. У нас обеденный перерыв.

Она положила нож и вилку и посмотрела на него спокойно. Они потеряли счет годам, которые проработали вместе, но их отношения строго ограничивались деловой сферой, и ей всегда было трудно сменить тон.

— Если ты хочешь сказать, Арчи, что я за последнее время изменилась, так и скажи. Я не обижусь.

— Да, именно это я и хочу сказать. Ты изменилась. О, ты все еще ужасная старая мегера и до сих пор тебя до смерти боятся молоденькие машинистки, но ты изменилась. Боже, как ты изменилась! Даже другие заметили это. Во-первых ты выглядишь прекрасно. Как будто теперь ты бываешь на солнце, а не сидишь под камнем, как улитка. И на днях я слышал, как ты смеялась, когда эта идиотка Селеста потешала публику.

Она слегка улыбнулась.

— Да, Арчи. Я думаю, что я, наконец, вошла в человеческий мир. Неплохо сказано, правда?

— Что же, черт побери, заставило такую старую деву, как ты, войти в человеческий мир после всех этих лет? Завела приятеля?

— В некотором роде, да, хотя совсем не то, что думают все. Есть вещи, дорогой Арчи, которые могут принести старой деве гораздо больше, чем сексуальное удовлетворение.

— Да, я согласен! Любовь творит чудеса, Мэри. Удивительное чувство, когда знаешь, что ты нужен, к тебе стремятся, тебя ценят. Секс это ведь только глазурь на кексе.

— Как ты проникателен! Недаром мы так хорошо работаем вместе столько лет. У тебя больше ума и понимания, Арчи, чем у других бизнесменов, каких я знаю.

— Смотри, у меня закружится голова от похвал. Но, Мэри, ты, действительно, изменилась. И к лучшему, могу добавить. Если будет так продолжаться, я могу даже пригласить тебя поужинать.

— С удовольствием. Рада буду увидеть Трисию опять.

— Кто сказал, что Трисия приглашена? — рассмеялся он. — Мне следовало сообразить, что настолько-то ты не изменилась! Серьезно, я думаю, что Трисия была бы рада увидеть тебя теперь, так что почему тебе не зайти как-нибудь вечером?

— С радостью. Попроси Трисию позвонить мне, и я запишу у себя в книжке, когда приглашена к вам.

— Ладно, хватит ходить вокруг да около. Так что же происходит с тобой, дорогая?

— Полагаю, что надо бы сказать "ребенок". Хотя это

весьма особый ребенок.

— Ребенок? — он обрадовался. — Я мог бы догадаться, что это ребенок. Такое неспорченное существо, как ты, гораздо быстрее смягчается под влиянием ребенка, чем мужчины.

— Не так все просто, — ответила он медленно, удивляясь тому, что чувствует себя свободно и раскованно. Никогда раньше ей не было так легко с Арчи. — Его зовут Тим Мелвил и ему двадцать пять лет, но несмотря на это, он ребенок. Он умственно отсталый.

— Чтоб мне провалиться! — воскликнул Арчи, вытаращив глаза. Он любил употреблять неожиданные выражения. — Как тебе удалось вляпаться в это?

— Как-то постепенно, думаю. Трудно не любить того, кто не понимает, почему его не любят, еще труднее обидеть того, кто не поймет, почему его обидели.

— Да, это так.

— Ну, на выходные я вожу его в Госфорд и, надеюсь, нынче зимой, в отпуске взять его на Большой Барьерный Риф. Похоже, что он искренне предпочитает мое общество всем, кроме своих родителей. Они хорошие люди.

— А почему ему не предпочитать твое общество? Ой, опаздываем, времени-то сколько! Я скажу Трисии, чтоб организовала ужин, и тогда уж расскажешь мне все. А пока что, мой старый боевой конь, давай за дело. Звонил Мак-Нотон по поводу концессии в Динданге?

Она в какой-то степени была рада, что и миссис Паркер и Арчи восприняли ее дружбу с Тимом спокойно и были даже рады за нее. Обещанный ужин с Арчи и его женой она ждала с нетерпением впервые за двадцать лет.

Когда Тим увидел приближающийся "бснтли", лицо его осветилось радостно, и он тотчас прыгнул с низкой каменной оградой.

— О, Мэри, я так рад тебя видеть! — воскликнул он, протискиваясь на переднее сиденье. — Я думал, ты забыла.

Ей было так его жалко, и она так расстроилась из-за опоздания, что взяла его руку и прижала к щеке, совсем забыв о своем решении никогда к нему не прикасаться.

— Тим, я же не могу забыть о тебе. Я просто заблудилась, подъехала к другой церкви и поэтому опоздала.. Ну

теперь сиди спокойно и радуйся, потому что я сейчас решила поехать в Госфорд.

— Ой, как хорошо! Я думал, что нам придется остаться в Артамоне, ведь уже поздно.

— Нет, почему бы нам не поехать? Еще есть время и выкупаться, если вода не слишком холодная. А уж ужин на берегу мы приготовим, как бы холодно ни было.

Она сбоку взглянула на него, отмечая контраст между улыбающимся счастливым лицом сейчас и его отчаянным и потерянным выражением несколько минут назад.

— Как прошло венчание?

— Было очень красиво, — ответил он серьезно. — Дони выглядела, как сказочная принцесса, а мама, как фея-крестная. У нее было прекрасное светло-голубое платье, а у Дони длинное белое с фестонами, и большой букет цветов в руке, и длинная белая фата на голове, как облако.

— Звучит чудесно. Все были довольны?

— Наверное, — сказал он с сомнением, — но мама плакала и папа тоже, только он сказал, это от ветра и очень рассердился на меня, когда я сказал, что в церкви не было ветра. Мама сказала, что она плачет потому, что счастлива за Дони. Я не знал, что люди плачут, когда они счастливы, Мэри. Когда я счастлив, я не плачу. Я плачу, только когда мне грустно. Зачем плакать, если счастлив?

Она улыбнулась, вдруг почувствовав себя такой счастливой, что сама была близка к слезам.

— Я не знаю, Тим, может быть, иногда так случается. Но когда ты так счастлив, что плачешь, то чувствуешь себя совсем по-другому, и это очень приятно.

— О, тогда я хочу быть так счастлив, чтобы плакать, Мэри, почему я не могу быть так счастлив, чтобы плакать?

— Я думаю, для этого нужно быть очень старым. И с тобой это может случиться, когда ты станешь старым и седым.

Вполне удовлетворенный, он откинулся на спинку и смотрел на дорогу. Казалось, это ему никогда не надоело. У него было неутомимое любопытство маленького ребенка и способность повторять одну и то же сюжет и сюжет, не испытывая скуки. Каждый раз, когда они ехали в Госфорд, он вел себя так, как будто это было в первый раз. Он был так

же поражен пейзажем и буйной зеленью, так же приходил в восторг, когда видел коттедж в конце тропы, был весь нетерпение, когда бежал узнать, какие растения выросли, какие цветы распустились и какие завяли.

В эту ночь, когда Тим ушел спать, Мэри сделала то, что она никогда не делала раньше. Она зашла в его комнату, подоткнула одеяло вокруг него и поцеловала его в лоб.

— Спокойной ночи, Тим дорогой, спи хорошо, — сказала она.

— Спокойной ночи, Мэри, — ответил он сонно. Он всегда засыпал, как только голова его касалась подушки. Но, когда она тихо закрывала двери, его голос слышался опять:

— Мэри!

— Да, Тим. Что ты хотел? — Она повернулась и подошла к кровати.

— Мэри, ты не уйдешь и не выйдешь замуж, как Дони, а?

Она вздохнула:

— Нет, Тим. Я обещаю, что этого не сделаю. Пока ты будешь счастлив со мной. Я буду здесь. Ну а теперь спи и не беспокойся об этом.

14

В конце концов Мэри не смогла уйти в отпуск и уехать, как обещала с Тимом. "Коистэбл Стил энд Майнинг" приобрела участок территории, богатый минералами на северо-западе континента, и вместо того, чтобы ехать на Большой Барьерный Риф с Тимом, Мэри пришлось сопровождать босса, который поехал туда с инспекцией. Предполагалось, что поездка продлится неделю, но она затянулась на целый месяц.

Обычно она любила ездить в такие командировки: Арчи был хорошей компанией и, кроме того, любил роскошь. На этот раз, однако, они ездили в места, где не было ни дорог, ни городов, ни людей. Последнюю часть пути они летели на вертолете, так как другого способа добраться туда не было.

Жили в палатках. Дождь шел почти непрерывно. Все страдали от сырости, жары, грязи и тучи мух. Случилась дизентерия. Но больше всего Мэри скучала о Тиме. Не было никакой возможности послать ему письмо, а радио-телефон использовался только для деловых разговоров. Мэри сидела в протекающей палатке, пытаясь отскрести черную глину с обуви и одежды, тучи насекомых носились вокруг одинокой керосиновой лампы. Лицо ее вспухло от укусов moskitov. Как она скучала по дому и по Тиму и как трудно было переносить восторги Арчи по поводу результатов геологической экспертизы! Требовалось все ее накопленное годами умение владеть собой, чтобы изображать радость, хотя бы в пределах вежливости.

— Нас было двенадцать человек, — рассказывал Арчи жене, когда они благополучно вернулись в Сидней.

— Только двенадцать? — спросила Мэри с удивлением, подмигивая Трисии. — Клянусь, были времена, когда мне казалось, что нас по крайней мере сорок.

— Послушай, чертова перечница, заткнись и дай мне все рассказать. Мы целый месяц жили в ужасных условиях, каких я не видел никогда в жизни, а ты тут влезашь и портишь мне всю картину! Я тебя пригласил к себе домой провести свой первый вечер в цивилизованном мире, так что сиди тихо и будь респектабельной, как всегда, и дай мне рассказать жене, что происходило!

— Налей ему еще виски, Трисия, а то его хватит аполексический удар. Знаешь, последние две недели, с тех пор, как он вылизал последнюю каплю спиртного из последней бутылки, он стал невыносим.

— Ну, а что было делать, дорогая? — воззвал Арчи к жене. — Промок до костей, съеден живьем всеми насекомыми, какие только водятся в мире, облеплен грязью — и ни одной женщины ближе, чем за тысячу миль, кроме этой ужасной старой перечницы! А как бы тебе понравилось, если бы ты ела только консервы, а горячительное бы кончилось? Ну и место, ну и болото! Отдал бы половину руды, что мы там нашли, за один хороший бифштекс и стакан выпивки.

— Ты не представляешь, — засмеялась Мэри, поворачиваясь к Трисии, — он чуть меня с ума не свел! Ты ведь

знаешь, какой он, если у него нет хорошего обеда, виски и гаванской сигары.

— Нет я не знаю, какой он, если у него нет всего этого, дорогая, но тридцать лет супружества научили меня многому, и я просто в ужас прихожу при одной мысли, что ты там с ним перенесла.

— Уверю тебя, что со мной это продолжалось недолго, — ответила Мэри, прихлебывая великолепный шерри. — Послушала я пару дней его стоны, а потом плюнула и ушла пострелять дичь, чтобы у нас было хоть что-то кроме этого консервированного мяса.

— А что произошло со снабжением, Арчи? — спросила с любопытством Трисия. — На тебя не похоже, чтоб ты не взял с собой достаточно еды.

— Все из-за этого дурацкого проводника. Я его взял в Виндхэме, этого мистера Джима Бартона. Он, видно, думал, что покажет нам, что значит настоящий бизнесмен. Уверил меня, что позаботится о снабжении, а загрузился тем, что, наверно, ест обычно сам — тушенка, тушенка и тушенка!

— Не сердись на беднягу, Арчи, — увещевала его Мэри. — Если бы этот самый Джим приехал в город, разве ты не сделал бы все возможное, чтобы блеснуть перед ним городскими штучками?

— Ну и притворщица же ты, Мэри! Ведь это ты сбила с него весь гонор, а не я! — Он повернулся к жене. — Жаль, что ты не видела, как Мэри шагает в своем костюме английских старых дев, покрытая грязью чуть не до подбородка и волочет с десятков большущих птиц. Я думал, что нашего Джима Бартона от злости удар хватит.

— Да, уж он злился, — спокойно согласилась Мэри.

— Ну, сначала он вообще не хотел брать Мэри, он ведь женоненавистник. Считал, что она будет бременем и помехой. А тут она приносит добычу, как раз когда он собирался продемонстрировать нам, какие мы пижоны. Ха! Ну Мэри и поставила его на место! Молодец, утерла ему нос!

— А какие это были птицы? — спросила Трисия, стараясь удержаться от смеха.

— Понятия не имею, — ответила Мэри. — Большие, длинноногие тропические птицы. Они были жирные, а это

вс, что мне было нужно.

— Но они могли быть ядовиты!

Мэри расхохоталась:

— Что за чушь! Насколько я знаю, всякое мясо съедобно, если, конечно, вкусно.

— Бартон тоже пытался нас этим пугать, — с улыбкой вспоминал Арчи. — Мэри приготовила дичь с соусом из банок с тушенкой и какими-то листьями, которые она собрала в лесу, потому что они хорошо пахли. Бартон на ухах стоял, кричал, что они могут быть ядовиты, но Мэри посмотрела на него тем своим взглядом, от которого кровь стынет в жилах, и сказала, что, по ее мнению, наши носы первоначально были предназначены для того, чтобы сообщать, что съедобно, а что — нет, и ее нос говорит ей, что эти листья вполне годятся для еды. Они точно годились. Затем она начала читать ему лекцию о "глостридиум ботулинум", которые, мол, заводятся в тушенке и могут отравить в десять раз сильнее любых лесных растений. Боже, как я смеялся!

— Понравилось им твоё блюдо, Мэри? — спросила Трисия.

— Это были нектар и амброзия, смешанные вместе, — Арчи пел дифирамбы, не давая Мэри говорить. — Какое это было объеденье! Мы просто чавкали, а Мэри сидела и аккуратно ела крылышко, прическа — волосок к волоску и ни тени улыбки. Уверяю тебя, Мэри, в Виндхэме ты будешь местной легендой. Ты посрамила этого Бартона!

Трисия умирала от хохота.

— Мэри, я бы должна ужасно ревновать, но, слава Богу, я избавлена от этого! Какая другая жена не испытывает никакой ревности к секретарше мужа и в то же время может на нее полностью положиться, когда требуется вытащить его из неприятностей, в которые он сумеет угодить?

— Конечно, и я всегда могу сплавить его домой, — сказала Мэри. — Зачем мне воспитывать босса?

Трисия вскочила и взяла бутылку с шерри:

— Выпей еще бокал, Мэри, пожалуйста! Я никогда не думала, что мне будет приятно в твоём обществе, — она остановилась, прижав руку к губам. — О, Боже мой! Это звучит ужасно, правда? Я не то хотела сказать, я хотела

сказать, что ты изменилась, раскрепостилась, вот и все!

— Бедная Мэри! — воскликнул Арчи.

— Нечего называть меня "бедная Мэри", мистер Джонсон! Я прекрасно понимаю, что Трисия хочет сказать, и полностью с ней согласна.

15

Когда в первую субботу после возвращения Мэри в Сидней Тим постучался в заднюю дверь, она пошла открывать с некоторой тревогой - что будет? Как они увидятся после первой разлуки? Она поспешно открыла дверь, хотела что-то сказать, но не смогла. Спазма сжала ей горло. Он стоял в дверях, улыбаясь. Любовь и радость сияли в его прекрасных синих глазах. Она молча взяла его за руки и крепко сжала, а слезы струились по ее лицу. На этот раз он обнял ее и прижал ее голову к груди, одной рукой глядя ее по голове.

— Не плачь, Мэри, — уговаривал он, неловко проводя ладошкой по ее волосам. — Я тебя утешаю, и тебе не надо плакать. Ну, ну, ну...

Но она уже отпрянула от него, ища по карманам носовой платок.

— Я в порядке, Тим, не расстраивайся, — прошептала она, вытирая глаза. Она улыбнулась и, не в силах удержаться, легко коснулась его щеки. — Я так по тебе скучала, что теперь плачу от счастья, вот и все.

— Я тоже ужасно рад тебя видеть, но я не плачу. Мэри я скучал по тебе. Мама говорит, что с тех пор, как ты уехала, я плохо себя вел.

— Ты завтракал? — спросила она, изо всех сил стараясь овладеть собой.

— Нет еще.

— Тогда пойдем, и посиди, пока я приготовлю что-нибудь.

Она смотрела на него, едва веря, что он тут, перед ней, и не забыл ее.

— О, Тим, как я рада тебя видеть!

Он сел за стол, но глаза его ни на секунду не отрывались от нее, когда она суетилась на кухне.

— Пока тебя не было, Мэри, я немножко как бы болел. Было так странно! Есть не хотел, а от телевизора болела голова. Даже в "Прибрежном" было плохо, и у пива стал какой-то другой вкус. Папа говорил, что я довел его до чертиков, ну несколько не мог быть на одном месте.

— Ну, знаешь, ты ведь и по Дони скучал. Тебе без Дони и без меня было очень одиноко

— Дони? — он медленно произнес имя, как бы раздумывая, что оно значит. -- Не знаю... Я вроде забыл Дони. Но тебя я не забыл. Я думал о тебе все время, все время думал о тебе!

— Ну, я теперь здесь, и с этим все в порядке. — сказала она радостно. — Что мы будем делать в эти выходные? Как насчет того, чтобы поехать в коттедж, хотя купаться и холодно?

Его лицо вспыхнуло от радости.

— О, Мэри! Вот здорово! Поехали в Госфорд сейчас же!

Она повернулась и посмотрела на него так нежно, что Арчи Джонсон просто не узнал бы ее в этот момент.

— Не раньше, чем ты позавтракаешь, мой юный друг. Ты похудел, покз меня не было, и мне надо подкормить тебя.

Жуя последний кусочек второй отбивной, Тим смотрел на нее нахмурившись и с удивлением.

— В чем дело? — спросила она, следя за ним.

— Не знаю... Когда я утешал тебя, я почувствовал себя как-то странно... — ему было трудно объяснить, в его словаре не хватало слов.

— Правда, как-то странно, — неловко закончил он, не в состоянии сказать иначе и понимая, что он так и не сумел выразить свою мысль.

— Может быть, ты себя почувствовал взрослым, как твой папа, как ты думаешь? Ведь утешают обычно взрослые.

Выражение озабоченности сейчас же исчезло, и он улыбнулся:

— Да, да, Мэри! Я чувствую себя взрослым.

— Поел? Тогда давай соберем кое-что и отправимся,

теперь рано темнеет, а у нас там много работы в саду.

Только изнеженные жители Сиднея могут называть это время года зимой. Эвкалиптовый лес сохраняет свою листву, в дневные часы тепло и солнечно, растения продолжают расти, распускаются почки и цветы, природа не замирает, как это бывает в более холодном климате.

Садик у коттеджа представлял собой пышный цветник. Цвели георгины, желтофиоли. Аромат цветов пропитывал воздух на сотни ярдов вокруг. Лужайка стала много лучше и зеленее зимой, чем в другое время года. По заказу Мэри коттедж был выкрашен белым с черной окантовкой, а железная крыша вновь оцинкована и сняла серебром.

Когда она въехала на поляну, где стоял коттедж, она не могла не оценить перемен. Какая разница между тем, как здесь было шесть месяцев назад, и какая красота теперь! Она повернулась к Тиму:

— Знаешь, Тим, у тебя прекрасный вкус. Посмотри, какая прелесть! И все потому, что ты сказал, что тебе не нравится коричневый цвет, и потому что заставил меня заняться садом. И ты был прав. Насколько стало лучше! Теперь приезжать сюда просто удовольствие. Мы должны придумать что-нибудь еще.

Он весь сиял от похвалы:

— Я люблю тебе помогать, Мэри, потому что ты всегда делаешь так, что я чувствую себя полным долларом. Ты обращаешь внимание на то, что я говорю. И я начинаю думать, что я, как папа, уже вырос и стал мужчиной.

Она выключила двигатель и нежно посмотрела на него.

— Но ты действительно уже мужчина, Тим. Я о тебе по-другому и не могу думать. И почему я не должна обращать внимание на то, что ты говоришь? Твои предложения всегда дельные и интересные. И неважно, что о тебе говорит кто-нибудь другой. Я о тебе всегда буду думать как об абсолютно полном долларе.

Он откинул голову и засмеялся, затем повернулся к ней, и она увидела глаза, в которых сверкали слезы.

— О, Мэри, я так счастлив, что я почти плачу! Посмотри! Я почти плачу!

Она выпрыгнула из машины.

— Пойдем, лентяй, пора дело делать, и хватит разво-

дуть нюни! Слишком много у нас всяких сентиментальностей в это утро! Давай, снимай костюм и надевай робу. Нам до завтрака еще много надо успеть сделать.

16

Однажды вечером, вскоре после того, как она вернулась из экспедиции с Арчи Джонсоном, Мэри прочитала в "Сидней Морнинг Геральд" статью под заглавием "Учитель года". В ней говорилось о замечательных достижениях молодого педагога, который работал с умственно отсталыми детьми. Статья заставила ее больше читать на эту тему. В местной библиотеке она набрала таких книг и занялась этим предметом всерьез.

Было трудно. Ей приходилось читать, держа рядом медицинский словарь, хотя для неспециалиста он мало помогал в прояснении сложных терминов. А многого не было даже в медицинском словаре. Она с трудом пыталась пробраться через трясины этих понятий, все больше и больше путаясь и все меньше и меньше понимая. В конце концов она поняла, что надо встретиться с тем молодым учителем, автором статьи, неким Джоном Мартинсоном.

— Я был обыкновенным учителем начальной школы, пока не поехал в Англию и меня случайно не назначили в класс к умственно отсталым ребятишкам, — говорил Джон Мартинсон, ведя ее в школу. — Это захватило меня, но я не владея ни практикой, ни теорией, поэтому мне пришлось учить их, как я учу нормальных ребят. Конечно, это были дети с небольшим отставанием. Есть много таких, кого вообще невозможно обучить. Во всяком случае, я был поражен, как многому они научились и насколько они были отзывчивы, если к ним подходили, как к нормальным детям. Естественно, работа была ужасно трудной, требовала от меня невероятного терпения, но я упорно добивался от них нужного результата, я не отступал, и им не разрешал отступать. Я и сам начал учиться. Пошел в школу, вел исследовательскую работу, ездил, изучал методы других учителей. Я получал большое удовлетворение от моей ра-

боты.

Его глубоко посаженные темно-синие глаза смотрели на нее внимательно, но без любопытства; казалось, он воспринял ее появление спокойно и считал, что она сама все объяснит в свое время.

— Итак, вы думаете, что умеренно умственно отсталые люди могут обучаться? — сказала задумчиво Мэри.

— Без всякого сомнения. Слишком много невежественных людей обращаются с такими детьми, как с более дефективными, чем они есть на самом деле. Возможно, им так легче, ведь надо потратить огромные усилия, чтобы добиться от такого ребенка нормальных реакций.

— Возможно, многие думают, что у них нет педагогических данных для этого, — высказала предположение Мэри, думая о родителях Тима.

— Возможно. Этим ребятам необходимо одобрение, похвала, включенность в нормальную семейную жизнь, а их там часто держат в стороне, их любят, но как бы игнорируют. Любовь — это еще не все. Это обязательно, но когда имешь дело с таким сложным явлением, как умственно отсталый ребенок, требуется еще терпение, понимание, мудрость и предвидение.

— И вы стараетесь, чтобы любовь пронизывала все это?

— Да. У нас есть свои неудачи, конечно. Их достаточно, но удач гораздо больше, чем в большинстве школ такого рода.

Он засмеялся сам над собой:

— Простите, мисс Хортон! Я не дал вам возможности вставить слово. Моя дурная привычка — заговаривать посетителя прежде, чем я пойму, зачем он пришел.

Мэри откашлялась.

— Дело в том, мистер Мартинсон, что это в общем-то не моя личная проблема. Просто любопытство постороннего, но заинтересованного человека заставило меня искать с вами встречи. Я очень хорошо знакома с молодым человеком двадцати пяти лет, который является умственно отсталым в небольшой степени. Я хочу побольше узнать о его состоянии. Я читала книги по этому предмету, но не совсем понимаю специальную лексику.

— Я знаю. Ученых трудов полно, а хорошую книгу по

и новым проблемам для неспециалиста найти трудно.

— Дело вот в чем. С тех пор, как я начала заниматься с ним, вот уже около года, он проявил заметные признаки улучшения. Я даже научила его чуть-чуть читать и считать. Его родители заметили это и были очень рады. Однако я не знаю, чего я должна ожидать от него и до какой степени могу проявлять требовательность.

Он похлопал ее по плечу и взял под локоть, чтобы показать, что им пора идти.

— Я собираюсь показать вам классы и хочу, чтобы вы посмотрели очень внимательно на всех детей. Попытайтесь найти того, кто больше всех напомнит вам вашего молодого человека по поведению и реакциям. Мы не разрешаем посетителям беспокоить детей, поэтому мы будем наблюдать через стекло, прозрачное только с одной стороны. Пойдемте и понаблюдайте.

За всю свою жизнь Мэри видела совсем немного умственно отсталых детей, да и на них особого внимания не обращала. И теперь она удивилась тому, какие они разные. Среди них были такие, кто выглядел совершенно нормально, а были настолько уродливые, что требовалось усилие, чтобы не отвести глаза.

— У меня когда-то был класс выдающихся детей, — сказал Джон Мартинсон, стоя рядом с ней. — Ни одного с уровнем интеллекта ниже 150. Но знаете, я получаю больше удовлетворения, когда трачу целый месяц, чтобы обучить одного из этих ребяташек, как зашнуровать свои ботинки. Я думаю, им приходится прилагать для этого много усилий. Но чем труднее добиться какой-то цели, тем она дороже. И это справедливо и для умственно отсталых.

Закончив обход, Джон Мартинсон привел Мэри в свой маленький кабинет и предложил ей кофе.

— Ну, увидели кого-нибудь, кто напомнил вам вашего Тима? — спросил он.

— Нескольких, — она сказала, кого именно.

— Бывают случаи, когда мне жалко Тима до слез, — сказала она. — Он так остро ощущает свою неполноценность! Ужасно, когда приходится слышать, как бедный парень извиняется за то, что он "неполный доллар", как он это называет. "Я знаю, я неполный доллар, Мэри", -- гово-

рит он, и это разрывает мне сердце.

— Похоже, что он поддастся обучению. Он работает?

— Да, разнорабочим у строителей. Полагаю, рабочие из его бригады к нему по-своему привязаны, но они также бездумно жестоки. Им нравится выкидывать с ним разные грубые шутки, например, один раз они обманом скормили ему экскременты. Он плакал в тот день не потому, что над ним издевались, а потому что не мог понять, отчего они хохочут... Он тоже хотел смеяться!

Ее лицо исказилось, и она замолчала.

Джон Мартинсон ободряюще кивнул:

— Да, типичная ситуация, — сказал он. — А как насчет отца с матерью, как они с ним обращаются?

— В общем-то очень хорошо, — она рассказала об обстоятельствах жизни Тима, к своему удивлению, легко и подробно, но печально добавила: — Но они беспокоятся о нем, особенно о том, что будет с ним, когда они умрут. Его отец говорит, что он умрет от горя. Сначала я не поверила этому, но с течением времени я начала видеть, что это вполне вероятно.

— Я согласен, очень вероятно. Знаете, подобных случаев много. Такие люди, как ваш Тим, нуждаются в любви близких гораздо больше, чем мы, потому что они не могут заново приспособиться к жизни. Наш мир для них очень труден. — он посмотрел на нее серьезно. — Как я понимаю, Тим выглядит нормально?

— Выглядит нормально? — она вздохнула. — Если бы это было так! Нет, он выглядит совсем не нормально. Он, безусловно, самый красивый молодой человек из всех, кого я когда-либо видела. Как греческий бог — лучшего сравнения не подберу.

— О! — Джон Мартинсон опустил глаза и минуту смотрел на свои сложенные руки, затем вздохнул. — Мисс Хортон, я дам вам список книг, которые вам будет нетрудно понять. И увидите, они помогут вам.

Он поднялся, проводил ее до вестибюля и вежливо поклонился.

— Я надеюсь, вы приведете Тима как-нибудь на этих днях. Я бы очень хотел познакомиться с ним. Может быть, для него было бы лучше, если бы вы пришли ко мне домой.

и не в школу.

Мэри протянула руку:

— Я бы очень хотела. До свидания, мистер Мартинсон, и благодарю вас за вашу доброту.

Она ушла, задумчивая и опечаленная, осознавая, что самые неразрешимые проблемы — это те, которые по самой своей природе не оставляют места для мечты.

17

Весна в Сиднее не похожа на весну северного полушария, когда природа пробуждается, лопаются почки на деревьях, а земля покрывается новой травой и цветами. Все деревья, кроме нескольких пород, завезенных с севера, сбрасывают листву и во время короткой теплой зимы, и сады в Сиднее полны цветущих растений круглый год. Самые большие изменения происходят в воздухе, появляется какая-то особая мягкость, которая наполняет сердце радостью и новыми надеждами.

Коттедж Мэри вполне мог служить образцом для всего района, если бы кто-нибудь его видел. Всю зиму она и Тим старательно работали в саду, Мэри настолько увлеклась этим делом, что купила несколько взрослых деревьев и пригласила специалиста, который их посадил. Поэтому, когда пришел весенний октябрь, цветы были повсюду, огромные массы их цвели вдоль веранды и вокруг каждого терраса. Исландские маки, гвоздики, астры, маргаритки, флоксы, душистый горошек, тюльпаны, глицинии, нарциссы, гиацинты, азалии, гладиолусы — цветы всех размеров и форм были повсюду. Их тесно растущие головки создавали ковер необыкновенной красоты, а ветер разносил аромат через девственный лес и далеко по реке.

Четыре великолепные карликовые вишни склоняли усыпанные розовым цветом ветви над гиацинтами и тюльпанами, которые росли под ними; шесть цветущих миндальных деревьев склонялись под тяжестью белых цветов, а трава вокруг была усыпана ландышами и нарциссами.

Когда Тим увидел все это великолепие, он был в вос-

торге. Он прыгал от вишен к миндальным деревьям, поражаясь тому, как умно Мэри поступила, посадив клубнику только розовых цветов вокруг вишен, а вокруг миндальных деревьев - только белых и желтых, и удивлялся, что цветы росли прямо из травы. Мэри смотрела на него, улыбаясь. Его радость была такой нежной, такой непосредственной. Он был, как Парис, который бродил по склонам горы. Сад действительно красив, думала Мэри и глазами следовала за танцующим Тимом, пытаясь понять, каким сад кажется его взгляду, что приводит его в благоговение и восторг.

Предполагается, что насекомые и животные иначе видят мир своими по-другому устроенными глазами, видят цвета и формы, которые не может видеть человеческий глаз. Возможно, его мозг воспринимает мир иным. Может быть, он слышит музыку сфер, видит формы духа и цвет луны? Если бы только возможно было это узнать! Но его мир навсегда закрыт для других. Она не может войти в него, а он не может рассказать ей о нем.

— Тим, — сказала она в этот вечер, когда они сидели в темной гостиной, а сквозь открытые стеклянные двери проникал ветер, наполненный ароматом цветов. — Тим, что ты сейчас чувствуешь? В этот момент? Как пахнут цветы? Каким ты видишь мое лицо?

Он неохотно оторвался от музыки, которую они слушали, его мечтательный, затуманенный взгляд остановился на ней, он улыбнулся мягкой, рассеянной улыбкой. Сердце ее вздрогнуло и, казалось, растаяло под этим взглядом. что-то непонятное переполняло ее, настолько грустное, что слезы навернулись на ресницы.

Он нахмурился, раздумывая, как ответить, и, наконец, сказал медленно и с сомнением:

— Чувствую? Чувствую? Ну, я не знаю! Как вроде счастья, хорошо. Да, я чувствую себя хорошо! Именно так.

— А как пахнут цветы?

Он улыбнулся, думая, что она шутит:

— Как цветы, конечно!

— А мое лицо?

— Твое лицо красивое, как у мамы или у Дони. Ты похожа на святую Терезу, как на картине.

Она вздохнула:

— Как прекрасно, что ты это сказал, Тим. Никогда не думала, что у меня может быть лицо, как у святой Терезы.

— Да, это так, — уверял он ее. — Она у меня дома на стене, над кроватью. Мама повесила ее там, потому что она мне нравится, очень нравится. Она смотрит на меня каждый вечер и каждое утро, как будто она думает, что я полный доллар, и ты тоже так смотришь на меня, Мэри. — Он издрогнул, охваченный болезненной радостью. — Ты мне нравишься, Мэри, нравишься больше, чем Дони, нравишься, как папа и мама. — Красивые руки двигались, и их жесты говорили больше, чем его бедный язык. — Но ты мне нравишься как-то по-другому, Мэри, не так, как папа и мама. Иногда они нравятся мне больше, чем ты, а иногда ты больше, чем они.

Она резко встала и подошла к дверям:

— Я немного прогуляюсь, Тим, но хочу, чтобы ты остался здесь и слушал музыку. — Будь умницей. Я скоро вернусь.

Он кивнул и повернулся к проигрывателю, пристально следя за вращением диска, как будто это помогало ему слушать.

Аромат в саду был непереносимый, и, пройдя как тень сквозь заросли нарциссов, она направилась к берегу. На дальнем конце пляжа на песке лежал камень, достаточно большой, чтобы можно было облокотиться о него спиной. Но Мэри опустилась перед ним на колени и обхватила его руками и прижалась к нему лицом. Ее плечи сжались, а тело скорчилось от охватившего ее горя, такого неутешного и отчаянного, что какая-то часть ее души словно отделилась и взирала на нее с ужасом. Невозможно было подавить это чувство. Она плакала и стонала, как от боли.

Они с Тимом были как мотылек и яркий, обжигающий свет. Она, как мотылек, а он-свет, наполняющий весь ее мир ярким, опаляющим огнем. Он не знает, как отчаянно она бьется о стены, ограждающие его, он не может и представить глубину и силу ее желаний сжечь себя ради него. Борясь с этим чувством - ведь вне его власти удовлетворить его - она сжимала зубы и отчаянно плакала.

Казалось, прошли целые века, когда она вдруг почувствовала на плече его руку.

— Мэри, что с тобой? — голос его был полон страха. — Тебе худо, Мэри? О, Мэри, пожалуйста, скажи, что все в порядке, пожалуйста, скажи!

Она с усилием прижала дрожащие руки к телу.

— Да, все в порядке, Тим, — ответила она устало, не поднимая головы, чтобы он не мог увидеть ее лицо, хотя и было темно. — Просто я почувствовала себя не совсем хорошо и вышла подышать воздухом. Я не хотела беспокоить тебя.

— Тебя тошнит? — он сел на корточки и пытался заглянуть ей в лицо, неловко глядя ее по плечам. — Тебя вырвало?

Она покачала головой, отстраняясь.

— Нет, со мной все в порядке, Тим, правда. Все прошло. — Опершись рукой о камень, она попыталась встать, но не смогла. Затекали ноги и она чувствовала полное опустошение. — О, Тим, я такая старая и так устала, — прошептала она, — такая старая и так устала...

Он встал и посмотрел на нее с тревогой.

— Однажды маме было плохо, и я помню, что папа велел мне унести ее на кровать. Я унесу тебя на кровать, Мэри.

Он наклонился и без усилий поднял ее. Слишком обесиленная, чтобы протестовать, Мэри позволила ему нести себя по тропинке, но когда он вступил на веранду, она спрятала лицо на его плече, чтобы он не мог его увидеть. Он остановился, моргая от света, и с нежностью прижался щекой к ее голове.

— Ты такая маленькая, Мэри, — сказал он, потирая лицо о ее волосы. — Ты такая мягкая и теплая, как котенок.

Затем он вздохнул и пересек гостиную.

В ее спальне он никак не мог найти выключатель и, когда попытался протянуть руку дальше, она остановила его.

— Не беспокойся о свете, Тим, просто положи меня на кровать, если можешь. Я хочу немного полежать в темноте, и скоро мне будет совсем хорошо.

Он осторожно положил ее и стоял над ней в нерешительности. Она почувствовала, что он в тревоге.

— Тим, ты знаешь, что я тебе никогда не лгу?

Он кивнул:

— Да, знаю.

— Тогда поверь мне, не надо беспокоиться, я сейчас в полном порядке. Разве тебе не бывает плохо, когда ты съешь что-то, что для тебя вредно?

— Да, раз так было, после того, как я ел засахаренные фрукты, — ответил он серьезно.

— Тогда ты понимаешь, как я себя чувствую, да? Теперь я хочу, чтобы ты перестал беспокоиться обо мне и пошел спать. Я чувствую себя гораздо лучше и все, что я хочу, это заснуть, но я не смогу заснуть, если я буду думать, что ты волнуешься. Обещай мне, что ты сейчас пойдешь спать и не будешь тревожиться.

— Хорошо, Мэри, — в его голосе слышалось облегчение.

— Спокойной ночи, Тим, и спасибо за то, что помнишь обо мне. Как приятно, когда о тебе заботятся, а ты позаботился обо мне. Мне теперь никогда не надо будет беспокоиться пока ты со мной, правда?

— Я всегда буду о тебе заботиться, Мэри, — он нагнулся и поцеловал ее в лоб так, как она иногда делала, когда он был в кровати. — Спокойной ночи, Мэри.

18

Когда в четверг днем, после тенниса Эсме Мелвил открыла заднюю дверь, она едва смогла пройти несколько ярдов, чтобы добраться до кресла в гостиной. Ноги ее дрожали. Потребовались огромные усилия, чтобы добраться домой и чтобы никто не заметил ее состояния. Ее тошнило так, что через несколько минут пришлось отправиться в ванную комнату. Она постояла на коленях, наклонив голову над унитазом, но это не принесло облегчения, рвоты не было. Боль под левым плечом мешала двигаться. Она постояла несколько минут, пытаясь отдышаться, затем медленно с трудом поднялась на ноги, держась одной рукой за шкафчик, а другой за дверь. Лицо, отразившееся в зеркале,

она с трудом признала своим - грязно-серое, покрытое каплями пота. Этот вид привел ее в такой ужас, что она немедленно отвела глаза от зеркала. С огромным трудом Эсме вернулась в гостиную и упала в кресло, задыхаясь и взмахивая руками.

Затем боль охватила ее и начала рвать, как огромный, бешеный зверь. Она наклонилась и плотно обняла себя руками. Она издавала слабые, короткие стоны каждый раз, когда боль, как острый нож пронзала ее все чаще и чаще, пока не осталось ничего, кроме боли. Прошла целая вечность, пока боль немного утихла. Казалось, что-то сидело у нее на груди и выдавливало воздух из легких, не давая возможности вздохнуть. Все было совершенно мокрым. Белое теннисное платье промокло от пота, лицо залито слезами, сиденье кресла мочой, которую было не удержать в моменты особо острых приступов. Всклипывая и хватая воздух синими губами, она села и молилась, чтобы Рон зашел домой, прежде чем идти в "Прибрежный". Телефон в холле был от нее на расстоянии световых лет и абсолютно недосягаем.

Было семь часов, когда Рон и Тим вошли в заднюю дверь дома на Серф Стрит. Стояла странная тишина, кухонный стол был пуст и запаха приготовленной пищи не ощущалось.

— Привет, где ты, мать? — жизнерадостно воскликнул Рон, когда они вошли в кухню. — Эс, дорогая, где же ты? — позвал он. Затем пожал плечами: — Должно быть, осталась в своем клубе еще на пару сэтов, — сказал он.

Пока Рон зажигал свет в кухне и столовой, Тим прошел в гостиную. Оттуда послышался ужасный крик. Рон уронил чайник, который держал в руках, и с бьющимся сердцем бросился в гостиную. Тим стоял и плакал, ломая руки и глядя на мать, которая лежала в кресле, странно неподвижная, со сжатыми в кулаки руками.

— Боже!

Слезы брызнули из глаз Рона. Он подошел к креслу и склонился над женой, протянув дрожащую руку. Кожа ее была теплой. Едва всрся своим глазам, он увидел, что грудь медленно поднимается и опускается. Он встал.

— Тим, не плачь, — сказал он. Зубы его стучали. — Я

позвоню доктору Перкинсу и Дони, затем вернусь. Ты останься здесь. Если мама что-нибудь сделает, не кричи. Хорошо, дружок?

Доктор Перкинс был дома, ужинал. Он сказал, что вызовет скорую помощь и встретит их прямо в госпитале принца Уэльского. Вытирая слезы тыльной стороной ладони, Рон набрал номер Дони.

Ответил Мик. В голосе его сквозило нетерпение. Это был час обеда и он терпеть не мог, когда его беспокоили в это время.

— Послушайте, Мик, это Рон, — сказал Рон, четко произнося слова. — Пожалуйста, не пугайте Дони, но дело касается ее матери. Думаю, у нее был сердечный приступ, только я не уверен. Мы увозим ее в отделение срочной помощи немедленно, так что приезжать сюда нет смысла. Лучше всего, чтобы вы и Дони встретили нас в госпитале как можно скорее.

— Я очень сожалею, Рон, — бормотал Мик. — Конечно, Дони и я приедем немедленно. Постарайтесь не волноваться.

Когда Рон вернулся в гостиную, Тим все еще стоял и смотрел на мать, безутешно плача. Она так и не пошевелилась. Не зная, что делать, Рон обнял сына за плечи и прижал к себе.

— Ну, не плачь, Тим, мой мальчик, — сказал он тихо. — С мамой все в порядке, сейчас придет скорая помощь и мы увезем ее в госпиталь. Они ее вылечат. Ты должен быть хорошим мальчиком, веди себя спокойно ради мамы. Ей не понравится, если она проснется и увидит, что ты стоишь и воешь, как глупое дитя.

Шмыгая носом и икая, Тим пытался перестать плакать в то время, как его отец подошел к креслу Эсме и встал на колени. Он взял ее сжатые кулаки и попытался сложить их на коленях.

— Эс! — позвал он. Лицо его выглядело старым и морщинистым. — Эс, любимая, ты слышишь меня? Это Рон, любимая, это Рон!

Лицо ее было серым и осунувшимся, но глаза открылись. Они осветились, когда она увидела Рона. Эсме благодарно пожала ему руку.

— Рон... привет, я рада, что ты пришел домой... где Тим?

— Он здесь, любимая. Не беспокойся о Тиме, и вообще успокойся. Скорая помощь сейчас придет, и мы увезем тебя в госпиталь. Как ты себя чувствуешь?

— Как будто... меня... драли звери... О. Боже, Рон,... какая боль... ужасно... Кресло мокрое...

— Не думай ты об этой чертовой мебели. Эс, это же пустяки, — он пытался улыбнуться, но лицо его исказилось. Он больше не мог себя контролировать и расплакался.

— О, Эс, с тобой ничего не должно случиться, ты этого не допустишь, любимая! О, Боже, что я буду делать без тебя? Крепись, Эс, крепись. пока мы везем тебя в госпиталь!

— Я... я подержусь.. не могу... оставить Тима... совсем одного... Не могу оставить Тима одного...

Через пять минут после того, как Рон позвонил доктору Перкинсу, скорая помощь была у двери дома. Рон попросил их подъехать к задним дверям, так как к парадной двери вело двадцать пять ступеней, а к задней - ни одной. На скорой помощи работали спокойные и приветливые люди, хорошо подготовленные профессионалы, и Рон, как и другие жители окраин Сиднея, доверял им полностью. Решение доктора Перкинса встретить их в госпитале не вызвало у него сомнений. Они быстро осмотрели Эс и положили ее на носилки. Рон и Тим последовали за медиками, одетыми в голубую форму, чувствуя себя лишними и бесполезными.

Рон посадил Тима впереди, а сам сел с другими сзади.

Один из медиков надел пластиковую маску на рот Эс и подключил ее к кислородному баллону, затем положил руку ей на пульс.

— Почему вы не включаете сирену? — спросил Рон, с тревогой оглядывая аппаратуру в машине.

Его встретил спокойный твердый взгляд.

— Успокойтесь, приятель, — сказал медик и похлопал его по спине. — Мы включаем сирену, когда едем по вызову, но очень редко, когда везем больных. Это пугает их, приносит больше вреда, чем пользы. Она в порядке, а в это время суток мы доедем быстро без сирены. Всего пару миль.

Действительно, через пять минут скорая помощь, ис-

кусно лавируя между редкими машинами, уже подъезжала к ярко освещенному корпусу срочной медицинской помощи госпиталя принца Уэльского. Как только большая блестящая машина остановилась, Эс открыла глаза и выплюнула шланг. Врач быстро взглянул на нее, но решил не вмешиваться, если не будет еще одного приступа. Может быть, она кочет что-то сказать и это важно. Бывает лучше позволить больному самому действовать, тогда он меньше волнуется.

— Рон...

— Я здесь, любимая. Ты в госпитале, и скоро тебе помогут.

— Я не знаю... Рон...

— Да, любимая? — Слезы опять текли у него по лицу.

— Это Тим... Что мы... о чем всегда беспокоились... что... будет... с Тимом... когда я...? Рон...

— Я здесь, любимая.

— Позаботься... Тим... Сделай то, что нужно... Тим... Бедный Тим... Бедный... Тим...

Это были ее последние слова. Пока Рон и Тим бесцельно кружили вокруг входа в больницу, бригада срочной помощи мгновенно унесла носилки. Оба Мелвила стояли и смотрели, как захлопнулись белые двери, а потом их мягко, но настойчиво отправили в зал для посетителей. Вскоре кто-то пришел и принес им чай с бисквитами, но, хотя и с улыбкой, отказался сообщить что бы то ни было.

Дони и ее муж прибыли через полчаса. Дони была уже беременна и ее муж явно беспокоился о ней. Она подошла к отцу и села между ним и Тимом на скамью. Она плакала.

— Ну, ну, милая, не плачь, — утешал Рон. — Наша старушка поправится, теперь все в порядке. Они увезли ее куда-то, и как только будут какие-то новости, они нам скажут. Подумай о ребенке, любимая, ты не должна так расстраиваться.

— А как это случилось? — спросил Мик, закуривая сигарету и стараясь не смотреть на Тима.

— Не знаю. Когда я и Тим пришли домой, она лежала без сознания в кресле гостиной. Не знаю, как долго это продолжалось. Боже, почему я не пошел прямо домой с работы, почему я пошел в "Прибрежный"? Мог бы хоть раз

пойти прямо домой!

Дони высморкалась.

— Пап, не вини себя. Ты же всегда приходишь домой в такое время, как ты мог знать, что сегодня ты ей понадобишься? Ты знаешь, что она никогда не возражала против твоих привычек! Она видела, что тебе доставляет удовольствие выпить после работы пива, и ей это нравилось. К тому же это давало ей возможность развлечься и самой. Много раз я слышала, как она говорила, раз ты приходишь из "Прибрежного" не раньше семи, то у нее есть свободное время, и она спокойно может играть в свой теннис до шести и успеть приготовить ужин для тебя и Тима.

— Я должен был знать, что она стареет и чувствует себя неважно. Я должен был это сам видеть!

— Папа, нет смысла винить себя! Что сделано, то сделано. Мама не хотела другой жизни ни себе, ни тебе, и ты это знаешь. Не трать зря время и не грызи себя, ты ничего не можешь изменить. Подумай лучше о ней и Тиме.

— О Боже, я это и делаю, — в его голосе слышалось отчаяние.

Они повернулись и посмотрели на Тима. Он сидел тихо, сжав руки и сгорбившись. Он в горе всегда принимал эту позу. Он перестал плакать, а глаза были устремлены на что-то невидимое для них. Дони подо двинулась поближе к брату.

— Тим, — сказала она мягко, поглаживая его рукой по плечу.

Он вздрогнул, затем, казалось, осознал, что она здесь. Синие глаза вернулись из бесконечности и взглянули на нее.

— Дони! — сказал он, как будто удивляясь ее присутствию.

— Я здесь, Тим. Не беспокойся о маме, с ней будет все в порядке. Я обещаю.

Он покачал головой:

— Мэри говорит, что нельзя давать обещания, если не можешь их выполнить.

Лицо Дони застыло, она повернулась к Рону, а Тима для нее словно больше тут и не было.

Наступила глубокая ночь, когда доктор Перкинс вошел

в зал ожидания. Лицо его было напряженным и очень усталым. Они сразу же встали, как подсудимые перед судьей.

— Рон, могу я с вами поговорить? — спросил он тихо. Коридор был пуст, яркие лампы в центре высокого потолка резко освещали изразцовый пол. Доктор Перкинс обнял Рона за плечи: — Она умерла, мой друг.

Рон вдруг почувствовал в груди ужасную, тянущую тяжесть. Он с отчаянием посмотрел в лицо пожилому доктору:

— Нет. Не может быть.

— Ничего сделать было нельзя. У нее был обширный инфаркт и затем, через несколько минут по прибытии сюда, еще один. Сердце остановилось. Мы пытались его заставить работать, но все было бесполезно. Подозреваю, что у нее и раньше сердце было не в порядке, а похолодание и теннис сделали свое дело.

— Она никогда мне не говорила, что у нее болит сердце. Я не знал. Она вообще никогда не жаловалась. — Рон попытался справиться с собой. — О, доктор, я не знаю, что делать! Там Тим и Дони. Они надеются...

— Вы хотите, чтобы я им сказал?

Рон покачал головой:

— Нет, я это сделаю. Только дайте мне минуту времени. Могу я ее видеть?

— Да. Но не водите туда Тима и Дони.

— Тогда пойдем к ней сейчас, доктор. До того, как я скажу им.

Они выкатили носилки с Эс из отделения интенсивной терапии и поставили в маленькой боковой комнате, предназначенной именно для таких случаев. Вся медицинская аппаратура была уже убрана. Простыня покрывала ее с головой. Когда Рон из дверей увидел неподвижные формы под покрывалом, он пошатнулся, как будто получил сильнейший удар. Там Эс, под простыней, и она никогда не сможет больше двигаться, для нее все кончено: солнце и смех, слезы и дождь. Больше ничего не будет. Ее жизненный путь закончился здесь, в этой комнате с ослепительно белой простыней, покрывавшей ее тело. Все. Они даже не попрощались. Конец. Он подошел ближе и неожиданно почувствовал сладкий запах нарциссов, они стояли в огром-

ной вазе на соседнем столике. Никогда впоследствии он не мог выносить запах нарциссов.

Доктор Перкинс стоял у дальнего конца узкой каталки, он быстро откинул простыню и отвернулся. Можно ли когда-нибудь привыкнуть к горю? Можно ли научиться спокойно принимать смерть?

Они закрыли ей глаза и сложили на груди руки. Рон долго смотрел на нее, потом наклонился и поцеловал ее в губы. Но все уже было чужое. Эти бледные, холодные губы ничем не напоминали ему Эс. Вздохнув, он отвернулся.

В зале ожидания три пары глаз были прикованы к его лицу. Он стоял и смотрел на них, поднимая плечи.

— Она умерла, — сказал он.

Дони заплакала и позволила Мику обнять себя. Тим просто сидел и смотрел на отца, как потерянный испуганный ребенок. Рон подошел к нему и нежно взял его за руку.

— Пойдем погуляем, дружок, — сказал он.

Они вышли из зала, прошли коридор и вышли на улицу. Начиная светать, восточный край неба был перламутровый с оттенками розового и золотого. Легкий утренний ветер пахнул им в лица и, вздохнув, улетел.

— Тим, я не хочу, чтобы ты думал, что мама вернется. — сказал Рон устало. — Мама умерла только что. Ее нет, дружок, нет. Она больше никогда не вернется, она ушла от нас в лучшую жизнь, для нее нет больше горя и боли. Нам придется учиться жить без нее, и это будет очень, очень трудно... Но она хотела, чтобы мы продолжали жить, она сказала, что лучше всего будет, если мы будем жить, как всегда, и не очень скучать о ней. Сначала мы будем очень скучать, но потом, когда привыкнем, так плохо уже не будет.

— Можно мне увидеть ее, пока она здесь, пап? — спросил Тим потерянно.

Его отец покачал головой и судорожно сглотнул:

— Нет, дружок. Ты не можешь ее увидеть. Но ты не должен винить ее за это, она этого не хотела. Она не хотела уйти так неожиданно, даже не попрощавшись. Но иногда все совершается помимо нашей воли, слишком быстро, и мы не успеваем, и оказывается слишком поздно. Так мама и умерла. Слишком быстро, слишком быстро... Пришло ее

время, и она не могла его отодвинуть. Понимаешь, дружок?

— Она, действительно, по-настоящему умерла, пап?

— Да, действительно и по-настоящему, Тим.

Тим поднял лицо к безоблачному небу; чайки носились кругами над их головой, ныряя к земле, затем взмывали и улетали в поисках родной водной стихии.

— Мэри сказала мне, пап, что такое смерть. Мама уснула, она будет спать в земле под одеялом из травы и будет там лежать, пока мы тоже не уйдем. Так ведь?

— Да, что-то вроде этого, дружок.

Когда они вернулись в отделение, доктор Перкинс их уже ждал. Он отослал Тима к Донн и Мику, но задержал Рона.

— Рон, надо сделать кое-какие приготовления.

Рон задрожал:

— О, Боже мой! Доктор, что я буду делать? Я не имею представления...

Доктор Перкинс рассказал ему о похоронном бюро и предложил позвонить туда сам, к своему знакомому.

— Он умелый и добрый, Рон, — объяснял доктор. — Он не возьмет с тебя больше, чем ты себе можешь позволить и делает все, как надо, без шума и суеты. Ес надо похоронить завтра, потому что послезавтра воскресенье, а больше урока восьми часов ждать нельзя. Климат жаркий. Не надо ее бальзамировать, зачем? Оставьте ее в покое. Я скажу Мортимеру, что вы мои старые пациенты, и он обо всем позаботится. Теперь почему бы вам не вызвать такси и не увезти семью домой?

Когда они вошли в опустевший дом, Дони, казалось, немного оживилась и занялась завтраком. Рон подошел к телефону и позвонил Мэри Хортон. Она сразу же ответила, и он успокоился. Он боялся, что придется ее будить.

— Мисс Хортон, это Рон Мелвил. Послушайте, я знаю, что затрудняю вас, но я в отчаянии... Моя жена умерла сегодня утром... все произошло неожиданно... Да, спасибо большое, мисс Хортон... Да, я вроде как оцепенел... Да, постараюсь отдохнуть... Зачем я вам звоню, это насчет Тима... да, он знает, я не вижу смысла скрывать от него, он все равно должен будет узнать когда-то, так почему не сейчас?.. Спасибо, мисс Хортон, я очень рад, что и вы так

думаете. Я очень благодарен вам, что вы объяснили ему про смерть... Это помогло, правда... Нет, ему не так трудно было понять, как я думал. Я думал, что я буду целый день ему втолковывать, а он понял, как вроде бы он самый нормальный... Да, он в порядке, ни слез, ни истерики. Он ее и нашел. Это было ужасно. Мисс Хортон, я знаю, что вы работаете всю неделю, но я знаю, вы очень хорошо относитесь к Тиму, поэтому я набрался смелости попросить вас, не могли бы вы приехать и повидать меня сегодня, поскорее и, может быть, взять Тима до воскресенья. Ее хоронят завтра, нельзя послезавтра, потому что воскресенье. Я не хочу, чтобы он был на похоронах... Хорошо, мисс Хортон. Я буду здесь и Тим тоже... Спасибо, спасибо огромное, я так благодарен... Да, постараюсь, мисс Хортон. Скоро увидимся. Пока и еще раз спасибо.

Дони увела Тима в сад, пока Рон разговаривал с мистером Мортимером, гробовщиком, который, действительно, оправдал рекомендации доктора Перкниса. Смерть в семье австралийского рабочего не требует больших расходов, строгие законы делают наживу за счет горя близких почти невозможной. Ни шикарных гробов, ни поминок, ни публичного прощания с телом. Все делается быстро и тихо, настолько, что часто друзья и соседи узнают о подробностях, когда похороны уже состоялись.

Вскоре после того, как ушел гробовщик, Мэри Хортон остановила свой "Бентли" на улице против дома Мелвиллов и поднялась по ступенькам к передней двери. Рано утром соседи уже узнали о случившемся, и на многих окнах предательски приподнялись занавески, когда Мэри дожидалась ответа на стук.

Мик, муж Дони, открыл дверь и уставился на Мэри в замешательстве. На какое-то мгновение он подумал, что это кто-то связанный с похоронным бюро, и сказал:

— О, мистер Мортимер только что ушел, минут пять назад.

Мэри посмотрела на него оценивающе:

— Вы, должно быть, муж Дон. Я Мэри Хортон и приехала забрать Тима. Но, пожалуйста, скажите потихоньку мистеру Мелвилу, что я здесь и не говорите пока Тиму о моем приезде. Я подожду.

Мик закрыл дверь и пошагал по длинному холлу. Мысли его совершенно смешались. Из того, что говорили Мелвилы, он решил, что мисс Хортон старая леди, но хотя у женщины на террасе были совершенно седые волосы, она вовсе не была старой. Рон пытался заинтересовать Тима телевизионной программой, Мик бровями указал ему в сторону двери, и Рон сейчас же встал и, выйдя, закрыл за собой дверь.

— Дон, здесь мисс Хортон, — прошептал Мик, садясь рядом с ней.

Она посмотрела на него с любопытством:

— Ну и как?

— Она вовсе не старая, Дон! Почему ты сказала, что она одного возраста с Роном? Я не мог поверить своими глазам, когда открыл дверь! Ей не больше сорока пяти, если не меньше!

— Что это ты говоришь, Мик? Конечно же она старая! Правда я не видела ее вплотную тогда вечером у машины, но стояла достаточно близко, чтобы разглядеть, что она старая. А волосы у нее белее, чем у папы!

— Знаешь, люди могут поседеть и в двадцать. Говорю тебе, она сравнительно молодая женщина.

Дони мгновение сидела молча, затем покачала головой и криво усмехнулась:

— Хитрая лиса! Так вот в чем ее игра!

— В чем ее игра?

— В Тиме, конечно! Она спит с ним!

Мик присвистнул.

— Конечно! Но разве твои родители ничего не подозревали? Они же так следят за Тимом, Дон.

— Мама и слова поперек слышать не хотела о своей драгоценной мисс Хортон, а папа с тех пор, как Тим стал приносить деньги от мисс Хортон за работу в саду, как кошка, которая съела сало. Ха-ха! Работает в саду, как же!

Мик бросил взгляд на Тима.

— Потихе, Дон!

— О, я готова убить отца за эту слепоту! — прошипела Дони сквозь стиснутые зубы. — Все время мне казалась эта женщина подозрительной, но папа и слова не хотел слышать. Ладно, я понимаю, что мама ничего не подозревала,

но отец-то должен был послушать меня! Слишком много думал о лишних деньгах!

Рон, в свою очередь, вытаращил глаза на Мэри Хортон, даже на мгновение немного оживился.

— Вы мисс Хортон?! — хрипло спросил он, голос его звучал так из-за долгих часов напряжения.

— Да, я Мэри Хортон. Вы тоже думали, что я совсем старая леди, мистер Мелвил?

— Да, думал, — он достаточно успокоился, чтобы открыть как следует дверь. — Пожалуйста пройдите, мисс Хортон. Надеюсь, вы не будете возражать, если мы пройдем в спальню прежде, чем я провожу вас к Тиму.

— Конечно, нет.

Она пошла за Роном, чувствуя некоторое смущение. Это была главная спальня в доме, и она думала, как Рон выдержит, если будет с ней разговаривать в том месте, где он и его жена спали долгие годы. Но он, казалось, едва замечал окружающее, он не мог оторвать взгляда от ее лица. Она совсем не была похожа на тот образ, какой он себе представлял, и в то же время точно с ним совпадала. Лицо было молодое и без морщин. Ей не могло быть больше сорока пяти, может, и меньше. Но это не было алчное женское лицо, а доброе, немного суровое, со следами страдания. Глаза карие, взгляд пронизательный, а рот волевой и крепко сжатый. Ее волосы были совершенно белыми. Несмотря на шок, который испытал Рон, обнаружив, что она гораздо моложе, чем он думал, он доверял людям с такими лицами. Суровая, но красивая внешность, решил он про себя, подходящая для Мэри Хортон, о которой он всегда думал как о самом добром, щедром и понимающем человеке, которого он когда-либо встречал в своей жизни.

— Мистер Мелвил, у меня нет слов. Я очень сочувствую вам, и Тиму, и Дони.

— Я знаю, мисс Хортон. Пожалуйста, не надо. Я понимаю. Это ужасный удар, но мы оправимся. Мне только жаль, что Эс вас так никогда и не видела. У нас как-то не дошло до этого, правда?

— Да, и я тоже жалею об этом. Как Тим, бедняга?

— Немного не в себе. Он не совсем понимает, что происходит, кроме того, что мама умерла. Я очень сожалею.

что пришлось вовлечь вас во все это, но просто не знаю, что мне еще делать. Я не могу позволить Тиму присутствовать на похоронах, а оставить его одного дома, пока мы будем там, нельзя.

— Совершенно согласна. Я рада, что вам пришло в голову позвонить мне, мистер Мелвил, и я вас уверяю, что я позабочусь о Тиме. Можете быть совершенно спокойны. Я подумала, а что если в воскресенье вечером я увезу вас с Тимом в свой коттедж и вы там побудете несколько дней, чтобы сменить обстановку. Я оставляю Тима в Сиднее сегодня, завтра и в воскресенье, а в воскресенье вечером вернусь сюда и увезу вас обоих в коттедж. Подойдет это вам?

Лицо Рона на мгновение исказилось, но он овладел собой:

— Это так любезно с вашей стороны, мисс Хортон. И ради Тима я сделаю так. Я думаю, у нас на работе не будут выражать, если мы пропустим недельку.

— Тогда договорились. Дони лучше уехать с мужем, не так ли? Ей будет гораздо легче, если она не будет думать, что вы с Тимом сидите здесь в доме в одиночестве.

— Да, правильно. Ей будет гораздо легче, тем более, что она уже на восьмом месяце беременности.

— О, я не знала! — Мэри старалась не смотреть на двухспальную кровать у стены. — Может быть, пойдём и поздороваемся с Тимом?

Маленькая группа в гостиной представляла собой странное зрелище. Мик и Дони сидели, прижавшись друг к другу на диване, а Тим сидел в своем кресле, весь съежившись и наклонившись вперед и невидящими глазами глядел на телевизионный экран. Мэри спокойно стояла в дверях и наблюдала за ним. Опять у него был тот же потерянный, незащитный и недоуменный вид.

— Привет, Тим, — сказала она.

Он вскочил на ноги, обрадованный, но и охваченный горем одновременно, лицо его дергалось, и он протягивал к ней руки. Она подошла к нему, взяла его за руки и нежно улыбнулась.

— Я пришла забрать тебя к себе на некоторое время, Тим, — мягко сказала она.

Он резко вырвал руки и вспыхнул. В первый раз с тех

пор, как Мэри познакомилась с ним, он чувствовал смущение и осознал это. Невольно его глаза обратились к Дони, он заметил ее гнев и возмущение. Теперь он был уже развит настолько, что почувствовал: Дони осуждает его за то, что он держит за руки чужую женщину. Его руки бессильно упали, и он умоляюще посмотрел на сестру. Она поджала губы и вскочила, как разъяренная кошка, глаза сверкали и смотрели то на Тима, то на Мэри.

Мэри подошла к ней, протянула руку.

— Привет, Дони, я Мэри Хортон, — сказала она мягко.

Дони сделала вид, что не заметила ее руки.

— Что вы здесь делаете? — прошипела она.

Мэри старалась не замечать ее тона:

— Я приехала за Тимом, — объяснила она.

— О, еще бы нет! — сказала она с ухмылкой. — Посмотрите на себя! Мать еще не в могиле, а вы уже тут как тут и облизываетесь от превкушения удовольствия. Бедный, глупый Тим! Почему вы обманули нас насчет своего возраста? Ну и дураков же вы из нас сделали и еще перед моим мужем!

— Ради Христа, Дони, утихни! — закричал Рон в отчаянии.

Дони яростно повернулась к нему.

— Я утихну, когда скажу, что хочу. Ты жадный старик негодяй! Продаешь своего недоумка-сына за несколько жалких долларов! Лишь бы влить в себя лишнюю кружку пива в "Прибрежном"! Подумал ты когда-нибудь о стыде? Посмотри на нее, пытается запудрить нам мозги, что ее интерес к Тиму чисто душевный! Да, мисс Хортон, — продолжала орать она, резко порачиваясь к Мэри. -- Я прекрасно понимаю вашу игру! Ловко вы обманули всех нас и заставили поверить, что вам чуть не девяносто! Интересно, сколько людей на нашей улице хохочут теперь до упаду, увидев, к кому ходит Тим по выходным? Вы сделали нас посмешищем всего района, вы, старая сука! Если уж вам нужен был мужчина, почему, черт побери, не купить нормального мужика, а не использовать моего бедного, неполноценного брата? Вы отвратительная дрянь! А ну убирайтесь вон отсюда и оставьте нас в покое!

Мэри стояла посредине гостиной, опустив руки, и два

ярких пятна пылали на ее щеках. Слезы стекали по лицу, словно пытаясь защитить ее от этих ужасных обвинений. Она была так потрясена и уничтожена, что даже не могла оправдываться. У нее не было ни сил, ни желания отвечать. Рона начала сотрясать крупная дрожь. Он так крепко сжал руки, что на костяшках пальцев появились белые пятна. Тим ушел к своему креслу и упал в него, запрокинутое лицо его поворачивалось то к обвинителю, то к обвиняемой. Он ничего не понимал, но тяжело страдал и испытывал чувство стыда. Дони, как будто считает, что ему нельзя дружить с Мэри. Но почему? Почему это плохо? Что сделала Мэри? Несправедливо, что Донн так кричит на Мэри, но он не знает, что ему делать, потому что не понимает, в чем дело. Почему ему так хочется убежать и спрятаться где-нибудь в темном углу, как в тот раз, когда он сташил у мамы торт, приготовленный для теннис-клуба?

Рон дрожал, стараясь сдержать свой гнев.

— Дони, я никогда не слышал, чтобы ты говорила такие вещи, ты слышишь? Ради Бога, что с тобой, девочка? Мисс Хортон — достойная женщина. Черт побери, она не обязана стоять здесь и слушать всю эту мерзость! Ты меня опозорила, ты опозорила Тима, и ты опозорила твою бедную покойную мать! И в такое время! Боже, Дони, что тебя заставляет говорить такие вещи?

— Я их говорю потому, что думаю, что это правда, — ответила Дони, прячась на груди у Мика. — Ты позволил ее грязным деньгам сделать тебя слепым и глухим!

Мэри провела дрожащей рукой по лицу, вытирая слезы. Она в упор посмотрела на Дони и ее мужа.

— Вы очень, очень ошибаетесь, дорогая, — она с трудом выдавила это из себя. — Я понимаю, как вы потрясены и расстроены всем, что произошло за эти несколько часов, я уверена, что вы по-настоящему не верите в то, что вы сейчас говорите. — Она прерывисто вздохнула. — Я не скрывала свой возраст обдуманно, просто мне это никогда не казалось важным, потому что я ни на мгновение не думала, что кто-нибудь так грязно истолкует мои отношения с Тимом. Я глубоко привязана к Тиму, но не так, как вы имеете в виду. Мне это, конечно, тяжело говорить, увы, я уже достаточно стара, и гожусь быть матерью Тима, да и

вашей, знаете ли. И вы совершенно правы: если бы мне нужен был мужчина, я вполне могла себе позволить купить продажного, и даже позолоченного. Зачем нанимать для этого Тима? Скажите честно, вы видели какое-либо свидетельство сексуального пробуждения в Тиме с тех пор, как он познакомился со мной? Если бы это было так, вы бы заметили тотчас же: Тим такое скрывать не сможет. Да, мне хорошо с Тимом, но отношения наши чисты и невинны. Тим сам чистый и невинный, и в этом часть его привлекательности. И если бы даже тысячи демонов блуда терзали непрерывно мою плоть, я ни за что не связала бы свои желания с Тимом. А теперь вы все испортили, испортили для нас обоих, потому что, если Тим и не понимает, он может почувствовать, что все изменилось. Наши отношения были совершенны. Были. Понимаете, были. Они больше не смогут быть такими. Вы сделали так, что я буду думать о том, что прежде мне и в голову не приходило. вы сделали так, что Тим будет чувствовать неловкость, выражая по отношению ко мне нормальную привязанность.

Мик откашлялся:

— Но, мисс Хортон, вы, конечно, должны были представлять себе, что будут думать другие люди. Мне трудно поверить, что вы, зрелая и ответственная женщина, могли месяц за месяцем проводить все свое свободное время с молодым и очень красивым человеком и вам ни разу не пришло в голову, что будут думать окружающие?

— Вот в чем дело! — заорал Рон, срывая Мика с дивана и держа его за лацканы пиджака. — Я должен был догадаться, что моя девочка Дони не придумывает все это вонючее дерьмо без твоей помощи! А ты действительно ловкач, дружок! За те десять минут, которые прошли от звонка мисс Хортон в дверь и до того, как она сюда вошла, ты умудрился напичкать голову моей дочери грязными намеками и так крепко, что она опозорила всех нас! Боже, и почему Дони не вышла замуж за нормального парня, а выбрала тебя, слюнявого, надутого пижона! Мне следовало тебе морду расквасить, ты поганая задница!

— Папа! — ахнула Дони, хватаясь за живот. — О, папа! — она разразилась слезами, топая каблуками об пол.

И вдруг Тим поднялся, да так неожиданно, что все ос-

тальные несколько секунд не могли понять, что произошло. Он развел Рона и Мика. Посадил Мика на диван, а Дони и Рона втолкнул в кресла. И все это не произнося ни слова. Затем, повернувшись спиной к Мику, легко прикоснулся к плечу отца.

— Пап, не разрешай ему тебя сердить, — сказал он серьезно. — Мне он тоже не нравится, но мама сказала, что мы должны обращаться с ним хорошо, даже если он нам и не нравится. Теперь Дони принадлежит ему, так сказала мама.

Мэри начала смеяться, дрожа и захлебываясь. Тим подошел к ней и обнял ее одной рукой.

— Ты смеешься или плачешь, Мэри? — спросил он, заглядывая ей в лицо. — Не обращай внимания на Дони и Мика, они расстроены. А почему мы не можем ехать сейчас? Можно я соберу вещи?

Рон смотрел на сына с удивлением и пробуждающимся уважением.

— Иди и собери вещи, дружок, иди сейчас же и собери вещи. Мэри через минуту придет и поможет тебе. И знаешь что, дружок? Ты молодец, ты настоящий парень!

Красивые глаза Тима сияли, и в первый раз с тех пор, как он нашел Эс в гостиной, сверкнула его улыбка.

— Ты мне тоже нравишься, пап, — он усмехнулся и пошел собирать чемодан.

После того, как он ушел, воцарилось напряженное молчание. Дони сидела и смотрела куда угодно, только не на Мэри, а Мэри продолжала стоять посредине комнаты не зная, что ей делать.

— Я думаю, что ты должна извиниться перед мисс Хортон, Дони, — сказал Рон, строго глядя на дочь.

Она напряглась, а пальцы согнулись, как когти.

— Черта с два, я извинюсь! — отрезала она. — После всего, что с нами тут сделали, считаю что это перед нами с Миком должны извиняться! Чуть не избили моего мужа!

Рон грустно посмотрел на нее:

— Я рад, что мамы нет здесь, — сказал он. — Она всегда говорила, что ты изменишься, что нам придется уйти из твоей жизни, но, черт побери, она все-таки никогда не думала, что ты до такого дойдешь. Ты слишком задрала нос.

моя девочка, а тебе, не говоря уж о твоём размазне-муже, не худо бы взять несколько уроков хороших манер у мисс Хортон!

— О, пожалуйста, — воскликнула в отчаянии Мэри, — я ужасно жалею, что причинила все эти неприятности. Если бы я знала, что случится, я бы никогда не пришла. Пожалуйста, не ссорьтесь из-за меня. Мне страшно думать, что я внесла раскол в семью Тима. Если бы я не думала, что я ему сейчас нужна, я ушла бы навсегда. Я даю слово, что как только Тим оправится после смерти матери, я это сделаю. Я никогда больше не увижу его и не причиню никому из вас больше горя и стыда.

Рон поднялся со стула, куда посадил его Тим.

— Чепуха! Ну и прекрасно, что все вышло наружу! Это все равно случилось бы рано или поздно. Что касается меня и его матери, то для нас был важен только Тим, а Тиму всегда будете нужны вы, мисс Хортон. Последние слова мамы были: "Бедный Тим, сделай то, что нужно для Тима, бедный, бедный Тим". Вот я и собираюсь это самое сделать, мисс Хортон. И если эта парочка там, на диване, не согласна со мной, тем хуже для них, черт побери! Я уважаю желание мамы, особенно если ее уже нет.

Его голос дрогнул, но он поднял подбородок, сглотнул несколько раз и сумел продолжить:

— Знаете, мама и я не всегда были вселивны друг с другом, но мы уважали друг друга. Мы прожили вместе хорошие годы, и я буду вспоминать о них с радостью. Он не поймет - кивок в сторону дивана - но мама была бы разочарована, если бы я не поднимал за нее тост каждый день в "Приморском".

Мэри с трудом сдержала порыв, ей хотелось подойти к старику и обнять его. Но только ее залитое слезами лицо и дрожащая улыбка сказали ему, как она его понимает.

Всю дорогу до Артармона Тим молча сидел в машине. В ее доме в Сиднее он ночевал редко: комната, которую он

там занимал, показалась ему чужой, совсем не такой, как в коттедже. Он совершенно не знал, что делать, когда она приготовилась уйти, чтобы он смог переодеться и отдохнуть. Тим стоял посреди комнаты и глядел на нее умоляюще. Этого выражения Мэри никогда не могла выдержать. Она вздохнула и подошла к нему:

— Почему ты не наденешь пижаму и не постарайшься немного поспать, Тим? — спросила она.

— Но сейчас не ночь, а полдень! — запротестовал он, и страдание послышалось в его голосе.

— Ну что об этом волноваться, дорогой? — ответила она. — Я думаю, ты уснешь, если я задерну шторы, и в комнате будет темно.

— Меня тошнит, — сказал он, хватая ртом воздух.

— О, бедный Тим! — воскликнула она, вспомнив, как он боялся, что на него будут ворчать, если он что-то испачкает. — Пошли, я подержу тебе голову.

Его начало рвать, как только они вошли в ванную комнату. Она прижала ладонь к его лбу, тихо приговаривая и поглаживая его по спине, пока он корчился и задыхался.

— Ну все? — спросила она мягко и, когда он кивнул, посадила его на стул и пустила теплую воду в ванну. — Ты сильно выпачкался, и я думаю, тебе надо снять одежду и залезть в ванну, хорошо? И ты сейчас же почувствуешь себя гораздо лучше.

Она намочила губку и обтерла его лицо и руки, сняла с него рубашку, аккуратно сложила ее и вытерла испачканный пол. Он следил за ней безучастно, бледный и дрожащий.

— Проси.. прости, Мэри, — выдохнул он. — Я.. я.. я все и..и..испачкал и ты.. ты.. очень сердиться.

Она улыбнулась, подняв голову и все еще стоя на коленях на изразцовом полу в ванной.

— Никогда, Тим, никогда я не буду сердиться! Ты же ничего не мог поделать, и ты так старался добежать до ванной вовремя, ведь так? И это самое главное, мой дорогой.

Его бледность и слабость встревожили ее, казалось, что он все еще не может оправиться, и она не удивилась, что его снова начало рвать.

Когда он успокоился, она спросила:

— Ну, как насчет ванны?

— Я устал, Мэри, — прошептал он, схватившись руками за сиденье.

Она боялась оставить его одного. Спинка у стула была прямая, подлокотников не было, и если он потеряет сознание, ему не удержаться. Лучше всего ему было бы в теплой воде, где он мог бы расслабиться и как следует прогреться. Стараясь изгнать из памяти горькие слова Дони и вознося молитвы, чтобы он никогда не упомянул об этом дома, она раздела его и помогла забраться в ванну, крепко держа его за талию и положив его руку себе на плечи.

Тим погрузился в воду со вздохом благодарности. Мэри с облегчением увидела, что краска возвращается на его лицо. Пока он сидел в воде, она закончила приводить в порядок пол. Запах рвоты держится долго, поэтому она открыла дверь и окно, чтобы впустить прохладный осенний воздух. Только тогда она повернулась к ванне и посмотрела на него.

Тим сидел, как ребенок, нагнувшись вперед и улыбаясь. Он внимательно следил, как струйки пара поднимались над поверхностью воды, его густые золотистые волосы лежали мокрыми завитками. Такой красивый, такой красивый! "Обращайся с ним, как с ребенком", — приказала она себе и взяла кусок мыла. — "Он ребенок, и так и следует с ним обращаться, не смотри на него и не воспринимай его как мужчину". Но, несмотря на это самовнушение, ее глаза окинули его тело в прозрачной воде. Он теперь лежал, откинувшись, и что-то бормотал с чувством удовлетворения. Обнаженное тело на картинках в книге никогда не волновало и не возбуждало ее. Но тут было другое дело. Она заставила себя посмотреть в сторону, но невольно взгляд ее опять обратился на него, и тут она обнаружила, что Тим закрыл глаза. Тогда она посмотрела на его тело с удивлением и сдержанной жадностью.

Вдруг что-то заставило ее взглянуть ему в лицо, и она увидела, что он с любопытством следит за ней. Она покраснела и ожидала, что он что-то скажет, но он промолчал. Бочком она присела на край ванны и начала намыливать ему грудь и спину, ее пальцы скользили по его безукоризненной коже, гладкой, как шелк, и как бы случайно она

старалась потрогать его запястье, чтобы проверить пульс. Но хотя он все еще был слаб, ему действительно становилось лучше, и он засмеялся, когда Мэри облила его водой с головой и заставила нагнуться, чтобы намылить волосы. Как только он был тщательно вымыт, она заставила его встать, включила душ и выпустила воду из ванны. Ей было забавно наблюдать его наивную радость по поводу огромного банного полотенца, которое она ему вручила, когда он вылез, но она сохраняла серьезность, когда он уверял ее, что раньше никогда не видел такой громадной махровой простыни и как интересно ему завернуться в нее целиком, как ребенку.

— Как хорошо, Мэри, — признался он, лежа в кровати и натянув одеяло до подбородка. — Я думаю, мама купала меня, когда я был малышом, но я не помню этого. Мне так понравилось, гораздо лучше, чем когда моюсь сам.

— Очень рада, — улыбнулась она. — А теперь повернись на бок и немного поспи, ладно?

— Ладно, — засмеялся он, — но я не могу сказать "спокойной ночи, Мэри", потому что сейчас день.

— Как ты себя чувствуешь, Тим? — спросила она, задергивая шторы и погружая комнату в сумрак.

— Очень хорошо, но я ужасно устал.

— Тогда спи, дорогой. Когда проснешься, приходи и найди меня, я буду здесь, в доме.

Выходные прошли спокойно; Тим вел себя тихо, его силы еще не восстановились, но было незаметно, чтобы он остро скучал по матери. Днем в воскресенье она посадила его на переднее сиденье своего "бентли" и поехала на Серф Стрит за Роном.

Он ждал их на террасе в передней части дома и, когда увидел машину, сбегал по ступенькам вниз, держа в руках чемодан. "Сколько ему лет?" — подумала Мэри, поворачиваясь, чтобы открыть заднюю дверцу. Несмотря на свою хорошую физическую форму и мальчишескую подвижность, он вовсе не был молодым. Его вид встревожил ее. Она не могла не подумать и о том, что будет с Тимом, если он лишится и отца. После выходки Дони в пятницу маловероятно было, что она сможет или захочет их заменить; ее муж стал главной ее заботой. Возможно, для Дони это и

хорошо, но для Тима это ничего хорошего не сулило. А она, Мэри Хортон, сможет взять Тима, если с его отцом что-нибудь случится? На каком основании? И если сейчас уже все, по-видимому, подозревают самое худшее, что же они будут думать, если Тим поселится у нее постоянно? Одна мысль об этом приводила ее в ужас. Только Рон, Арчи Джонсон, соседка Эмили Паркер и сам Тим считали их отношения безупречными. Она боялась даже помыслить, что Дони скажет, а возможно, и сделает. Будет, конечно, скандал, а возможно, и судебное разбирательство. Но что бы ни случилось, Тима надо уберечь от насмешек и горя. В общем-то неважно, что будет с ней или с Дони. Имел значение только Тим.

Несмотря на шок и горе, Рона по дороге в Госфорд очень развлекало, что Тим сидит, приклеив нос к стеклу и смотрит в восторге на проносящийся пейзаж. Мэри, взглянув в зеркало заднего вида, поймала выражение лица Рона и улыбнулась.

— Ему никогда не надоедает, мистер Мелвил. Просто поразительно, как он получает от каждой поездки такое же удовольствие, как от первой.

Рон кивнул:

— Правильно, мисс Хортон! Я никогда не думал, что ему так понравится ездить. Мы брали его несколько раз прокатиться в машине, но, насколько я помню, его тут же укачивало. Ужас! Было так стыдно, машина ведь не наша. Если бы я знал, что у него это прошло, я бы купил машину и покатал бы его. Я не знаю, что с собой готов сделать за это!

— Знаете, мистер Мелвил, я бы не расстраивалась по этому поводу. Тим всегда счастлив, если все идет хорошо. А поездка на машине — это вид счастья для него, вот и все.

Рон не ответил, его глаза наполнились слезами и ему пришлось отвернуться и уставиться в свое окно.

После того, как она высадила их у коттеджа, Мэри приготовилась вернуться в Сидней. Рон посмотрел на нее в ужасе.

— Вы что, мисс Хортон, уезжаете? Я думал, вы собирались с нами остаться.

Она покачала головой:

— К сожалению, не могу. Я завтра должна быть на работе. На этой неделе у моего босса очень важные встречи, и я должна быть при нем. Я думаю, что вы найдете все, что вам понадобится. Тим знает, где что находится, и поможет, если будут какие-то затруднения. Я хочу, чтобы вы чувствовали себя как дома, делали все, что и когда хотите. Запасов всякой еды достаточно. Если вы захотите поехать в Госфорд, то номер вызова такси в телефонной книжке. И я прошу вас, пусть все это будет за мой счет.

Рон встал, так как она уже натягивала перчатки, готовая уехать. Он крепко пожал ей руку и улыбнулся.

— Почему вы не называете меня Рон, мисс Хортон? Тогда я смогу называть вас Мэри. Как-то глупо продолжать называть друг друга мистер и мисс.

Она засмеялась и на минуту положила ему руку на плечо:

— Да, я согласна, Рон. Пусть теперь будет Рон и Мэри.

— Когда мы увидим вас, Мэри? — спросил Рон, не зная, должен ли он, как гость, проводить ее до границ ее владений или надо просто вернуться в кресло, где он сидел.

— Вечером в пятницу, но не ждите меня с ужином. Возможно, мне придется остаться в городе и пойти на ужин с моим боссом.

Проводил ее до машины Тим. С удивлением Рон понял, что его сын обиделся, что его забыли. Рон понял это и уселся, взяв в руки газету, а Тим пошел с Мэри.

— Жаль, что ты усзжась, Мэри, — сказал Тим, и взгляд у него был такой, какого она раньше у него никогда не видела и который не смогла истолковать.

Она улыбнулась, похлопав его по плечу.

— Я не могу не поехать, Тим, правда. Но это значит, что я полагаюсь на тебя и надеюсь, что ты позаботишься об отце, потому что он не знает ни дома, ни сада, а ты знаешь. Будь к нему внимателен, хорошо?

Он кивнул:

— Я позабочусь о нем, Мэри, обещаю, я позабочусь о нем.

Он стоял, пока машина не исчезла среди деревьев, затем повернулся и вошел в дом.

Как Мэри и ожидала, неделя была очень трудной. Из нескольких встреч, которые проводило правление компании "Констабл Стил энд Майнинг" в течение года, эта была самой важной. На встречу прибыли три представителя центрального отделения компании из Нью-Йорка. На секретаря свалилась куча обычных проблем, связанных с жалобами на неудобные отели, недостаточно разнообразное питание и так далее. Скучающие жены высказывали свои претензии, кто-то ворчал на сбой в программе - словом, все было, как обычно. Когда подошел вечер пятницы, Мэри и Арчи Джонсон вздохнули, наконец, с облегчением. Они сидели в офисе на верхнем этаже небоскреба, положив ноги повыше, и смотрели на панораму огней, раскинувшуюся до усыпанного звездами горизонта.

— Елки-палки, Мэри, как я рад, что все кончилось, — воскликнул Арчи, отодвигая от себя пустую тарелку. — Ты хорошо придумала, что заказала прислать сюда китайскую еду, молодец.

— Я подумала, что тебе понравится, — она с наслаждением шевелила пальцами ног. — Как в колодках. Целый день умирала, хотела снять туфли. Думала, что миссис Хичам Шварц так и не найдет свой паспорт и опоздает на самолет. Передо мной уже маячила ужасная перспектива возиться с ней в выходные.

Арчи усмехнулся. Туфли его образцовой секретарши валялись в дальнем конце комнаты, а сама она, почти исчезнув в надувном кресле, положила ноги в одних чулках на высокую кушетку.

— Ты знаешь, Мэри, тебе следовало усыновить умственно отсталого ребенка много лет назад. Провалиться мне на месте, как ты изменилась! Я никогда не мог обойтись без тебя, но, признаюсь, мне гораздо интереснее работать с тобой сейчас. Я никогда не думал, что наступит день, когда я скажу, что я просто получаю удовольствие от твоего общества, старая ты крыса! Думаю, что ты все это держала внутри и никогда не решалась показать. И не стыдно тебе, дорогая?

Она вздохнула:

— Возможно. Но знаешь, Арчи, все происходит в свое время. Встреть я Тима в молодые годы, я бы им никогда не заинтересовалась. Некоторым нужна чуть не вся жизнь, чтобы наконец пробудиться.

Он закурил сигару и с удовольствием попыхивал ею.

— Мы были так заняты, что я даже не смог тебя спросить, что же произошло в прошлую пятницу? Его мать умерла?

— Да. Было ужасно, — она содрогнулась. — Я увезла Тима и его отца в мой коттедж в прошлое воскресенье и оставила их там. Собираюсь поехать к ним сегодня вечером. Надеюсь, что все в порядке, потому что иначе они позвонили бы мне. Тим еще не осознал того, что случилось. Он знает, что его мать умерла, но он еще не начал тосковать о ней. Рон говорит, что он справится с этим быстро, и я надеюсь, что так и будет. Мне жаль Рона. Его дочь устроила сцену, когда я приехала за Тимом в пятницу.

— Да?

— Да, — Мэри встала и подошла к бару. — Выпьешь бренди или что-нибудь другое?

— После китайской еды? Нет, спасибо. Вот если чашечку чая, то пожалуйста.

Он следил за тем, как она зашла за стойку бара и направилась к раковине и маленькой плите.

— А что за сцена?

Ее голова склонилась над чайником.

— Даже неловко говорить. Отвратительная сцена, лучше не вспоминать об этом. Она... О, в общем, неважно...

Послышалось звяканье чашек.

— Она - что? Давай, Мэри, выкладывай!

Ее глаза смотрели на него с вызовом и уязвленной гордостью

— Она намекала, что Тим - мой любовник.

— Вот говно собачье! — он откинул голову и расхохотался. — Ну и сказанула! Я бы ей выдал, если бы она при мне такое сморозила.

Он с трудом встал, подошел к стойке бара и облокотился на нее.

— Не позволяй себе расстраиваться, Мэри. Ну, должно

быть, и дерьмо эта девка!

— Да нет, она не дерьмо. Она за такого замуж вышла, и он ее превращает в дерьмо. Я, честно говоря, думаю, она просто повторяет как попугай, то, что шепчет ей в ухо эта семейка. Вообще-то она очень привязана к Тиму и старается его оберегать.

Она наклонилась, ее голова исчезла за стойкой бара, и слова долетали приглушенно:

— Видишь ли, они все думали, что я гораздо старше, чем я есть, поэтому, когда я приехала за Тимом, для них всех это был просто шок.

— Почему это они вообразили, что ты стара?

— Тим сказал им, что у меня седые волосы, и он решил, что я старая, по-настоящему старая. Он сказал им это.

— Но разве ты с ними не встречалась до того, как умерла мать? Не похоже на тебя, Мэри, пытаться идти окольными путями! Почему ты не исправила этого заблуждения?

Она сильно покраснела.

— Я честно не знаю, почему я не представилась его родителям. Если я и побаивалась, что они пресекут мою дружбу с Тимом, если узнают мой возраст, уверяю тебя, эти страхи были подсознательными. Я знала, что Тиму со мной ничто не угрожает. Я очень любила, когда он рассказывал мне о своей семье и, думаю, как-то откладывала эту встречу, потому что боялась, что они окажутся совсем не такими, как говорил Тим.

Он протянул руку через стойку и похлопал ее по плечу.

— Ну не огорчайся. Ты говорила, что сестра Тима очень привязана к нему?

— Да и Тим к ней. Все было хорошо, пока она не вышла замуж. Ему казалось, что она его бросила, хотя я и пыталась все ему разъяснить. Из того, что он говорил, я поняла, что она разумная, здравомыслящая и добрая девушка. Блестящего ума. Странно, правда?

— Не знаю. А что ты сделала?

Опять она опустила голову.

— Я была в отчаянии. Я даже плакала. Можешь меня представить плачущей?! --- она подняла голову и попыталась улыбнуться. — Не хватает воображения, не так ли? --- Затем она вздохнула. Ее лицо было задумчивым и груст-

ным.

— Но за последнее время я немало поплакала, Арчи, немало. Наверстала упущенное.

— Да, представить себе трудно. Тем не менее мы должны плакать время от времени. Я и сам плакал, — признался он величественно.

Она вздохнула с облегчением:

— Ох, Арчи...

Он следил за тем, как она разливает чай, во взгляде его читалось сочувствие. Какой удар для ее гордости, думал он, когда такой прекрасный душевный порыв истолковывают так примитивно и оскорбительно. Для нее ведь сама мысль о физической стороне их отношений унижала ее достоинство, она была монашка в душе. Она вела странную, одинокую, отделенную от остального мира жизнь. Мы то, что мы есть, думал он, и что сделали из нас обстоятельства.

— Спасибо, дорогая, — сказал он, беря чай. Вернувшись в кресло у окна, он заговорил: — Я хотел бы встретиться с Тимом, если можно, Мэри.

Носледовало долгое молчание, затем он услышал тихий ответ:

— На днях.

Голос, казалось, звучал откуда-то издалека.

21

Только после полуночи Мэри остановила свой "бентли" у коттеджа. В гостиной все еще горел свет, и Тим, выскочив, бросился открывать дверцу машины. Он дрожал от радости, увидя ее, почти поднял и чуть не задушил в объятиях. В первый раз его эмоции при встрече с ней проявились так открыто, и это сказало ей больше, чем что-нибудь другое, какой тяжелой для него была эта неделя.

— О, Мэри, как я рад тебя видеть!

Она высвободилась из его объятий:

— Боже мой, Тим, ты сам не знаешь, какой ты сильный! Я думала, что ты уже лег спать.

— Но не раньше, чем ты приедешь. Я должен был до-

ждать тебя. О, Мэри, как я рад! Ты мне так нравишься, так нравишься!

— И ты мне тоже, и я тоже рада тебя видеть. Где твой папа?

— В доме. Я не разрешил ему выйти, я хотел увидеть тебя первым, — он танцевал вокруг нее, но она все же почувствовала, что его радости что-то мешало, что она каким-то образом не оправдала его ожиданий. Если бы только она могла понять, в чем дело!

— Мне тут не нравится без тебя, Мэри, — продолжал он. — Мне нравится тут, когда ты тоже здесь.

К тому времени, как они вошли в дом, он успокоился, и Мэри пошла поздороваться с Роном. Она протянула ему руку:

— Как дела? — мягко спросила она.

— Все в порядке, Мэри. Рад вас видеть.

— Я рада, что приехала наконец.

— Вы уже ели?

— Да, но тем не менее приготавливаю чаю. Будете пить?

— Спасибо, выпью.

Мэри повернулась к Тиму, который стоял на некотором расстоянии от них. У него опять был потерянный вид. "В чем дело, — спрашивала она себя опять. — Что я сделала, что он так смотрит, или чего я не сделала?"

— В чем дело, Тим? — спросила она, подходя к нему.

Он покачал головой:

— Ни в чем.

— Ты уверен?

— Да.

— Боюсь, тебе пора ложиться спать, друг мой.

Он кивнул с несчастным видом:

— Я знаю.

У дверей он оглянулся, в глазах его была мольба.

— Ты придешь укрыть меня как следует? Пожалуйста, приходи!

— Конечно, непременно, так что поспеши! Я приду через пять минут.

Когда он ушел, она посмотрела на Рона.

— Ну, как тут было?

— И хорошо, и плохо. Он много плакал о своей матери.

И плачет он не так, как раньше, а тихо. Он просто сидит, а слезы текут по лицу ручьями, и его невозможно ничем отвлечь.

— Пойдемте на кухню. Вам, наверное, было очень трудно. Жаль, что я не смогла быть здесь и снять хоть часть груза с ваших плеч.

Она наполнила чайник, потом посмотрела с тревогой на часы:

— Я должна пойти и сказать Тиму "спокойной ночи". Я скоро вернусь.

Тим был уже в кровати и напряженно смотрел на дверь. Она подошла к нему, повозилась с покрывалами, пока они не легли ровно и не закрыли его до подбородка, потом туго подоткнула вокруг. Затем наклонилась и поцеловала его в лоб. Он начал отчаянно возиться, пока не вытащил руки. Он обнял ее за шею и нагнул вниз так, что она была вынуждена сесть на край кровати.

— О, Мэри, я не хочу, чтобы ты уезжала, — сказал он, прижавшись лицом к ее щеке.

— Я тоже не хотела уезжать. Но теперь все в порядке, Тим. Теперь я здесь. И всегда буду здесь с тобой, когда смогу. Я больше всего на свете люблю быть с тобой. Ты скучал по маме, да?

Руки на ее щеке сжались.

— Да. О, Мэри, как тяжело знать, что она никогда не придет! Иногда я забываю, а потом вспоминаю опять, и я так хочу, чтобы она вернулась, и знаю, что она не может вернуться, и все это так спутано у меня в голове. Но я хочу, чтобы она вернулась, я так хочу, чтобы она вернулась!

— Я знаю... я знаю. Но скоро, мой дорогой, будет немного легче. Так плохо тебе не будет всегда, печаль отойдет. Мама будет все дальше и дальше, и ты привыкнешь к этому и не будешь так страдать.

— Но мне больно, когда я плачу, Мэри! Мне так больно, и это не проходит!

— Да, я знаю. У меня тоже так бывает. Как будто бы из груди вырвали целый кусок.

— Да, именно, именно так! — он неловко водил руками по ее спине. — О, Мэри, я так рад, что ты здесь! Ты всегда обо всем знаешь и можешь мне рассказать, и я чувствую

тогда себя лучше. Без тебя мне ужасно!

Ее нога, прижатая к кровати, затекла, и ее свело сильной судорогой. Мэри вытащила голову из его рук.

— Я здесь теперь, Тим, и буду здесь все выходные. Потом мы все вместе поедem в Сидней. Я тебя здесь одного не оставлю. Ну, теперь повернись на бок и спи, потому что у нас завтра в саду много работы.

Он послушно повернулся.

— Спокойной ночи, Мэри. Ты мне нравишься, ты мне нравишься больше всех, кроме папы.

Рон уже приготовил чай и нарезал кекс с тмином. Они сели друг против друга за кухонный стол. Хотя Мэри встретила с Роном только после смерти Эсме, она инстинктивно поняла, что за последнюю неделю он постарел и как-то высох. Рука, когда он подносил чашку ко рту, дрожала. Жизнь как бы ушла из его лица. Появилась какая-то прозрачность, потерялась живость. Она положила свою руку на его руку.

— Как, наверное, вам было тяжело. Приходилось скрывать свое горе и еще следить за Тимом. О, Рон, если бы я могла что-то сделать! Почему люди умирают?

Он покачал головой:

— Не знаю. Это самый трудный вопрос из всех, какие есть. Я никогда не мог найти на него ответа. Жестоко поступит Бог, дав нам любимых, сделав нас по-своему образу и подобию, чтобы мы могли любить их, и затем отнял их от нас. Ему бы лучше придумать по другому, как вам кзжется? Я знаю, что мы не ангелы, мы - что-то вроде червяков для Него, но большинство из нас делает, что может, большинство из нас не так уж плохи. Почему мы должны так страдать? Тяжело, Мэри, ужасно, ужасно тяжело.

Рон прикрыл рукой глаза: он плакал. Мэри сидела беспомощно, сердце ее разрывалось от жалости. Если бы она могла как-то помочь! Ужасно было сидеть и смотреть на горе человека и быть не в состоянии облегчить его. Он плакал долго, приступами, и казалось, вся душа его раздиралась от горя. Когда он уже не мог больше плакать, он вытер глаза и высморкался.

— Выпьете еще чашечку? — спросила Мэри.

На какое-то мгновение ей показалось, что на его лице

мелькнула улыбка Тима.

— Да, спасибо, -- он вздохнул. — Я никогда не думал, что все будет так, Мэри. Не знаю, может быть, потому что я старый. Никогда не думал, что, если она уйдет, останется такая огромная пустота. Даже Тим, кажется, не так важен для меня теперь, только она, только она. Все по-другому, даже то, что никто не ругается и не ворчит, что я долго задсрживаюсь в "Прибрежном" и наливаюсь пивом, как она любила говорить. У нас с Эс была хорошая жизнь, мы были вместе. Все дело в том, что с годами вы прирастаете друг к другу, вы - как пара старых ботинок, теплых и удобных. И вдруг все порвалось! Я чувствую, как будто от меня оторвалась половина ну вроде как если парень теряет ногу или руку, понимаете, что я хочу сказать? Он думает, что все в порядке и протягивает руку, чтобы почесать это место, а там ничего нет, только шов. Я вспоминаю о чем-то, что должен ей сказать, или хочу рассказать анекдоты, которые ее всегда смешили. Так тяжело, Мэри, не знаю, что делать.

— Да, я понимаю, — медленно сказала Мэри. — Духовная ампутация...

Он поставил чашку:

— Мэри, если со мной что-нибудь случится, вы посмотрите за Тимом?

Она не протестовала, даже не попыталась сказать ему, что это неудобно или глупо. Она просто кивнула и сказала:

— Да, конечно. Не беспокойтесь о Тиме.

22

За эту долгую и печальную зиму, которая последовала за смертью матери Тима, он очень изменился. Он был похож на тоскующее животное; бродил с места на место, ища что-то, чего там не было, глаза беспокойно останавливались на каком-нибудь предмете, затем разочарованно отворачивались. Казалось, он ожидал, что произойдет что-то невозможное, и удивлялся, почему это не происходит. Даже Гарри Маркхэм и его бригада ничего от него не могли добиться, рассказывал в отчаянии Рон Мэри. Он ходил на

работу аккуратно, каждый день, но все грубые выходки парней не оказывали на него никакого впечатления. Он выносил их жестокий юмор так же терпеливо, как и все остальное. Казалось, он ушел из реального мира, думала Мэри, ушел в место, где он был совсем один, и навсегда закрылся от всех других.

Она и Рон вели бесконечные и бесполезные разговоры о Тиме, сидя в коттедже долгими вечерами, а на улице шел дождь, и среди деревьев выл востер. Тим же уходил куда-то один или шел спать. После смерти Эсме Мэри настаивала на том, чтобы Рон ездил с ними в коттедж на выходные. Она не могла вынести мысли, что увезет в пятницу Тима и оставит старика сидеть перед камином в одиночестве.

Для них это были тяжелые, печальные, медленно текущие месяцы. Мэри, которая делила свои свободные часы с Тимом, было немного легче; для Рона была только пустота, а что было в душе у Тима, никто не знал. Это было ее первое столкновение с горем, такого раньше она даже не могла себе представить. И самое тяжелое состояло в том, что она была бессильна помочь. Что бы она ни сказала, что бы ни сделала - все это не имело никакого значения. Ей приходилось мириться с долгими периодами молчания, потихонечку убегать, чтобы выплакаться и погоревать в одиночестве.

Она начала привязываться и к Рону, потому что он был отцом Тима и потому, что он был так одинок, но никогда не жаловался. С течением времени он все больше стал занимать ее мысли. Когда самое холодное время года приближалось к концу, она заметила, что его силы тают. Иногда, когда они сидели во дворе и он протягивал руку к солнцу, ей казалось, что оно просвечивает сквозь покрытую веснами и старческими пятнами кисть, и становятся видны очертания костей. Он начал сильно дрожать, и его когда-то твердая энергичная походка стала неуверенной. И как бы плотно она его ни кормила, он непрерывно терял в весе. Казалось, он тает на глазах. Неприятности окружали ее, как невидимая армия врагов. Казалось, она проводила свои дни, бродя по пустынной долине и не зная, куда идти. Единственной реальностью был Арчи Джонсон. Только на работе она опять становилась сама собой и думала не о Роне

и Тиме, а о конкретных делах. Это было единственное, что давало ей силы. Она начала бояться пятниц и радоваться понедельникам. Рон и Тим стали для нее словно камень на шее, ибо Мэри не знала, что делать, чтобы избежать катастрофы, и чувствовала, что она приближается.

Однажды утром в субботу ранней весной она сидела на террасе коттеджа и смотрела на берег. У края воды стоял Тим и глядел через широкую реку. Что он видел? Искал ли он там мать, или ответ на вопросы, который она не могла ему дать? Именно этот разлад с Тимом деморализовал ее больше всего: она чувствовала, что является главной причиной его странной замкнутости. С той самой ночи, когда она вернулась в коттедж, где Тим и Рон провели неделю одни, Мэри поняла, что Тим считает, будто она предала его. Но разговаривать с ним было невозможно: он, казалось, не хотел ее слушать. Бесконечное количество раз она пыталась коснуться этой темы, предпринимая уловки, которые раньше действовали безотказно. Но все было бесполезно, тем более что он оставался, как всегда, вежлив, охотно работал в саду и по дому, не высказывая вслух недовольства. Просто он ушел.

Рон вынес на террасу поднос, где был сервирован утренний чай, и поставил его на стол около ее стула. Его глаза проследовали за ее взглядом, и, посмотрев на неподвижную, как у часового, фигуру на берегу, он вздохнул.

— Выпей чашечку, Мэри. Ничего ты не ела на завтрак, дорогая. Я вчера испек такой хороший кекс с тмином, но почему тебе не съесть кусочек с чаем? А?

Она оторвала мысли от Тима и улыбнулась:

— Честное слово, Рон, ты за последние несколько месяцев превратился в настоящего повара.

Он прикусил задрожавшую губу.

— Эс любила кекс с тмином. Я читал в "Геральде", что в Америке едят хлеб с тмином, но не кладут его в кексы. Идиоты! Ничего не представляю себе хуже, чем тмин в хлебе, а вот в пышном сладком кексе - в самый раз.

— Обычаи бывают разные, Рон. Наверное, они скажут как раз обратное, если прочитают в их газетах, что австралийцы не кладут тмин в хлеб, а едят его в кексе. Хотя, честно говоря, если зайти в некоторые булочные в Сиднес,

то теперь можно там купить ржаной хлеб с тмином.

— Да, эти чертовы бродяги все что угодно сделают. — сказал он с присущим старым австралийцам презрением к новым европейским эмигрантам. — Ну, неважно. Съешь кусочек кекса, Мэри, давай!

Съев ломтик, Мэри поставила тарелку:

— Рон, что с ним происходит?

— Елки-палки, Мэри, мы эту тему обсосали до костей уже давным-давно! — резко ответил он, затем повернулся и, раскаиваясь, сжал ее руку. — Прости, дорогая моя, я не хотел тебе хамить. Я знаю, что ты о нем беспокоишься, и только поэтому и спрашиваешь. Не знаю, милая, не знаю. Никогда не думал, что он будет так тосковать о матери, не думал, что так долго. У меня просто сердце разрывается!

— И у меня тоже. Не знаю - что, но я должна что-то сделать, и как можно скорее. Он уходит от нас, Рон, уходит все дальше и дальше, и если мы не вернем его, мы можем потерять его навсегда.

Он подошел и сел на ручку ее кресла.

— Если бы я знал, что делать, Мэри, дорогая, но я не знаю. Самое ужасное, что я уже не так страдаю о нем, как раньше. Я не хочу волнений. Даже о сыне. Это звучит ужасно, но это так. Подожди здесь.

Он исчез в доме, но через минуту опять появился, держа под мышкой плоскую папку. Он бросил ее на стол рядом с подносом. Мэри подняла на него глаза, удивленная и встревоженная. Рон взял другой стул, подтянул его к столу и сел против нее, прямо глядел ей в лицо. Его глаза странно блестели.

— Вот все документы, касающиеся Тима, — сказал он. — Здесь мое завещание, все банковские счета, страховые полисы и ежегодная рента. Все это даст возможность Тиму быть в денежном отношении независимым до конца жизни.

Он оглянулся в сторону пляжа, и Мэри уже не видела его лица.

— Я умираю, Мэри, — продолжил он медленно. — Я не хочу жить, не могу себя заставить жить. Я, как заводная обезьянка, у которой кончается завод - знаешь, ну те, что бьют в барабан и маршируют взад вперед, а затем их движение замедляется, а потом и вовсе останавливаются, ноги

перестают шагать, а барабан бить. Вот и я такой. Кончается завод, и я ничего не могу сделать. И, знаешь, Мэри, я этому рад! Если бы я был молодым, я бы так не чувствовал ее смерти, но возраст делает свое дело. Она оставила такую пустоту в моей душе, которую ничто не заполнит, даже Тим. Все, что я хочу, это лежать там, под землей, рядом с ней. Мне все кажется, что ей так холодно и одиноко. Иначе и быть не может, после того, как она проспала все эти годы рядом со мной.

Его голова была все еще повернута к берегу и она не видела его лица.

— Я не могу, — продолжал он, — вынести мысль, что ей там холодно и одиноко, не могу. После ее смерти ничего не осталось, я не могу даже сосредоточиться на Тиме. Вот поэтому я на этой неделе пошел к адвокату и все оформил. Я не оставляю тебе ничего, кроме неприятностей, но почему-то с самого начала я всегда чувствовал, что тебе очень дорог Тим, и ты не будешь возражать. Это эгоизм, но ничего не могу поделать. Я оставляю Тима тебе, Мэри, и вот все его бумаги. Возьми. Я предоставил тебе полномочия распорядиться финансовыми делами Тима, пока ты жива. Я не думаю, что Дони будет стараться причинить тебе неприятности, потому что Мик не хочет брать на себя заботы о Тиме. Но на всякий случай я оставил пару писем, одно для Дони и одно для этого пижона Мика. А на работе в сказал боссу, что ухожу на пенсию. Буду сидеть дома и ждать... Если ты не возражаешь, то буду ездить с Тимом сюда. Но это будет недолго.

— О, Рон, о Рон! — Мэри неожиданно для себя заплакала; из-за слез очертания стройной фигуры на берегу расплылись. Она протянула руки к отцу Тима.

Они встали и прижались друг к другу, каждого мучила своя боль. Через некоторое время Мэри заметила, что это принесло ей больше утешения, чем Рону; она успокоилась и почувствовала в его нежности и сочувствии настоящую мужскую защиту. Она теснее прижалась к нему, уткнув лицо в его худую, морщинистую шею и закрыла глаза.

Вдруг ей показалось, что что-то нарушило эту атмосферу доверия, по спине у нее пробежала озноб и она, вздрогнув, открыла глаза. Тим стоял в нескольких шагах от них,

и в первый раз за долгие месяцы их дружбы она увидела его разгневанным. Он дрожал, глаза сверкали и стали темными, кулаки сжимались и разжимались. В ужасе она отпустила Рона и отступила так резко, что тот покачнулся и едва удержался на ногах. Повернувшись, он увидел Тима. Они с минуту молча смотрели друг на друга, затем Тим повернулся и побежал по тропинке к берегу.

— Что с ним такое? — прошептал Рон в ужасе. Он сделал движение последовать за сыном, но она схватила его и остановила.

— Нет, нет!

— Но я должен узнать, что с ним, Мэри! Что он сделал? Почему ты так вздрогнула и так испугалась?пусти меня!

— Нет, Рон, пожалуйста! Позволь мне пойти за ним, а ты останься здесь, пожалуйста! О, Рон, не спрашивай почему, просто разреши мне самой найти его!

Он неохотно уступил, отойдя от края террасы.

— Ну хорошо дорогая. Ты так добра к нему и, может быть, тут как раз нужна женщина. Если бы мама была жива, я бы послал ее. Иди!

Никаких следов Тима на берегу не было. Мэри остановилась у кромки песка и, прикрыв глаза рукой, внимательно всматривалась то в один, то в другой конец пляжа, но и там его не было. Она повернулась и пошла к деревьям, направляясь к маленькой полянке, где, как она знала, он в последнее время любил бывать один. Он был там. Вздохнув с облегчением, Мэри оперлась о ствол дерева и молча следила за ним. Вид его страдания потряс ее: все линии его прекрасного тела говорили о невыразимой душевной боли, его чистый профиль весь исказился. Она подошла к нему так тихо, что он не заметил ее присутствия, пока она не коснулась его руки. Он отскочил, как будто ее пальцы обожгли его, и ее рука упала.

— Тим, что? Что я сделала?

— Ничего, ничего!

— Не скрывай от меня, Тим! Что я сделала?

— Ничего! — пронзительно крикнул он.

— Но я сделала! О, Тим, я знаю уже давно, что я сделала тебе что-то плохое, но я не знаю что! Скажи мне, скажи мне!

— Уходи!

— Нет, не уйду! Не уйду, пока ты не скажешь мне, в чем дело! Мы с твоим отцом голову потеряли от беспокойства за тебя. Но сейчас там, из террасе, ты смотрел на нас так, как будто ты нас ненавидишь. Ненавидишь нас, Тим!

Она подошла и положила руки ему на плечи.

— Не трогай меня! — он вырвался и повернулся ней спиной.

— Почему, Тим? Что я сделала, что не могу дотронуться до тебя?

— Ничего!

— Я тебе не верю! Тим, я никогда не думала, что будешь мне лгать, но ты лжешь! Пожалуйста, скажи мне, в чем дело, пожалуйста!

— Не могу! — прошептал он в отчаянии.

— Но ты можешь, конечно, можешь! Ты всегда мог говорить мне все! О, Тим, не отворачивайся, не закрывайся! Ты убиваешь меня, я аме себя от беспокойства, и не знаю, что делать! — она начала плакать, вытирая слезы ладонью.

— Не могу, не могу! Я не знаю! Я чувствую так много разного, что не могу думать, я не знаю, что это значит!

Он резко обернулся к ней, терпению его, казалось, пришел конец. Она резко отступила. Чужой человек смотрел на нее расширенными глазами, казалось, в нем не осталось ничего близкого, ничего знакомого.

— Я знаю только одно: что я тебе больше не нравлюсь! Вот и все! Тебе теперь больше нравится папа, а я тебе совсем не нравлюсь! С тех пор, как ты встретила папу, я тебе уже не нравлюсь, и я знал, что так будет, я знал, что так будет! Как могу я тебе нравиться больше, чем он, когда он полный доллар, а я - нет? И мне он тоже нравится больше, чем я - сам себе.

Она протянула к нему руки.

— О, Тим! О, Тим! Как ты мог так подумать? Это неправда! Ты мне нравишься, как всегда, ни на капельку меньше! Как могла бы я перестать любить тебя?

— Но ты перестала, когда встретила папу!

— Нет, нет! Это неправда, Тим! Пожалуйста, верь мне, это неправда! Мне нравится твой папа, но я не могу его любить, как тебя. Если уж хочешь знать, мне нравится

твой отец потому, что он твой отец. Он тебя создал, — она пыталась говорить спокойно, надеясь, что это его успокоит.

— Ты неправду говоришь, Мэри! Я чувствую! Я всегда думал, что ты думаешь, что я - взрослый, но теперь я знаю, что нет. Теперь, когда я видел тебя и папу! Я тебе больше не нравлюсь теперь, тебе нравится он, папа! Ты не мешаешь папе обнимать тебя! Я видел, что ты обнимаешь и утешаешь его все время! А мне ты не разрешаешь обнимать тебя, и ты не утешаешь меня! Ты только подтыкаешь мне одеяло, а я хочу, чтобы ты обняла и утешила меня, но ты не хочешь! А папу утешаешь! Что я сделал, почему ты меня больше не любишь? Почему ты изменилась, когда папа стал приезжать сюда? Почему всегда я остаюсь один? Говорю тебе: я тебе не нравлюсь, а нравится тебе папа!

Мэри стояла совершенно неподвижно. Сердце ее рвалось ответить на эту отчаянную, безнадежную мольбу о любви, но она была слишком ошеломлена неожиданностью. Он ревновал! Он ревновал яростно, эгоистически! Он смотрел на своего отца, как на соперника, эта ревность не была ревностью ребенка. Тут был мужчина: примитивный, эгоистичный, сексуальный мужчина. Слова утешения здесь не помогут. Ей нечего было сказать.

Они стояли и смотрели друг на друга в упор, непреклонные в своей ярости. Затем Мэри почувствовала, что у нее дрожат ноги, дрожат так, что она едва может стоять. Она опустила голову на землю, но взгляда от Тима она не отрывала.

— Тим. — сказала она, пытаясь подбирать слова с особой осторожностью. — Тим, ты знаешь, я никогда тебе не врала, никогда! Я не могу тебя обманывать, я тебя слишком люблю для этого. То, что я собираюсь тебе сказать, я не могла бы сказать ребенку, а только взрослому мужчине. Ты уверил меня, что ты уже вырос, поэтому тебе придется принимать и все тяжести, что сопровождают жизнь взрослого человека. Я не могу тебе как следует объяснить, почему я позволила твоему отцу обнять меня, а тебе не позволила. Но не потому, что ты для меня - ребенок, а потому, что он - старик. Ты понял это как раз наоборот, понимаешь? Тим, тебе придется быть готовым к еще одному удару, такому, как смерть твоей мамы, и ты должен быть силь-

ным. Ты должен быть настолько взрослым, чтобы уметь хранить в секрете то, что я тебе скажу. Особенно от твоего папы. Он ни за что не должен знать, что я тебе это рассказывала.

Ты помнишь, уже давно я тебе объясняла, что случается с людьми, когда они умирают, почему они умирают, что они становятся слишком старыми и уставшими, чтобы жить дальше, что у них, как у часов, если их не завести, кончается завод, и сердце их перестает биться? Так вот, так происходит с твоим папой. Когда умерла твоя мама, он начал быстро истощаться и уставал все больше и больше с каждым днем. Он не может жить без нее.

Он все еще стоял над ней и дрожал. Однако она не знала, от гнева ли или это реакция на ее слова. Она с трудом продолжала говорить.

— Я знаю, Тим, что ты тоже очень скучаешь о маме, но не так, как он, потому что ты молодой, а он — старый. Папа хочет умереть, он хочет лежать под землей рядом с мамой и спать так, как они спали, когда она была жива. Он хочет быть с ней. Они принадлежат друг другу, понимаешь, он не может без нее. И вот, когда ты вошел на террасу, он как раз и сказал мне, что знает, что скоро умрет. Он больше не хочет ходить, разговаривать, потому что он старый, и он не хочет привыкать жить без нее. Вот почему я обнимала его, мне было так грустно, и я плакала. По-настоящему — то это он меня утешал, а не я. Ты все перепутал.

Резкое движение Тима заставило ее поднять голову. Он плакал.

— Нет, не плачь, Тим! Успокойся, ты должен быть очень храбрым и сильным. Нельзя, чтобы он увидел, что ты плакал. Я знаю, я уделяла твоему папе много внимания, которое, как ты считаешь, по праву принадлежит тебе, но у него осталось времени мало, а у тебя вся жизнь впереди. Разве плохо, что я хочу дать ему капельку счастья, чтобы облегчить дни, которые у него остались? Дай ему эти дни, Тим, не будь эгоистом! Он так одинок! Он так ужасно скучает по маме, дорогой наш старик, он скучает о ней так, как я бы скучала о тебе, если бы ты умер. В мире, в котором он живет, почти нет света.

Тим так никогда и не научился владеть своим лицом.

Черты его отражали все эмоции, которые пронеслись в нем, и было ясно, что он понял достаточно много.

Она устало вздохнула.

— И все эти месяцы мне было нелегко заботиться о двоих, а не только о тебе. Много, очень много раз я хотел быть только с тобой. Но когда я себя ловила на этой мысли Тим, мне было стыдно. Понимашь, не всегда бывает так как мы хотим. Жизнь редко бывает идеальной, и нам надо учиться мириться с тем, что есть. Теперь нам надо думать прежде всего о папе. Ты знаешь, какой он хороший и добрый, и если ты будешь справедлив, то ты никогда не скажешь, что он обращался с тобой, как с ребенком, ведь так. Он отпустил тебя в мир одного, чтобы ты совершил свои собственные ошибки, он любит бывать вместе с тобой на "Прибрежном", он был тебе самым лучшим и верным товарищем, он заменял тебе друзей твоего возраста, которых ты сам не мог завести. И все же у него была своя собственная жизнь, но не потому, что он эгоистичен; он всегда думал о тебе, и маме, и Дони, и эта мысль утешала и согревала его. Тебе повезло, Тим, что ты имеешь такого отца, как Рон, так что разве мы не должны вернуть ему немного из того, что он отдавал тебе так щедро все эти годы?

Теперь, Тим, я хочу, чтобы ты был очень добр с отцом, и со мной тоже. Ты не должен огорчать его и ухолить один, как ты это делал, и никогда не должен ему рассказывать, в чем дело. Когда папа рядом, я хочу, чтобы ты шел, разговаривал, смеялся, как будто ты счастлив, по-настоящему счастлив.

Как дождь и солнце, горе и радость вместе отразились в его глазах, затем они закрылись, и он опустил голову ей на колени. Она сидела, гладила его по голове и говорила. Говорила, водя кончиком пальца по его шее, уху, и опять, и опять кругами.

Наконец он поднял голову и посмотрел на нее, стараясь улыбнуться, но не смог. Затем выражение его лица изменилось, опять появился тот же потерянный, удивленный взгляд. Морщинка с левой стороны рта стала более заметной, и он вновь обратился в гадкого утенка среди лебедей.

— О, Тим, не смотри так на меня! — попросила она.

— На работе ребята называют меня "голова садовая".

— сказал он, — но если я очень постараюсь, я все-таки могу немного думать. И с тех пор, как ушла мама, я все время пытался придумать, как я покажу тебе, что ты мне нравишься, потому что я думал, что папа тебе нравится больше. Мэри, я не знаю, что ты со мной делаешь, я только чувствую это, а сказать не могу, не нахожу слов. Но в фильмах по телевизору мужчина обнимает девушку и потом целует, и тогда она знает, как сильно она ему нравится. О, Мэри, ты мне так нравишься! Ты мне нравилась даже тогда, когда я думал, что ты меня больше не любишь. Ты мне нравишься, ты мне так нравишься!

Он схватил ее за плечи и поднял на ноги, его неумелые руки обхватили ее слишком сильно, и она подняла голову, чтобы не задохнуться. Прижавшись щекой к ее щеке, он пытался найти ее рот. Совершенно растерявшись, так как его последние слова и действия были слишком быстры и неожиданны, Мэри отчаянно попыталась высвободиться. Затем это как-то перестало иметь значение, осталось только ощущение прекрасного, юного тела и нетерпеливых, но неумелых губ. Такая же неопытная, как и он, Мэри все же инстинктивно почувствовала, что ему нужна помощь и одобрение. Она не могла предать его, не могла нанести удар его гордости, унижить, отвергнуть его. Он немного ослабил объятия, и она, высвободив руки, подняла их и стала гладить его лоб, закрыв ему глаза, чувствуя под пальцами шелковые ресницы и втянутые щеки. Он поцеловал ее так, как он думал, это делается - с крепко сжатыми губами, но поцелуй не удовлетворил его. Она немножко отодвинулась и слегка пальцем приоткрыла его нижнюю губу, затем притянула его голову вниз. На этот раз он был удовлетворен и задрожал от восторга. Это передалось и ей.

Раньше она прикасалась к нему, как к ребенку, и никогда - как к мужчине, и теперь, когда она обнаружила в нем мужчину, она испытала шок. Отдаться его объятиям, чувствовать его рот, гладить его шею и мускулистую грудь - она открыла в себе потребность в этом, почувствовала мучительное удовольствие от его прикосновений. Он дотронулся до ее груди, прикрытой одеждой, затем рука скользнула за воротник ее платья и обхватила голое плечо.

— Мэри! Тим! Мэри! Тим! Где вы? Слышите меня? Это

Рон! Отвечайте!

Она вырвалась, взяла его за руку и потащила за собой под укрытие деревьев. Они бежали до тех пор, пока голос Рона не стал еле слышен. Затем остановились. Сердце Мэри билось так, что она едва могла дышать и на мгновение подумала, что потеряет сознание. Хватая ртом воздух, она прижималась к руке Тима, пока ей не стало лучше. Затем, почувствовав неловкость, она отошла немного.

— Ты смотришь на глупую старую дуру, — сказала она, поворачиваясь к нему лицом.

Он улыбнулся ей, как раньше, нежно и с любовью, но была и разница — появилось восторженное удивление, как будто бы в его глазах она получила новое измерение. Это отрезвило ее как ничто другое. Она приложила руку ко лбу, пытаясь сосредоточиться. Как это произошло? И как ей теперь поступить, как она может вернуться к старым отношениям, не обидев его?

— Тим, мы не должны были это делать, — сказала она медленно.

— Почему? — Его лицо сияло от счастья. — О, Мэри, я не знал, как это хорошо! Мне понравилось, мне это понравилось гораздо больше, чем утешать тебя!

Она энергично затрясла головой:

— Неважно, Тим! Мы не должны были этого делать. Есть вещи, которых нам делать нельзя, и это одно из них. Очень плохо, что нам понравилось, потому что больше этого не будет. Этого никогда не должно быть. И не потому, что мне не понравилось, а потому что этого делать нельзя. Ты должен поверить мне. Тим, нам это делать не разрешается! Я отвечаю за тебя, я должна заботиться о тебе так, как хотели бы твои мама и папа, и это значит, мы не можем целоваться, просто не можем.

— Но почему, Мэри? Что в этом плохого? Мне так понравилось! — Весь свет исчез из его глаз.

— Тим, в самом поцелуе нет ничего дурного. Но между тобой и мной это запрещено. Это грех. Ты знаешь, что такое грех?

— Конечно, знаю. Это когда делаешь то, что не нравится Богу.

— Ну так Бог не хочет, чтобы мы целовались

— Но почему Он не хочет? Мэри, я никогда так себя не чувствовал. Я чувствовал, как будто я почти полный доллар! Почему Бог должен возражать? Это несправедливо, несправедливо!

Она вздохнула:

— Нет, Тим, это справедливо. Но иногда нам трудно понять цели Бога. Есть много вещей, которые нам приходится делать, а почему, мы не понимаем, правда ведь?

— Да, наверное, так, — ответил он, надувшись.

— Так вот, когда дело касается понимания Божественных целей, мы все не полные доллары — ты не полный доллар, и я не полный доллар, и твой папа не полный доллар, даже премьер-министр Австралии не полный доллар, даже королева. Тим, ты мне должен поверить, — умоляла она. — Ты должен мне поверить, потому что если ты не согласишься, мы не сможем быть друзьями, мы должны перестать видеть друг друга. Мы не можем обнимать и целовать друг друга потому, что это в глазах Бога — грех. Ты — молодой человек, а я становлюсь старой. Я горжусь тебе в матери, Тим!

— Но какое это имеет значение?

— Богу не нравится, что мы обнимаемся и целуемся, когда между нами такая разница в возрасте, Тим. Ты мне нравишься, ты мне нравишься больше всех в мире, но я не могу обнимать и целовать тебя. Это не разрешается. Если ты попытаешься опять поцеловать меня, Бог запретит мне видеть тебя, а я этого не хочу.

Он печально думал некоторое время, затем вздохнул, признав поражение.

— Хорошо, Мэри, мне это понравилось, но лучше я буду тебя видеть, чем поцелую и больше не буду видеть.

Она в восторге хлопнула в ладоши:

— О, Тим, я так горжусь тобой! Ты говорил, как мужчина, настоящий полный доллар. Я очень горжусь тобой.

Он засмеялся неуверенно:

— Я все равно думаю, что это несправедливо, но мне нравится, когда ты гордишься мной.

— Ну, теперь тебе лучше, когда ты знаешь все?

— Гораздо лучше! — он сел под дерево и похлопал рукой по земле рядом с собой. — Садись, Мэри. Общайся, что не поцелую тебя.

пса", но пса разбудили. Мэри имела все основания радоваться, что Рои теряет силы, так как если бы он был полностью здоров, он непременно бы заметил изменения в Тиме. А так веселый добрый юмор, который вернул в их отношения, вполне его удовлетворял, а глубже он не смотрел. Одна Мэри понимала, что Тим страдает. Десятки раз в день она ловила на себе его жадный сердитый взгляд, и тогда он сразу же выходил из комнаты с виноватым видом.

"Почему все должно меняться? — спрашивала она себя. — Почему что-то прекрасное и совершенное не может оставаться таким всегда?"

"Потому что мы — люди, — давал ответ ее разум. — Потому что мы так сложны и порочны, потому что, если с нами происходит что-то приятное, мы хотим повторения. А при повторении все меняется. Меняется форма и сущность того, что было раньше". Нельзя вернуться к первой фазе их дружбы, поэтому остается либо идти дальше, либо пытаться оставаться на месте. Но ни то, ни другое не подходит. Если бы Тим был умственно нормален, она бы попыталась поговорить с ним еще раз. А так — что это может дать?.. "Это — тупик", — думала она, и в отчаянии качала головой.

Сначала она хотела поговорить с Арчи Джонсоном, но отвергла эту идею. Он был добрый человек, но он никогда не поймет все нюансы ситуации. Эмили Паркер? Хорошая старушенция, да и наблюдала она их с Тимом отношения с самого начала с интересом и симпатией. Но что-то мешало Мэри поделиться с этой энергичной представительницей пригородного матриархата. В конце концов она позвонила Джону Мартинсону, учителю в школе для умственно отсталых детей. Он тотчас же вспомнил ее.

— Я часто думал, куда вы делись, — сказал он. — Как дела, мисс Хортон?

— Не слишком хорошо, мистер Мартинсон. Мне крайне необходимо поговорить с кем-нибудь, и я подумала, что вы — именно тот человек. Прошу прощения, что вешаю на вас свои проблемы, но я просто не знаю, что делать, и мне нужна квалифицированная помощь. Могла бы я привезти к вам Тима?

— Конечно. Как насчет того, чтобы поужинать у меня завтра вечером?

Мэри записала адрес, затем позвонила в дом Мелвиллов.

— Это Мэри, Рон.

— О, добрый день, дорогая. Что-то случилось?

— Ничего особенного. Я подумала, не могу ли я взять Тима с собой в гости завтра вечером?

— А почему бы и нет? Кто это?

— Учитель в школе для умственно отсталых детей. Удивительный человек. Я думаю, он сможет оценить Тима и дать нам советы, как обучать его.

— Прекрасно, Мэри! До завтра.

— Отлично. Кстати, я была бы благодарна, если бы ты не очень говорил об этом Тиму. Я хочу, чтобы он встретился с этим человеком без подготовки.

— Заметано! Привет, милая.

Джон Мартинсон жил недалеко от школы, которая находилась в пригороде Сиднея, как раз у подножия Голубых гор. Тим, привыкший ездить в северном направлении, был очень рад поездке в другую сторону. Он приклеил нос к стеклу и разглядывал ярко освещенные витрины магазинов, рестораны, работающие круглые сутки, и огромные открытые кинотеатры, куда зрители въезжали прямо на машинах.

Дом Мартинсонов был большой, но без всяких излишеств, построенный из досок, выкрашенных в бледно-розовый цвет. Звонкие голоса детей доносились из комнат.

— Почему вы не прошли через заднюю веранду? — спросил Джон Мартинсон, когда он открыл дверь на звонок Мэри. — Я из нее сделал кабинет, и нас там никто не побеспокоит.

Он представил их жене и трем своим старшим детям, а потом сразу провел через дом в свой кабинет.

Джон Мартинсон с любопытством и явным восхищением смотрел на Тима. Он вытащил две бутылки пива и налил себе и Тиму. Они разговаривали, сидя в больших креслах с каждой стороны его рабочего стола. В течение получаса, пока мужчины непринужденно беседовали, Мэри не сказала ни слова. Тиму учитель понравился, и он не испытывал никакого напряжения, болтая о коттедже, о саде, о своей работе у Гарри Маркхэма. Он совершенно не осознавал, что все это — беседа специалиста с пациентом.

— Вы любите вестерны, Тим? — спросил наконец Джон Мартинсон.

— Да, я их очень люблю!

— Хорошо, у меня тут есть кое-какие дела, которые мы должны обсудить с мисс Хортон и которые, я думаю, вам будет скучно слушать. Почему бы вам не пойти и не посмотреть с моими ребятами кино? Через несколько минут по телевизору будут показывать замечательный вестерн.

Тим с удовольствием отправился с учителем вглубь дома, а когда хозяин вернулся, Мэри услышала, как где-то вдалеке смеется Тим.

— С ним будет все в порядке, мисс Хортон. Моя семья привыкла к таким людям, как Тим.

— Я не волнуюсь.

— Ну так в чем дело, мисс Хортон? Можно я буду звать вас Мэри?

— Да, конечно.

— Хорошо! Зовите меня Джон. Кстати, я теперь вижу, что вы имели в виду, когда назвали Тима красавцем. Я никогда не видел человека с такой внешностью, даже в кино. — Он засмеялся, посмотрев на свое слишком худое тело. — Я против него просто слабак.

— Я думала, что вы собираетесь сказать, что это просто несчастье, когда такой красивый человек и умственно отсталый.

Он удивился.

— Почему я так должен думать? В каждом из нас есть что-то красивое и что-то некрасивое. Я признаю, что черты лица Тима и его тело великолепны, но не кажется ли вам, что эта совершенно потрясающая красота в большей степени отражение его души?

— Да, — сказала благодарно Мэри и подумала, что правильно сделала, приехав сюда.

— Я сразу увидел, что он очень хороший. Один из самых добрых, я... Вы хотите, чтобы его протестировали специалисты?

— Нет, я пришла совсем не за этим. Я пришла потому, что обстоятельства поставили меня в весьма затруднительное положение, и я не знаю, как поступить. Самое ужасное, что в любом случае, Тиму будет нанесен удар, воз-

можно, очень тяжелый.

Темно-синие глаза не отрывались от ее лица:

— Звучит неутешительно. Что же случилось?

— Ну, все началось девять месяцев назад, когда умерла его мать. Не помню, говорила ли я вам, что ей было семьдесят. Рон, его отец, того же возраста.

— Понятно, во всяком случае, я думаю, что понятно. И Тим скучает о ней?

— Не совсем так. О ней скучает отец Тима и настолько сильно, что я думаю, он долго не протянет. Он хороший старик, но когда его жена умерла, весь свет, кажется, ушел из его жизни. Я вижу, как он тает на глазах. На днях он мне сам сказал, что долго не протянет.

-- И когда он умрет, Тим останется один?

-- Да.

— Тим это понимает?

-- Да, мне пришлось сказать ему. Он принял это очень серьезно.

-- Есть у него какие-нибудь средства?

-- Вполне достаточные. Семья вложила почти все, чтобы обеспечить его будущее.

-- Ну, и при чем тут вы, Мэри?

-- Рон, отец Тима, попросил меня, чтобы я взяла Тима, когда он останется один, и я согласилась.

-- Вы понимаете, на что себя обрекли?

— О, да. Но возникли непредвиденные обстоятельства, — она посмотрела на свои руки. — Как я могу взять его, Джон?

— Вы хотите сказать, что скажут люди?

— Да. Хотя дело не только в этом. Я не могу усыновить его, он уже взрослый, но Рон предоставил мне полномочия относительно дел Тима, да кроме того, у меня самой есть средства. Деньги Тима мне не нужны.

— Ну тогда что же?

-- Тим всегда был ко мне очень привязан, не знаю почему. Это странно... Я понравилась ему с самого начала, как будто он видел во мне что-то, чего даже я сама не видела. Прошло почти два года с тех пор, как я его встретила. В те дни все было просто. Мы были друзьями, такими добрыми друзьями. Затем, когда умерла его мать, я посха-

ла к ним, и сестра Тима Дони, очень умная и любящая Тима, бросила мне ужасные и совершенно несправедливые обвинения. Она намекала, что я любовница Тима и что я воспользовалась его неполноценностью и совратила его.

— Понятно. Это был для вас шок, не так ли?

— Да. Я была в ужасе, потому что это все неправда. Тим присутствовал при этом, но, к счастью, ничего не понял. Однако для меня она все испортила, а, следовательно, и для него тоже. Мне было стыдно. Там был отец Тима, но он взял мою сторону. Странно, правда? Он не поверил ни слову из того, что Дони сказала, и вроде бы все должно было остаться по-старому. Но все изменилось. Почему? Я не знаю. Мне стало трудно чувствовать себя непринужденно с Тимом. И, кроме того, я так жалела Рона, что стала приглашать и его в мой коттедж с нами на выходные. Так продолжалось почти полгода, и за это время Тим изменился. Он ушел в себя, молчал и не хотел иметь с нами дела. Мы очень тревожились. Затем, однажды утром Тим устроил мне ужасную сцену и все открылось. Он ревновал к отцу, он думал, что в моем сердце Рон занял его место. Вот почему мне пришлось сказать, что его отец умирает!

— И? — подтолкнул ее Джон Мартинсон, когда она заколебалась. Он наклонился вперед и пристально следил за ней.

Странно, но этот его интерес придавал ей мужества и она продолжала:

— Тим был вне себя от радости, когда понял, что мои чувства к нему не изменились, что он по-прежнему мне нравится. "Нравится" — это его любимое слово. Он говорит, что любит вестерны или джемовый пудинг, но если он говорит о людях, к которым привязан, то всегда говорит "нравится" и никогда не говорит "любит". Странно, да? Его разум так чист и прямолинеен, что он воспринял эти слова буквально. Он слышал, как люди говорят, что они любят еду или развлечения, но он заметил, что когда они говорят о других людях, они говорят "нравится". И он так и говорит. Возможно, в этом он прав.

Ее руки дрожали. Она остановила дрожь, сжав их у себя на коленях.

— Очевидно, за это время, когда он думал, что мне нрз-

жиданности и потеряла нить рассуждений. Открывая и закрывая замок сумки, она сидела, бледная и бессловесная.

— Продолжайте! — сказал он. — Больше такого не случилось и не случится в будущем...

— Я думаю, что для Тима как будто открылась дверь в новый мир, но войти туда он не может. Дверь стоит открытая, и за ней новый прекрасный мир... Мне его так жаль, но его не излечить. Я причина его несчастья. Он больше не сделает этого, но и забыть не может. Рон держал его в полном неведении об этой стороне жизни, и поскольку он о ней не слышал, то и не ощущал такой потребности. А теперь вот прикоснулся, и запрет грызет его.

— Конечно, — вздохнул он. — Это неизбежно, Мэри.

Она смотрела поверх его головы на крошечного паука, который полз вниз по стене.

— Естественно, я не могу сказать Рону, что произошло, почему все изменилось. Как я смогу его взять, когда Рон умрет? Если бы Рон знал, я уверена, он никогда бы не попросил меня заботиться о Тиме. Теперь я не могу его взять, это сведет меня с ума! Сейчас мне кое-как удастся справляться с ситуацией, но мы видимся два дня в неделю, да и Рон всегда присутствует. Но, что будет, если мы будем вдвоём все время жить вместе? О, Джон, я не знаю, что делать! Если бы я верила, что есть какой-то шанс, что Тим забудет, то все было бы по-другому, я бы нашла в себе силы. Но я знаю, что он не забудет. Я замечая, как он смотрит на меня, я... Тим не такой уж абсолютный про-стак, он помнит события, если они произвели на него большое впечатление. Каждый раз, когда он смотрит на меня, он вспоминает, что произошло между нами, но он недостаточно умен, чтобы уметь скрыть свои мысли. Он сердится, он обижен и негодует, и хотя понимает, что больше так не случится, он не понимает — почему.

— Вы придумали, как разрешить ситуацию, Мэри?

— Не совсем. Есть ли какое-нибудь заведение, где люди, подобные Тиму, могут жить, если остались одни и у них нет семьи? Если бы он жил в таком месте, я бы могла брать его на выходные. Я бы сумела тогда владеть ситуацией.

— А еще что-нибудь приходит вам в голову?

— Вообще не видеть его! Но как я могу это сделать,

Джои? Ему не поможет, если он перейдет к Дони. Может быть, это вообще с моей стороны эгоизм? Действительно ли я так много для него значу, как я думаю, или это просто самообман? Может быть, он забудет меня, как только окажется в доме Дони. Но мне кажется, что для них главное — их собственная жизнь, а не Тим. У Дони много обязанностей, и она не может целиком посвятить себя Тиму так, как я!

— Есть еще выход.

— Есть? — она нетерпеливо наклонилась вперед. — О, если бы вы только знали, как я хочу его услышать!

— Почему бы вам не выйти замуж за Тима?

Мэри вытаращила глаза. Она была так потрясена, что несколько минут не могла говорить.

— Вы шутите!

Кресло показалось ей слишком жестким и тесным. Она вскочила и прошла в другой конец комнаты, затем вернулась и встала перед ним.

— Вы шутите? — повторила она уже с вопросительной интонацией.

Курительная трубка лежала на столе, он взял ее и начал набивать, медленно и тщательно утрамбовывая табак. Казалось, он концентрирует на этом внимание специально, чтобы сохранить спокойствие.

— Нет, я не шучу, Мэри. Это единственный логичный выход.

— Логичный выход?! Боже мой, Джон! Это вообще не выход! Как я могу выйти замуж за умственно отсталого, который к тому же годится мне в сыновья? Это преступление!

— Абсолютная чушь! — он яростно начал сосать трубку, прикусив мундштук. — Будьте благоразумны, женщина! Что еще можно сделать, кроме того, как выйти за него? Я могу понять, что вы не подумали об этом сами, но теперь, когда эта мысль вложена вам в голову, уже нет никаких причин отбрасывать ее! Вот это и было бы преступление, если вам так нравится такое слово. Выходите за него, Мэри Хортон, выходите за него замуж!

— Ни при каких обстоятельствах! — Она вся сжалась от гнева.

— В чем дело? Бойтесь, что скажут люди?

— Вы знаете, что нет! Я не могу выйти за Тима замуж! Это какая-то фантазмагория!

— Чушь и срунда! Конечно, можете.

— Нет, не могу. По возрасту я гожусь ему в матери, я унылая, некрасивая старая дева, совсем не подхожу для Тима!

Он встал, подошел к ней, взял ее за плечи и потряс, пока у нее не закружилась голова.

— Теперь послушайте меня, мисс Мэри Хортон! Зачем это благородное самопожертвование? Я не выношу самопожертвования, оно только приносит всем страдания. Я сказал, вам следует выйти за него замуж, да, я в этом уверен. Хотите знать почему?

— О, безусловно!

— Потому, что вы не можете жить друг без друга, вот почему! Господи, женщина, за версту видно, что вы от него без ума, и он от вас тоже! Это не платоническая дружба, и никогда она такой не была! Что случится, если вы прекратите с ним видеться? Тим переживет своего отца не больше, чем месяцев на шесть. И вы знаете это! А вы проживете, возможно, весь отпущенный вам срок, но это будете не вы, а ваша тень, и в таком сером и полном слез мире, что вы тысячу раз предпочтете умереть, чем тянуть эти бесконечные дни. Что касается первого варианта, то такого заведения нет, а в те, что есть, надо стоять в очереди годы. Тим не доживет до этого. Этого вы хотите? Убить Тима?

— Нет, нет! — она схватила носовой платок.

— Послушайте меня! Вы должны прекратить считать себя унылой, некрасивой старой девой. Кто-нибудь может объяснить, что один человек видит в другом? Что бы вы ни думали о себе, Тим видит вас совсем другой — прекрасной и желанной. Ну и будьте благодарны! Почему гордость заставляет вас отвергать любовь и восхищение Тима? Это самопожертвование, бесполезное и жестокое! Вы думаете, он изменится, и вы ему надоедите? Не надо детских глупостей! Это ведь не светский красавец, это бедное, неумное существо, простое и верное, как собака! Ах, вам не нравится, что я так говорю? Ну, так сейчас не время подбирать выражения, Мэри Хортон. Сейчас нужна только правда,

простая и неприукрашенная. Мне неважно, почему Тим сосредоточил именно на вас свою привязанность, меня интересует только сам факт. Он вас любит, вот и все. Он любит вас! Как бы это ни казалось необъяснимым, но он вас любит. Я это понимаю не больше, чем вы, но это факт. И как, черт подери, вы в состоянии даже подумать о том, чтобы отбросить эту любовь?

— Вы не понимаете, — плакала Мэри, закрыв голову руками и растрепав свои всегда так аккуратно причесанные волосы.

— О, я понимаю лучше, чем вы думаете, — сказал он более мягко. — Тим любит вас всем своим существом. Из всех людей, которых он знал, он сосредоточил свою любовь на вас, и она останется навсегда. Вы ему никогда не надоедите. Он никогда не пресытится вами, не бросит вас ради более молодой и хорошенькой женщины и через десять лет. Ему не нужны ваши деньги. А красота?.. У него достаточно красоты на вас обоих.

Она подняла голову и попыталась улыбнуться:

— Вы очень искренни...

— Да, другого выхода я не вижу. Но ведь это только половина дела, не так ли? Не говорите мне, что вы не признавались себе, что любите его так же, как он — вас.

— Да, признавалась, — ответила она, отводя глаза.

— Когда? Недавно?

— Очень давно, еще до смерти его матери. Он сказал мне как-то, что я похожа на святую Терезу на картине, и эти слова почему-то выбили меня из колеи. Я полюбила его с того момента, как увидела, но призналась себе в этом именно тогда.

— Он может вам надоесть?

— Надоесть? Тим? Нет, нет.

— Тогда почему не выйти за него замуж?

— Потому что по возрасту я гожусь ему в матери и потому, что он такой красивый.

— Это неубедительно, Мэри. Что касается внешности, все это чепуха, и я не буду тратить времени на доказательство. Что касается возраста, то тут стоит поговорить. Вы ведь не его мать, Мэри! Вы не чувствуете себя его матерью, и он вас так не воспринимает. Ваша ситуация необычна, Вы

ведь не просто двое взрослых людей с разницей в возрасте, что бросило бы тень на искренность вашей связи. Вы и Тим абсолютно уникальны. Я не хочу сказать, что старые девы за сорок никогда не выходили замуж за мужчин, годившихся им в сыновья, даже за умственно отсталых. Я хочу сказать, что вы совершенно исключительная пара со всех точек зрения, и вы должны принять эту свою исключительность. У вас ничего нет общего, кроме любви друг к другу, ведь так? Есть разница в возрасте, внешности, уме, богатстве, социальном положении, в воспитании, в характере — я бы мог продолжать и продолжать. Но эмоциональная связь между вами и Тимом сильна настолько, что вы легко преодолеть эти существенные различия. Я думаю, что никто на свете, включая вас самих, не смог бы обнаружить, почему вы так подходите друг другу. Так оно есть и все. Поэтому, Мэри Хортон, выходите за него замуж. Вам придется перенести многое: насмешки, пересуды, но по-настоящему это все не имеет значения, не так ли? Я бы сказал, что у вас и так все это было. Почему бы не дать старым сплетницам реальную причину посудачить? Выходите за него!

— Это... это неприлично, почти порочно!

— Уверен, что именно так и будут говорить.

Она подняла подбородок:

— Меня не заботит, что скажут другие люди, я беспокоюсь только о том, какое влияние это окажет на Тима, как с ним будут обращаться, если он на мне женится.

Джон Мартинсон пожал плечами:

— Он перенесет сплетни гораздо легче, чем разлуку, уверяю вас.

Руки ее лежали, стиснутые, на коленях, и он положил на них свою руку.

— Думайте об одном, Мэри. Почему нельзя выйти за Тима? Что в нем такого особенного? Вы можете утверждать сколько угодно, что вы прежде считали его мужчиной, но это не так. Именно в тот момент, когда вы увидели в нем мужчину, вы чуть не умерли от страха, правда? Это потому, что вы сделали ошибку, которую делают все, кто имеет дело с умственно отсталыми. У вас в уме сложился образ Тима как ребенка. Но он — не ребенок, Мэри! Подобно нор-

мальным людям, дефективные растут и меняются с возмужанием. В определенном пределе их физического развития они перестают быть детьми. Тим - взрослый, со всеми физическими особенностями взрослого человека, и с совершенно нормальной гормональной деятельностью. Если бы он повредил ногу, он бы хромотал, но так как у него поврежден мозг, он хромотает умственно, и этот недостаток мешает ему быть мужчиной не больше, чем искалеченная нога.

Почему Тим должен жить, лишенный возможности удовлетворять одну из наиболее существенных потребностей, которые знают душа и тело? Почему он должен быть лишен своего мужества? Почему его надо укрыть и отгородить от его тела? О, Мэри, он и так лишен многого! Очень, очень многого! Почему его и этого лишать? Разве он не человек, имеющий право на свой пол? Уважайте в нем человека, Мэри Хортон! Выходите за него замуж!

— Да, я понимаю, --- она некоторое время сидела и думала, затем подняла голову: — Хорошо. Если вы думаете, что при создавшихся обстоятельствах это лучший выход, и выйду за него.

— Молодец! — его лицо смягчилось. — Вы оба получите гораздо больше, чем предполагаете.

Она нахмурилась:

— Но сколько же нас ждет трудностей!

— Его отец?

— Думаю, нет. Думаю, Рои будет даже рад, но только он один. И я, и Тим — оба неопытны, и я не уверена, что смогу как надо решить все проблемы.

— Не надо напрасно беспокоиться. Беда, что вы слишком думающий человек, вы пытаетесь анализировать то, что обычно разрешается само собой, когда приходит время. Я бы сказал, что размышлять тут нечего. Там, где дело касается потребностей Тима, вы подходите идеально.

подавив смущение. Мэри сумела показаться спокойной.

— Я ведь не должна иметь детей, правда?

— Да, не должны. Не потому, что недостатки Тима наследственные, тут, кажется, вероятность небольшая. Но вы уже в том возрасте, когда детей не успеть поставить на ноги. А Тиму это будет не под силу сделать одному, если с

вами что-то случится. Кроме того, вы уже не молоды, и можете повторить несчастье его матери. А если так случится, вас ожидает величайшая насмешка судьбы. Статистически, если родить первенца после тридцати пяти, вероятность иметь нормального ребенка уменьшается, и чем старше женщина, тем меньше на это шансов.

— Я знаю.

— Вы будете сожалеть, что у вас нет детей?

— Нет.

— Почему?

— Я никогда не собиралась выходить замуж и не стремилась к этому. Мне вполне достаточно одного Тима.

— Будет нелегко.

— Я знаю.

Джон положил трубку и вздохнул:

— Ну, Мэри, я от всей души желаю вам счастья. Теперь все зависит от вас.

Она поднялась, взяла сумку и перчатки.

— Я благодарю вас, Джон. Я вам бесконечно обязана, и даю вам слово, что, как смогу, буду помогать вашему делу.

— Ничем вы мне не обязаны. Я буду вполне доволен, если узнаю, что Тим счастлив. Это мне будет лучшей наградой. Навещайте меня время от времени.

Вместо того, чтобы просто оставить Тима у дома на Серф Стрит, Мэри зашла вместе с ним повидать Рона. Он сидел в гостиной перед телевизором, который орал о последних спортивных событиях.

— Привет, Мэри! Не ожидал, что ты зайдешь так поздно.

Она села на диван.

— Я хочу поговорить с тобой, Рон. Это важно. Я хотела бы покончить с этим, пока у меня еще сохраняется мужество.

— Правильно, дорогая! Как насчет чашечки чая и кремового пудинга?

— Звучит заманчиво, — она посмотрела на Тима и улыбнулась. — Я не хочу тебя гнать, но думаю, что тебе пора спать, милый. Нам с твоим папой надо кое о чем поговорить, но это не секрет. Я расскажу тебе обо всем в выходные, ладно?

— Ладно. Спокойной ночи, Мэри.

В доме Эсме он никогда не просил ее подоткнуть одеяло.

Пока кипел чайник, Рои расставлял на кухонном столе чашки, блюдца, тарелки и уголком глаза следил за Мэри.

— Ты выглядишь очень измученной, дорогая, — заметил он.

— Так и есть. У меня был трудный вечер.

— Что этот учитель сказал про Тима?

Ее чашка была надколота, и она сидела, вода кончиком пальца по неровности и раздумывала, как лучше подойти к делу. Когда Мэри подняла голову, она казалась постаревшей.

— Рон, я сказала не совсем правду о том, почему я водила Тима к Джону Мартинсону.

— Да?

— Да, — она продолжала водить пальцем по краю чашки, не имея сил взглянуть в его широко открытые голубые глаза, такие похожие на глаза Тима, и такие непохожие по выражению. — Мне очень трудно говорить, потому что ты не имеешь ни малейшего понятия, о чем я собираюсь сказать. Рон, тебе когда-нибудь приходило в голову, что мне будет трудно взять Тима, если с тобой что-нибудь случится?

Рука, державшая чайник, задрожала, и чай расплескался по столу.

— Ты изменила свое решение?

— Нет, я этого не сделаю, Рои, если только тебя не смутит мое предложение, — она сложила руки на столе и, собравшись с силами, посмотрела ему прямо в глаза. — У нас с Тимом были всегда особые отношения. Ты знаешь это. Из всех людей, с которыми он встречался, я нравилась ему больше всех. Не знаю, почему, и я уже бросила биться над этой загадкой. Правильнее будет сказать: он просто любит меня.

— Да, именно так. Он любит тебя, Мэри. Именно поэтому я и просил тебя взять его после моей смерти.

— Я его тоже люблю. Я полюбила его с того первого мгновения, когда увидела, как он стоит на солнце и смотрит, как цемент из цистерны выливается прямо на олеанд-

лись котята. Она окотилась за трубой каминна в нашей спальне, и я решил добраться до них, пока Тим ничего не знал. Мне пришлось разобрать кладку, чтобы достать их. Не представляю, как она туда забралась? Там она и была, вся покрытая сажей, и котята тоже, а Эс стояла у меня над головой и хохотала вовсю, и говорила, что хорошо, что кошка черная, сажа будет незаметна. Ну, я схватил котят, унес на задний двор и утопил в ведре. И никогда в жизни я так не раскаивался за свои поступки! Бедная кошка целые дни ходила по дому, плакала и искала котят. Она смотрела на меня своими большими зелеными глазами с таким доверием, как будто думала, что я могу вернуть ей котят. И она плакала, Мэри, плакала настоящими слезами. Они катились по ее мордочке, как будто она была настоящая женщина. Я никогда не думал, что животные могут плакать настоящими слезами. Господи! Да временами мне хотелось сунуть голову в газовую духовку. Эс не разговаривала со мной неделю из-за этого. И каждый раз, как плакала кошка, плакал и Тим.

Поставив стул ближе к столу, он опять сел и положил на стол руки. В старом доме было тихо. Слышно было только тиканье старинных часов и звук дыхания Рона. Прежде, при Эс, на кухне царил совсем другая атмосфера, и неудивительно, что теперь Рону было здесь так плохо.

— Так что видишь, Мэри, — продолжал Рон, — если кошка может иметь чувства, то их может иметь и слабоумный Тим, и еще больше, потому что Тим не такой уж слабоумный. Может, он пороха и не выдумает, но у него есть сердце, Мэри, большое, горячее сердце, полное любви. Если он сойдется с женщиной, он ее полюбит, но как ты думаешь, полюбит ли она его? Он ей будет только обузой, и Тим будет страдать. Нет, я не могу этого допустить! У Тима но-настоящему красивое лицо и тело, и бывали женщины, да и мужчины, которые гонялись за ним еще с двенадцати лет. А когда его бросят, что с ним случится, как ты думаешь? Он будет смотреть на меня, как эта бедняга-кешка, и ожидать, что я верну ему подружку, и не сможет понять, почему я и не пытаюсь это сделать.

Воцарилось молчание. Где-то внутри дома хлопнула дверь. Рон поднял голову и, казалось, вспомнил, что с ними

в доме был Тим.

— Извините, Мэри, минуточку.

Она сидела и слушала монотонное тиканье часов, пока он не вернулся, улыбаясь про себя.

— Типичный австралиец, этот парень. Если бы была возможность, вообще ходил бы, в чем мать родила. У него есть дурная привычка выходить из ванны после душа и расхаживать по дому в костюме Адама, и я подумал, что лучше уж проверю, чтоб он не пришел сюда за чем-нибудь.

— Он резко взглянул на нее:

— Надеюсь, он вел себя как следует, когда оставался у вас?

— Он ведет себя прекрасно, — ответила она с некоторой неловкостью.

Рон опять сел:

— Я думаю, что истинное благословение, что мы из рабочего класса, Мэри. Нам легче было уберечь Тима, чем если бы мы принадлежали к людям вроде Мика. Этих надутых снобов труднее понять, они хитрее, особенно мужчины. И вместо того, чтобы пить пиво с простыми парнями в баре "Прибрежного", он сидел бы где-нибудь в шикарном месте с бездельничающими женщинами и шепелявыми голубыми. В нашей среде все проще и лучше, спасибо небу. Черное есть черное, а белое — белое и никакого серого между ними. Я надеюсь, ты понимаешь, Мэри, почему мы так оберегали Тима?

— Понимаю. Действительно понимаю. Беда в том, что Тим все-таки пробудился, может, благодаря телевизору. Он следил за любовными сценами и решил, что это очень хороший способ показать мне, как я ему нравлюсь.

— О, Боже! — Рон упал на стул. — Я думал, что мы достаточно запугали его и такого страху нагнали, что он никогда не попытается попробовать.

— Вы, возможно, хорошо делали, что пугали его, но понимаешь, он не связывает то, что он сделал, с тем, против чего вы его предостерегали. В его уме не было ничего сексуального. Он просто хотел показать мне, что я ему очень нравлюсь. Но, к несчастью, при самом действии он обнаружил, как сильно ему это понравилось.

Рон был в ужасе.

— Ты хочешь сказать, что он изнасиловал тебя? Я этому не верю!

— Конечно нет! Он поцеловал меня, вот и все. Но ему понравилось, и с тех пор это мучает его. Мне удалось его убедить, что между нами это запрещено, но он проснулся, Рон, он проснулся! Это случилось только раз, большего я не допустила, но как ты или я можем вычеркнуть это из его памяти? Что сделано, то сделано. Пока не было правды в том, что думала Донн или Эмили Паркер или кто-то еще, все это не имело значения, но с тех пор, как Тим поцеловал меня, я почти сошла с ума, ломая голову, что мне делать с ним, если что-то случится с тобой.

Рон несколько расслабился.

— Да, понимаю.

— Ну, я не знала, к кому обратиться, с кем поговорить. Поэтому я и повезла Тима к Джону Мартинсону сегодня. Я хотела, чтобы он познакомился с Тимом и честно сказал мне свое мнение обо всей этой ситуации.

— Почему ты не поговорила со мной, Мэри? — резко спросил он, обидевшись.

— Как я могла поговорить с тобой, Рон? Ты же отец Тима, ты слишком ему близок, чтобы посмотреть со стороны. Если бы я сначала поговорила с тобой, мне нечего было бы сказать сейчас, кроме фактов, и я бы не знала, что делать и как решить проблему. Если бы я сначала поговорила с тобой, мы, возможно, пришли бы к выводу, что ничего сделать нельзя, кроме как разлучить нас с Тимом. Я поехала к Джону Мартинсону, потому что у него большой опыт работы с умственно отсталыми и он искренне сострадает им. Я подумала, что из всех людей, кого я знаю, он единственный, кто сможет прежде всего думать о Тиме, а мне нужен был именно такой человек, кто может дать совет исключительно в интересах Тима.

— Хорошо, Мэри. Я понимаю. Так что же он сказал?

— Он предложил мне одно решение и заставил меня поверить, что такой выход был бы самым разумным. Он сказал, что ты, наверно, сочтешь такой выход разумным, но признаюсь я не уверена в этом сейчас, хотя и согласилась с Джоном Мартинсоном. И чтобы ты ни сказал или ни подумал, уверяю тебя, я это все уже сказала и подумала

сама, поэтому меня ничто не удивит и не обидит. — Она протянула чашку, чтобы он налил еще. Ей хотелось чем-нибудь себя отвлечь. — Мне сорок пять лет, Рон, по возрасту я гожусь Тиму в матери, я не красивая, не эlegantная женщина, и привлекательности для мужчин во мне нет. Что Тим во мне находит, я понять не могу, но он что-то видит тем не менее. Джон Мартинсон сказал, что я должна выйти за Тима замуж.

— Так он сказал? — лицо Рона было до странного неподвижно.

— Да, сказал.

— Почему?

— Главное потому, что Тим меня любит, и потому, что Тим мужчина, а не ребенок. Когда он мне это сказал, я была поражена и, поверь мне, доказывала обратное. Это как скрестить породистую собаку с дворняжкой, связать юность и красоту Тима со мной, и я сказала ему это. Прости то, что я скажу, но он ответил, что на это можно посмотреть и с другой стороны, что связать мой интеллект и слабоумие Тима так же плохо. Слова его были другими. Он сказал: "Если вы не годитесь для Тима, то и он не годится для вас." Он хотел подчеркнуть, что ни Тим, ни я не являемся образцом для супружества и поэтому что тут такого ужасного? Я все же возражала, в основном потому, что слишком уж велика разница в возрасте. Но он отбросил и это возражение. Тиму нравлюсь я, а не соседская девочка или дочка одного из рабочих. Что меня убедило в правоте Джона Мартинсона, так это то, что мне совсем не приходило в голову, и я уверена, что и тебе так же. Мы слишком близки к Тиму, чтобы увидеть. — Она покачала головой. — Тим — взрослый человек, Рон, и в этом отношении совершенно нормален. Джон был до грубости откровенен, он схватил меня за плечи и начал трясти так, что зубы у меня застучали, вот как он был зол, что я не понимаю и не сочувствую Тиму. Он спрашивал, как я могу отказать Тиму в его праве быть мужчиной? Почему Тим не должен получить от жизни то, что он может? Я никогда не смотрела на проблему с этой точки зрения. Меня беспокоило, что подумают другие, как будут над ним смеяться, дразнить его, мучить за то, что он женился на богатой старой деве, годя-

щейся ему в матери. Но я совершенно не принимала во внимание тот факт, что он имеет право получить от жизни то, что может.

Она опять стала водить пальцем по краю чашки. Рон никак не проявлял своего отношения к услышанному. Она понятия не имела, что он думает. И как бы для того, чтобы смутить ее еще больше, он взял чайник и опять наполнил ее чашку.

— Мы все слышали о противоположных случаях. Я помню, как я была зла, когда одна из девушек у нас в офисе влюбилась в паралитика, а он отказался жениться на ней. Арчи достаточно хорошо знал эту девушку, чтобы понимать, что другого мужчины в ее жизни не будет. Он отправился к этому парню и сказал ему, чтобы тот не лишал себя и ее шанса на счастье. И мы все согласились, что Арчи сделал правильно. Арчи сказал, что в жизни есть многое другое, а не только секс. Действительно, в жизни есть и многое другое, Рон. Но как насчет Тима? Есть ли у нас право лишать Тима всего, что ему положено как человеческому существу? В этом была суть доказательств Джона Мартинсона.

— Да, рассудил он здорово, правда? — Рон провел руками по волосам. — Я никогда сам об этом не думал.

— Ну, я согласилась с тем, что в его словах есть правда, вынуждена была согласиться. Но спросила, почему я? Тим, конечно, мог найти кого-нибудь лучше. Но мог ли? Действительно, мог ли? Какая бы я ни была, но Тим любит меня. И какой бы ни был Тим, но я люблю его. Со мной он будет в безопасности, Рон. и если, выйдя за него, я смогу обогатить его жизнь настолько, насколько ее можно обогатить, я выйду за него и плевать мне, что скажут люди, включая тебя.

По мере того, как она говорила, ощущение, что она стоит на краю пропасти исчезло. Рон смотрел на нее с любопытством. Он уже несколько раз видел ее взволнованной, отбросившей обычную маску спокойствия и уверенности в себе. Но такой воодушевленной он не видел ее еще никогда. Ее и прежде нельзя было назвать тихой мышкой, так как ее некрасивое, но приятное лицо всегда носило печать достоинства и силы характера. Теперь же оно свети-

лось особой красотой, которая, казалось, исчезнет, как только пройдет порыв. И он вдруг подумал, а что это замужество может дать ей. Он был гораздо старше и гораздо опытнее Мэри, и знал, что легкого ответа на этот вопрос нет.

Она продолжала:

— Женщины обычно живут дольше, чем мужчины, поэтому есть все шансы за то, что я буду с ним еще долгие годы. Он не побежит искать молоденькую и хорошенькую женщину, потому что его жена старая и увядшая. Я старая и увядшая теперь, но, Рон, его это ни мало не беспокоит. Можно и просто жить с ним. Но Джон Мартинсон прав. Женитьба лучше. Если мы поженемся, у меня будет полное законное право на его жизнь. Дони никогда не сможет отобрать его. Видишь ли, Дони уже давно беспокоит меня. Я думаю, тебе не приходило в голову, как легко она может забрать Тима из-под моей опеки, как только с тобой что-нибудь произойдет. И это естественно. Она твоя дочь, и ты очень любишь ее. Но меня она совсем не любит и никогда не согласится, что Тиму со мной лучше, чем с ней. Твои письма к ней и Мику и переданные тобой мне полномочия ничего не будут значить, если Дони действительно захочет наделать неприятностей. После твоей смерти Дони станет законным опекуном Тима в глазах любого суда страны, вне зависимости от указаний, какие ты оставишь. Я не его родственница, даже знаю его не так уж давно, и наша связь весьма подозрительна.

Когда ты в первый раз попросил меня взять Тима, я думала только о том, какое высокое доверие ты мне оказал. Но мне кажется, ты все-таки в силах посмотреть на Дони со стороны и увидеть ее в истинном свете. Она любит Тима, но ненавидит меня гораздо больше, и Тим окажется жертвой на ее алтаре. Джон Мартинсон не знал о силе ее неприязни, но, несмотря на это, он предложил единственно возможное решение. Мы должны пожениться.

Рон грустно рассмеялся:

— Разве жизнь не забавна? Ты права в одном, Мэри. Люди бы легче поняли, если бы ты просто жила с ним, чем твое замужество. Тут такая странная ситуация, что женитьба выходит как бы преступление.

— Эти самые слова я говорила Джону Мартинсону.
Преступление.

Рон встал обошел стол и положил руку ей на плечо, затем наклонился и поцеловал ее в голову.

— Ты прескрасный человек, Мэри. Я по-настоящему рад, что ты выходишь замуж за моего сына. Ни я, ни Эс не могли бы для него желать лучшего, и я думаю, что она шлет тебе свои поздравления. Но это надо сделать скоро, Мэри, очень скоро. Если я доживу, я оставляю свидетельство, что я одобряю брак, тогда Дони мало что сможет сделать. Если это будет после моей смерти, то опереться тебе будет не на что. Мне следовало самому все это понять, но человек слеп, особенно когда дело касается его собственных детей.

— Именно поэтому я и должна была поговорить с тобой сегодня вечером. Мне придется лечь в больницу на несколько дней. Необходима операция, чтобы у меня не было детей, но думаю бракосочетание должно состояться как можно скорее.

— Ага! В следующий понедельник поедем в город получить лицензию и в конце недели, думаю, сможете пожениться.

Она с любовью погладила его по шершавой щеке:

— Я не могла бы себе желать лучшего свекра, чем ты, Рон. Спасибо за понимание и согласие.

24

В конце концов они решили поставить Дони в известность только после того, как событие состоится. Но на следующий день после разговора с Роном Мэри рассказала обо всем Арчи Джонсону.

— Ну гром среди ясного неба! Ты шутишь!

Потребовалось некоторое время, чтобы убедить его, что она говорит серьезно. И когда он немного успокоился и овладел собой, он искренне ее поздравил.

— Мэри, дорогая, я очень рад за тебя. После Шопена и Жорж Санд это самый странный брак, но если на нашем

шарике кто-то и знает, что он делает, так это ты. Я не собираюсь портить тебе жизнь и выдвигать всякие возражения, потому, черт подери, что уверен, что ты сама обо всем этом подумала. Единственное, о чем я жалею, так это то, что после всех этих лет, когда я был за тобой, как за каменной стеной, я тебя потеряю. Тут я готов заплакать.

— Почему это ты должен меня терять?

— Но разве тебе не придется отказаться от работы, чтобы присматривать за Тимом?

— Боже мой, нет конечно! Мне действительно придется месяца на три взять отпуск, о чем я очень сожалею, но я не собираюсь бросать работу, и Тим тоже. Я думаю, что нам обоим будет полезнее находиться среди обыкновенных людей. Если мы перестанем работать и никого не будем видеть, кроме самих себя, мы деградируем.

— Я бы хотел быть на бракосочетании, Мэри. Я люблю тебя, Мэри, и хотя я никогда не видел Тима, я тоже его люблю, потому что он так изменил твою жизнь.

— Я бы хотела, чтобы ты и Трисия присутствовали.

— Когда?

— В следующую иятницу.

— Тогда почему тебе не начать свой отпуск прямо сейчас? Если уж мне придется три месяца работать с Селестой Мерфи, так уж лучше начать прямо сейчас.

— Нет, благодарю. До следующей среды я возьму Селесту себе под крыло. Ждать ведь недолго.

Эмили Паркер встретила новость с ликованием. Мэри пригласила ее к себе вечером после обеда и рассказала ей все.

— О, Боже, душечка, дорогая моя, это то, что вам обоим надо! Я просто в восторге! За ваше здоровье, и живите счастливо.

— Вы придете на регистрацию?

— Да уж ни за что не пропущу такое событие! Желая вам счастья, мисс Хортон, я просто горжусь вами!

Мэри также поехала повидать Гарри Маркхэма после того, как ей удалось выпроводить Эмили Паркер за пограничные лавры. Гарри с любопытством смотрел на посетительницу, уверенный, что где-то видел ее раньше, но вспомнить не мог.

— Вы помните, что вы делали достройки в доме миссис Эмили Паркер в Артармоне два года назад, мистер Маркхэм?

— Да, конечно.

— Я — Мэри Хортон, соседка миссис Паркер.

Его лицо прояснилось.

— О, да, да! Я так и думал, что видел вас где-то.

— Я пришла не по делу, мистер Маркхэм. Я пришла поговорить о Тиме Мелвиле.

— О Тиме Мелвиле?

— Да, правильно, о Тиме Мелвиле. Может быть, вас это поразит, мистер Маркхэм, но в следующую пятницу я выхожу замуж за Тима.

Бедный Гарри разинул рот и целую минуту не мог произнести ни слова. Затем сумел выдавить из себя:

— Выходите замуж за слабоумного Тима?..

— Совершенно верно. В следующую пятницу. Вообще-то, узнав от миссис Паркер, какие шуточки вы любите выкидывать, я бы постаралась убедить его найти другого хозяина, но ему нравится работать с вами и с вашими людьми, поэтому я буду вполне довольна, если он останется у вас.

Глаза Гарри скользнули мимо нее к огромному "бентли", стоявшему у обочины. Он вспомнил, что о ней говорили как о самой богатой женщине в Артармоне, и решил, что ее стоит умиротворить.

— Ну вы меня, как обухом по голове! Ну и новость, я скажу!

— Уверена, что это так и есть, мистер Маркхэм. Однако у меня мало времени, и я бы хотела быть краткой. Есть пара вопросов, которые мы должны сейчас решить. Первое: хотите ли вы сохранить за Тимом место, если он будет отсутствовать три месяца, начиная со следующей среды? И во-вторых, если он будет продолжать у вас работать, готовы ли вы держать ваших людей в узде относительно Тима?

Все еще в полном замешательстве Гарри потряс головой, словно надеясь этим прояснить себе мозги.

— Черт-те что, мисс Хортон, не знаю, что сказать.

— Пожалуйста, решайте, мистер Маркхэм. Я не могу стоять здесь всю ночь.

Он подумал немного:

— Ну, честно скажу вам, мисс Хортон, мне нравится Тим, и бригада тоже его любит. Сейчас такое время, что мы можем обойтись три месяца без него, потому что скоро лето, и я всегда могу найти одного-двух студентов на место чернорабочего, хотя мало кто может заменить Тима. Все они бездельники и шалопаи. Тим работал со мной двенадцать лет, он очень хороший рабочий. И мне придется искать не три месяца, а гораздо дольше, чтобы найти рабочего, такого же веселого, надежного и старательного, как Тим. Так что если вы не против, я бы сохранил парня.

— Прекрасно. Теперь о втором. Я надеюсь, вы понимаете, что будет очень плохо для Тима, если его начнут дразнить по поводу его женитьбы. Пожалуйста, можете продолжать все ваши шутки и розыгрыши. Тим к этому привык и не возражает. Но тема женитьбы должна быть абсолютно запретной, и я даю вам слово, что если я когда-либо узнаю, что вы пытались смутить или унижить его за то, что он женился на богатой старой деве, я расшибу вас и всех членов вашей бригады на мелкие кусочки морально и финансово. Конечно, я не могу запретить вам обсуждать это между собой, и даже не помышляю об этом, так как понимаю, что очень забавно посплетничать на эту тему. Но когда близко Тим, никаких упоминаний об этом не должно быть. Понятно?

Мэри Хортон была более сильной стороной, и Гарри Маркхэм уступил без борьбы:

— Да, конечно, мисс Хортон. Как скажете, мисс Хортон.

Мэри протянула руку:

— Благодарю вас, мистер Маркхэм, я ценю ваше внимание. Всего хорошего.

Следующим в списке Мэри был гинеколог. Приняв окончательное решение, Мэри устраняла препятствия одно за другим и получала от этого большее удовлетворение, чем могла бы предположить. Смыслом ее жизни было всегда делать дело. И сейчас, когда решение было принято, ее не одолевали сомнения. Она действовала.

В кабинете гинеколога она спокойно объяснила ситуацию.

— Я не могу позволить себе риск забеременеть, сэр; думаю, вы понимаете, почему. Полагаю, что вам придется госпитализировать меня, чтобы перевязать трубы, поэтому я подумала, что пока вы этим всем будете заниматься, вы могли бы помочь и в другом. Дело в том, что я девственница и не могу подвергать опасности мои взаимоотношения с мужем, что случится, если я проявлю малейшие признаки боли. А начинать сексуальную жизнь в моем возрасте, как я понимаю, очень болезненно.

Гинеколог быстро прикрыл лицо рукой, чтобы скрыть невольную улыбку. По своей профессии он очень хорошо был знаком с этим типом женщин, ибо много таких Мэри Хортон работало в госпиталях Австралии. Преданные своему делу, старые девы, они везде одни и те же, подумал он. Быстрые, практичные, раздражающе уравновешенные, и тем не менее где-то в глубине души все-таки женщины — гордые, чувствительные и до странного мягкие. Справившись наконец с собой, он сидел, постукивая пером по столу.

— Думаю, я согласен, мисс Хортон. А теперь будьте добры, пожалуйста, пройдите за ширму и разденьтесь. Сестра принесет вам специальную одежду.

К субботе Тим оставался единственным, кто не был посвящен в ее планы. Она попросила Рона ни словом не упоминать об этом, но отказалась ехать в коттедж с одним Тимом.

— Конечно, ты поедешь с нами, Рон, — сказала она твердо. — Почему должно быть по-другому? Мы еще не женаты. А я смогу пойти с ним куда-нибудь и все ему рассказать.

Случай представился днем. Рон решил прилечь и, подмигнув Мэри, удалился в спальню.

— Тим, почему бы нам не пойти на берег и не посидеть на солнце?

Он сейчас же вскочил, сияя во весь рот.

— О, как хорошо, Мэри. Тепло, и можно поплавать, а?

— Не думаю, но это неважно. Я хочу поговорить с тобой, а не плавать.

— Я люблю говорить с тобой, Мэри, — признался он. — Так давно мы с тобой не говорили.

Она засмеялась:

— Не преувеличивай. Мы все время говорим.

— Но не так, как тогда, когда ты говоришь: "Тим, я хочу поговорить с тобой". Это лучше всего, и это значит, что ты собираешься сказать что-то действительно хорошее.

Ее глаза широко открылись.

— А ты догадливый! Ну пошли, дружок, не теряй времени!

Трудно было отделаться от делового ритма последних дней, и некоторое время она сидела на песке и молчала. Без деловитой четкости и энергии ей не удалось бы справиться со всеми возникшими проблемами. Ведь заметь она в себе малейшие признаки робости и смущения, все кончилось бы катастрофой. Сейчас же твердость была совсем не нужна.

— Тим, ты знаешь, что такое женитьба?

— Я думаю, да. Это как мама и папа, или то, что сделала моя Дони.

— Можешь еще что-нибудь об этом сказать?

— Ну-у, я не знаю! — он запустил пальцы в свои густые золотистые волосы. — Это значит, ты всегда живешь с кем-то, с кем раньше не жил, правда?

— Отчасти, — она повернулась к нему. — Когда ты становишься взрослым, то в конце концов встречаешь кого-то, кто тебе так нравится, что ты хочешь жить с ним, а не с мамой и папой. И если этому человеку ты нравишься так же, вы оба идете к священнику или к судье и там женитесь. Вы оба подписываете бумагу, и это значит, что вы поженились и можете жить вместе до конца жизни, не оскорбляя Бога.

— Это действительно значит, что можно жить вместе до конца жизни?

— Да.

— Тогда почему я не могу жениться на тебе, Мэри? Я хочу жениться на тебе, я хочу видеть тебя одетой, как принцесса, в белое длинное платье, как Дони или как мама на ее свадебной фотографии на туалете в спальне.

— Многие девушки действительно надевают длинные белые платья, когда они выходят замуж, Тим, но не длинное белое платье делает тебя женатым, а подписанный документ.

— Но мама и Дони были в длинных белых платьях! — упорно утверждал он, зачарованный этой идеей.

— Ты действительно хотел бы жениться на мне, Тим? — спросила Мэри, пытаясь увести его от мысли о длинном белом платье.

Он энергично кивнул, улыбаясь ей:

— О, да, я очень хочу жениться на тебе, Мэри. Я смогу жить с тобой все время, мне не надо будет идти домой в воскресенье вечером.

Река текла вниз к морю, журча и плеща о берег; Мэри отогнала от лица назойливую муху.

— Ты больше хотел бы жить со мной, чем с твоим папой?

— Да, папа принадлежит маме, он только ждет, когда уйдет и будет спать с ней под землей, правда? А я принадлежу тебе, Мэри.

— Твой папа и я говорили о тебе тогда вечером, после того, как мы вернулись с тобой от мистера Мартинсона. И мы решили, что будет хорошо, если мы с тобой поженимся. Мы очень беспокоились о том, что будет с тобой, а в целом мире нет никого, кто был бы нам больше дорог, чем ты.

Блеск воды отражался в синих глазах Тима, и они светились и сияли.

— О, Мэри, ты так думаешь? Ты правда так думаешь? Ты выйдешь за меня замуж?

— Да, Тим, выйду.

— И тогда я смогу жить с тобой, я смогу принадлежать тебе?

— Да.

— Можно, мы сегодня поженимся?

Она неподвижно смотрела на реку, вдруг опечалившись.

— Не сегодня, дорогой, но очень скоро. В следующую пятницу.

— А папа знает, когда?

— Да, знает. Все уже подготовлено.

— И у тебя будет длинное белое платье, как у мамы и у моей Дони?

Она покачала головой:

— Нет, Тим. Я не смогу. Ради тебя я бы хотела надеть

длинное белое платье, но чтобы его сшить, уйдет много времени, а твой отец и я не хотим ждать так долго.

Разочарование на мгновение согнало улыбку с его лица, но вскоре оно опять засияло.

— И после этого мне не надо будет идти домой?

— Некоторое время придется, потому что я ложусь в госпиталь.

— Нет, Мэри, нет! Ты не можешь идти в госпиталь! Пожалуйста, пожалуйста не ходи в госпиталь! — глаза его наполнились слезами. — Ты умрешь, Мэри, уйдешь от меня и будешь спать под землей, и я тебя больше не увижу!

Она потянулась и взяла его за руку, сжав ее крепко и энергично.

— Ну, ну, Тим! Если я ложусь в госпиталь, это не значит, что я умру! То, что твоя мама умерла, когда она пошла в госпиталь, не значит, что я тоже умру, понимаешь? Много, очень много людей ложатся в госпиталь и выходят опять и не умирают. Госпиталь — это место, куда ты идешь, когда болен и хочешь поправиться. Иногда мы так больны, что не можем поправиться, но я не так больна, как твоя мама, правда. Я ведь не слабая, и у меня ничего не болит. Но я была у доктора, и он хочет немного подлечить меня, чтобы все было в порядке опять, и он хочет сделать это до того, как ты придешь ко мне жить навсегда.

Трудно было заставить его понять такое, но спустя некоторое время он успокоился и, казалось, принял на веру факт, что она в госпитале не умрет.

— Ты уверена, что ты не умрешь?

— Да, Тим, я уверена, что не умру. Пока я не имею права умереть. Я этого ни за что не допущу!

— И мы поженимся до того, как ты пойдешь в госпиталь?

— Да, мы договорились на следующую пятницу.

Он откинулся на спину и счастливо вздохнул, затем покатился вниз по склону и, смеясь, плюхнулся в воду.

— Я женюсь на Мэри, я женюсь на Мэри! — пел он, брызгая на нее, когда она тоже спустилась к берегу.

В честь такого события на Мэри был персикового цвета костюм из индийского шелка, маленькая шелковая шляпа того же цвета, и на лацкане - букет чайных роз. Все, кто должен был присутствовать, договорились встретиться на площади Виктории со стороны Гайд Парка. Мэри поставила машину на подземной стоянке и по движущейся дорожке подошла к выходу на Колледж Стрит, затем прошла через парк. Арчи предлагал подвезти ее, но она отказалась.

— После регистрации я должна сразу же поехать в госпиталь, так что лучше я сама поведу машину.

— Но, дорогая, разреши мне это сделать! — протестовал он. — Ты что, сама поведешь машину, когда выйдешь из госпиталя?

— Конечно. Это большой частный госпиталь типа отеля, я там задержусь до окончательного выздоровления, поэтому буду вполне в форме, когда приседу домой. Я не хочу разочаровывать Тима, если вернусь домой, а ему придется еще жить у себя.

Он взглянул на нее, удивленный:

— Ну, я думаю, ты знаешь, что делаешь, потому что ты всегда это знаешь.

Она ласково взяла его за руку.

— Дорогой мой Арчи, твоя вера в меня трогательна.

Итак, на церемонию она поехала одна и пришла первой. Вскоре прибыли Арчи и Трисия. Миссис Паркер, захватившись, спешила за ними. На ней был невероятный туалет из шифона вишневого и ярко-синего цветов. И затем из ближайшего выхода метро появились Тим и Рон. На Тиме был тот же костюм, который он надевал на свадьбу Дони, а на Роне - тот же, что был на нем на похоронах Эсме. Они стояли на ярком солнце и, немного смущаясь, разговаривали. Затем Тим сунул Мэри маленькую коробочку, стараясь это сделать быстро, пока никто не видел. Видно было, что он нервничал и был не очень уверен в себе. Мэри отвела его в сторонку и, повернувшись ко всем спиной, сняла обертку.

— Папа помог мне выбрать, потому что я хотел подарить тебе что-нибудь, и папа сказал, что так и надо сде-

лать. Мы пошли в банк, и я взял две тысячи долларов, и мы пошли в большой ювелирный магазин на Гастелеграф Стрит, у отеля "Австралия".

В коробке лежала маленькая брошь с великолепным черным опалом в центре, окруженным бриллиантами в виде цветка.

— Она напоминает мне твой сад в коттедже, Мэри, разноцветные цветы и солнце, которое освещает все.

Она сняла с лацкана розы, и они упали на горячий асфальт и остались там лежать, незамеченные, а брошку Мэри вынула из бархатного футляра и протянула ее Тиму, улыбаясь ему сквозь слезы.

— Это теперь не мой сад, Тим, это наш сад. Когда люди женятся, то все, что раньше принадлежало одному, теперь принадлежит и другому, поэтому мой дом, и моя машина, и мой коттедж, и мой сад принадлежат тебе так же, как и мне. Приколи мне брошку, пожалуйста.

Руки у Тима всегда были ловкими. Он взял краешек лацкана пальцами и легко проткнул его острой булавкой, застегнул застежку и закрепил ее.

— Тебе нравится, Мэри? — спросил он озабоченно.

— О, Тим, ужасно нравится! Никогда в жизни у меня не было ничего такого красивого, и никто раньше не дарил мне драгоценностей. Я ее буду хранить всю жизнь. И у меня есть для тебя подарок.

Это были очень дорогие тяжелые золотые часы, и он пришел в восторг.

— О, Мэри, обещаю, обещаю тебе не потерять их, правда, я постараюсь! Теперь я буду знать, сколько времени. Как замечательно иметь свои часы. Они такие прекрасные!

— Если потеряешь, купим еще одни. Тебе не надо беспокоиться по этому поводу, Тим.

— Я не потеряю. Мэри. Каждый раз, как я буду на них смотреть, я буду вспоминать, что это ты мне их подарила.

— Пойдем, Тим, время.

Арчи взял ее под руку и повел через улицу.

— Мэри, ты мне не говорила, что у Тимона такая внешность.

— Да, не говорила. Это как
себя одной из этих пьяных

В честь такого события на Мэри был персикового цвета костюм из индийского шелка, маленькая шелковая шляпа того же цвета, и на лацкане - букет чайных роз. Все, кто должен был присутствовать, договорились встретиться на площади Виктории со стороны Гайд Парка. Мэри поставила машину на подземной стоянке и по движущейся дорожке подошла к выходу на Колледж Стрит, затем прошла через парк. Арчи предлагал подвезти ее, но она отказалась.

— После регистрации я должна сразу же поехать в госпиталь, так что лучше я сама поведу машину.

— Но, дорогая, разреши мне это сделать! — протестовал он. — Ты что, сама поведешь машину, когда выйдешь из госпиталя?

— Конечно. Это большой частный госпиталь типа отеля, я там задержусь до окончательного выздоровления, поэтому буду вполне в форме, когда приеду домой. Я не хочу разочаровывать Тима, если вернусь домой, а ему придется еще жить у себя.

Он взглянул на нее, удивленный:

— Ну, я думаю, ты знаешь, что делаешь, потому что ты всегда это знаешь.

Она ласково взяла его за руку.

— Дорогой мой Арчи, твоя вера в меня трогательна.

Итак, на церемонию она поехала одна и пришла первой. Вскоре прибыли Арчи и Трисия. Миссис Паркер, запыхавшись, спешила за ними. На ней был невероятный туалет из шифона вишневого и ярко-синего цветов. И затем из ближайшего выхода метро появились Тим и Рон. На Тиме был тот же костюм, который он надевал на свадьбу Дони, а на Роне - тот же, что был на нем на похоронах Эсме. Они стояли на ярком солнце и, немного смущаясь, разговаривали. Затем Тим сунул Мэри маленькую коробочку, стараясь это сделать быстро, пока никто не видел. Видно было, что он нервничал и был не очень уверен в себе. Мэри отвела его в сторонку и, повернувшись ко всем спиной, сняла обертку.

— Папа помог мне выбрать, потому что я хотел подарить тебе что-нибудь, и папа сказал, что так и надо сде-

лать. Мы пошли в банк, и я взял две тысячи долларов, и мы пошли в большой ювелирный магазин на Гастелеграф Стрит, у отеля "Австралия".

В коробке лежала маленькая брошь с великолепным черным опалом в центре, окруженным бриллиантами в виде цветка.

— Она напоминает мне твой сад в коттедже, Мэри, разноцветные цветы и солнце, которое освещает все.

Она сняла с лацкана розы, и они упали на горячий асфальт и остались там лежать, незамеченные, а брошку Мэри вынула из бархатного футляра и протянула ее Тиму, улыбаясь ему сквозь слезы.

— Это теперь не мой сад, Тим, это наш сад. Когда люди женятся, то все, что раньше принадлежало одному, теперь принадлежит и другому, поэтому мой дом, и моя машина, и мой коттедж, и мой сад принадлежат тебе так же, как и мне. Приколи мне брошку, пожалуйста.

Руки у Тима всегда были ловкими. Он взял краешек лацкана пальцами и легко проткнул его острой булавкой, застегнул застежку и закрепил ее.

— Тебе нравится. Мэри? — спросил он озабоченно.

— О, Тим, ужасно нравится! Никогда в жизни у меня не было ничего такого красивого, и никто раньше не дарил мне драгоценностей. Я ее буду хранить всю жизнь. И у меня есть для тебя подарок.

Это были очень дорогие тяжелые золотые часы, и он пришел в восторг.

— О, Мэри, обещаю, обещаю тебе не потерять их, правда, я постараюсь! Теперь я буду знать, сколько времени. Как замечательно иметь свои часы. Они такие прекрасные!

— Если потеряешь, купим еще одни. Тебе не надо беспокоиться по этому поводу, Тим.

— Я не потеряю, Мэри. Каждый раз, как я буду на них смотреть, я буду вспоминать, что это ты мне их подарила.

— Пойдем, Тим, время.

Арчи взял ее под руку и повел через улицу.

— Мэри, ты мне не говорила, что у Тима такая потрясающая внешность.

— Да, не говорила. Это как-то неловко. Я чувствую себя одной из этих пьяных старых женщин, которые бродят

вокруг туристических центров в надежде подцепить великодушных молодых мужчин. — Рука, которую он поддерживал, дрожала. — Арчи, для меня это тяжкое испытание. Первый раз я оказалась под любопытными взглядами публики. Можешь себе представить, что они подумают, когда увидят жениха и невесту. Рон кажется более подходящим мужем для меня, чем Тим.

— Да не думай ты об этом, Мэри. Мы здесь, чтобы поддержать тебя, и мы тебя поддержим. Мне, кстати, нравится эта старушенция — твоя соседка. Я должен сесть с ней рядом за обедом, у нее такие цветистые выражения, каких я не слышал уже давно. Посмотри на нее и на Трисию. Болтают, как старые подружки!

Мэри взглянула на него с благодарностью.

— Спасибо, Арчи, прости, что я не смогу присутствовать на свадебном обеде, но я хочу как можно скорее покончить с этими больничными делами, а если я задержусь сегодня, врач не внесет меня в список на завтрашнюю операцию. А это означает ждать целую неделю, так как он оперирует только по субботам.

— Все в порядке, дорогая, мы выпьем твою долю шампанского и съедим твою долю ростбифа.

Так как свидетели на церемонии были все свои, то только одна пара глаз с удивлением разглядывала странную пару, и глаза эти принадлежали официальному представителю закона ее величества. Все быстро закончилось. Тим с готовностью отвечал на вопросы благодаря стараниям отца, который его как следует натаскал, а вот Мэри запиналась. Они подписали все необходимые документы и ушли, совершенно не подозревая, что пожилой человек, который их поженит, и представления не имел, что Тим — умственно отсталый. Брак ему не показался странным. Многие красивые молодые люди женились на женщинах, годящихся им в матери. Станным ему показалось лишь то, что молодые не обменялись поцелуем.

Мэри оставила их на том же углу, где присоединилась к ним. Она дернула Тима за рукав:

— Теперь ты терпеливо подожди меня и не беспокойся, обещаешь? Со мной будет все в порядке.

Он был так счастлив, что Трисия Джонсон и Эмили

Паркер, глядя на его лицо, готовы были плакать. Даже внезапный отъезд Мэри не мог огорчить его надолго. Он подписал бумагу, и поэтому у него теперь была Мэри, они принадлежали друг другу и, если так надо, он мог ждать долго до того, как ему можно будет переехать к ней жить.

Операция для Мэри была болезненна, но она выдержала ее хорошо, даже лучше, чем ожидал гинеколог.

— Вы - крепкая старушенция, — заявил он ей, снимая швы. — Мне следовало знать, что вы быстро оправитесь. Таких, как вы, не убьешь топором. Что касается меня, то вы можете отправляться домой хоть завтра, но если хотите, можете остаться. Это же не госпиталь, а дворец. Я подпишу бумаги, можете уйти, когда захотите. Но я буду заглядывать сюда на случай, если вы еще тут.

26

В конце концов Мэри осталась на пять недель, наслаждаясь тишиной и покоем старого дома на побережье Розового Залива и страшась встречи с Тимом. Единственный человек, кто знал, где она находится, был сухонький маленький человечек, который вел все ее дела, и открытки, старательно написанные Тимом, передавались ей каждый день именно через контору этого присяжного поверенного. Наверно, Рон помогал Тиму с этими открытками, но почерк и текст принадлежали Тиму. Она тщательно их укладывала в маленький портфель. Последние две недели она много плавала в бассейне госпиталя и играла в теннис на его кортах, старательно восстанавливая свои силы. Когда, наконец, она уехала из госпиталя, она чувствовала себя так, как будто с ней ничего не произошло и путь на машине домой оказался совсем не труден.

Дом в Артармоне сиял огнями, когда она поставила машину в гараж и прошла через парадный вход. Эмнли Паркер сдержала свое слово, думала довольная Мэри. Старушенция обещала держать дом так, как будто в нем жили. Она поставила чемодан и сияла перчатки, бросив их и сумку на столик в передней, затем прошла в гостиную. Теле-

фон там манил ее, как магнит, но она не позвонила Рону сообщить о своем приезде. Времени еще много. Может быть, завтра или через день-два...

Гостиная была по-прежнему в серых тонах, но рубиново-красные пятна, рассыпанные по всей комнате, оживляли ее. Ваза рубинового стекла из Швеции стояла на гладкой каминной полке, рубиновый пушистый коврик лежал поверх жемчужно-серого ковра. Как приятно быть снова дома, подумала она, оглядываясь на эти доказательства ее богатства и вкуса. Скоро она будет делить это все с Тимом, он тоже внес свою лепту в красоту этого дома. Скоро, скоро... "Но хочу ли я делить все это с ним?" — спрашивала она себя, беспокойно ходя по комнате. Как все странно. Чем ближе она была к тому, что он появится здесь, тем больше ее это страшило.

Солнце село уже час назад, и небо на западе потемнело, как и все в мире. Под низкими тяжелыми тучами только огни города пульсировали красным. Но дождь прошел западнее, оставив нетронутой пыль, покрывающую Артармон. "А жаль, — думала она, — нам бы дождь не повредил, саду так нужна поливка". Она зашла в неосвещенную кухню и стояла, глядя в окно и не зажигая света ни в кухне, ни во внутреннем дворике. Она пыталась увидеть, горит ли свет в доме Эмили Паркер, но высокие лавры скрывали дом. Придется выйти во дворик, чтобы увидеть.

Глаза ее уже привыкли к темноте, когда она бесшумно вышла через заднюю дверь. Она стояла там, с наслаждением вдыхая аромат цветов раннего лета и далекий землистый запах дождя. Как хорошо дома, было бы совсем хорошо, если бы где-то на пороге сознания не стоял образ Тима.

И вдруг, как будто она придала плоть этому образу, возник его силуэт на фоне неба. Он сидел на балюстраде, голый, покрытый каплями воды, видимо, после вечернего душа, лицо было поднято к беззвездному небу, казалось, он слушал чудесную музыку, которая не воспринималась ее земным слухом. Свет, какой еще оставался, сфокусировался на его волосах и слабой светящейся линией шел вдоль контуров его лица и тела там, где блестящая кожа туго обтягивала застывшие в неподвижности мышцы. Видны были даже веки, опущенные, чтобы нельзя было угадать

его мысли.

Целый месяц, больше, чем месяц, думала она. Прощю больше месяца с тех пор, как я видела его в последний раз, и вот он здесь как плод моего воображения, как Нарцисс, сидящий над озером и охваченный мечтой. Почему его красота всегда так действует на меня, когда я вижу его?

Он тихо прошла по плитам балкона и встала позади его. Она смотрела сбоку на его блестящую загорелую шею, пока соблазни дотронуться до него не возобладал. Она положила руки на его голые плечи и уткнула лицо в сырые волосы, легко дотронувшись губами до его уха.

-- О, Тим, как хорошо, что ты меня ждешь, — прошептала она.

Он не вздрогнул и не шевельнулся. Как будто он чувствовал ее присутствие в тишине и знал, что она стоит сзади. Через некоторое время он откинулся немного, ее рука скользнула с плеча на грудь и обняла его голову, прижав к себе. Другая рука скользнула вниз на живот, она все крепче и крепче прижимала его спиной к себе. Мышцы живота дрогнули, затем замерли, как будто он перестал дышать. Он повернул голову так, чтобы смотреть ей в лицо. Во всем его существе было какое-то отстраненное спокойствие, а глаза смотрели серьезно, как сквозь серебристую завесу, которая, как это бывало всегда, и отгораживала ее от него, и одновременно связывала их.

Он поднял руки, обнял ее и наклонил к себе. Их губы встретились. Этот поцелуй отличался от их первого поцелуя. В нем был оттенок чувственности. Мэри показалось, что в нем было что-то чарующе сверхъестественное, как если бы существо, которое она нашла сидящим на балюстраде, было вовсе не Тимом, а духом летней ночи. Встав, он без страха и колебания поднял ее на руки.

Он отнес ее вниз по ступеням, короткая трава шуршала под его босыми ногами. Мэри, которая сначала хотела протестовать и заставить его вернуться домой, прижалась лицом к его шее и заставила себя молчать. Он посадил ее на траву у лавровых деревьев и встал на колени, слегка дотрагиваясь пальцами до ее лица. Она была настолько переполнена любовью, что, казалось, ничего не видела и не слышала.

Он распустил ей волосы, и они упали по плечам, а руки опустились ему на бедра. От волос он перешел к одежде, снимая одну вещь за другой, как ребенок, раздевающий куклу, и складывая все аккуратно в сторонку. Мэри робко съежилась и закрыла глаза. Каким-то образом их роли поменялись; он, непонятно как, стал главным в их дуэте.

Закончив ее раздевать, он положил ее руки себе на плечи и прижал целиком к себе. Мэри охнула и открыла глаза, в первый раз в жизни она почувствовала голое тело, прижатое целиком к ее телу; сделать что-нибудь было невозможно, кроме как отдаться этому чувству, теплоте, незнакомому и живому. Ее похожее на сон состояние перешло в сон, более реальный, чем весь мир здесь в темноте под лаврами. Вдруг она как бы по-новому ощутила Тима, его шелковистую кожу. Он был единственным под солнцем, жизнь подарила ей только одно - это ощущение Тима в ее объятиях, то, как он прижимал ее к земле. Она ошущала боль на шее от его подбородка, его руки, вцепившиеся в ее плечи, его пот, стекавший по ее бокам. Она почувствовала, как он дрожит. Безумный восторг, наполнявший его, был дан ею, и неважно, была ли ее кожа кожей молодой девушки или немолодой женщины. Тим был тут, в ее объятиях, в ней самой. Это она, Мэри, могла дать ему такое чистое, находящееся вне рассудка счастье, которому он мог отдаться, свободный от цепей, которые всегда, увы, сковывали ее. Когда ночь была на исходе, и далеко на западе дождь уже унесло за горы, она оттолкнулась от него, собрала кучку одежды и склонилась над ним.

— Мы должны идти в дом, мой дорогой, — прошептала она, ее волосы упали ему на руку, где только что лежала ее голова. — Пока еще темно, но скоро рассветет, мы должны идти.

Он поднял ее и внес в дом. В гостиной все еще горел свет. Пока он шел в спальню, она протянула руку над его плечом и выключила все лампы по очереди. Он положил ее на кровать и оставил бы одну, если бы она не притянула его к себе.

— Куда ты идешь, Тим? — спросила она и подвинулась, чтобы дать ему место. — Это теперь твоя кровать.

Он растянулся рядом, подсунув руку ей под спину. Она

положила голову ему на плечо, а рукой слегка поглаживала, засыпая, его грудь. Вдруг она вся замерла и широко открыла от страха глаза. Она больше не могла этого вынести и, поднявшись на локоть, протянула через него руку к лампе на столике.

С момента их встречи он не произнес ни слова! Единственное, что она хотела сейчас услышать - это его голос. Если он будет молчать, то ей станет ясно, что Тим вовсе не с ней!

Он лежал с широко открытыми глазами и смотрел на нее, не моргая. Лицо его было печальным и немного суровым, у него появилось новое выражение зрелости, которого она никогда не замечала. Или она была раньше слепа, или изменилось его лицо. Его тело больше не было ей чужим или запретным, она могла смотреть на него свободно, с любовью и уважением, оно вмещало существо, такое же живое и совершенное, как и она сама. Какие синие у него глаза, как изысканно очерчены губы, как трагична морщинка с левой стороны рта! И какой он молодой, какой юный!

Наконец он поморгал, глаза его вернулись из бесконечности и обратились на ее лицо. Он посмотрел на морщинки, на ее прямой сильный рот с распухшими от его поцелуев губами. Он поднял руку и провел пальцами по ее твердой, круглой груди.

Она сказала:

— Тим, почему ты не говоришь со мной? Что я сделала? Я разочаровала тебя?

Его глаза наполнились слезами, они текли по щекам и падали на подушку, но появилась нежная, любящая улыбка, и рука его крепче сжала ее грудь.

— Ты мне сказала, что когда-нибудь я буду так счастлив, что заплачу. И посмотри! О, Мэри, я плачу! Я так счастлив, что плачу!

Она упала ему на грудь, и так велико было ее облегчение, что все силы ушли из нее.

— Я думала, что ты сердишься на меня.

— На тебя? — его рука охватила ее затылок, пропустив волосы сквозь пальцы. — Я не могу сердиться на тебя, Мэри. Никогда. Я не сердился даже тогда, когда думал, что я тебе

не нравлюсь.

— Почему ты со мной сегодня не говорил.

Он удивился:

— Разве мне надо было говорить? Я думал, мне не надо говорить. Когда ты пришла, я не мог придумать, о чем говорить. Все, что я хотел, это сделать то, что говорил папа, пока ты была в госпитале, и я должен был это сделать, а говорить уже не мог.

— Твой папа сказал тебе?

— Да, я спросил его, будет ли грехом поцеловать тебя, если мы будем женаты. Он сказал, что когда будем женаты, то это совсем не грех. И он рассказал мне еще массу других вещей, которые я тоже могу делать. Он сказал, что я должен знать, что делать, потому что если я не сделаю этого, ты обидешься и будешь плакать. Я не хотел обижать тебя и заставлять плакать, Мэри. Я ведь не обидел тебя и не заставил плакать, правда?

Она засмеялась и крепко его обняла.

— Нет, Тим, ты не обидел меня, и я не плакала. Я просто окаменела, потому что думала, что мне придется все это делать самой, а я не знала, смогу ли я.

— Я действительно не обидел тебя, Мэри? Я забыл, что папа говорил, чтобы я не обидел тебя.

— Ты был прекрасен, Тим. Ты прекрасно справился. Я так тебя люблю!

— Это слово лучше, чем "нравится", да?

— Когда употребляется правильно.

— Я буду говорить так только тебе, Мэри. Всем остальным я буду говорить, что они мне нравятся.

— Так и должно быть, Тим.

Когда рассвет проник в комнату, осветил ее и пришел новый день, Мэри крепко спала. Не спал Тим. Он лежал и смотрел в окно, боясь шевельнуться и побеспокоить ее. Она была такая маленькая и мягкая, так хорошо пахла, и приятно было держать ее в руках. Когда-то у него был плюшевый мишка, и он любил его держать так же у груди, но Мэри была живая и сама могла держать его, а это было много приятнее. Когда от него забрали мишку и сказали, что он уже большой и больше ему нельзя спать с мишкой, он плакал долгие недели и прижимал к себе пустые руки.

Он так горевал об ушедшем друге, что у него болела грудь. Он знал, что мама не хотела забирать от него мишку, но после того, как он пришел с работы в слезах и рассказал, как Мик и Билл смеялись над ним за то, что он спит с плюшевым мишкой, она заставила себя отобрать его у Тима и выбросила в мусорное ведро в тот же вечер. О, та ночь была такая долгая и темная и полна теней, которые двигались и превращались в когти, клювы и длинные, острые зубы. Пока с ним был мишка, он мог уткнуться в него лицом, и они не осмеливались подойти ближе, они были только у дальней стены. И прошло много времени, прежде чем он привык к тому, что они здесь, близко, и лицо его беззащитно, и они пытаются схватить его. Стало лучше, когда мама оставляла гореть ночник, но до этого дня он ненавидел темноту. Она была опасна и полна прячущихся врагов.

Забыв, что он не собирался двигаться, чтобы не разбудить ее, он повернулся так, чтобы смотреть на нее сверху, затем переложил свою подушку так, чтобы он был гораздо выше, чем она. Очарованный, он долго смотрел на нее, как бы вбирая ее в себя. Ее грудь ошеломляла его, он не мог оторвать от нее глаз. Сама мысль о ее груди вызывала в нем волнение, а что он чувствовал, когда он прижимал ее своей грудью, невозможно описать. Ему казалось, что все то, что в ней было по-другому, было создано для него специально. Он не думал, что она была точно такая же, как все другие женщины. Она была Мэри, и ее тело принадлежало ему так же абсолютно, как и его плюшевый мишка. Только он, он один мог держать ее, и все страхи ночи, весь ужас и одиночество отступали.

Папа сказал, что никто никогда не касался ее, то, что он ей принесет, ей незнакомо и чуждо, и он понял всю величину своей ответственности даже лучше, чем разумный человек. В слепой страсти, подчиняясь инстинкту и желанию, он не все помнил, что говорил ему папа, но в следующий раз он постарается вспомнить все. Его преданность Мэри была абсолютно самоотверженна. Казалось, она шла откуда-то извне и состояла из благодарности, любви и глубокого, успокаивающего чувства безопасности. "Как она красива", — думал он, видя и морщины, и немолодую кожу, но вовсе не находя их некрасивыми. Он смотрел

на нее через призму огромной, безграничной любви и поэтому считал, что все в ней было прекрасно.

Сначала папа сказал ему, что он должен поехать в дом в Артармоне и ждать там один, когда Мэри вернется. Он не хотел этого, но папа заставил его и не разрешал ему вернуться на Серф Стрит. Целую неделю он ждал, кося траву, выпалывая клумбы и подрезая кусты. Это днем, а по ночам бродил по пустому дому, пока не уставал настолько, что засыпал. Все лампы в доме горели, чтобы изгнать демонов, которые таились в бесформенной темноте. Он больше не принадлежал дому на Серф Стрит, так папа сказал, и когда он умолял папу пойти с ним, он встречал твердый отказ. Думая об этом теперь, при восходе солнца, он решил, что папа точно знал, что случится. Папа всегда все знал.

В прошлую ночь с запада доносились раскаты грома, а воздух был пропитан запахом дождя. Гроза так пугала его, когда он был еще маленьким мальчиком, что папа показал ему, как быстро исчезнет его страх, если он выйдет на улицу и посмотрит, как кругом красиво, как яркие молнии пронизывают черное небо и грохочет гром. Поэтому, приняв душ, он вышел во внутренний дворик. Если бы он одевался в доме, то демоны бросались бы на него из каждого угла, а здесь, на открытом месте, где ветерок обвевал его голые плечи, они были бессильны. И постепенно ночь успокоила его и, подобно неразумным созданиям земли, он слился с природой в одно целое. Как будто он мог видеть каждый лепесток каждого цветка, и как будто окружающий мир наполнил его беззвучной музыкой.

Сначала он как бы смутно ощутил ее присутствие, пока любимые руки не легли ему на плечи и не наполнили его болью, которая не была болью. Ему не нужно было осмысливать происшедшие в ней изменения, понять, что она тоже стремится прикоснуться к нему, как и он жаждал прикоснуться к ней. Он отклонился, чтобы спиной чувствовать ее грудь, ее рука на его животе была как удар электрического тока, он не мог дышать от страха, что она может ее убрать. Их первый поцелуй оставил в нем ненасытное стремление, которое он все эти месяцы не знал, как удовлетворить. Но этот второй поцелуй дал ему странную ликующую силу, и он знал, что делать, папа сказал ему. Он

хотел почувствовать ее кожу, но одежда мешала ему, и он нашел в себе силы сдержать себя и снять эту одежду осторожно, чтобы не испугать ее.

Он пошел вниз, в сад, потому что он боялся дома в Артармонс, дом был чужой, не то что коттедж. Только в саду он чувствовал себя хорошо, и в сад он ее и унес. И в саду наконец он почувствовал ее грудь, в саду, где он был одним из миллионов других созданий, он мог забыть, что он - неполный доллар, мог раствориться в сладком, пронзительном тепле ее тела. И он растворился, растворился на долгие часы, чувствуя невыразимое блаженство и зная, что она с ним каждой своей частицей.

Печаль пришла, когда она велела ему вернуться в дом, и он понял, что они должны расстаться. Он прижимался к ней так долго, как мог, неся ее маленькое тело и страдая при мысли, что он должен отпустить ее. Ужасен был момент, когда он положил ее в кровать и повернувшись, чтобы идти к себе. Когда она притянула его к себе и заставила лечь рядом, он сделал это в немом удивлении, потому что ему не пришло в голову спросить у папы, будут ли они с Мэри вместе спать всю ночь, как его мама и папа.

Затем был момент, когда он понял, что действительно принадлежит ей, что может уйти под землю в последнем бесконечном сне, спокойный и свободный от страха, потому что она будет с ним там, в темноте, всегда. Он больше ничего не будет бояться, он победил ужас, открыв для себя, что он никогда не будет один. Ибо его жизнь всегда была одинокой, он всегда стоял вне думающего мира, всегда где-то вне, всей душой стремясь войти в этот мир и не имея такой возможности. Но теперь это не имело значения. Мэри соединилась с ним. Это были самые тесные, надежные узы, и он любил ее, любил ее, любил ее... Скользнув вниз вдоль кровати, он поместил лицо между ее грудями, чтобы почувствовать их мягкость, а пальцы одной руки очерчивали круг около твердого дразнящего соска. Она проснулась и замурлыкала, как котенок, обняв его. Он хотел поцеловать ее опять, очень хотел поцеловать ее, но вместо этого вдруг засмеялся.

— Что ты смеешься? — спросила она, сонно потягиваясь и просыпаясь окончательно.

— О, Мэри, ты гораздо лучше, чем мой плюшевый мишка! — ответил он сквозь смех.

27

Когда Мэри позвонила Рону, чтобы сказать, что она дома и что с Тимом все хорошо, ей показалось, что его голос звучал устало.

— Почему тебе не приехать и не пожить с нами несколько дней? — спросила она.

— Нет, спасибо, дорогая. Думаю, нет. Вам будет гораздо лучше, если я там не буду болтаться.

— Это неправда, ты знаешь. Мы беспокоимся о тебе, скучаем и хотим тебя видеть. Пожалуйста, приходи. Рон, или я подъеду на машине и заберу тебя.

— Нет, не хочу, — голос его звучал упрямо, он хотел настаивать на своем.

— Тогда может быть мы приедем к тебе?

— Когда выйдете на работу, можете приехать как-нибудь и переночевать, а до этого я не хочу вас видеть, ладно?

— Все не ладно, но если ты так хочешь, то я ничего не могу поделать. Я понимаю, ты думаешь, что поступаешь правильно, что мы должны оставить тебя одного, но ты неправ. Тим и я были бы очень рады видеть тебя.

— Когда вернетесь на работу, не раньше.

Последовала короткая пауза, затем его голос зазвучал опять, слабее и дальше.

— Как Тим, дорогая? С ним все в порядке? Он правда счастлив? Мы правильно сделали, и он действительно почувствовал себя, как будто он - полный доллар? Был мистер Мартинсон прав или нет?

— Да, Рон, он был прав. Тим очень счастлив. Он совсем не изменился, и в то же время ужасно изменился. Он стал увереннее в себе, удовлетвореннее, не таким уязвимым и отчужденным.

— Это я и хотел услышать, — его голос упал до шепота. — Спасибо, Мэри. Увидимся.

Тим был в саду и занимался пересаживанием цветов.

Быстрой живой походкой, слегка покачиваясь, что было новым для нее, Мэри пошла через газон к Тиму. Она улы- затем балась. Тим повернул голову и улыбиулся в ответ, а лом- опять склонился над хрупкими растениями, обрезав ледне- кие черные стебли ниже того места, где веточки побл ним, ли и выглядели нездоровыми. Сев на траву рядом с она приложила щеку к его плечу и вздохнула.

— Я только что говорила с папой.

— Ой, хорошо! Когда он приедет?

— Он говорит, что приедет только когда мы ве- немся на работу. Я пыталась убедить его, чтобы он приех- ал ско- рее, но он не хочет. Он думает, что нам следует побыть одним, и это очень мило с его стороны.

— Да, наверное, так. Но ему не надо так делать, прав- да? Нам ведь не мешают гости. Миссис Паркер част- захо- дит, и нам это не мешает, да?

— Как ни странно, Тим, не мешает. Она хорош- ая ста- рушенция.

— Мне она нравится, — он положил растение и обнял ее за талию. — Почему ты теперь всегда такая хор- шень- кая, Мэри?

— Потому что у меня есть ты.

— Я думаю, потому, что ты теперь не всегда оде- ваешь- ся так, как будто едешь в город. Мне ты нравишься бо- льше без туфель и без чулок, и когда волосы у тебя распу- щены, оттедж

— Тим, как тебе понравится, если мы поедем в к- на пару недель? Здесь хорошо, но там еще лучше.

— О, да, очень не нравится! Я не любил этот до- м рань- ше, но он оказался хорошим после того, как ты ве- нулась сюда из госпиталя. Теперь я чувствую, что прин- адлежу миру

— Я знаю это. Поедем сейчас же, Тим, здесь нас не держит. Я только ждала, что вдруг папа захоч- ет пое- хать, но он пока предоставил нас самим себе, поэ- тому мы можем ехать.

Им даже не пришло в голову отправиться куда- нибудь еще. Грандиозные планы Мэри повезти Тима на Б- ольшой Барьерный Риф или в пустыню испарились как тум- ан.

Они переехали в коттедж в тот же вечер, и очен- забав- лялись, решая, где они будут спать. Наконец они п- ередви-

нули кровать Мэри в его комнату, а ее комнату, всю белую, как больничная палата, закрыли до тех пор, пока не придумают, как ее перекрасить в другие тона.

В саду было мало работы, а в доме еще меньше, и они гуляли в лесу часами, обследовали чудесные нетронутые места, сидели, склонив голову, над муравейником, наблюдая оживленную суету его обитателей, или следили, как петух птицы-лиры танцевал свой замысловатый свадебный танец. Если они оказывались слишком далеко от коттеджа и их заставала ночь, они оставались, где были, разложив одеяла поверх папоротника, и спали под звездами. Иногда они спали днем, а поднимались с заходом солнца и шли к берегу зажечь костер, радуясь обретенной свободе быть наедине с миром и друг с другом. Они сбрасывали с себя одежду, не боясь быть увиденными с реки в темноте, и плавали голые в спокойной черной воде, пока на берегу догорал костер и угли покрывались серым пеплом. После этого он клал ее на одеяло, лежащее на песке, не в силах дольше сопротивляться любовной жажде, а она поднимала руки и притягивала его к себе, испытывая такое счастье, которого не могла ранее и представить себе.

Однажды ночью Мэри очнулась от глубокого сна на песке и лежала несколько мгновений, не понимая, где она, пока не ощутила, что лежит в объятиях Тима. Ей пришлось привыкнуть к этому: он никогда не выпускал ее ночью. Любая попытка двинуться немедленно будила его, он начинал шарить руками, пока не находил ее, и опять притягивал к себе со страхом и вздохом облегчения. Казалось, он думал, что нечто, возникшее из темноты, выхватит ее и унесет, но он никогда не говорил ей об этом, а она не настаивала, надеясь, что когда придет время, он расскажет все сам.

Лето было в разгаре, и погода была превосходная. Дни стояли сухие и жаркие, а ночью морской бриз навевал чудесную прохладу. Мэри смотрела на небо, замерев в благоговейном изумлении. Широкий пояс Млечного пути пересекал середину неба от горизонта до горизонта, а мириады звезд горели так, что даже там, где их не было, чувствовалось смутное легкое свечение. Ничто не закрывало звездного неба, не было ни тумана, ни отсвета городских огней.

Южный Крест протянул свои четыре конца по четырем направлениям ветра, пятая звезда сверкала, как алмаз, а шар полной луны заливал серебряным светом все вокруг. Река напоминала движущееся серебро, а песок - море крошечных бриллиантов.

И вдруг на какое-то мгновение Мэри показалось, что она услышала что-то, возможно, почувствовала. Оно было незнакомое и тонкое, как крик на грани тишины. Мэри долго слушала, но больше ничего не повторилось, и она подумала, что, может быть, в такую ночь, как эта, живущим позволено услышать саму душу мира.

С Тимом Мэри нередко говорила о Боге, ибо Тим достаточно простодушен, чтобы поверить в нематериальное. Но сама она в Бога не верила. В основе ее атеизма лежало ограниченное убеждение, что есть только одна жизнь. И разве это не самое важное, совершенно независимое от существования высшего существа? Какая разница, есть Бог или нет, если жизнь кончается на пороге могилы? Она давно изгнала все сверхъестественное из своей жизни и, тем не менее, то полууслышанное, полупочувствованное, что пришло из ночи, беспокоило ее, в нем был намек на другой мир, и она вдруг вспомнила старую легенду, что когда чья-нибудь душа пролетает над землей, собаки начинают выть, поднимая морды к луне, дрожа и горюя. Она села, обхватив колени руками.

Тим сейчас же это почувствовал, проснулся и, поискав руками, не нашел ее на месте.

— В чем дело, Мэри?

— Я не знаю... Я почувствовала, что что-то случилось. Все очень странно. А ты почувствовал что-нибудь?

— Нет, только что ты ушла.

Он хотел ее ласки, и она старалась отвлечься от тревожных мыслей, чтобы удовлетворить его, но не могла. Что-то притаилось на пороге ее сознания, как бродячий зверь, что-то угрожающее и неотвратимое. Тим оставил попытки добиться от нее ответной ласки и удовлетворился тем, что обхватил ее руками и прижал, как плюшевого мишку. Она так называла это его объятие, потому что он рассказал ей немного о своем мишке, хотя, как она подозревала, не все.

— Тим, ты будешь очень возражать, если мы поедем назад в город?

— Нет, если ты так хочешь, Мэри. Я согласен со всем, чего хочешь ты.

— Тогда поехали сейчас же, сию минуту. Я хочу увидеть папу. У меня такое чувство, что мы ему нужны.

Тим сразу встал, стряхнул песок с одеяла и аккуратно сложил его.

К тому времени, как "бентли" подкатил к Серф Стрит, было уже шесть часов утра, и солнце давно встало. В доме стояла тишина, и он казался пустым, хотя Тим уверял Мэри, что его отец там. Задняя дверь была не заперта.

— Тим, почему бы тебе не побыть здесь минутку, пока я войду и проверю? Я не хочу пугать или расстраивать тебя, но я думаю, что лучше будет, если я войду одна.

— Нет, Мэри, я пойду с тобой. Я не испугаюсь и не расстроюсь.

Рон лежал на старой двуспальной кровати, которую он так долго делил с Эс, глаза его были закрыты, а руки сложены на груди, как будто он вспомнил, как лежала Эс в последний раз, когда он ее видел. Мэри незачем было прикасаться к его руке или искать сердце, она тут же поняла, что он был мертв.

— Он спит, Мэри? — Тим обошел с другой стороны кровати и смотрел на своего отца, затем притронулся к его провалившейся щеке. Он поднял голову и посмотрел на Мэри печально. — Он такой холодный!

— Он умер, Тим.

— О, как жаль, что он не подождал! Я так хотел ему рассказать, как хорошо жить с тобой. Я хотел спросить у него кое-что и хотел, чтобы он помог мне выбрать для тебя еще один подарок. Я не сказал ему "до свидания"! Я не сказал ему "до свидания", и теперь не помню, какой он был, когда его глаза были открыты, и он двигался и был счастлив.

— Я думаю, что он не мог ждать больше, любимый мой. Он так хотел уйти, ему здесь было так одиноко, и раз он знал, что ты счастлив, ему нечего было ждать. Не горюй, Тим, потому что он не горевал. Он может опять спать рядом с мамой.

Теперь вдруг Мэри поняла, почему голос Рона по телефону показался таким далеким и слабым. Он начал пост, ведущий к смерти, как только Тим уехал навсегда из дома на Серф Стрит, а к тому времени, когда Мэри вернулась из госпиталя, он совсем ослабел. И тем не менее, можно ли это назвать самоубийством? Нет, она так не думала. Просто барабан перестал бить, а сердце - биться. Вот и все.

Сидя на краю кровати, Тим подsunул руки под спину отца и приподнял его усохшее, застывшее тело.

— О, как я буду скучать о нем, Мэри! Мне нравился папа, мне он нравился больше всех на свете, кроме тебя.

— Я знаю, моя любовь. Я тоже буду о нем скучать.

"А что это был за голос ночью?" — думала она. И более странные вещи случались с другими людьми, почему же такое не могло случиться с ней, с Мэри. Почему не может живая нить, которая связывает людей, дрогнуть в миг смерти и коснуться другого? Рон был совсем один, когда это случилось, и все же не один; он позвал, и она проснулась, чтобы ответить ему. Бывают случаи, когда расстояния — ничто, думала она, они сокращаются до крохотного периода тишины между двумя ударами сердца.

28

На похоронах Рона Мэри чувствовала себя ужасно. Она была рада, что уговорила Тима не присутствовать. Дони и ее муж взяли на себя все хлопоты, что было вполне естественно, но как представитель Тима она должна была там быть и сопровождать гроб до кладбища. Ее присутствие было явно нежелательно. Дони и Мик ее игнорировали. "Что же произошло, когда Рон рассказал им, что они с Тимом поженились?" — думала Мэри. После их свадьбы она разговаривала с Роном только один раз, и он не упоминал о своей дочери.

Когда гроб был засыпан и они трое пошли к выходу с кладбища, Мэри положила руку на плечо Дони.

— Дорогая, я очень вам сочувствую. Я знаю, что вы любили его. Я его тоже любила.

Манерой смотреть Дони походила на своего брата, но такого выражения озлобления она никогда не видела у Тима.

— Не нуждаюсь я в вашем сочувствии, драгоценная родственница! Вы бы лучше ушли и оставили меня в покое.

— Почему вы не можете мне простить любовь к Тиму, Дони? Разве ваш отец не объяснил вам ситуацию?

— О, пытался! Вы очень умная женщина, не так ли? Вы быстренько подмяли его под себя, как и Тима! Ну что, счастливы теперь иметь при себе молодого любовника-идиота законным порядком?

— Тим - не идиот, вы знаете это. И, во всяком случае, какое это имеет значение, если он счастлив?

— Откуда я знаю, что он счастлив? Это только вы так говорите, а слово ваше не стоит и двух центов!

— Почему тогда не прийти самой и не убедиться?

— Не буду и обувь пачкать, заходя в ваш дом, миссис Мэри Мелвил! Теперь вы добились, чего хотели - получили Тима, все приличия соблюдены, и его родители больше не мешают.

Мэри побелела.

— Что вы хотите сказать, Дони?

— Вы довели мать до могилы, миссис Мэри Мелвил, а за ней и моего отца!

— Это неправда!

— Разве? Что касается меня, то теперь, когда мой отец и мать умерли, то и брат мой тоже мертв. Я не хочу больше ни видеть его, ни слышать о нем! И если вы и он хотите устроить спектакль и лезете со своей патологией в общество, я не хочу даже знать об этом!

Мэри повернулась и ушла.

Когда она доехала от кладбища до дома в Артармоне, она немного пришла в себя и смогла встретить Тима, успешно изобразив спокойствие.

— Папа сейчас с мамой? — спросил он тревожно.

— Да, Тим. Я видела, как его положили в землю рядом с ней. Тебе не надо волноваться о них, они вместе, и с ними мир и покой.

Что-то странное было в поведении Тима. Она села и внимательно посмотрела на него, не то чтобы обеспокоен-

ная, но удивленная.

— В чем дело, Тим? Ты хорошо себя чувствуешь?

Он апатично покачал головой.

— Все в порядке, Мэри. Просто как-то странно. Как-то странно, что больше нет папы и мамы.

— Я знаю... Я знаю... Ты что-нибудь ел?

— Нет, но я не голоден.

Мэри подошла к нему и потянула его со стула, глядя на него с тревогой.

— Пойдем в кухню, и побудь со мной, пока я готовлю сэндвичи. Может, ты захочешь есть, когда увидишь, какие они красивые и вкусные.

— Крохотные, со срезанной корочкой?

— Я тебе обещаю, что будут треугольные, тоненькие, как бумага, и со срезанной корочкой. Пошли.

У нее на кончике языка вертелось прибавить "моя любовь", "мой дорогой", "мой милый", но она никогда не могла произнести этих слов, когда он казался расстроенным или потерянным. Научится ли она когда-нибудь обращаться с ним, как с возлюбленным, сумеет ли когда-нибудь отбросить эту сковывающую ее боязнь показаться душой? Почему так получается, что она по-настоящему может расслабиться с ним, только когда они в коттедже или в кровати? Горькие слова Дони все еще звучали в ушах, и те любопытные взгляды, которые бросали на нее и Тима, когда они шли по Волтон Стрит, все еще унижали ее.

В мужестве Мэри не было ничего необычного. А как могло быть иначе! По своему рождению она не обладала ничем, вся ее жизнь до встречи с Тимом была нацелена на материальный успех, на то, чтобы получить одобрение от тех, кто начинал в лучших условиях. И нелегко ей теперь было бросить вызов обществу, хотя ее брак с Тимом и был освящен законом. Ее страх перед насмешками даже заставил ее попросить Тима не болтать об их браке. Это был момент слабости, о котором она впоследствии очень пожалела. Нет, ей было нелегко.

Как обычно, Тим стремился помочь, и когда она делала сэндвичи, доставал хлеб и масло и гремел посудой в буфете, ища тарелки.

— Не принесешь ли большой кухонный нож, Тим? Он

острый, и им легко срезать корки.

— А где он, Мэри?

— В верхнем ящике, — ответила она рассеянно, намазывая масло на каждый кусочек.

— О, о, о, о! Мэри, Мэри!

Она быстро обернулась. Крик был такой, что от страха остановилось сердце.

На какой-то момент ей показалось, что вся кухня залита кровью. Тим неподвижно стоял у полки, в ужасе глядя на свою левую руку. Вся она была залита потоком крови, которая била фонтаном из локтевого сгиба. С равными промежутками времени струя крови вылетала из раны, заливая пол до середины кухни, затем спадала и опять была струей. Небольшая лужа скопилась у его левой ноги, и вся левая сторона тела блестела от крови.

Около печки на колышке висел моток шпагата, и рядом на веревочке ножницы. Почти в тот же момент, как Мэри обернулась, она бросилась туда и отрезала несколько футов шпагата, лихорадочно сложила его вдвое, затем вчетверо, чтобы сделать потолще.

— Не бойся, мой дорогой, не бойся! Я здесь, я иду! — говорила она.

Но он не слышал. Из его открытого рта иссея тонкий пронзительный вой, он бегал, как слепое животное, налетая на холодильник, на стены, на что попало, раненая рука болталась, а он старался стряхнуть ее, отбросить, чтобы избавиться от нее, чтобы она больше не была его частью. Его крик не остановил его. Она бросилась, пытаясь схватить его, но промахнулась и попыталась снова. Обезумев от страха, он бегал кругами, схватившись за руку и пронзительно крича. Заметив дверь, он бросился к ней, но его босые ноги поскользнулись в луже крови, и он упал навзничь во всю длину. Мэри мгновенно очутилась на нем, прижимая его к полу. Она уже не пыталась успокоить его, а старалась только перевязать руку, пока еще не было поздно. Полусидя-полулежа на его груди, она схватила руку и обвязала шпагатом выше локтя, затем засунула под повязку вилку и начала поворачивать ее, пока шпагат не натянулся так, что почти врезался в кожу.

— Тим, лежи смирно! О, Тим, пожалуйста, пожалуйста-

ста, лежи спокойно! Я здесь и не допущу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое, только ты должен лежать спокойно! Слышишь меня?

Паника и потеря крови истощили его. Он лежал и всхлипывал, грудь его высоко вздымалась. Она опустила голову и прижалась щекой к его щеке. Все, о чем она могла думать, — это как много раз она не разрешала себе называть его ласковыми именами, как она заставляла себя сидеть спокойно напротив в то время, как всей душой стремилась обнять и поцеловать его.

Послышались удары в заднюю дверь и голос старушеницы.

— Я услышала жуткий шум у вас. Сижу это я в доме... — говорила миссис Паркер, открывая дверь. Увидев залитую кровью кухню, она издала звук, как будто ее сейчас вырвет. — Господи!

— Вызовите "скорую", — с трудом проговорила Мэри, боясь отпустить Тима, чтобы он опять не впал в панику.

Миссис Паркер никак не могла уговорить Мэри встать, и когда минут пять спустя прибыла "скорая", она все еще лежала на полу, прижав щеку к Тиму. Два санитары вынуждены были сначала поднять ее.

Эмили Паркер тоже поехала в госпиталь, пытаясь по дороге успокоить Мэри.

— Не беспокойтесь о нем, дорогая, все будет в порядке. Это кажется, что было так много крови, но я слышала от людей, что если разлить пинту крови, то покажется, что разлито десять галлонов.

Районный госпиталь был недалеко, с другой стороны кирпичных разработок, и они доехали так быстро, что когда Тима уже укатали в хирургическую, она все еще находилась в шоке и не могла говорить. После того, как он упал, он впал в какое-то оцепенение и не осознавал окружающее. Он ни разу не открыл глаз, как бы боясь, что если откроет, то увидит то ужасное, что было его рукой.

Миссис Паркер, болтая непрерывно, помогла Мэри сесть в кресло в приемной.

— Разве не прелесть? — спрашивала она, стараясь отвлечь Мэри от мыслей о Тиме. — Помню, когда здесь были всего две маленькие комнатки, затиснутые между рентге-

новским кабинетом и регистратурой. А сейчас как шикарно! Все эти горшки с цветами и все прочее, и на госпиталь-то не похоже! Я видела в отелях холлы, похуже этого будет, куда!.. Вы посидите тут, пока доктор придет, а я пойду и поищу мою старую приятельницу, сестру Келли, и узнаю, как насчет чашечки чая с кексиком для вас, дорогая.

Вскоре после того, как миссис Паркер ушла, вошел принимающий врач. Мэри удалось встать, и она облизала губы, чтобы начать говорить. До сих пор она еще не произнесла ни слова.

— Миссис Мелвил? Я только что видел человека из "скорой помощи", и он мне сказал ваше имя.

— Т..Т..Тим? — пролепетала Мэри, трясаясь так сильно, что ей пришлось опять сесть.

— С Тимом все будет в порядке, миссис Мелвил, правда! Мы только что отправили его в хирургическую починить руку, но никаких оснований бояться нет, даю вам слово. Мы начали внутривенное вливание специальной жидкости, и как только установим его группу крови, дадим ему пинту-другую. Но в целом он в порядке. Просто шок и потеря крови, вот и все. С раной нетрудно будет справиться, я сам ее осматривал. Чистый порез. Что случилось?

— Я не знаю. Наверное, он как-то уронил нож на руку. Я не видела, как это случилось, я только услышала, как он зовет меня, — она посмотрела на него умоляюще. — Он в сознании? Пожалуйста, заставьте его понять, что я здесь, что я не ушла и не оставила его одного. Он страшно расстраивается, когда думает, что я его покинула.

— В данный момент он под легким наркозом, миссис Мелвил, но когда он придет в себя, я обязательно скажу ему, что вы здесь. Не беспокойтесь, он ведь взрослый человек.

— Дело в том, что нет. Я хочу сказать насчет взрослого человека. Тим умственно отсталый, и я единственная, кто у него есть на свете. Очень важно, чтобы он знал, что я здесь! Просто скажите ему, что Мэри здесь, недалеко.

— Мэри?

— Он всегда называет меня Мэри, — сказала она. — Называет меня Мэри, и никак иначе.

Принимающий врач повернулся, чтобы уйти.

— Я пошлю одного из стажеров записать все данные, миссис Мелвил. Это просто несчастный случай, особые подробности не требуются, если у него нет никаких других проблем со здоровьем, кроме умственной отсталости.

— Нет, у него прекрасное здоровье.

Вернулась миссис Паркер, а за ней с подносом сестра Келли.

— Выпейте чай, пока он горячий, миссис Мелвил, — сказала сестра Келли. — А потом пройдите по этому коридору в ванную, снимите одежду и примите горячий душ. Миссис Паркер выждалась сходить домой и принести вам свежую одежду, а пока можете надеть больничный халат. С Тимом все в порядке, и вы почувствуете себя гораздо лучше, если примете горячий душ. Я пошлю сиделку проводить вас.

Мэри взглянула на себя и только сейчас поняла, что она не залита кровью, как и Тим.

— Сначала выпейте чай, пока доктор Фишер запишет все, что требуется.

Два часа спустя Мэри была опять в приемной вместе с миссис Паркер. Она переоделась и чувствовала себя лучше. Доктор Минстер, хирург, вышел, чтобы успокоить ее.

— Можете идти домой, дорогая, он хорошо себя чувствует. Перенес операцию блестяще и сейчас спит, как ребенок. Мы его немного подержим на интенсивном лечении, а затем переведем в одну из палат. Два дня последим за ним, а затем он сможет идти домой.

— Он должен получить все самое лучшее, отдельную палату и все, что может понадобиться!

— Тогда мы переведем его в другое отделение, — умело утешал ее доктор Минстер. — Не беспокойтесь о нем, миссис Мелвил. Он совершенно потрясающий человек и действительно красив.

— Могу я увидеть его, прежде чем уйду, — упрашивала Мэри.

— Если хотите, но не оставайтесь. Ему дано успокоительное, и я бы предпочел, чтобы вы его не будили.

Они поместили Тима на огромную кровать за ширму; в углу было полно всяческого оборудования, оно издавало приглушенное звяканье, шипение и гудение. В палате было

еще семь пациентов, достаточно серьезно больных, что вызвало беспокойство Мэри. Молодая медсестра стояла около Тима, снимая с его здоровой руки ленту аппарата для измерения кровяного давления. Но смотрела она не на руку, а на лицо Тима, и Мэри видела ее явное восхищение. Затем она подняла голову, увидела Мэри и улыбнулась ей.

— Хэлло, миссис Мелвил. Он спит, не беспокойтесь о нем. Давление у него нормальное, он вышел из шока.

Восковая бледность исчезла с его лица, и появился даже легкий румянец. Мэри протянула руку и откинула спутанные волосы с его лба.

— Я сейчас собираюсь перевезти его в платное отделение, миссис Мелвил. Не хотите ли пройти со мной и посмотреть, как его там поместят, прежде чем уйдете домой?

Ей не совстало прийти раньше, чем на следующий день к вечеру, так как он будет спать, самое большее, что она сможет сделать — это просто сидеть рядом.

Когда она пришла, Тима в палате не было, он ушел на перевязку. Она сидела и терпеливо ждала, отказавшись от чая и сэндвичей.

— Он понимает, где он и что с ним случилось? — спросила она у палатной сестры. — Он сильно нервничал, когда проснулся и обнаружил, что меня нет?

— Нет, он вел себя прекрасно, миссис Мелвил. Он успокоился быстро, и казалось, был вполне доволен. Он такой радостный, милый человек, он стал нашим любимцем.

Когда Тим увидел ее, его пришлось удерживать, чтобы он не выпрыгнул из носилок и не бросился ее обнимать.

— О, Мэри, я так рад, что ты здесь! Я думал, что долго не увижу тебя.

— Как ты, Тим? — спросила она, быстро чмокнув его в лоб, потому что рядом стояли и смотрели две сиделки.

— Я чувствую себя прекрасно, Мэри! Доктор вылечил мне руку, он зашил там, где ее разрезал нож, и крови больше нет.

— Больно?

— Не очень. Не так, как когда тачка с кирпичом упала мне на ногу и она сломалась.

Рано утром на следующий день Мэри позвонили из госпиталя и сказали, что она может взять Тима домой. Забе-

жав сообщить миссис Паркер радостную весть, Мэри бросилась к машине с маленьким чемоданом, где лежали вещи Тима, в одной руке, и тостом, который она еще не успела доесть, в другой. Сестра встретила ее у дверей палаты и взяла у нее чемодан, а ее проводила в приемную подождать.

Вскоре вошли доктор Минстер и регистратор.

— Доброе утро, миссис Мелвил. Сестра сказала мне, что вы приехали. Тим скоро будет готов, не беспокойтесь. Они ведь не выпускают пациентов без ванны, перевязки и Бог знает чего еще.

— Тим в порядке? — спросила, волнуясь, Мэри.

— Абсолютно. У него останется шрам, и пусть он напоминает ему, что надо быть осторожнее, но нервы не задеты, так что чувствительность и сила в руке останутся. Приведите его ко мне через недельку, и я посмотрю, как у него будут дела. Может быть, тогда и швы сниму, или оставлю их еще на некоторое время, в зависимости от состояния раны.

— Значит, он действительно в порядке?

Доктор Минстер откинул голову и засмеялся:

— О, вы, матери! Все вы друг на друга похожи, вечно беспокоитесь и нервничаете. Вы должны общать мне, что перестанете над ним хлопать крыльями, а то если он увидит вас в этом состоянии, он начнет носиться со своей рукой больше, чем надо. Я знаю, он ваш сын, и ваши материнские чувства так сильны, потому что он особо зависит от вас, но вы должны сопротивляться стремлению кудахтать над ним, когда это не надо.

Мэри почувствовала, как кровь прилила к ее лицу, но она сжала губы и гордо подняла голову.

— Вы неправильно поняли, доктор Минстер. Забавно, что это не пришло мне в голову, но вы неправильно поняли. Тим не мой сын, он мой муж.

Доктор Минстер и регистратор в ужасе переглянулись. Что бы они теперь ни сказали, все будет звучать фальшиво, и в конце концов они ничего не сказали, просто направились к двери и выскользнули из помещения. Что можно сказать после того, как совершишь таковой ляпсус? Как неприятно, ужасно неприятно, и как неловко! Бедняга, как

это для нее тяжело!

Мэри сидела с глазами, полными слез, борясь изо всех сил, чтобы удержать их. Тим не должен видеть ее глаза красными, этого не должны видеть и хорошенькие молодые сиделки. Неудивительно, что они так открыто высказывали ей свое восхищение Тимом! Одно говорят матерям, и совсем другое - женам. И теперь, когда она подумала об этом, ясно было, что они принимали ее за его мать, а не за жену.

И это была ее собственная вина! Если бы она была в эти ужасные часы ожидания спокойной и собранной, как ей было свойственно, она бы обязательно заметила, что они принимают ее за мать Тима. Может быть, даже ее кто-нибудь спрашивал об этом, и она ответила утвердительно. Она вспомнила, что молодой стажер подходил к ней и спрашивал, родственница ли она Тиму, но она не помнила, как ответила. А почему, собственно, они не могли принять ее за его мать? В лучшем случае она выглядела на свой возраст, а с этим шоком и волнением, которые свалились на нее, она выглядела на все шестьдесят. Почему она не употребила слов, которые могли бы дать им понять, что она его жена? Она, наверное, наоборот, говорила и делала все, чтобы укрепить их в этом заблуждении, и ничего, чтобы рассеять его. И миссис Паркер, должно быть, делала то же самое, и Тим - тоже. Бедный, старающийся угодить Тим так хорошо усвоил урок, который она старалась вбить ему в голову, чтобы он не говорил, что женат на ней. Они, наверное, думали, что у него просто манера такая - называть ее Мэри, и никто не спросил ее, женат ли он или холостяк. Услышав, что он неполный доллар, они просто решили, как это собой разумеющееся, что он - холостяк. Умственно отстающие не женятся. Они живут дома с родителями, пока те живы, и затем переходят в специальные заведения - умирать.

Тим ждал у себя в палате, уже полностью одетый. Взяв себя в руки и изобразив спокойную уверенность, она дотронулась до его руки и, нежно улыбнувшись, сказала:

— Давай, Тим, поедем домой.

Дэниз Робинс

ЖОНКИЛЬ-
ЦВЕТOK
ЛЮБВИ

Глава I

Чартеру было скучно. Миссис Поллингтон, которую близкие звали Микки и которая была хозяйкой этого самого гостеприимного дома в городе, увидела хмурое лицо и скрещенные на груди руки Чартера и сразу поняла, что ему скучно. Желая как можно скорее прогнать выражение скуки с его красивого лица - и не только потому, что долг хозяйки повелевал следить за тем, чтобы гости не скучали, нет, она искренне хотела видеть его счастливым - миссис Поллингтон через великолепный, убранный цветами зал направилась к нише, у которой он стоял.

Все женщины, знакомые с Роландом Чартером, хотели, чтобы он был счастлив и стремились помочь ему в этом. Его великолепная внешность и прекрасные манеры никого не оставляли равнодушными - мужчины любили, а женщины обожали его. Причем, он не делал ни малейших усилий понравиться. Он бессознательно пользовался обаянием, данным ему природой. Хотя у него не было ни денег, ни перспектив на будущее, и хотя о нем ходили слухи как о "паршивой" овце в семье, он был украшением любой гостиной. Микки Поллингтон, прелестная, изысканная светская женщина, познакомилась с ним в октябре на пароходе, идущем из Южной Африки и, "подружившись" с ним, не отпустила его от себя, когда они прибыли в Англию. Он не скрывал, что она ему нравится, но если они и флиртовали немного, оба не нарушали общепринятых правил игры, оставаясь добрыми друзьями.

Микки была очень "благоразумна". Большинство мужчин ценили в ней именно это качество. Конечно, как у всех

женщин, у нее были свои недостатки. Питая "слабость" к Роланду Чартеру, она мало думала о его интересах. Ему нужно было искать работу: он только что потерял место в Южной Африке. Однако бездельничал здесь, а миссис Поллингтон была рада этому, ведь он так оживлял ее вечера своим остроумием и полным пренебрежением условностями.

— Роланд, почему такое мрачное лицо? — спросила она, подойдя. — Я устраиваю бал, приглашаю массу интересных людей, идет рождественская неделя, а вы здесь стоите мрачный и надутый, как ребенок, которого в наказание лишили сладкого.

— Вы не правы, Микки, — сказал Чартер, искоса глядя на нее глазами такой необычной голубизны, что ни одно женское сердце не могло не затрепетать под их взглядом. — По-моему, я переед сладкого в это Рождество.

Миссис Поллингтон поправила выбившийся белокурый локон, достала пуховку из сумочки и энергично приложила ее к носику.

— Вы иногда бываете несносны, Роланд, — сказала она. — Все дело в том, что вы слишком красивы, чтобы свободно вращаться в свете. Вы положительно опасны.

— Хотя и без гроша, не так ли? — некоторый привкус горечи чувствовался в его смехе.

— Красота и обаяние почти так же притягательны, как деньги, а для некоторых женщины даже гораздо больше, — сказала Микки. — Во всяком случае, я считаю, что вы несносны, Роланд. "Переед сладкого", это ж надо! А не потому ли, что все эти молодые вертихвостки и даже не очень молодые, с которыми я вас знакомила, падали к вашим ногам.

Он пожал плечами.

— Моя дорогая Микки, дело не только во мне. Любой мужчина поладит с современными женщинами.

— Циник! И вы отвратительно самоуверенны. Но я не осуждаю вас. Девчонки такие дуры. Да и матроны не намного умнее, не правда ли?

Чартер с нежностью посмотрел на очаровательную женщину в желтовато-зеленом шифоновом платье. Ей было тридцать четыре года, но фигура сохранила девичью стройность, розовые щечки — свежесть, а ясность — дерзкие

глазки.

— Вы прелесть, Микки, и совсем не дура, — пробормотал он. — Вы именно та женщина, с которой хорошо быть в приятельских отношениях.

На какое-то мгновение тень сожаления промелькнула в блестящих глазах Микки Поллингтон. Может, она и влюбилась бы в Роланда Чартера, если бы он дал ей хоть малейший шанс. Но он никогда не проявлял к ней такого интереса... Нет, она определенно рада, что не испортила их приятельских отношений какими-нибудь сентиментальностями!

“ У меня прекрасный муж и прелестные дети, и меня следовало бы пристрелить за то, что я думаю о каком-то другом мужчине”, — часто напоминала она себе.

Тень исчезла с ее лица. Она рассмеялась и показала на крупного, тяжелого мужчину с моноклем в глазу и с веселой улыбкой на лице. Он танцевал с очень молодой девушкой в белом.

— А вот и мой муж. По-моему, Гарри ведет себя довольно легкомысленно с молоденькими девицами. Посмотрите-ка на него.

Чартер рассеянно посмотрел на Поллингтона, затем на его партнершу.

— А кто эта малышка? — спросил он.

— О, это Жонкиль Риверс, — ответила Микки. — Хотите, я вас познакомлю с ней, Роланд? Она не очень ловко танцует, но вполне прелестное создание.

— Увольте, — сказал он умоляюще. — Я вовсе не горю желанием знакомиться с прелестными созданиями, которые не умеют танцевать Жонкиль Риверс? Риверс... — В голосе его вдруг послышалась острая заинтересованность. Ленивое выражение исчезло из глаз, брови сошлись на переносице. — Мне кажется, я знаю, кто она.

— Наследница, мой дорогой Роланд. У вас есть шанс, — поддразнила она его. — Не говорили ли вы, что хотели бы найти богатую наследницу?

— Боже, — пробормотал Чартер. Его глаза теперь были прикованы к стройной фигурке в объятиях Гарри Поллингтона. — Боже! Жонкиль Риверс! Должно быть... Жонкиль... какое странное имя.

— Она из Суссекса, — пояснила Микки. — Приемная дочь очень богатого человека, который сделал состояние на каучуке задолго до войны. Она живет с бабушкой, то-есть со старой миссис Риверс, которую она называет бабушкой.

— Понятно, — сказал Роланд скорее себе, чем Микки. Теперь он был сильно заинтересован. Ни тени скуки не осталось на его лице.

— Миссис Оукли, моя приятельница, живет в Чанктонбридже, по соседству с Риверс Кортон, — продолжала Микки. — Она переехала туда несколько лет тому назад и свела знакомство со старой миссис Риверс и девушкой, которой сейчас двадцать или двадцать один год. Дороти Оукли жалует бедняжку: ей там так скучно. Бабушка — женщина викторианской эпохи, а приемный отец, кажется, намерен держать Жонкиль взаперти, как в монастыре; он, вообще, хочет, чтобы она стала ботаником.

— Боже правый! — воскликнул Роланд. — Но, Микки, тогда каким же образом маленькая монахиня оказалась на вашем рождественском балу?

— О, нет, она совсем не монахиня. Дороти говорит, что у нее есть характер. Просто нужен повод, чтобы он проявился. Дороти упростила миссис Риверс, и та разрешила Жонкиль поехать с Дороти ко мне на вечер и переночевать на квартире Дороти. Старушка сначала, конечно, наотрез отказалась, но потом сдалась на уговоры. Таким образом, это первый выход Жонкиль. Она мне нравится, славный и отважный ребенок. Ей, наверно, ужасно тоскливо там, в Чанктонбридже. Однако когда мистер Риверс умрет, у нее будет уйма денег.

В этот момент юная наследница проходила мимо Чартера, веселым смехом сопровождая болтовню Ноллингтона. Она была несколько ниже среднего роста и очень тоненькая. Ее стройная фигурка в белом гофрированном жоржетовом платье со строгим вырезом у самого горла, выглядела почти детской, легкий загар шеи и рук подчеркивал это впечатление. На вкус Роланда, она была слишком худа, такой мальчишеский облик обычно не нравился Чартеру, однако, глядя на ее тонкий профиль, на головку с очень темными коротко подстриженными волосами и челкой, падающей на лоб, он не мог не признать, что девушка

прелестна. Изгиб ее губ был красив, но тверд; у нее был решительный маленький подбородок с ямкой. Нельзя было не обратить внимания на ее зеленовато-карие глаза с очень черными пушистыми ресницами и прямыми бровями.

— Что вы думаете о ней, Роланд? — спросила Микки Поллингтон.

— Я думаю, — сказал он с расстановкой, — что я хотел бы познакомиться с ней. Это было бы... забавно.

— Очень хорошо, но, прошу вас, никакого флирта с невинной протеей Дороти, а то я окажусь в очень затруднительном положении, — предупредила Микки.

Он не ответил, но как-то странно улыбнулся. затем достал сигарету из портсигара и закурил.

Глава 2

Жонкиль Риверс наслаждалась своим дебютом в лондонском обществе. Она была в восторге от этого веселого рождественского бала. До сих пор ее единственными светскими развлечениями были чаепития, которые устраивала бабушка в Риверс Корт, а также экскурсии в окрестности с приемным отцом в поисках бабочек или образцов для гербария. Он обращался с ней, как со студенткой. Приемная бабушка считала ее маленькой девочкой, которую нужно хорошо воспитать. И вдруг эта неожиданная поездка в Лондон, и этот восхитительный бал, и люди вокруг, которые относились к ней, как к обычной молодой женщине.

Риверс Корт был милый старый дом времен королевы Анны, переполненный тяжелой викторианской мебелью. Но Жонкиль находила его интерьеры слишком мрачными. Зал в доме Поллингтонов, завешанный блестящими оранжевыми с черным драпировками; натертые до блеска полы; первоклассный оркестр - все это предстало перед ее восхищенным взором, как новый и волнующий мир. Гирлянды из раскрашенной бумаги, китайские фонарики, пестрые шары, летающие из одного конца зала в другой, зелень остролиста и омелы, громадная арка над входом со словами "Веселого Рождества", выложенными алыми ягодами... Здесь

царил сам дух Рождества. Шампанское лилось, пестрые ленты и шары летали от одной пары к другой.

Жонкиль была ослеплена пестротой красок, светом, блеском драгоценностей у дам и весельем в глазах мужчин. Все так ново для нее! Так восхитительно! Как легко здесь было забыть мрачный деревенский дом, сурового приемного отца, добрую, но такую требовательную бабушку. Каждый раз, когда она видела молодую миссис Оукли, которая взяла на себя так много хлопот, чтобы вырвать у бабушки разрешение и привезти ее на бал к Поллингтонам, Жонкиль чувствовала непреодолимое желание броситься к ней и крепко обнять ее.

— Послушайте, ваши глаза как звезды, — слышала она протяжный голос Гарри, который был явно навеселся. — Чертовски красивые звезды, к тому же...

— Какие глупости! — сказала Жонкиль.

Но она смеялась. Все и вся заставляло ее смеяться сегодня. И ей нравился Гарри Поллингтон. Его двойной подбородок, его монокль, и его искренний смех забавляли ее.

Миссис Поллингтон, в развевающейся короткой желтовато-зеленой юбке, подошла к Жонкиль и, когда музыка кончилась, взяла ее за руку.

— Ну, Гарри, веди себя прилично! Я забираю Жонкиль, — сказала Микки. — Мне кажется, ты ей надоел. Я хочу познакомить ее с Роландом Чартером.

Поллингтон вставил монокль в глаз и с поддельным отчаянием стал вглядываться в свою прелестную жену.

— Ты присвоила мое имя, и мои деньги, и мое сердце, Микки. Теперь ты присваиваешь мою партнершу, — говорил он жалобно.

Микки обняла Жонкиль за талию.

— Убирайся, Гарри, и поищи еще кого-нибудь для своих фривольностей. Вон там мисс Данверз, шестидесяти двух лет от роду. Стоит под омелой и ждет, когда ты ее поцелуешь.

— Ты злая, Микки, — начал Гарри жалобно.

Она рассмеялась, махнула на него рукой и увела Жонкиль.

— Пойдем, дитя, — сказала она. — Я хочу познакомить тебя с самым привлекательным мужчиной в Лондоне.

— Вы очень добры ко мне, миссис Поллингтон, — сказала девушка застенчиво. — Но будет ли он... я так илюхо танцую... я хочу сказать...

— Не смущайся, — засмеялась Микки. Роланд не съест тебя, и он танцует божественно, ты не сможешь плохо танцевать с ним. Он не как Гарри, который всем наступает на ноги.

Жонкиль посмотрела на мужчину, к которому ее подводила миссис Поллингтон. "Самый привлекательный мужчина в Лондоне"! Он улыбался, она даже подумала, что скорей не улыбался, а немного странно усмехался. Как он был красив... ярко-голубые глаза на худом, бронзовом лице... жесткий, плотно сжатый рот и подбородок — такие ей всегда нравились. От всего его облика исходила жизненная энергия, только слегка прикрытая напускной ленью. Сила и мужество ощущались в посадке головы, в прямоте взгляда, направленного сейчас на Жонкиль.

— Здравствуйте, — сказала она, смущаясь и протягивая небольшую загорелую руку, которая, казалось ей, была "ужасной" по сравнению с белыми, ухоженными руками Микки Поллингтон.

Роланд на какое-то мгновение больше, чем полагается, сжал ее ладонь в своей, потом выпустил. Он пробормотал обычное приветствие:

— Я счастлив познакомиться с вами, мисс Риверс. Я слышал, что Лондон и все это, — он жестом указал на веселую, танцующую толпу, — непривычны для вас.

— Совершенно верно, — кивнула она. — Я живу в деревне с тех пор, как закончила школу.

— Пойдемте потанцуем, — сказал он, — и вы расскажете мне все о себе.

Жонкиль приняла приглашение с искренностью и спокойствием ребенка. Она едва ли поняла комплимент, который ей сделал Чартер, попросив рассказать о ее жизни. Большинство мужчин любят говорить о себе, и Чартер не был исключением. Но у него был скрытый повод вести себя так с Жонкиль. По причине, известной одному ему, он хотел услышать все, что она ему скажет, хотя еще до того, как она заговорила, он уже знал ту коротенькую историю, которую она развернула перед ним.

Он совсем не думал о танце. Обняв ее за талию и устремив на нее глаза, он впитывал ее слова с такой жадностью, что это озадачивало бы ее, если бы она осознавала это. Но она понимала только, что этот большой красивый мужчина так добр и обаятелен, проявляя интерес к ней, и свободно отвечала на его вопросы. Еще она думала о том, как хорошо он танцует: она была взволнована силой, теплотой его руки, лежащей на ее талии, совершенством его движений, за которыми, как и предсказывала Микки Поллингтон, было так легко следовать.

Она рассказала ему о Риверс Корта: о прекрасном саде, о прелести Суссекс Даунса, и о ее довольно унылом житье с очень пожилой леди, ее приемной бабушкой.

— Мистер Риверс удочерил меня, когда мне было двенадцать лет, — объяснила она. — Они учились вместе с моим отцом, а мама умерла, когда я была еще ребенком, поэтому, когда умер и отец, мистер Риверс был так добр, что взял меня к себе в дом, и с тех пор я считаю его своим отцом.

— Понятно, — сказал Чартер. — И вы любите его?

— Конечно, — кивнула она. — Он и бабушка очень добры ко мне. Он суровый, глубоко религиозный человек, страстно увлеченный ботаникой; с ним иногда бывает трудно. Когда я была поменьше, я побаивалась его. Теперь я старше и понимаю, что это просто манера поведения, что он любит меня, будто я плоть и кровь его. И бабушка тоже.

— Я слышала об этом, — сказал Чартер. — Говорят, что Генри Риверс на самом деле обожает вас.

Она вопросительно устремила на него свои зеленоватые глаза.

— Вы слышали о нас?

Он широко улыбнулся, но улыбка была полна горечи.

— О, да, я слышал.

— Тогда вы, возможно, слышали и о племяннике отца (вы знаете, я называю мистера Риверса отцом)... О мальчике, которого он лишил наследства и прогнал из Риверс Корта незадолго до того, как удочерил меня.

— Да. Вы что-нибудь знаете о нем?

— Не очень много, — ответила Жонкиль серьезно. — Отец не любит говорить о нем. Ни он, ни бабушка никогда

не упоминают его имени. Но насколько я поняла, он не оправдал его надежд, и отец так и не простил его. Отец никогда не был женат, и мальчик был для него как сын и его наследник. Бедняга. Иногда я жалею его. Хотелось бы знать, что с ним случилось после того, как он покинул Риверс Корт.

— Вы жалете его?

— Ну, — сказала девушка, немного покраснев, — это для него, должно быть, было ужасно - лишиться наследства. Даже если он был действительно испорченный, подумайте, как много он потерял.

— Зачем его жалеть? Вы нашли все, что он потерял, — сказал Чартер со смехом, который покорибил ее.

Она нахмурилась, кровь прилила к лицу.

— Я был не прав, — сказал Чартер быстро и посмотрел на нее со своей ленивой, обворожительной улыбкой... улыбкой, которая заставила ее молодое сердце биться сильнее. — Пойдемте и возьмем мороженое, — добавил он. — Здесь довольно жарко, хорошо?

Она кивнула и пошла с ним через украшенную гирляндой арку в прохладный сумрак оранжереи. Он принес ей мороженое и лимонад, а сам, закурив, сел напротив в плетеное кресло. Этот "самый привлекательный мужчина в Лондоне" немного смущал ее. Он явно человек настроения: то обаятельный, искрящийся весельем, через мгновение молчаливый, целиком ушедший в свои мысли.

"Его замечание о том, что она много выиграла из-за ссоры отца с племянником, не очень хорошего вкуса," — подумалось ей. Но она легко простила его. Чартер был тем мужчиной, которому женщины многое прощали. Одной улыбкой он стирал воспоминание о своих промахах.

Хотела бы она знать, что происходило в его душе сейчас. Он немного подался вперед, его брови сошлись над глазами, опущенными вниз. Ей очень нравился его рот... такой красиво очерченный... но такой странный, жесткий и придающий лицу непреклонность. О чем он думал?

В оранжерее было тихо и спокойно после шума и гама, царивших в зале.

— Рождество самый веселый праздник, не правда ли? — тихо спросила она, отпивая лимонад маленькими глот-

ками.

— Очень веселый,— ответил Чартер. Но говорил он автоматически. В его мыслях не было веселья. Его чувства затерялись в прошлом. Рождество, девять лет тому назад... последнее Рождество, которое он провел в Риверс Корт, в Чанктонбридже. Интересно, что подумала бы эта простая прелестная девушка, ставшая наследницей Генри Риверса, если бы она знала, что он, Роланд Чартер... и есть тот "мальчик", который потерял все, что она обрела.

Горькая ненависть и еще большие обиды, которые пылали в нем против Генри Риверса после того, как он был изгнан из Риверс Корта девять лет тому назад, всныхнула в нем сегодня с новой силой.

Его мысли унеслись назад в детство, когда он в семилетнем возрасте потерял отца и мать и прибыл в Риверс Корт к дяде Генри, брату матери. Дядя Генри, ботаник и страстный собиратель мотыльков, не был женат и решил сделать Роланда своим наследником. Миссис Риверс, которая и тогда управляла Риверс Корт, была рада красивому, резвому маленькому внуку. Из всех ее детей она больше всего любила Элизабет, его мать.

Но Роланд не был счастлив в Риверс Корт. Дядя не любил его. Они были слишком разные. Их темпераменты! Они постоянно сталкивались, и попытки миссис Риверс навести мосты через пропасть, разделяющую их все больше, не всегда оказывались успешными, тем не менее мальчик любил Риверс Корт и бабушку, гордился своим наследством, был полон амбиций, надежд на будущее.

В годы учебы в Марлборо, а затем в Оксфорде: он был счастлив. Но длинные каникулы, которые он проводил в Риверс Корт, всегда заканчивались разногласиями. Однажды по какому-то пустяковому поводу он умудрился крупно поссориться с дядей. Жонкиль только что сказала, что с Генри Риверсом "иногда" бывает "трудно". Роланда он всегда раздражал. После первой неудачной любви Генри Риверс так никогда и не женился; он превратился в угрюмого, придирчивого, ограниченного человека, с фанатичным пристрастием к ботанике.

Он хотел, чтобы Роланд стал ботаником, проводил долгие часы в поисках мотыльков, сидел в библиотеке и изучал

энциклопедии. А мальчик рвался играть в крикет или регби в компании однолеток. Зимой Роланд, как все мальчишки, стремился познать прелести стрельбы, весной - пускать змея. Кто может упрекнуть его за то, что он ненавидел долгие часы, которые проводил наедине с дядей Генри, тараща глаза через микроскоп на крылья мотылька, преодолевая страницу за страницей скучные книги по ботанике? Кто осудит его за то, что он рос своенравным и обидчивым? Но можно понять и точку зрения Генри Риверса: фанатик своих научных занятий обижался на Роланда за то, что тот не проявлял к ним интереса. Генри Риверс порицал все возрастающую приверженность современной школы к тому, что он называл "детскими играми".

У Роланда в то время был жизнерадостный, искренний, но вспыльчивый нрав. Приближался неизбежный конец. В глазах дяди Роланд перешел все границы: наделал долгов в Оксфорде, вращался в кругу очень современных молодых людей, которых мистер Риверс называл "прожигателями жизни", и был замешан в небольшом скандальном приключении с известной хористкой. Ничего особенного, мальчишеская глупость. Грехи молодости.

Вместо того, чтобы обойтись с ним мягко, дать ему хороший совет, Генри Риверс осудил Роланда без всякой пощады. Молодой человек разгорячился, стал вести себя выходяще. Затем, после короткой, но бурной ссоры, и несмотря на все усилия бабушки успокоить сына и показать, что Роланд не совершил ничего плохого, просто в нем играет молодая кровь, Генри выгнал племянника из дома - навсегда.

С того дня Роланд ни разу не видел дядю Генри и не поддерживал связи с семьей.

Он уехал в Южную Африку и в течение девяти долгих лет изгнания стремился заработать деньги. Он сталкивался с горечью поражения, голодом, неприятностями, которые преследовали "паршивую овцу", вынужденную искать забвения и удачи в колониях. И все это время лелеял ненависть и желание отомстить человеку, который причинил ему такую боль. Роланд чувствовал именно ужасную боль. Он вырос с мыслью, что унаследует деньги и поместье. А вместо этого оказался выброшенным в мир без гроша в кар-

мане, без всяких надежд, без профессии.

Он попытался заняться фермерским хозяйством в Родезии, но потерпел неудачу - скорее из невезения, чем по своей вине... Далее - внезапное банкротство компании, в которой он служил... В Англию он вернулся с пятьюстами фунтами капитала в кармане, намереваясь начать новую жизнь.

Эти девять лет наложили на Роланда Чартера свой отпечаток. Он стал жестким, циничным, безрассудным. Он уже не был тем мальчиком, в котором бабушка души не чаяла, тем жизнерадостным, добрым мальчиком, чей дух Генри Риверс всеми силами пытался сломить. И если он стал несколько безнравственным, это была вина человека, который обошелся с ним так сурово. В глубине души Роланд до сих пор был честен и чист. Попадн он в соответствующее окружение, он бы полностью выпрямился.

Роланд так и не простил дяде Генри его нетерпимости. Тяжелые испытания и неудачи на чужбине не давали заглохнуть старой обиде и желанию нанести ответный удар.

У него никогда не было намерения вернуться в Риверс Корт или обратиться к дяде Генри за помощью, но когда вернулся в Англию, он навел справки о мистере Риверсе и услышал о девочке, Жонкиль, которую его дядя удочерил и которая теперь была наследницей Риверс Корта.

"Невероятно повезло, — думал он, — что я сегодня встретился с Жонкиль Риверс." У него было нетерпение познакомиться с ней. И вот она сама попала в его сети: доверчивая и невинная девочка, которая сильно облегчит его задачу.

Он хмуρο посмотрел на нее... эта девочка, которая заняла его место, когда-нибудь наследует громадные деньги и станет хозяйкой Риверс Корта...

На какое-то мгновение детское прелестное лицо Жонкиль в обрамлении темных волос как бы растворилось в тумане. Он вновь почувствовал жгучую тоску по дому и горе, которое охватило его, когда он был изгнан оттуда. Горе перешло в холодное бешенство. Как он мечтал найти способ заставить дядю заплатить за все!

Генри Риверс наверняка боготворит эту девчушку, которую считает своей дочерью. Вероятно, возлагает большие

надежды на ее будущее, лелеет мечты о ее замужестве. Может быть, в глубине души он даже надеется, что она получит титул. Он воспитывал ее так строго сурово держал ее в невинности, если не в невежестве. Несомненно, боялся, что она может наделать глупостей, дать волю неустойчивости, свойственной ее полу, и разочарует его так же, как и "мальчик", Роланд, разочаровал его.

Губы Чартера изогнулись в улыбке. Можно ли придумать лучшую месть, чем расстроить надежды, которые дядя лелеет в отношении Жонкиль? Это заставит его страдать... глубоко страдать.

"Жонкиль не знает, кто я, — размышлял Роланд мрачно. — Она слышала о распутном племяннике, но не знает его имени. Она простодушный ребенок, и с ней будет легко справиться. Я мог бы заставить ее влюбиться в себя... уговорить ее выйти замуж за меня, тайно... а затем сообщить моему дорогому дядюшке... потом..."

Почему бы и нет? Это была бы хорошая месть. Конечно, это несправедливо по отношению к девушке. Она не причинила ему никакого вреда. Зачем причинять вред ей?

"Но я не сделаю ей ничего плохого. Я буду добр к ней, — говорил Роланд себе. — Мне скучно с ней, но она хорошая малышка, к тому же очень миленькая".

Замысел развивался в его мозгу и волновал. Он рисовал в своем воображении ярость дяди и досаду, что его любимая приемная дочь вышла замуж за "паршивую овцу". Это было бы гениально... Ничто не могло бы расстроить Генри Риверса больше. А что потом? Он не допустит, чтобы Жонкиль голодала... он простит ее... будет вынужден простить и его, Роланда, который таким образом вернет все, что у него так несправедливо отняли.

Эта мысль ни на минуту не покидала Роланда и, наконец, завладела им полностью. Он должен заставить Жонкиль полюбить себя... Почему он сомневается? Почему мысль о невинности и счастье Жонкиль должна удерживать его? Он будет добр к ней... многие женщины любиди его и желали его до сумасшествия. Ну, если он заставит Жонкиль полюбить себя, он женится на ней, он позаботится, чтобы она была счастлива...

Жонкиль еще безмятежно ела мороженое, не подозре-

вая о сомнительных замыслах, зреющих в голове "самого привлекательного мужчины в Лондоне", а Роланд уже составил план действий. Жребий был брошен... И если Роланд Чартер решал что-то, он никогда не отступал.

Он взял у Жонкиль тарелочку из-под мороженого и протянул руку.

— Пойдемте еще потанцуем, — сказал он.

Ее глаза заблестели.

— О, вы действительно хотите снова танцевать со мной? Но я так... так плохо танцую.

— Ерунда. Вы слушаетесь меня и вы легкая, как перышко, — сказал он. — Пойдемте.

Когда Роланд своим властным голосом говорил "пойдемте" какая женщина могла отказать ему? Конечно, не Жонкиль, которая видела очень мало мужчин и никогда не встречала такого, как Роланд. Старая миссис Риверс внушала ей необходимость быть твердой и благоразумной. До сегодняшнего вечера она была почти бесполом существом, просто ребенком. И какие шансы были у нее устоять под чарами глаз и ласкающего голоса Роланда Чартера? Более опытные женщины поддавались его обаянию, а он разбудил в ней все романтические чувства, все опасные мечтания, которые дремали в ее душе.

Танец еще не кончился, а Жонкиль уже была влюблена в Чартера, взволнована его улыбкой, легким прикосновением его руки к ее талии, или фейерверком веселых, циничных шуток, которые так и сыпались из него и которые приводили ее в восторг, хотя она едва ли понимала их.

Какие шансы у нее были устоять? И Роланд Чартер знал это. Ему было немного стыдно, когда он встречал чистую прямоту ее молодых глаз и видел, как вспыхивает ее лицо, как застенчиво она опускает ресницы под его наигранно пылкими взорами. Бедняжка... не стыдно ли ему делить ее орудием своей мести... играть на ее незнании людей и света.

"Но нет, — я буду добр к ней, — продолжал он упрямо убеждать себя. — Клянусь, я буду добр к ней."

Он танцевал с ней снова и снова. Микки Поллингтон, наблюдая за ними, начала сомневаться, правильно ли она сделала, познаколив его с Жонкиль. Или он отчаянно

флиртует просто ради развлечения... или он серьезен. Первое было опасно... второе было бы трагедией. Как может человек без гроша в кармане возыметь намерение жениться на наследнице Генри Риверса?

Роланд игнорировал слабые попытки Микки найти ему другую партнершу.

— Убирайтесь, Микки, — сказал он шутливо, когда она в очередной раз подошла к нему. — Мы с мисс Риверс великолепно ладим, правда? — обратился он к Жонкиль с широкой улыбкой. — Микки увидела, как при этом вспыхнуло лицо Жонкиль, услышала ее взволнованный молодой голос: "О, да, конечно" и "Вы очень терпеливы!"

С потемневшим лицом она отошла от них. "Какого черта Роланд играет с ребенком? — думала она. — Лучше бы я не знакомила их. Но это не мое дело, а завтра она с Дороти уезжает в Чанктоибридж."

Но какая масса событий может произойти между сегодня и завтра! Такой короткий промежуток времени, однако в течение его сердца могут быть разбиты, жизни разрушены, судьбы изменены.

Вечер у Поллингтонов за три дня до сочельника изменил судьбу как Жонкиль Риверс, так и Роланда Чартера. Для мужчины это было начало славного реванша. Для девушки - зарождение первой любви, возникновение острых, постоянно меняющихся чувств, которых она никогда прежде не испытывала, восторг первой горячей, безнадежной, внезапной влюбленности...

Кружась в танце в благоухающей цветами зале в объятиях Роланда, Жонкиль пила чашу восторга.

Он давал понять, что хотел бы видеть ее снова, но она не верила этому. Как может она — глупая, неинтересная девушка из деревни — надеяться удержать внимание "самого привлекательного мужчины в Лондоне" больше, чем на один вечер?

Уже утром, перед тем как кончился последний танец, Чартер провел ее в оранжерею, где они сидели вечером.

— Это был замечательный вечер, — сказал он. — Скажи мне, детка, он понравился тебе?

Она слегка дрожала, когда отвечала ему:

— Да... О, да... это было прекрасно, мистер Чартер.

— Тогда, могу я видеть тебя снова? Можно мне приехать... в Чанктонбридж?

Она в нерешительности закусила нижнюю губу.

— Это так трудно, — сказала она медленно. — Отца сейчас нет дома — он лечится в Висбадене, а бабушка не разрешает мне встречаться с людьми, которых отец не знает. Она такая строгая. Это глупо, но...

— О, понимаю, — прервал он ее и скомкал сигарету, выкурившую только наполовину. Он понимал гораздо больше, чем представляла себе она...

— Если миссис Риверс будет возражать против моего приезда, лучше не делать этого!

Она вспыхнула. Что-то похожее на испуг омрачило ее ясные глаза, когда она посмотрела на мужчину, влияние которого на нее медленно, но верно возрастало.

— О... я... я очень хотела бы видеть вас снова, — проворчала она, заикаясь.

— Боже, ну и скотина же я, — подумал он. — Бедняжка уже влюбилась в меня."

Он почти решил оставить свой замысел. Затем это доброе намерение прошло. Со смехом он протянул руку и ласково дотронулся до волос девушки.

— А нужно ли... ну... рассказывать обо мне... вообще? — сказал он. — Разве мы не можем встречаться... не в Риверс Кортс?

— О, — прошептала она, глядя на него широко раскрытыми глазами и ощущая легкий трепет от прикосновения его руки. — Вы имеете в виду — тайно?

— Пока... Скажем, до возвращения твоего отца...

Жонкиль колебалась. Он просил ее обмануть бабушку... встречаться с ним, не сказав ей ничего, даже не рассказав о нем. Это было бы нехорошо... Но однако искушение было слишком сильное. Роланд Чартер был для нее теперь центром вселенной.

— Ну, детка? — донесся до нее его ленивый голос. — Как насчет того, что я сказал?

— Я не знаю, — сказала она с легким взволнованным смехом. — Но дома так скучно и печально сейчас, и мне так все там надоело.

— Кроме того, идет Рождество, — сказал он беспечно.

— Я бы хотел приехать в Чанктонбридж и пожелать тебе веселого Рождества.

— Вы хотели бы - в самом деле? — спросила она, затаив дыхание. Ее глаза вспыхнули от счастья, но она боялась верить ему: не шутит ли он над ней?

Чартер обнял ее обеими руками — легко пока что — и с улыбкой посмотрел в ее ясные вопрошающие глаза. В Жонкиль было что-то чистое и привлекательное, что-то притягивало его, хотя ее никак нельзя было отнести к тому типу женщин, которые вызвали в нем страсть. Она была ребенком... но довольно занимательный, прелестный ребенок... не так глупа, как он сначала подумал. Несколько раз за вечер он был поражен решительностью, силой, которая скрывалась за всей ее робостью, за неловкостью неопытной юности.

Ему не составляло труда очаровать ее в этот короткий вечер. Однако он понял, что при необходимости она может постоять за себя, даст смелый бой, если кто-то рассердит ее или надоест ей.

Но сегодня не было боя. Она воплощала в себе нежную, пылкую, юную женственность, уступающую его нажиму. Он знал, что она горит желанием снова увидеться с ним.

Внезапно он привлек ее к себе.

— Ты прелесть, и ты обязательно позволишь мне приезжать и видеть тебя. Это будет нашей прекрасной тайной... пока... а?

Она не отвечала. Прикосновение его руки, биение его сердца у ее груди, первый зов страсти и пола были для нее так новы, сладостны, пугающи и непреодолимы; она чувствовала их пьянящее воздействие. Что толку в суровом воспитании... занятии спортом... в незнании мужчин и света? Жонкиль Риверс была истинная женщина, и она полностью отзывалась на обаяние этого человека, первого, кто заключил ее в свои объятия.

Она почувствовала, как его губы слегка коснулись ее губ, волна острого, почти болезненного наслаждения как огонь пробежала по ее жилам. Его губы теснее прижались к ее губам. Страсть и нежность завладели Чартером, когда он почувствовал сладость ее губ.

Она безропотно лежала в его объятиях, ее веки были

прикрыты, лицо бледно от глубины переживаний.

Когда долгий поцелуй закончился, Чартер рассмеялся и слегка оттолкнул ее от себя.

— Не надо было этого делать. Я ужасно веду себя. Прости меня, пожалуйста, дорогая, — сказал он. — Я думаю, что сам дух Рождества... или ты... ударили мне в голову. Ты простишь меня?

Она готова была простить ему все. Его поцелуй был откровением для нее, чудом, которое открыло ей существование нового мира. Роланд разговаривал с ней, стоя очень близко, но не целовал ее больше. Он видел, что она борется с охватившими ее чувствами, и ощущал себя жуликом; он хотел быть нежным и заботливым в отношениях с ней. Взяв ее руки в свои, он заговорил с нарочитой непринужденностью:

— Ну, дитя, давай договоримся о моем приезде в Чанктонбридж. Как мне сообщить тебе, когда я приеду?

— Вы можете написать, — сказала Жонкиль.

— Бабушка интересуется твоей корреспонденцией?

— Она не вскрывает мои письма, если вы это имеете в виду. Между прочим, я уже взрослая, — сказала она.

— Никто бы не подумал этого!

— Ну вот еще! — рассмеялась она смущенно и высвободила свои пальцы. Первая горячая волна страсти прошла, и хотя трепет остался, она внезапно почувствовала неловкость и некоторый испуг, ведь в конце концов человек этот ей почти не знаком. Бабушка сказала бы, что она ведет себя возмутительно, безответственно!

Роланд понял ее беспокойство.

— Ну, дорогая, не думай, что ты совершила что-то дурное, — сказал он мягко. — Потому что это не так.

— Не так?

— Конечно, дорогая. Ты воспитывалась в викторианском духе, но сейчас 1927-й год, Жонкиль, и любовь не является преступлением.

— Нет, — сказала она серьезно. — Я согласна с этим. Конечно, я читала... я знаю, что современные девушки позволяют себе многое. Только вы - вы просто сбили меня с ног, Роланд.

— Не переживай из-за этого, девочка.

— Хорошо, не буду, — сказала она

Он понял, как она отважна. То, что происходило с ней, шло вразрез со всеми теми условностями, которые ее учили соблюдать; она просто свободно и естественно отвечала на зов любви. Он нежно положил руку ей на плечо.

— Мне неловко просить тебя обманывать бабушку, но ты говоришь, что она не разрешит тебе пригласить меня в Риверс Корт до тех пор, пока мистер Риверс не вернется домой, но я не могу ждать до тех пор; пожалуйста, позволь мне видеть тебя тайно.

— Хорошо, — сказала она безрассудно.

— Я пошлю тебе записку, напишу, когда я приеду. Где мы увидимся?

Жонкиль задумалась. Ее сердце тяжело билось, она была ошеломлена внезапностью, с которой окунулась в эту любовь. В душе ее, помимо всего, возникла и гордость своим новым состоянием: она теперь вовсе не старомодна! Ей было жаль, что нельзя рассказать обо всем миссис Оукли, предприимчивости которой была очень обязана. Но Роланд не хотел, чтобы она делилась с кем-либо их "восхитительной" тайной.

— Есть одно причудливое место с небольшой курительной комнатой, где мы могли бы встретиться, недалеко от Риверс Корта, — сказала она.

— Ты имеешь в виду "Пастуха и собаку"? — название сорвалось с языка прежде, чем он одумался.

— Вы знаете его? — спросила она с удивлением.

— Ну да, я бывал в Чанктонбридже, — ответил он поспешно. — Хорошо, детка, увидимся в "Пастухе и собаке". Теперь тебе надо идти к миссис Оукли. Я слышу, что в зале уже играют "Боже, спаси короля". Помни: никому ни слова.

— Ни слова... — повторила Жонкиль.

— До свидания, дорогая, — он приложил ее ладонь к своим губам, и у нее перехватило дыхание от волнения, которое вызвал в ней этот легкий поцелуй. Через несколько минут она покинула дом Поллингтонов и уехала сквозь холодный зимний рассвет на квартиру миссис Оукли.

Глава 3

Через день после бала у Поллингтонов Жонкиль вернулась в Риверс Корт без Дороти Оукли и ее мужа, которые попрощались с ней на вокзале "Виктория".

Роулинсон, шофер отца, встретил ее на вокзале Чанктонбриджа в "даймлере", на котором мистер Риверс ездил уже несколько лет. Жонкиль сидела в автомобиле, глядя на знакомый пейзаж и понимая, что уехала из Чанктонбриджа ребенком, а возвращается молодой женщиной - совсем другим человеком, имеющим мало общего с терпеливой, послушной девочкой, которой всегда руководили и управляли приемный отец и бабушка.

С тех пор, как она проснулась этим утром на квартире Оукли и вспомнила Роланда Чартера и ее внезапно вспыхнувшую любовь к нему, она была в состоянии приглушенного возбуждения. Как ей хотелось знать, собирается ли он все еще видеть ее, ухаживать за ней! Что он чувствовал, когда проснулся сегодня утром? Не приснилось ли ей все это?

Сейчас, вдали от блеска столь современного Лондона, вернувшись в Чанктонбридж, эту самую старую в Суссексе, застывшую в своей исторической эпохе деревню, возбуждение Жонкиль поутихло, она почувствовала себя подавленной и - виноватой. Она теперь не была прежней Жонкиль. Она была новым существом: влюбленной женщиной. Мысль о Роланде и его поцелуях мучила ее. Она возвращалась домой с предельным нежеланием, страшилась пронизательных глаз бабушки, страшилась прежней размеренной, монотонной жизни, сплетенной из серых нитей и не оживленной ни единым ярким штрихом.

Она была счастлива до тех пор, пока оставалась в неведении о том, какой может быть жизнь. Но теперь пленка упала с ее глаз. Она поняла красоту яркого цвета, помнила живой восторг, который испытала от соприкосновения с ним. У нее не хватало духа радоваться возвращению в серое существование в Риверс Корте. И поэтому она чувствовала, что как бы совершила "предательство" по отношению к его обитателям, ощущала себя ужасно виноватой. С дру-

ей стороны, причиной ее подавленности был страх: а вдруг Рональд Чартер развлекался за ее счет, и вдруг она никогда больше не увидит его и не получит от него никаких вестей? Это было бы так унижительно.

Когда автомобиль завернул на обширный участок Риверс Корта, Жонкиль прижала руки в перчатках к щекам и молилась, чтобы бабушка не заметила краску, которая будет заливать ее лицо каждый раз, когда она будет мысленно представлять себе Роланда и прошлый вечер.

Риверс Корт, наполовину скрытый от дороги деревьями, был прелестный старый дом, окруженный садом, перипетия королевы Анны. Сейчас, в середине зимы, сад был скуден и однообразен, а газоны размокли после многих дней непрерывного дождя. Во всем сквозило запустение, которое сегодня показалось ей особенно угнетающим, хотя она прожила здесь много зим и никогда прежде не сетовала на скуку. Даже холмы вдали, где она так любила бродить, создавали теперь другое впечатление: затерянный в них Риверс Корт напоминал тюрьму. Она попыталась высмеять себя. Зачем смотреть так мрачно на все только потому, что она была полной идиоткой и с первой же встречи влюбилась в Роланда Чартера? И Риверс Корт вовсе не оторван от мира. Брайтон всего в десяти милях. Владения семьи Оукли примыкают к Риверс Карту. Мистер и миссис Оукли ее друзья. Дороти очень ловко вошла в доверие к бабушке, а брат Фрэнка Оукли, очень приятный молодой человек, часто заходит летом, чтобы поиграть в теннис или поболтать после обеда. У нее были Оукли... в конце концов, они связывали ее с миром, по которому молодое женское сердце Жонкиль так естественно томилось; они связывали ее с Роландом.

Она постаралась отогнать свое уныние, и когда они подъехали к дому, выскочила из автомобиля, вбежала в дом и весело поздоровалась с бабушкой.

— Как ты себя чувствуешь, бабушка?

— Очень хорошо, спасибо, моя дорогая. — ответила миссис Риверс. — А ты довольна поездкой?

Жонкиль, поцеловав бабушку, отвернулась и стала снимать пальто и шляпку. Она не могла вымолвить, как сильно ей понравилась эта поездка.

— Да, бабушка.

— Ты познакомилась с приятными людьми?

— Да, с очень приятными.

— Снеси свои вещи наверх, дорогая, и спускайся. Чай уже готов.

Жонкиль была рада укрыться в своей спальне, ей было тяжело отвечать на все эти вопросы. Спальня была в западном крыле дома. Просторная, довольно приятная комната с камином была обставлена со спартанской суровостью, которую миссис Риверс одобряла: потемневший гарнитур красного дерева, старомодная тяжелая кровать, застеленная покрывалом с оборочками, ситцевые занавески в тон покрывала и черная каминная решетка, полускрытая экраном из белой бумаги — все придавало комнате мрачный и холодный вид.

Жонкиль, со своей врожденной любовью к изящным, красивым вещам, к цветам, солнечному свету, всему, что украшает жизнь, старалась оживить суровость своего жилья любимыми книгами и картинами, но все равно атмосфера в целом была угрюмая и безрадостная, и ейчас, когда она вошла в спальню с чемоданом в руках, она была просто подавлена мрачным видом комнаты.

Вымыв руки и причесав свои темные волосы, Жонкиль подошла к окну и несколько мгновений смотрела в сад. Снова начинался дождь, и фиолетовый сумрак размывал ландшафт. Нет, это был не только сумрак... еще что-то... слезы, крупные слезы вдруг наполнили глаза Жонкиль. Она вытерла их, удивляясь себе.

— Я не ребенок... Мне двадцать один год... что это со мной? — спрашивала она себя сердито.

Ответ последовал незамедлительно. Роланд, и все, что стояло за Роландом — волнение, теплота, веселье и красота того вечера.

Удар гонга разнесся по всему дому. Жонкиль вздохнула и отвернулась от окна, с силой прижав носовой платок к глазам. Звук гонга напомнил ей, как далеко она была от волшебства той ночи. В этом доме Питерс, старый дворецкий, звонил в гонг четыре раза в день, созывая обитателей Риверс Корта к столу на завтрак, обед, чай и ужин с неизменной пунктуальностью, на которой настаивала миссис

Риверс.

Жонкиль медленно спустилась в гостиную, которая казалась ей ужасной: тяжелые диваны и стулья, обитые розовым гобеленом, с кружевными салфеточками на спинках, громадные картины, изображающие зверей и мертвенные цветы, в резных золоченых рамах, дорогие, тяжелые портьеры, скрывающие всю прелесть окон времен королевы Анны. Но миссис Риверс считала свою гостиную красивой и нарядной, и действительно, в дни ее молодости это была самая пышная гостиная в округе.

Она сидела у камина, разливая чай из большого серебряного чайника времен короля Георга. На чайнике, как и на всем фамильном серебре, был герб Риверсов. Жонкиль, чувствуя себя разбитой и несчастной, примостилась на подушечку кресла напротив ее.

— Мне кажется, дорогая, что тебе не очень удобно, — сказала миссис Риверс. — Я не могу понять, почему вы, современные девушки, всегда так неуклюже сидите. Прошу тебя, любовь моя, сядь на стул нормально. Места достаточно.

Жонкиль послушно пересела на стул. Она даже завидовала тому достоинству, с которым держалась бабушка. прямо ее спины, чопорности всей ее маленькой усохшей фигурки, сидящей, как было принято в эпоху королевы Виктории, на краешке кресла, которое вовсе и не должно было быть удобным. В черном атласном платье с безупречным белым воротничком и манжетами, в маленьком чепчике с оборочкой на голове миссис Риверс была похожа на свою гостиную - импозантная, красивая, но совершенно устаревшая. У нее были красивые, белые как снег волосы, морщинистые пергаментные щеки и птичий профиль, твердый рот и жесткий подбородок. У Генри, ее сына, такие же тонкие губы, такой же жесткий подбородок. Но если взгляд его глаз обычно холоден и тяжел, ее глаза, голубые и все еще ясные за стеклами очков в золотой оправе, были украшением ее лица. В минуты нежности глаза Генриетты Риверс были прекрасны, как в молодости. Эти минуты, однако, случались крайне редко. Она принадлежала к старой школе, приверженцы которой считали своим долгом подавлять в себе всякие глупые человеческие слабости и являть

миру только спартанские добродетели.

Она, конечно, любила эту девочку, Жонкиль, которую ее сын удочерил. В какой-то степени Жонкиль помогла заполнить ту пустоту, которая осталась после Роланда. Но его, своего красивого безрассудного молодого племянника, она не забыла и продолжала любить. Она научилась не говорить с Генри о Роланде, не пытаться разузнать что-либо о нем. Но память о нем жила в ее сердце.

— Ты так ничего и не рассказала мне о празднике в Лондоне, моя дорогая. С кем ты танцевала? Ты помнишь, что я запретила тебе танцевать чарльстон? Я надеюсь, ты не забыла об этом. Я читала о нем в газете и считаю, что это самый возмутительный и вульгарный танец.

Губы Жонкиль дрогнули в улыбке. Чарльстон! Этот славный толстяк Гарри Поллингтон пытался показать ей движения чарльстона, но она притворилась, что у нее ничего не получается, хотя горела желанием научиться танцевать этот "возмутительный" танец. Могла ли она, взрослая девушка, сказать: "Мне не разрешают", как будто она ребенок? Бабушка была очень требовательным человеком. Она придерживалась старых взглядов и не понимала, что сегодня молодые женщины двадцати одного года делают все, что хотят.

— Нет, бабушка, я не танцевала чарльстон, — сказала она сдержанно. Роланд не приглашал ее на чарльстон. Он протанцевал с ней два фокстрота и два вальса.

— Среди твоих партнеров были симпатичные молодые люди? — спросила бабушка.

— Да, — ответила Жонкиль, и через мгновение была за много миль от Риверс Корта. Она была в доме Поллингтонов, и рука Роланда обнимала ее за талию, живые голубые глаза Роланда проникали ей в самое сердце.

— Дорогая, я надеюсь, ты не простудилась в поезде? — донесся до нее вопрос миссис Риверс.

— Нет. Почему ты спрашиваешь, бабушка?

— У тебя горит лицо.

— О, — прошептала Жонкиль. Затем поспешно, виновато: — Можно еще чаю? Я чувствую себя хорошо, только жарко. Здесь жарко.

— Как странно, — сказала пожилая леди. — Я бы ска-

зала, что сегодня здесь очень холодно. Я только что приказала Питерсу, чтобы он принес еще поленьев.

Жонкиль рассмеялась. Миссис Риверс посмотрела на девушку сквозь очки.

— Что-нибудь смешное, дорогая?

— Я... о, ничего, — пробормотала Жонкиль.

— Я, к своему огорчению, должна сказать, что ты вернулась из своего путешествия не с очень хорошими манерами, Жонкиль. Неприлично смеяться, если ты не можешь объяснить причину смеха.

Жонкиль почувствовала полную безнадежность. Бедная старая бабушка раздражала ее сегодня, а Риверс Корт безмерно угнетал. Она даже пожалела, что отец еще не вернулся. Ее присмный отец был суровым человеком, но к ней он всегда был добр. Иногда он позволял себе отвлечься от любимых мотыльков и играл с Жонкиль в шахматы. Она любила шахматы. Если бы ей было с кем играть в эти дни, это отвлекло бы ее мысли от Роланда. Но сидеть здесь весь вечер, обмениваться любезностями с бабушкой — как вынести это?

Она глубоко вздохнула. Глаза ее остановились на быстрых красных язычках пламени, которые жадно лизали дубовые поленья. Она ощутила себя за тысячу миль от Роланда. Сдержит ли он слово и придет ли в Чанктонбридж повидаться с ней... придет ли?

Прошли три самых мучительных, самых тяжелых дня в жизни Жонкиль. Ни слова от Роланда. Она каждый день ждала почту, с горящими от нетерпения и надежды щеками бежала по дороге навстречу велосипеду почтальона. Но письма не было. Она начинала думать, что он никогда не собирался ни писать, ни приезжать. Да, только сентиментальная маленькая дурочка могла поверить ему, довести себя почти до сумасшествия из-за человека, которого видела всего несколько часов.

Конечно, беда была в том, что Жонкиль совсем не о чем было больше думать и не с кем было поговорить. Ес друг, Билли Оукли, был с тетушкой в Швейцарии, где он занимался зимним спортом. У нее никого не было, кроме бабушки, и бабушка почти свела ее с ума в течение этих нескольких дней, когда она ожидала письма от Роланда.

Бабушка стала замечать беспокойство Жонкиль, отсутствие аппетита и решила, что девушка больна, собралась даже послать ее, если она не поправится, в Висбаден к отцу. Сама эта мысль приводила Жонкиль в ужас. Быть отправленной в Висбаден, где Роланд никогда не сможет найти ее, было бы ужасно! Она изо всех сил старалась есть под проницательным взглядом бабушки, казаться нормальной и довольной.

Пришел четвертый день ожидания; еще одно огорчение - письмо от мистера Риверса, в котором тот сообщал, что здоровье не позволяет ему вернуться в Англию на Рождество. Это значило, что в Рождество Жонкиль остается совсем одна с бабушкой. Никакого веселья, никаких танцев, ничего! Семья Оукли в Лондоне. Из Чанктонбриджа никто обычно не приходил в Риверс Корт, кроме престарелой леди, сверстницы бабушки, викария и его жены.

Жонкиль почувствовала горечь. "Роланд забыл меня, — подумала она. — Я была душой. Мне надо забыть его".

И, наконец, письмо, которого она так ждала, из-за которого тайно плакала по ночам, когда бабушка не могла видеть ее слез, пришло. Она прочитала его в саду, волнуясь и чувствуя себя виноватой.

" Дорогая маленькая Жонкиль!

Я приеду в Чанктонбридж 24-го. Буду в "Пастухе и собаке" в 11 часов. Приходи туда или, если не сможешь, оставь записку. Но постарайся...

С нетерпением,

Р. "

Очень кратким, очень холодным и сжатым показалось Жонкиль это первое письмо от ее первого возлюбленного. Она разорвала его на мелкие кусочки и выбросила их на ветер. Двадцать четвертого! Завтра. Завтра, в Сочельник... Роланд не забыл, специально приедет в Чанктонбридж, чтобы встретиться с ней.

Весь мир стал светлее для Жонкиль. В прекрасном настроении она пошла в дом, где бабушка ждала ее к обеду.

— Я рада видеть, что у тебя сегодня прекрасный аппе-

тит, моя дорогая, — заметила миссис Риверс в конце обеда. — Я смогу успокоить отца, когда буду писать ему сегодня вечером.

Жонкиль почувствовала себя предательницей по отношению к отцу, к бабушке, ко всем нормам своего воспитания. Но она была невероятно счастлива. Завтра придет Роланд! Во что бы то ни стало она должна ускользнуть из дома утром до одиннадцати и увидеть его. Как она хотела рассказать миссис Риверс все о "самом привлекательном мужчине в Лондоне", поскольку ненавидела обман в любом виде. Но Роланд просил ее хранить тайну, поэтому она, конечно, ничего не скажет бабушке, и вообще никому.

Глава 4

Победа Роланда Чартера над сердцем Жонкиль была более быстрой и более полной, чем он мог надеяться.

Он приехал в Чанктонбридж утром в Сочельник. Всю ночь перед этим шел снег. Холмы Суссекса были покрыты белым саваном, было ужасно холодно. Щеки Жонкиль горели от быстрой ходьбы и от встречного ветра. Но когда она увидела знакомую высокую фигуру возле "Пастуха и собаки", лицо ее запылало еще ярче. Он улыбнулся и снял шляпу. Старая шинель поверх серого твидового костюма делала его выше и стройней.

— Вы все-таки приехали, — еле смогла вымолвить она; от волнения у нее перехватило дыхание.

Он взял обе руки девушки и повлек ее в теплоту гостиной.

— Конечно, — сказал он. — Я же говорил тебе, что приеду. Как дела?

— Очень хорошо, спасибо, — ответила Жонкиль. Она стояла рядом с ним в небольшой, освещенной пламенем каминна комнате. Они были совершенно одни; она молчала в смущении, ожидая его слов и думая, что сказала бы миссис Риверс, если бы знала, что ее внучка тайно встречается с мужчиной.

Чартер тоже молчал. Он серьезно смотрел в лицо Жон-

киль. Она была действительно прелестна с этими горящими щеками, со снегом, припорошившим ее маленькую серую фетровую шляпку на темных стриженных волосах. Ему понравился ее твидовый, хорошо сшитый костюм, грубые башмачки... такие маленькие смешные башмачки. Господи, какие трогательные, крохотные иожки были у этого ребенка.

За время, прошедшее с тех пор, как они расстались, Чартер укрепился в своем намерении - дал себе клятву провести игру без колебания. Он собирался жениться на Жонкиль Риверс и таким образом отомстить за нанесенную ему обиду. Он не позволит, чтобы ее молодость и ее доверие к нему тревожили его совесть. И все же, когда он увидел ее снова и вспомнил свежесть ее губ, он нахмурился, и легкая краска проступила сквозь загар на его лице.

"Черт возьми, я не позволю себе влюбляться, -- размышлял он. -- это было бы губительно. Я не смогу обмануть ее, не смогу жениться на ней, если я влюблюсь."

И Чартер неторопливо начал осуществлять план, который наметил. Он взял маленькие ручки Жонкиль, стащил с них меховые рукавицы и поцеловал ее ладони. Она побледнела от волнения, когда почувствовала его твердые, холодные губы на своих руках.

— Ну, Жонкиль, — сказал он ласкающим голосом. — Ты меня так же любишь, как в Лондоне?

Любовь! Он не спрашивал о ее любви там, в Лондоне. Он только поцеловал ее так, как будто любил. Испуганными глазами она взглянула на красивое, циничное лицо Роланда.

— Вы хотите, чтобы я любила вас? — пробормотала она, заикаясь.

— Конечно. Зачем бы еще я ехал сюда?

— О, — еле могла она вымолвить, и замолчала. Она не знала, что сказать. Но ее пальцы дрожали в его руке. С чувством жалости, близким к нежности, Чартер обнял ее. Как просто было убедить ее в своей любви... Играть на ее чувствах так же легко, как музыканту нажимать на клавиши пианино.

— Глупый ребенок, — прошептал он. — Конечно, я хочу, чтобы ты любила меня. Разве ты не знаешь, что я влю-

бился в тебя в тот самый вечер?

Он постарался произнести эту ложь без тени стыда, но вспыхнул, когда увидел сияние ее глаз, когда ее руки обхватили его шею.

— О... как я счастлива... счастлива, потому что мне кажется, что я тоже люблю тебя!

Он прижал ее голову к своему плечу, сняв шляпку, и мрачно смотрел в огонь. Черт возьми, почему ему так трудно, несмотря на всю свою жесткость и весь цинизм, обманывать этого ребенка? Ее простодушное признание в любви взволновало его больше, чем он ожидал. Он быстро поцеловал ее... только легкий, короткий поцелуй на этот раз. Он чувствовал себя мерзавцем. Он не мог отвечать на ее невинную страсть измененным желанием мужчины. Он собирался жениться на ней, рассчитаться со своим дядей... Ну, тогда надо побыстрее заканчивать всю эту игру.

Он усадил ее на диван (одно из тех чудовищных сооружений, набитых конским волосом, которое является неотъемлемой частью буфета при гостинице) и сел рядом с ней, не выпуская ее рук.

— Послушай, Жонкиль, — сказал он, — мы должны смотреть на вещи серьезно. Ты знаешь, мы ведем себя довольно глупо, и даже безрассудно.

— Я знаю, — рассмеялась она нервно. — Мы только что встретились... Все это странно, но у меня такое чувство, что я знаю тебя всю жизнь, что все это было предопределено.

Чартер плотно сжал рот. Слава Богу, малышка не собирается испытывать его терпение излишними сантиментами, подумал он. И продолжал говорить добрым, благоразумным голосом:

— Да. Мы только что познакомились. Но сотни людей влюбляются с первого взгляда. Так же, как и мы.

— Да. — сказала она и приложила руку к своей горячей щеке.

— Ты ничего не сказала своей бабушке?

— Нет, я же обещала, что не скажу. После того, как я нобывала в Лондоне, бабушка стала более придиричивой и строгой, как будто она жалеет, что разрешила миссис Оукли взять меня на бал к Поллингтонам.

Чартер мрачно кивнул. Уж он-то хорошо знал ее бабушку: разве не была она его бабушкой - его настоящей бабушкой, и разве не жил он под ее строгим надзором в Риверс Корте?

— Мне так неприятно обманывать их, — услышал он слова Жонкиль, сопровождаемые вздохом. — Конечно, я обманываю и отца. Он бы очень рассердился, если бы узнал, что я встречаюсь с тобой - с человеком, которого он не знает.

Губы Чартера скривились. Бедняжка, что она сказала бы, если бы знала, как хорошо ее отец знает его...

— Хорошо, малышка, так уж получается, что же делать, — сказал он, водя по ее руке указательным пальцем. — Если мы хотим быть возлюбленными, нам придется встречаться тайно, не так ли?

— Думаю, что так, — ответила она печально. И вдруг, стремительно взмахнув ресницами, она добавила: — Это нехорошо? Ты думаешь, это будет нехорошо?

Он покраснел и отвел глаза в сторону:

— Нет, — сказал он. — Я хочу сказать — нет, если ты выйдешь за меня замуж. Ты знаешь, я хочу, чтобы мы поженились, а ты, Жонкиль?

— Выйти за тебя замуж? — у нее перехватило дыхание. — О, Роланд!

— Ну, — спросил он, — хочешь ты выйти за меня замуж? Это было бы... прекрасно, правда?

Жонкиль очень крепко сжала его руки. Ее глаза сверкали, щеки были в огне. Да, это было бы прекрасно - выйти замуж. Замужество для нее означало бы свободу, а также любовь, общество этого человека, который совершенно покорила ее. Она не была ни глупая, ни пустоголовая - просто молодая, очень эмоциональная девушка, прежняя жизнь которой протекала слишком скучно и аскетично. Ее внезапная страсть к Роланду Чартеру выявила весь романтизм и бесстрашие ее натуры. Но выйти замуж за человека, с которым она всего два раза в жизни разговаривала... Это было слишком.

— Я не думаю, что смогу выйти замуж за тебя, — сказала она.

Он нахмурился. Конечно, рассуждал он, было глупо

рассчитывать, что даже он, прирожденный сердцеед, сможет уговорить ее на столь стремительный брак. Нужно быть осторожным, чтобы не спугнуть ее, не вызвать антагонизма.

— Почему ты не можешь выйти за меня замуж, любимая? — спросил он.

— Еще слишком рано говорить о замужестве. Я должна знать, что скажет отец, когда он вернется.

— Отец, — сказал Роланд, криво улыбнувшись, — несомненно, проявит твердость и запретит тебе встречаться со мной. Я — бедный человек, у меня мало денег и нет почти никаких перспектив. Он скажет, что я женюсь ради денег.

— Возможно, так и будет, — согласилась Жонкиль грустно.

— Кстати, об этом. Откуда ты знаешь, что я уговариваю выйти тебя замуж не ради твоих денег? Все знают, что ты богатая наследница. Я тоже это знаю.

— Да, но почему-то я не думаю, что ты такой. Роланд, — сказала она. — И если на то пошло, допустим, что я .. и все же убегу с тобой...

— Ну?

— Отец может лишиться меня наследства и выгнать меня, как он выгнал своего племянника. Тогда я буду бедная.

Роланд обдумал то, что она сказала. Она была права. Генри Риверс был твердым человеком. Он вполне мог отказать ей простить Жонкиль или ее мужа. Примирится ли он когда-либо с тем, что она вышла замуж за испорченного, беспутного племянника? Ну, несважно. Все равно это будет отлично возмездие.

А Жонкиль? Вполне возможно, что, когда она узнает правду, невинное обожание в ее глазах сменится на ненависть и презрение. Почему-то эта мысль беспокоила Чартера. Жонкиль была очень мила. Будет жаль, если она изменит свое отношение к нему.

— Роланд, — услышал он ее робкий голос. — Ты не сердись на меня за то, что я не могу сразу выйти за тебя замуж?

— Сержусь? Глупышка, конечно, нет, — он теснее прижал ее к себе и приложил губы к ее волосам. — Видишь ли, мне хочется видеть тебя, но я не могу, не смею приблизить-

ся к Риверс Карту: твоя бабушка может выпроводить меня! Я и решил сразу предложить тебе выйти за меня замуж. Если уж мы поженимся, твоя семья будет вынуждена сказать "да", не так ли?

Жанкиль с сомнением пожала плечами:

— Отец — не тот человек, которого можно принудить к чему-то, — сказала она.

— Возможно, ты права, — сказал Роланд печально. Он встал и начал быстро ходить взад и вперед по комнате. Она грустно смотрела на него. Какой у него суровый вид! Она боялась, что разочаровала его. Но, конечно, ни один мужчина не может ожидать, что девушка согласится выйти за него замуж после двух дней знакомства.

Он остановился перед ней. Жесткое выражение его губ смягчилось, когда он увидел ее грустный взгляд.

— Ты предель! — сказал он. — Не смотри так. Клянусь, я не сержусь. Я не буду торопить тебя, детка. Оставим все как есть. Подумай.

Она встала и положила ладонь на его руку.

— Можно, Роланд? Я многим обязана отцу и бабушке. Не хочется обманывать их.

— Я не столь честен, как ты, дорогая, — сказал он, коротко рассмеявшись. — Однако мне нравится твоя преданность тем, кто заботился о тебе. Но мне-то, мне ты очень нужна. Вот в чем беда.

Сердце ее забило сильнее от его слов. Она нужна ему, как это прекрасно!.. И он такой замечательный!.. Ничто не имело значения, ничто, когда он обнимал и целовал ее.

— Я схожу с ума, Роланд, — прошептала она, уткнувшись в его плечо. — Я не должна, нельзя так!.. Роланд, позволь мне все обдумать. Приезжай снова поскорей. Тогда я дам тебе ответ.

Он не смел торопить ее. Но вдруг она узнает что-нибудь о нем? Вдруг упомянет его имя и провалит все дело? Однако приходилось ждать.

— Хорошо, дорогая, — сказал он. — Только поклянись, что ты ни слова не скажешь дома и не расстроишь все.

— Я не скажу бабушке, — пообещала она. — А отец в отъезде.

— Поклянись также, что, когда я приеду сюда в следу-

ющий раз, ты скажешь мне, что согласна, что выйдешь за меня замуж и представишь меня своей семье как мужа.

Она затрепетала в его объятиях.

— Все это так ни на что не похоже, так странно...

— Да, дорогая. Но это жизнь! Лучшее в ней — безоглядность, поступки, которые человек совершает, не думая о последствиях.

— Это так отличается от того, чему учила меня бабушка...

— Ты любишь меня? — прервал он ее.

— Люблю, конечно люблю, Роланд.

Он поцеловал ей веки и маленькую ямку на подбородке

— Ты восхитительна, Жонкиль. Если ты не пообещаешь мне сразу же после Рождества выйти за меня замуж, я снова уеду в Африку.

— Нет! Пожалуйста, не делай этого, Роланд. Я только нашла тебя.

— Тогда скажи, что ты выйдешь за меня замуж.

— Я подумаю. Это было бы удивительно хорошо: свобода, с тобой... Мне так надоел Риверс Корт.

— Я сделаю тебя счастливой, Жонкиль, — прошептал он, прижавшись губами к ее уху. И он не лгал. Он чувствовал необычайную нежность к этой девочке.

Он вернулся назад в Лондон в некотором смятении, не понимая, что с ним происходит. А она возвратилась в Риверс Корт еще более ошеломленная и пораженная. Он хочет жениться на ней — сейчас же. Он снова приедет в Чанктонбридж двадцать седьмого декабря, чтобы узнать ответ. А Рождество проведет с Микки и Гарри Поллингтонами в Лондоне. Он сказал, что будет думать о ней постоянно, что вернется в Африку с разбитым сердцем, если она отвергнет его.

С этого часа Жонкиль не знала покоя. Она была безмерно счастлива... и ужасно несчастна. Ей хотелось выйти замуж за Роланда, однако не хватало духу действовать за спиной отца, бабушки, нанести им такой удар. С другой стороны, если она откроет им все наперед, они могут разлучить ее с Роландом, запретить им видеться. Мистер Риверс не часто обсуждал ее будущее, но когда разговор заходил

об этом, то выражал надежду, что она выйдет замуж за человека со средствами, с положением.

Рождество с бабушкой было невыносимо скучным и одиноким. Рождественский ужин, подаваемый торжественным и невозмутимым Питерсом в большой мрачной гостиной, был бесконечным и беспредельно тоскливым. Жонкиль постоянно думала о Роланде, представляла, как он в это время у Поллингтонов сидит за праздничным столом рядом с какой-нибудь хорошенькой девушкой, с улыбкой смотрит на нее своим неотразимым взглядом, флиртует с ней. Жонкиль испытывала новое и мучительное чувство — ревность. Она хотела, чтобы все его улыбки предназначались только ей!

Когда настал условленный день, ее нервы были напряжены до предела. Она разрывалась между желанием сделать все, как хочет Роланд, и чувством долга по отношению к отцу и бабушке.

Двадцать седьмого декабря Роланд Чартер снова приехал в Чаиктонбридж и встретился с ней в той же гостинице. На этот раз Жонкиль не была так робка, но ее состояние было близко к истерике.

— Я не могу жить в Риверс Корте без тебя, Роланд, не видя тебя. — сказала она, — мне невыносима мысль, что ты можешь уехать, вернуться в Африку.

И тут он понял, что не брал в расчет ее чувства. Понял, какую ужасную боль он причинил ей, насколько смутил ее покой, нарушил всю ее жизнь. Однако не мог не ликовать, увидев в ее глазах, почувствовав в ее словах признаки капитуляции.

— Моя дорогая, — сказал он. — Я не поеду в Африку, если ты дашь ответ, который я жду.

— Ты хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж — немедленно?

— Да.

Она тяжело вздохнула, спрятав лицо на его груди; сердце ее бешено колотилось. Бабушка стала что-то подозревать, разглядела круги у нее под глазами. Сегодня утром она решительно объявила, что написала в Висбаден и спросила мистера Риверса, не хочет ли тот, чтобы его приемная дочь приехала к нему.

— Отец может в любую минуту вызвать меня в Висбаден телеграммой. Что мне тогда делать?

— Не дрожи так, детка. Доверься мне, — сказал он. — Приезжай в Лондон. Найди какой-нибудь предлог, чтобы выбраться. Скажи, допустим, что тебе надо повидаться с миссис Оукли. А я все улажу: кольцо, регистрация. Не волнуйся.

Она задрожала еще сильнее и посмотрела на него.

— Я должна это сделать? Смогу ли я?

— Если ты в самом деле любишь меня, дорогая.

— Я так люблю тебя, я не могу расстаться с тобой... Роланд, наверно, это ужасно, но я сделаю так... Я приеду. И с этим нельзя затягивать, так как отец может прислать за мной.

Он прижал ее к себе.

— Ты прелесть, ты абсолютная прелесть, ты молодец, смелый ребенок, Жонкиль. Я буду любить тебя всегда, я клянусь тебе.

Он верил тому, что говорил. Он любил ее. В этот момент он не почувствовал низменного триумфа победителя, не думал о своей мести. Ему просто нужна была Жонкиль, и она была его, его навсегда!

Он прижался своей гладкой загорелой щекой к ее нежной щеке.

— Бог свидетель, ты никогда не пожалеешь об этом, моя дорогая детка, — произнес он с чувством.

— Никогда, — повторила она смело.

Их губы встретились. Именно в это мгновение Роланд Чартер по-настоящему влюбился в Жонкиль.

Глава 5

Тридцатого декабря Жонкиль и Роланд поженились.

В то утро, когда она стояла рядом с Роландом в нильной регистратуре, залитой ослепительным электрическим светом, потому что на улице было совершенно темно и стоял густой туман, она испытывала чувство необыкновенного счастья, граничащее с экстазом. Голубые глаза Роланда,

устремленные на нее с улыбкой, действовали успокаивающе; его рука очень крепко держала ее руку. И вот простое золотое кольцо уже на ее пальце и она услышала, как чиновник, регистрирующий их, поздравил ее.

— Будьте счастливы, миссис Чартер...

Миссис Чартер! Она стала женой Роланда, его женой... восхитительная, невероятная мысль.

— Пойдем, любимая, — сказал Роланд.

Такси умчало их сквозь мрак и туман к ближайшему почтовому отделению. Там он послал длинную телеграмму своему дяде в Риверс Корт, не зная о том, что тот, обеспокоенный здоровьем Жонкиль, сообщил о возвращении в Чантонбридж из Висбадена сегодня вечером.

Роланд не дал Жонкиль читать свое послание.

— Я просто сообщил твоему отцу, что ты вышла за меня замуж, что ты жива и здорова, и что мы проведем неделю медового месяца в Девоншире, прежде чем покажем ему наши безнравственные лица, — сказал он.

Жонкиль рассмеялась. Она спрятала маленький белый подбородок в пушистый меховой воротник. Чартер видел ее глаза, устремленные на него. Ее рот сложился в улыбку, к которой он начинал привыкать.

— Я ужасно волнуюсь, Роланд, — сказала она. — Что скажет отец, когда узнает... и бедная бабушка, которая думает, что я уехала повидаться с Дороти Оукли.

Роланд не ответил; он взял ее под руку и вывел из многолюдного почтового отделения снова на туманную, холодную улицу.

— У нас нет денег, но мы будем шиковать целую неделю нашего медового месяца, моя маленькая жена, — сказал он весело. — Мы возьмем такси до вокзала, прихватим наш багаж, а затем поедим на Паддингтон и — в Девоншир, подальше от копоти и сажки в тишину и чистоту деревни, да?

В такси Жонкиль, теперь миссис Чартер, подняла на него глаза:

— Ты в самом деле мой муж? — прошептала она.

— Совершенно верно, — сказал Чартер, рассмеявшись; он наклонился к ней и начал целовать ее губы с внезапной страстью; он никак не мог поверить, что влюблен в свою

собственную жену, в девушку, которую избрал как орудие мести...

Она закрыла глаза, маленькие ручки в перчатках обхватили его шею. Она была счастлива и наконец совершенно спокойна. Она смело смотрела в будущее. Но Роланд Чартер, в первый раз с тех пор, как начал эту игру, испугался.

Он мог торжествовать победу. Пока. Жонкиль была его женой. Он мог швырнуть этот факт в лицо Генри Риверса и смеяться... смеяться над его досадой и злостью. Это было славное отмщение, даже если средства, которыми он пользовался, чтобы достичь этой цели, были бесславны.

Но как быть с этим милым, нежным ребенком, который так доверчиво прижался к его плечу, чьи губы уже научились отвечать на его поцелуи? Как она отреагирует, когда узнает, почему он это сделал?

Пока такси медленно пробиралось сквозь туман к вокзалу, Чартер погружался в тревожные мысли. Перед его глазами стоял текст его телеграммы к дяде:

"Жонкиль моя жена. В течение следующей недели мы будем в отеле "Палас", Торки. Надеюсь, вы довольны таким воссоединением со своим любящим племянником Роланд Чартер."

Именно такое послание он отправил Генри Риверсу. . такую саркастическую и жизненно важную телеграмму! И, конечно, Риверс кинется в Девоншир за ними, но будет слишком поздно. Роланд вволю посмеется над бессильной яростью своего дяди. Он скажет: "Вы были суровы, нетерпимы и несправедливы — за пустяковый проступок, вы лишили меня крова и поддержки. Теперь я женился на девушке, которую вы воспитали так строго, на девушке, которая ваша наследница. И вы ничего не можете сделать".

Да, он может так сказать, может торжествовать. Но не будет ли это, в конце концов, бессмысленное торжество? Не обратится ли сладость победы в горечь, если девушка, которая стала значить для него так много, переменит свое отношение к нему и осудит его, возненавидит так же сильно, как сейчас любит? Он заслуживает ее презрения!

Чартер посмотрел на Жонкиль, на ее плакающее, взволнованное лицо, жаждущее его поцелуев, прочел доверие

в ясных молодых глазах, и горячая краска стыда залила его лицо. А в сердце зародился страх: он может потерять то, что неожиданно стало ему так дорого!

Если бы он познакомился и женился на девушке, подобной этой, обычным путем и если бы ему нечего было скрывать от нее, он мог бы найти настоящее счастье, поселиться в каком-нибудь тихом уголке, жить в безмятежной любви, которой он никогда не находил в своих похождениях. У них были бы дети, да, собственные дети. Сын, которым он гордился бы...

— Боже! — тихо сказал Чартер. — Боже, каким я был дураком. Но она не должна отвернуться от меня, когда узнает! Она должна простить меня. Я не позволю ей уйти... сейчас...

— Жонкиль, — сказал он, — моя маленькая жена! Скажи мне, что ты любишь меня! Скажи мне, что ты не позволишь, чтобы кто-то или что-то встало между нами!

Она приложила свою горячую, нежную щеку к его щеке.

— Как может что-нибудь встать между нами, Роланд? — прошептала она. — Мы муж и жена. Я поэтому и совершила это безрассудство — убежала с тобой за спиной отца и бабушки... чтобы ничто не могло разлучить нас.

Он криво улыбнулся.

— Дорогое дитя, даже женатых людей можно разлучить.

— Да, но если только они оба хотят этого.

— А, допустим, что хочет этого... только один?

Она посмотрела в его беспокойные глаза, и сказала с ноткой недоумения в голосе:

— Почему ты должен беспокоиться об этом, Роланд? Я никогда не захочу разлучаться с тобой. Я так люблю тебя. И ты не захочешь расстаться со мной, правда?

— Нет! Я никогда не захочу расстаться с тобой. — сказал он хрипло.

— Тогда никто не сможет разлучить нас. — сказала она с прелестной детской улыбкой.

Мужчина крепко закусил нижнюю губу. Он не осмеливался поведать то, что терзало его. Но в нем затеплилась надежда: может быть, она и не захочет расстаться с ним,

когда узнает правду.

" Но какого черта я перехожу мост, еще не подойдя к нему? — спрашивал он себя. — Она еще ничего не знает, и она любит меня сейчас. Не надо унывать."

Много лет он закалял свое сердце против всяких сентиментальностей. Он без оглядки флиртовал то с одной хорошенькой женщиной, то с другой - жил легко и без усилий, никогда не позволяя себе увлечься серьезно. Было невыгодно быть серьезным: это требовало слишком много душевных сил. Почему тогда он так мрачно рассматривает свое приключение с Жонкиль и делает из этого трагедию? Она милый, привлекательный ребенок, и он будет добр к ней... не клялся ли он в этом сто раз с тех пор, как решил жениться на ней. Ее любовь к нему, возможно, окажется первой влюбленностью молодой девушки и не повлечет за собой никаких трагических последствий.

Так Роланд Чартер уговаривал себя, стараясь успокоить совесть, пресечь на корню зарождающуюся любовь к Жонкиль. Любовь на час... на день... этого было достаточно... пусть будущее само заботится о себе! Возможно, Жонкиль простит его... останется с ним... не будет никакой трагедии.

Прежний безжалостный, испорченный Роланд отстоял свои права. Он высвободился из рук Жонкиль и закурил.

Она серьезно смотрела на него.

— Ты ужасно много куришь, Роланд.

— Да, -- согласился он. — Очень много. Но можно мне не быть под башмаком своей жены в первый день моей женитьбы, миссис Чартер!

Имя, голос, тон полунасмешливый, полунежный, привели ее в восторг. Она рассмеялась.

— Хорошо, мистер Чартер. Не буду пилить вас. О, Роланд, я не могу поверить, что я замужем... что мне не придется больше сидеть напротив бедного папы в его кабинете, не придется запоминать длинные головоломные названия всех мотыльков, какие только есть на свете, или изображать восторг по поводу обломка сухого папоротника и искать в энциклопедии растения, которые росли еще до Адама!

Он улыбнулся. Он отлично помнил, как его заставляли делать то же самое, как он злился из-за этих часов, прово-

днмых и кабинете дяди Генри, как часто у него было искушение разбить микроскоп вдребезги, сжечь энциклопедию. Когда ему было десять лет, он страстно увлеклся бабочками. купил себе сачок, стремился выучить их названия, узнать, где можно поймать толстоголовку, нимфалиду, маленьких голубянок.

Но дядя Генри в своем фанатическом желании искать и коллекционировать только мотыльков очень скоро убил в мальчике интерес к бабочкам, а заодно и к естествознанию в целом.

И Жонкиль прошла через это, бедняжка... Но он, Роланд Чартер, заставит ее забыть скуку Риверс Корта, он покажет ей все чудеса света, блеск и красоту жизни!

— Я думаю, что скажет отец, — пробормотала она.

Роланд промышчал что-то нечленораздельное. Жонкиль крутила вокруг пальца обручальное кольцо. Уголки ее губ дрожали.

— Боюсь, что для него это будет потрясением, ужасным потрясением, и громадным разочарованием. Он надеялся, что я буду известным ботаником, великой женщиной; а бабушка хотела сделать из меня настоящую маленькую леди.

— Какой вздор все это, — сказал Чартер. — Ты родилась на свет для того, чтобы быть естественной, любящей удовольствия девушкой, а не очкастым ботаником или повелительницей гостиных, бедный ребенок!

— Ну уж и ребенок! — сказала Жонкиль с негодованием.

— Конечно, ребенок, — настаивал Роланд. — Хотя, я думаю, у тебя были мечты о любви и замужестве. Это естественно для женщин — мечтать о любви и романтике, не так ли?

— О, нет. Масса девушек интересуются теперь только спортом и смеются над любовью.

— И в этом есть своя романтика, — сказал Роланд, — а девушкам, которые подражают мужчинам, все равно не остается ничего другого, как стать женственными, когда они встретят того, кого им суждено полюбить.

— Я должна признаться, я сразу влюбилась в тебя, — прошептала Жонкиль. — Я забыла обо всем, кроме тебя.

Он взял ее руку и рассматривал ее, улыбаясь.

— Слава Богу, что ты не стремишься подражать мужчинам, дорогая, — сказал он.

— Но боюсь, что я больше знаю о мотыльках, чем о том, как быть элегантной, — вздохнула она.

— Я люблю тебя такой, какая ты есть, совершенно естественной, — сказал он. — Хотя нам придется избавляться от пристрастия к ловле мотыльков и к другим подобным удовольствиям!

Еще несколько дней тому назад он относился к ней безразлично, ему казалось, что она слишком худая, слишком загорелая, слишком юная, чтобы быть красивой.

— Я рада, что ты пришел и научил меня любить, Роланд, — сказала она. — Это самая замечательная вещь в мире.

— Не думай слишком много об этом, дитя, — сказал он резко. — Не будь слишком сентиментальной. Смотри на вещи более трезво. Доля цинизма никогда не помешает женщине на крутых поворотах. А розовые грезы... Что ж, после них гораздо тяжелее подниматься, когда жизнь сойдет тебя с ног.

— Я не боюсь жизни, — сказала она гордо. — ты ведь защитишь меня от ее ударов, правда, Роланд?

— О, Боже, — простонал он, поддразнивая ее. — ты, я вижу, намерена во всем полагаться на меня?

— И материально тоже, — рассмеялась она в ответ. — У меня в сумочке не более десяти шиллингов.

Он стал серьезным.

— Давай не будем говорить о деньгах, — сказал он. — Это больной вопрос. У меня нет состояния. Ты привыкла к достатку, а...

— Не о чем особенно беспокоиться, — перебила она. — Отец простит меня, когда он увидит тебя и узнает, какой ты, Роланд. Тогда у меня снова будет все, что я захочу.

— Я не собираюсь жить на деньги своей жены, — сказал Роланд. — У нас будет всего одна свободная неделя. Жонкиль, затем я должен работать.

— Было бы замечательно найти какую-нибудь крохотную квартирку в Лондоне. Я бы готовила, пока ты работаешь, — сказала она весело.

— Бог мой, какая она еще ребенок. Она, кажется, еще не понимает, что она сделала, выйдя замуж за меня сегодня утром! Господи, зачем я это сделал? — думал Роланд. В этот момент он почувствовал ее пальцы на своей руке.

— Роланд, — сказала она тихим, дрожащим голосом ему на ухо, — я не боюсь ничего на свете, пока ты любишь меня.

Он крепко обнял ее.

— Я действительно люблю тебя. Жонкиль, — сказал он тоже шепотом. — Гораздо больше, чем раньше, верь мне!

— Скажи мне, это правда, что я один раз прочитала про мужчин и любовь...

— Что, дорогая?

— Байрон сказал, что любовь мужчины и жизнь женщины идут раздельно, но смысл жизни женщины — в любви...

Роланд вдруг прижал ее темную головку к своему плечу. Он не мог больше выносить вопрошающего взгляда ее тревожных, невинных глаз.

— Я не знаю, дорогая, — сказал он. — Возможно, это правда. Любовь не значит так много для мужчины, как для женщины. Я хочу сказать, мужчина не может вечно говорить о любви и целоваться, а девушка, видимо, наоборот. Но не забивай этим свою прелестную головку. Смотри-ка, мы уже на вокзале. Поправь свою шляпку, дорогая, и выскакивай поскорей, а то мы опоздаем на поезд.

Жонкиль повиновалась. Не думая больше о проблемах любви, она шла рядом с мужем через многолюдный вокзал в багажное отделение. Какие сомнения в любви и преданности Роланда могли у нее быть? Он проявил себя настоящим возлюбленным — тем нежным, поддразнивающим, восхижительным возлюбленным, перед которым не может устоять ни одна женщина. У нее еще были какие-то опасения, когда она рано утром попрощалась с бабушкой и украдкой проскользнула с чемоданчиком к выходу за спиной миссис Риверс. Обычно утром она брала корзинку и ножницы и срезала цветы, чтобы поставить их на стол. Вместо этого она убежала, убежала из Риверс Корта и от надоевшей рутины деревенской жизни — навстречу тайному замужеству, навстречу новой, увлекательной, волнующей жиз-

ни. Она понимала, что она сделала, и как ужасно рассердится мистер Риверс. Но она была уверена, что когда он познакомится с ее мужем, он простит их. Никто не может не любить Роланда. Даже Микки Поллингтон - светская женщина - говорила о нем, как о "самом привлекательном мужчине в Лондоне".

— Роланд, — произнесла она вдруг.

— Что, дитя?

— Я ужасно горжусь тем, что я твоя жена.

Он не ответил, не мог ей ответить.

Глава 6

Жонкиль стояла перед зеркалом в своей спальне в "Палас Отелс" в Торки и озабоченно изучала свое изображение. Это был ее свадебный вечер и ужин, на который через несколько минут отправятся они с Роландом, будет самым важным в ее жизни, поэтому она должна выглядеть как можно лучше. Жонкиль была полна сомнений относительно своего внешнего вида. В ее чемодане лежало только одно платье. Она покинула Риверс Корт в состоянии лихорадочного возбуждения и забыла большую часть вещей, которые ей были просто необходимы. Но она утешала себя мыслью, что может послать за ними через день или два, когда бабушка и приемный отец узнают...

Когда Жонкиль оказалась в Торки, она решила на время вычеркнуть из памяти отца, бабушку, Риверс Корт - все, кроме человека, за которого она сегодня утром тайно вышла замуж, и того факта, что это было начало ее медового месяца. Сегодня вечером она не должна допустить, чтобы какие-либо сомнения и опасения испортили ее счастье.

Она сделала гримасу своему лицу в зеркале - довольно разгоряченному, пылающему, с блестящими глазами и полуоткрытыми губами.

— Противная, — сказала она. — Почему бы тебе не быть красивой, восхитительно красивой для Роланда?!

Судя по тому, что она видела в зеркале, она не была "восхитительно красивой". Как бы она хотела, чтобы у нее

было настоящее красивое вечернее платье, в котором она могла бы очаровать своего мужа. Однако у нее было только то белое, жоржетовое, в котором она познакомилась с Роландом на рождественском балу у Поллингтонов.

Она вздохнула, отвернувшись от зеркала, но это был скорее счастливый вздох. В конце концов Роланд любит ее, он говорил это десятки раз с тех пор, как они уехали из Лондона. Она прижала руку к сердцу и почувствовала его неистовое биение. Роланд... Как он трогал ее волосы, его поцелуи...

Спальня с мягким светом и приятно теплая выглядела уютной и даже роскошной в эту холодную зимнюю ночь. Жонкиль привыкла к холодному аскетизму в своей нетопленной спальне в Риверс Кортс. Бабушка не одобряла "баловства". Жонкиль была вынуждена признаться, что тепло большое благо, когда на тебе надето тончайшее платье.

На одной из двух кроватей лежала ее лучшая ночная рубашка из тонкого белого батиста, которую она сама украсила фестонами и вышила, потому что бабушка поощряла занятия рукоделием дома в длинные вечера. Жонкиль посмотрела на другую кровать. Ее сердце приостановилось, когда она увидела разбросанные вещи Роланда: синюю полосатую пижаму, шелковый халат, одну или две рубашки, воротнички и галстуки, небрежно выброшенные из чемодана. **Бесстыдный Роланд!**

Интимность этих вещей — его щеток, его бриллиантина, его расчесок на ее туалетном столе взволновали Жонкиль до глубины души. Она была действительно замужем, она жила в этой комнате с мужем. Это было изумительно, так изумительно и замечательно, что она едва могла поверить.

Затем открылась дверь, и вошел Роланд. Он был уже готов к ужину, его темные лоснящиеся волосы были гладко причесаны, гладко выбритые щеки матово светились.

— Готова, дорогая! — спросил он. Он подошел к ней, ласково положил руку ей на плечо и оглядел ее сверху вниз. — Ты выглядишь очаровательно. любимая.

Она рассмеялась.

— О, нет, это отвратительное платье.

— Мне оно нравится, — сказал он. — Но когда-нибудь у нас будут получше. Когда-нибудь я одену тебя, как ма-

ленькую королеву.

Она показала ему свою тонкую загорелую руку.

— С этими короткими рукавами я выгляжу, как индеец.

— Ерунда, детка.

Он взял ее руку и пробежал по ней губами, запечатлев более долгий поцелуй на тыльной стороне ладони.

— Моя маленькая жена, — прошептал он.

Она обвила руками его шею, приподнялась на цыпочках и поцеловала его в губы с такой силой и страстью, что он изумился.

— Мой муж, я люблю тебя, — сказала она.

— С каждой минутой я люблю тебя все больше. — произнес он, прижимая ее к себе. Он не лгал. В Жонкиль была какая-то веселая безоглядность. Он вдруг почувствовал, что она прекрасно сознавала всю бесповоротность шага, который сделала, убежав с ним, что ей безразлично даже, простит ли ее мистер Риверс. Ее любовь, так же, как и ее доверие, были безграничны. Это глубоко трогало Роланда, не смотря на весь его цинизм и отвращение к сантиментам. Да, он хотел бы не влюбляться в нее, но ничего не мог поделать. Он перестал быть хозяином своих чувств.

— Пойдем ужинать, дорогая, — сказал он, сжимая ее пальцы в своих. — У тебя сегодня был длинный день, полный волнений, и скоро ты почувствуешь, как ты устала.

— Скажи мне, где ты был? — спросила она, когда шла с ним от спальни к лифту.

— Внизу, выпил коктейль, — улыбнулся он ей. — Ты шокирована? Ты будешь ужасно шокирована, когда получишь узнать меня.

— Почему ты так говоришь? — спросила она серьезно. — Нет ничего плохого в том, чтобы пить коктейли.

— Бабушка, наверное, думает иначе? — спросил он иронически.

— Возможно, но бабушка из другой эпохи, она человек другого поколения, она не может судить.

— Но ты можешь и будешь, моя дорогая.

— О чем ты, Роланд?

— Несважно, — сказал он, усмехнувшись, и взял ее под руку. — Давай вызовем лифт, Жонкиль. Я только подраз-

ниваю тебя. Обещаю, теперь, когда я солидный женатый человек, не пить слишком много, не есть слишком много, и... не флиртовать с другими женщинами.

Она сверкнула на него глазами.

— Не смей флиртовать. — сказала она. — Я буду ужасно ревновать! Я так люблю тебя, Роланд!

— Я тоже люблю тебя, — сказал он тихо. — Ты — моя любовь, Жонкиль. У тебя есть все права сердиться на меня, если я буду вести себя плохо.

— Мне нравится плохо себя вести. — сказала она. — Я так ужасно хорошо вела себя всю свою жизнь в Риверс Корте!

— Сколько лет ты провела там?

— Дай подумать... — сказала Жонкиль. — О, около восьми лет. Сейчас мне двадцать один с половиной. Мне было около двенадцати, когда мистер Риверс удочерил меня.

Роланд кивнул. Да, все сходилось. Он навсегда покинул Чанктонбридж девять лет тому назад, и почти сразу после этого у дяди Генри появилась возможность удочерить эту девочку, что он и сделал.

— Расскажи мне все, что ты помнишь о своих настоящих родителях, — сказал он. — Странно, что я так мало знаю о тебе.

— Я тоже не очень много знаю о тебе, — напомнила она ему.

— О, не думай обо мне. Расскажи о себе. — сказал он поспешно.

Они были уже в ресторане. Роланд заказал коктейли для себя и для Жонкиль. Она подносила к губам свой первый в жизни бокал сухого мартини, отпивала маленькими глотками, морщилась, но чувствовала себя сверхсовременной и замужней женщиной. Пока она пила, она рассказывала о ранних днях своего детства, не очень счастливых днях и тогда. Она помнила свою мать, которая умерла, когда Жонкиль было четыре года.

— Иногда у меня бывают очень яркие проблески воспоминаний, — говорила она, и веселье постепенно исчезало из ее глаз. Голос становился еле слышим. Было ясно, что воспоминания о матери священны для нее. — Мама была

очень красивая. У меня дома есть фотография, которую ты когда-нибудь увидишь. Я нисколько на нее не похожа. Она гораздо выше и светлее, и у нее были голубые глаза. Ее звали Кристина, но я смутно слышу, как отец зовет ее "детка", или чаще всего "детка дорогая". Он обожал ее. Она умерла от воспаления легких.

— Бедная маленькая Жонкиль, — сказал Роланд — Тяжело для ребенка лишиться матери.

— Потом до двенадцати лет я жила с отцом в Корнуолле. Он был художником, зарабатывал мало, только на то, чтобы жить очень просто. Он любил море, и у нас был домик около Ньюки. В Ньюки я и пошла в школу. Отец когда-то учился в Оксфорде вместе с мистером Риверсом, и хотя они были совершенно разные (отец — веселый, легкий человек, с радостным смехом и артистическим темпераментом), он и мистер Риверс были добрыми друзьями. В течение долгого времени после окончания курса они переписывались время от времени. Поэтому, когда бедный папа умирал, он сообщил мистеру Риверсу, что я остаюсь совсем одна, что нет никаких родственников, которые бы помогли мне, и мистер Риверс удочерил меня, сделал своей наследницей. Честно говоря, Роланд, с моей стороны было черной неблагодарностью уехать из дома таким образом, не предупредив его.

— Да, — сказал Роланд неохотно. — С другой стороны, дорогая, он сделал твою жизнь очень серой, не мог же он полагать, что удержит тебя там навсегда. Самое ужасное, что ты потеряла своих родителей.

— Да, — сказала Жонкиль. Ее глаза внезапно наполнились слезами. — Я никогда не забуду отца. Он любил меня, но после того, как мама умерла, у него все валилось из рук. Восемь лет — долгий срок, но удивительно, что он умер от той же болезни, что и она — воспаления легких — в тот же самый день, в восьмую годовщину ее смерти. Такое совпадение...

— Это очень тяжелая история, — сказал он, крепко сжимая ее руку. — И они похоронены в Корнуолле?

— Да, на маленьком кладбище в затерянном местечке, на краю обрыва. Я была ребенком, когда в последний раз видела это кладбище в день похорон отца, но я никогда его

не забуду. Они вместе... и на надгробной плите я попросила написать: "В память Дэвида Маллори и Кристины, его жены". Когда-нибудь, Роланд, я бы хотела съездить туда, побывать на могиле.

— Съездим вместе, дорогая, — сказал он. — Значит, твоя фамилия Маллори?

— Да, и меня называли Жонкиль, потому что родители больше всего любили этот цветок.

— Очень красивое имя, — сказал он. — Я никогда раньше не встречал его. Мистер Риверс заставил тебя взять его фамилию?

— Да, он юридически оформил все, когда я приехала жить в Риверс Корт.

— Бедняжка, — сказал он.

Он был взволнован. Он ясно представлял себе ее отца, веселого художника Дэвида Маллори, с зеленовато-карими глазами и темными кудрями, которые Жонкиль унаследовала; и Кристину, его жену, высокую, светловолосую прелестную женщину, которую Маллори называл "детка дорогая".

Как тяжело было Жонкиль в двенадцать лет оставить этих двух славных, наивных людей в их общей могиле, поехать в Риверс Корт и называть Генри Риверса отцом, а его мать — бабушкой.

Все же дядя Генри хорошо сделал, что удочерил осиротевшую девочку. По прихоти судьбы нити жизни Жонкиль Маллори оказались вплетенными в тусклое существование Риверс Корта, из которого Роланд Чартер, законный наследник, был вырван! Он крепко сжал руку Жонкиль.

— Благодарю тебя, дорогая, что ты мне рассказала о себе, — сказал он.

— А теперь ты расскажи о себе, Роланд.

— О, не стоит!

— Стоит, для меня.

Он поспешно окунулся в описание своей жизни в Южной Африке. Ее взор был прикован к нему. Когда он закончил свой шитый белыми нитками, поспешно состряпанный рассказ, она сказала:

— Ты тоже не был особенно счастлив в жизни, дорогой. Я постараюсь восполнить твое одиночество.

Его сердце тяжело застучало, когда он посмотрел на нее. Если бы ему не пришлось обманывать ее, если бы он не был такой мстительной скотиной! Эта наивность, эта бесподобная юность и чистота, которые делали ее гораздо привлекательней женщины, обладающих только физической красотой, могли бы принадлежать ему всегда. А что будет теперь? Какие последствия будет иметь этот сумасшедший брак? Что она подумает о нем позже, когда узнает?

Он не смел даже заглядывать так далеко.

Пока они сидели напротив друг друга за маленьким столиком, на который официант по просьбе Роланда поставил великолепный букет тепличных роз, ему удалось преодолеть волну депрессии, которая грозила поглотить его; он смеялся и шутил с ней непринужденно и остроумно, был доволен, что заставляет ее смеяться, что щеки ее порозовели.

— Давай помолимся, чтобы Господь послал нам хорошую погоду, — сказал он, когда во время десерта читал для нее грушу. — Здесь очень красиво, мы недалеко от бухты Ансти, и даже в середине зимы красные скалы и голубое море великолепны. Мы будем много и далеко ходить.

— И играть в гольф. Горничная сказала мне сегодня, что здесь есть частное поле для игры в гольф.

— У нас нет клюшек, но мы выпросим или займем. Мне бы очень хотелось поиграть с тобой в гольф. — сказал он, с улыбкой глядя ей в глаза. — Ты — чемпион? Какой у тебя гандикап?

Время летело весело и незаметно. Роланд заказал шампанское и заставил ее выпить немного, хотя она ссылалась на то, что не привыкла к вину. Он весело провогласил тост:

— За мою жену Жокиль!

Она подняла бокал, наполненный золотистой жидкостью, в котором поднимались пузырьки, и ответила на его тост:

— За моего мужа Роланда!

Он разом выяил свой напиток, решил жить одной минутой — хватать счастье, пока можно. Сегодня Жокиль любит и доверяет ему, а завтра — будь что будет! "Я — эгоистич-

ное животное, но я люблю ее! — честно, искренне говорил он себе. — Я бы отдал все на свете, чтобы сохранить ее любовь”.

Ужин был окончен, они пошли выпить кофе.

— Я хочу закурить! — объявила Жонкиль. — До сих пор мне не разрешала бабушка. Но я всегда хотела.

— Пожалуйста. — сказал Роланд, протягивая ей свой портсигар.

Он очень смеялся, потому что она кашляла и дымила так старательно. В конце концов, она с отвращением бросила сигарету.

— Я не умею. — сказала она. — Я безнадежный ребенок. Роланд, почему ты не женился на более опытной светской женщине?

— Потому, что я предпочитаю ребенка, — сказал он. — А теперь, дитя, пойдем потанцуем. Здесь бывают танцы три раза в неделю, и я слышу откуда-то мелодию фокстрота.

Они танцевали все танцы. На балу у Поллингтонов Жонкиль научилась слушаться Роланда и сегодня они были идеальной парой. Женщины, проживающие в отеле, смотрели на Жонкиль немного завистливо.

— Я думаю, что у них медовый месяц, — прошептала одна. — Ты видишь, как он смотрит на нее? Он ужасно красив — именно тот тип мужчин, который нравится.

— А она такая молодая. И довольно безвкусно одетая девица. — сказала ее соседка. — У мужчин странный вкус.

Жонкиль кружилась по залу в объятиях своего мужа, лучезарно счастливая, в полном неведении о критике, которой она подвергалась. Они еще танцевали, когда пробило одиннадцать часов. Роланд сказал:

— Тебе надо идти спать, дорогая девочка. Ты устала. У тебя круги под глазами. Беги наверх. Я скоро приду.

Кровь прилила у нее к лицу. Ей было почти страшно встретиться глазами с его горящим взглядом. Она ответила что-то нечленораздельное и ушла. Он смотрел, как она вошла в лифт, затем направился в курительную комнату. Теперь у него было очень утомленное, немного бледное лицо, потухшие глаза.

“ Боже, неужели она возненавидит меня завтра, — ли-

хорладочно проносилось в его голове. — Неужели она оставит меня? Жонкиль... моя Жонкиль!"

Как часто раньше ему казалось, что он влюблен. Но теперь он знал, что никогда не любил ни одну из тех женщин, которые стали тенями прошлого. Он никогда не понимал смысла настоящей любви (любви, которая заставляет мужчину стыдиться за себя) до тех пор, пока не полюбил эту девушку, которая стала его женой.

В курительной никого не было. Роланд бросился в кресло, погасил сигарету и охватил руками голову.

Наверху в спальне Жонкиль сняла белое платье и скользнула в очень простой трикотажный халат, который бабушка выбрала для нее прошлой зимой. Скинув серебряные тувельки, просунула ножки в трикотажные комнатные тувфли. На какое-то мгновение она застыла. Ее сердце колотилось, а руки дрожали. Жонкиль почувствовала потребность глотнуть свежего воздуха. Она подняла тяжелые портьеры и открыла окно. Порыв холодного ветра освежил ее щеки и лоб. Она улыбнулась и посмотрела в окно. Там царил морозная ночь и небо было усыпано звездами. Великолепные газоны отеля были белыми от инея, сверкавшего под декабрьской луной, как алмазы. Издалека доносился шум моря.

Детское личико Жонкиль было бледным и чистым в лунном свете. Она подняла глаза к небу и у нее вырвался долгий, глубокий вздох счастья.

— Роланд, — прошептала она.

Через несколько минут он придет; она - его жена, а всего несколько дней назад она была просто Жонкиль Риверс... и вела размеренную, монотонную жизнь как приемная дочь и наследница Генри Риверса.

— Как я счастлива, — прошептала она сверкающей холодной ночи. — Как я...

Кто-то постучал в дверь.

Жонкиль опустила портьеры и быстро оглянулась.

— Войдите, — сказала она тихо.

Это был не Роланд. Это была горничная.

— Пожалуйста, мадам, — сказала она. — Мистер Чартер желает поговорить с вами в курительной комнате.

— Мистер Чартер... внизу? — Жонкиль уставилась на

женщину, затем добавила сконфужено, — о, вы уверены?

— Совершенно уверена, мадам. С ним еще один джентльмен, и я думаю, что они оба хотят видеть вас.

— Еще один джентльмен, — повторила Жонкиль. — Но кто? Вы знаете его имя?

— Боюсь, что нет, мадам, — ответила горничная почтительно.

Ничего не понимая, Жонкиль выскользнула из халата и снова надела вечернее платье и туфли. С какой стати Роланд послал за ней... и кто был с ним... почему он не поднялся к ней, как обещал?

Когда она быстро шла к лифту, ее вдруг озарило:

— Отец, — сказала она приглушенным голосом и немного побледнела.

Да, это должен быть именно отец. Он вернулся из Висбадена и, получив телеграмму Ролаида, кинулся в Торки.

Спускаясь на лифте, Жонкиль сжала зубы.

"Теперь в бой, -- подумала она. — Но я не позволю ему увести меня от Роланда - я не позволю."

Глава 7

Войдя в курительную комнату, в которую рассыльный проводил ее, она убедилась в правильности своего предположения. Против Роланда стоял очень высокий, худой, угловатый мужчина в коричневом костюме и в пальто. Это был Генри Риверс. С легкой дрожью Жонкиль посмотрела на знакомое лицо, такое худое, такое суровое, с жесткими узкими губами и глубоко посаженными глазами под кустистыми седыми бровями. Лицо было еще более жестким и суровым, чем обычно, но взгляд, который он обратил на нее, немного смягчился. Он протянул ей руку.

— Жонкиль, дитя мое! Слава Богу, я успел.

Она ничего не сказала, не ответила на его приветствие, а подошла к Роланду и вложила свою руку в его.

— Отец, я вышла замуж за Роланда, вы должны принять его и простить меня, — сказала она храбро.

Мужество, гордость и непреклонность, которые звуча-

ли в ее голосе, почти разбили сердце Роланда Чартера в эту минуту — самую черную минуту в его жизни. Мертвенно-бледный, он с силой сжал ее тонкие пальцы в своей руке.

Генри Риверс горько рассмеялся.

— Я прощу тебя, моя дорогая Жонкиль. Ты была глупым ребенком, ослепленным, увлеченным этим негодяем.

— Он не... — начала было Жонкиль горячо.

Риверс прервал ее:

— Ты не знаешь, маленькая глупышка, — сказал он жестко, — но я могу рассказать тебе все о человеке, за которого ты вышла замуж.

— Что вы можете рассказать мне такого, чего я не знаю? — спросила она, гордо вскинув голову.

— Ты знаешь, что такое Роланд Чартер? — спросил мистер Риверс. — Имешь ли ты какое-нибудь представление? Нет, он не рассказал тебе. Но я могу просветить тебя. Он — мой племянник, человек, которого я лишил наследства, выгнал из своего дома девять лет тому назад. Ты слышала о нем, но не знала его имени. Да, таков человек, который уговорил тебя совершить этот возмутительный поступок сегодня утром, и почему? Не потому, что он любил тебя, но потому, что хотел отомстить мне, отнять у меня все, что мне дорого. Вот саркастическая телеграмма, которую он прислал мне. Ты можешь прочитать ее. К счастью, я вернулся в Лондон вовремя, успел спасти тебя, бедное обманутое дитя!

Жонкиль лишилась дара речи. Она смотрела на своего приемного отца непонимающими глазами. Что он говорит? Он сумасшедший? Роланд — его племянник! Роланд — лишняя наследства "паршивая овца" семьи Риверсов, чье место она заняла? Это не может быть правдой. Однако почему Роланд стоит рядом с ней и молчит? Почему он не делает ни малейшей попытки отрицать такие смехотворные заявления?

— Прочитай эту телеграмму, Жонкиль. Ты убедишься, что я говорю правду.

Автоматически она взяла тонкий листок бумаги, который он протянул ей. По мере того, как она читала, краска, которая заливала ее щеки, когда она взяла своего мужа за руку и так гордо стала с ним бок о бок, медленно сползала с

ее лица. Несколько саркастических слов отпечатались в ее мозгу, вероятно, навсегда.

— Жонкиль — моя жена. В течение следующей недели мы будем в отеле "Палас", Торки. Надеюсь, вы довольны таким воссоединением со своим любящим племянником. Роланд Чартер".

Так и было написано, слово в слово, черным по белому. Роланд Чартер был племянником Генри Риверса.

Жонкиль все еще не проронила ни единого слова, хотя мозг ее работал лихорадочно. У нее пересохло в горле.

Снова до ее сознания дошел голос человека, которого она называла отцом.

— Ты вышла замуж за мошенника, корыстного мошенника, бедная наивная девочка. Ты очень молода и доверчива, а бабушка и я хотим простить твою слабость. Но ты, конечно, заслужила то, что произошло с тобой! Очень дурно, безнравственно с твоей стороны так обмануть нас, убежать и экспромтом выйти замуж за человека, которого ты совсем не знаешь.

Но до того, как Жонкиль собралась с силами, чтобы ответить, раздался необычайно усталый голос Роланда.

— Пожалуйста, дядя Генри, не тратьте время на упреки Жонкиль. Она ни в чем не виновата. Я беру на себя всю вину. Я склонил ее к этому, заставил ее выйти за меня замуж.

— Воспользовался ее неопытностью, ее влюбленностью, подлец! — процедил Генри Риверс сквозь стиснутые зубы.

Жонкиль стремительно повернулась к Роланду, вглядываясь в его лицо и надеясь, что он опровергнет все эти ужасные, поразительные факты. На какую-то долю мгновения их взгляды встретились, и он отвел глаза в сторону. Краска начала медленно проступать на его лице сквозь загар. Вся его поза свидетельствовала о том, что он виноват.

Жонкиль смяла телеграмму в руке. Речь наконец вернулась к ней.

— Роланд, — произнесла она надтреснутым голосом. — Роланд, ради Бога, что все это значит? Это правда? Ты — племянник отца? Да, ты назвал его "дядя Генри"... Роланд, почему ты не сказал мне? Почему ты скрыл это от меня?

— Я отвечу тебе, — прервал ее мистер Риверс. — Он скрыл это от тебя и уговорил тебя тайно выйти за него замуж, потому что он хотел отомстить мне за то, что я лишил его наследства. Он выглядит сейчас виноватым — сейчас, при тебе. — но до того, как ты пришла, он насмехался надо мной, упивался тем, как здорово он рассчитался со мной.

— О! — простонала Жонкиль, прижимая руки к вискам. — О, прошу вас, не надо!

Роланд женился на ней ради мести, просто для того, чтобы отплатить дяде! Это какая-то ошибка. Это все похоже на дешевую мелодраму. Так не бывает в жизни.

— Я не думаю, что он возьмет на себя труд отрицать это или оправдывать себя, — добавил мистер Риверс мрачно. — Он сделал то, что хотел, а теперь ему, без сомнения, все равно, что будет.

Роланд заговорил во второй раз, все еще спокойно и без большого энтузиазма.

— Неправда. Мне не все равно, что будет дальше. Меня интересует это гораздо больше, чем тогда, когда я уговаривал Жонкиль выйти за меня замуж.

Жонкиль снова издала приглушенный возглас.

— О! Значит, я тебя не интересовала, когда ты женился на мне! Отец прав. Ты женился на мне исключительно ради мести!

— Исключительно, — ответил Генри Риверс за Роланда. — Ты была легкой добычей для светского человека, моя дорогая, — очень молодая и неопытная. Не думаю, что ему было трудно убедить тебя, что он тебя любит. Все получилось так, как он задумал, за исключением того, что я вернулся домой вовремя, успел открыть тебе глаза, пока не произошло худшее. Ты фактически не стала женой этого мерзавца, и я заберу тебя домой, защищу тебя от него.

Жонкиль била дрожь. Маленькой трясущейся рукой она схватила Роланда за руку и заставила его посмотреть на нее.

— Роланд! Роланд! Это все правда? Посмотри на меня, поговори со мной, скажи мне правду, ради Бога! Ты все время только притворялся, что любишь меня?

— Не все время, Жонкиль! Вначале — да, я решил же-

ниться на тебе, чтобы отомстить. Это была бесчестная игра, и я горько сожалею об этом...

— Не верь ему! — вставил Риверс гневно.

— Горько сожалею об этом, — повторил Роланд. — Я по-настоящему искренне полюбил тебя после того, как лучше узнал. Сегодня я не играл, не пытался казаться твоим возлюбленным, потому что сейчас я твой возлюбленный, я люблю тебя.

Она с состраданием смотрела на него.

— Как я могу верить этому?! — вырвалось у нее. — Ты притворялся, что влюблен, с того вечера у Поллингтонов. Ты просто обманул меня! Ты сам признал, что твоим первым побуждением было уговорить меня выйти за тебя замуж для того, чтобы отплатить дяде. О, это было подло!

Он посмотрел на маленькое, судорожно подергивающееся лицо. Оно было белым, как ее платье, а глаза!.. Это был взгляд смертельно раненого существа. Однажды на охоте он видел такие глаза у зайца, в которого попала пуля. Тогда он почувствовал ужасную тоску и устыдился своего занятия. Сейчас он тоже почувствовал смертельную тоску. Он ранил Жонкиль, он был виновником этого выражения на ее лице.

Он ведь колебался, не хотел ранить ее тогда, вначале. Почему он сделал это? Какая-то упрямая, ненавистная сила увлекла его и заставила подавить свои лучшие побуждения. Все было кончено. Он посмеялся над яростью дяди, но не чувствовал ни радости, ни удовлетворения. Только эту тоску, этот стыд и ужас понимания, что он теряет жену.

— Ты не рассчитывал, что я так рано вернусь из Висбадена, а, Роланд? — сказал Риверс. — Ты думал, что я появлюсь здесь завтра, слишком поздно, чтобы спасти Жонкиль от последнего унижения.

Неожиданно Роланд вспыхнул:

— У меня не было намерения унижать ее. — сказал он, сжимая кулаки. — Я совсем не хотел причинить ей боль. Я понимаю теперь, что она неизбежно должна была страдать, но мое первое, мое единственное желание было причинить боль вам! Девять лет тому назад вы выгнали меня из дома, к которому я привык, который считал своим, из-за сущего пустика. Вы никогда не любили меня, всегда придирались и

сурово наказывали. Бабушка была добра ко мне, понимала меня. Со мной все было бы в порядке, если бы не ваша несправедливость и нетерпимость. И клянусь Богом, вы знаете это.

Генри Риверс пытался рассмеяться, но не мог. Он смотрел на своего племянника и видел гнев и отчаяние на бледном лице молодого человека.

Прошло девять лет. И снова они пререкались, снова они противники — две сильные воли, два различных темперамента.

Генри Риверс вспомнил горькую ссору в то Рождество, девять лет назад, когда он выгнал своего молодого племянника из Риверс Корта, и помнил много других случаев их противостояния. Его мать была более терпима к Роланду, более сочувствовала ему. И после того, как Роланд ушел, она считала его, Генри, как старшего, виноватым во всем. Только раз она высказала все, что было у нее на уме, укоряла его за его резкость и отсутствие понимания пылкой молодости. Она считала, что у Роланда щедрое сердце и искренняя натура, что, перебесившись, он мог достичь великолепной зрелости. Потом она больше не возвращалась к этому вопросу. Они не произносили имя Роланда до тех пор, пока не прочитали его телеграмму сегодня утром.

Старая миссис Риверс проявила то, что Генри, ее сын, называл "глупыми женскими эмоциями". Как бы ни была она сурова и строга, она любила своего внука гораздо больше, чем приемную внучку, и ей хотелось, чтобы Генри простил молодых людей.

Но гнев Генри Риверса не знал границ. Нет, никогда он не разрешит своей наследнице остаться с этим мерзким молодым племянником, который опозорил его и так часто игнорировал его желания в прошлом.

Однако теперь, когда он встретился с Роландом, Роландом-мужчиной, а не мальчиком, над которым он пытался утвердить свою власть, он дрогнул и спросил себя, не он ли, в самом деле, виноват в том, что произошло девять лет тому назад. "Грехи" Роланда не были особенно страшными, это были пустяковые проступки. Безобразная ссора, которая произошла тогда, не обязательно должна была закончиться так катастрофически. Конечно, он поступил не-

сколько сурово, выгнав мальчика, буквально выбросив его из дома без шиллинга в кармане.

Но колебания Генри Риверса продолжались всего несколько секунд. Вскоре прежний неспоклонный дух взял верх. Он тяжело посмотрел на Роланда.

— Ты вел себя в те времена, как распушенный молодой повеса. Такой не мог стать хозяином Риверс Корта. — сказал он. — Если я и выгнал тебя, так только потому, что ты сполна заслужил это.

— Нет, я не заслужил такого, и вы это знаете. Однако я не собираюсь спорить по этому поводу. Уже слишком поздно.

— Слишком поздно, — повторил Генри Риверс. — В течение девяти лет ты был мертв для меня. Так это и останется. И для твоей бабушки — тоже. Что касается Жонкиль, с которой ты обошелся так жестоко, она вернется в Риверс Корт сейчас же, и этот брак будет аннулирован.

Жонкиль, которая переводила глаза с одного мужчины на другого, слушая их, откинула волосы со лба.

— Аннулирован? — повторила она, как эхо. — Его можно аннулировать?

— Нет, — сказал Роланд. — Юридически ты — моя жена. Если ты оставишь меня, я могу аннулировать брак на том основании, что ты отказываешься жить со мной, но сама ты ничего не можешь сделать.

— А если я захочу аннулировать его?

— Думаю, это будет невозможно, если я не захочу покинуть тебя. А у меня нет намерения расставаться с моей женой.

Жонкиль пристально смотрела на Роланда. Это был чужой человек, суровый и ожесточенный. Она почувствовала тошноту и дурноту одновременно. Всего несколько минут тому назад она ожидала жениха в своей спальне, веря, что она — обожаемая невеста. И вот она здесь, и говорит об аннулировании брака. Это было слишком ужасно, слишком сокрушительно для нее. Сможет ли она совладать с этим? Сейчас было жизненно необходимо делать и говорить то, что нужно, чтобы сохранить достоинство. Она осознала, что Роланд не любил ее, когда сбил ее с ног своим бурным ухаживанием. "Он вообще никогда не любил меня!" — го-

порила она себе с болью. Да, она обожала Роланда и верила ему, а теперь так же горячо считала его не заслуживающим доверия и любви. Превняя страстная любовь была затоплена волной обиды, горячего, ослепляющего гнева.

— О, как ты смел, как ты смел жениться на мне! — вырвалось у нее. — Как ты смел целовать меня, ухаживать за мной, если ты ни капли не любил меня, если только хотел использовать меня в своих целях.

Роланд вздрогнул.

— Это неправда, Жонкиль, не полная правда. О, моя дорогая, ради Бога, будь немного снисходительней. Я не заслуживаю снисхождения, но я люблю тебя сейчас! Люблю по-настоящему! Я клянусь!

— Нужно быть душой, чтобы верить этому, — вставил Риверс.

— Я не верю, — сказала Жонкиль. — Я никогда больше не поверю ни одному слову, которое он скажет. Я иду наверх, чтобы упаковать вещи сейчас же.

— Мы не можем ехать домой сегодня. Сейчас слишком поздно, — сказал мистер Риверс. — Но мы снимем комнаты в другой гостинице. Ты будешь в безопасности со мной.

— Жонкиль, ты уходишь? — спросил Роланд. — Ты не хочешь выслушать, что я скажу?..

— Что бы ты ни сказал, ты не можешь уйти от факта, что женился на мне для того, чтобы рассчитаться с дядей, — не дала она ему досказать. — Этого достаточно, чтобы заставить меня презирать тебя, чтобы сделать невозможной для меня нашу совместную жизнь.

Он пристально посмотрел на нее. Жонкиль, ребенок со счастливыми невинными глазами и молодой веселостью, исчезла. Перед ним стояла женщина. Ее глаза были безжалостны, презрительны; ее губы, которые он целовал, которые так жадно отвечали на его поцелуи, превратились в тонкую ниточку. Возможно ли, чтобы она была такой безжалостной?

— Я заслужил твое презрение, Жонкиль, — сказал он. — Но не уходи, послушай, что я хочу сказать.

— Говори, — бросила она ему.

— Не перед дядей Генри. Я хочу поговорить с тобой наедине.

— Трус, -- сказал Риверс. — Надеешься смягчить ее сердце своими нежностями?

— Нет, — сказал Роланд. — Я не буду стараться смягчить ее. Но она — моя жена, и я имею право видеть ее наедине.

— Ты потерял все права на нее, — сказал Риверс.

— Возможно. Но я намерен говорить с ней наедине. — сказал Роланд и взял ее за руку нежными, но крепкими пальцами.

— Пойдем, Жонкиль, — сказал он тихо. — Я поднимусь в твою комнату вместе с тобой. Ты можешь укладывать вещи, если хочешь, но я намерен поговорить с тобой наедине.

Какое-то мгновение она колебалась, затем сказала:

— О, очень хорошо. Я не боюсь тебя. Я никогда больше не буду такой душой, чтобы поддаться на твои нежности и ухаживания. Любовь! Ты даже не понимаешь смысла этого слова.

Он не ответил. Он только чувствовал, что каждое слово, которое она произносит, режет его, как ножом. Он сжал губы и пошел с ней к лифту. Им вдогонку прозвучал голос Генри Риверса:

— Не задерживайся, Жонкиль.

— Только несколько минут, отец, -- ответила она.

Оказавшись наверху в этой элегантной, теплой, мягко освещенной комнате, которая должна была стать их свадебной спальней, где Жонкиль совсем недавно поведала звездам о своей любви к Роланду, Роланд выложил все, что у него было на душе. Сидя на краю кровати с погасшей сигаретой в руке, он говорил все, что не мог сказать внизу, перед дядей, которого он так сильно не любил.

Он изложил историю своего детства и жизни в Риверс Корте.

— Я не прошу тебя простить меня за то, что я уговорил тебя тайно выйти за меня замуж и не сказал, кто я, — закончил он. — Но я прошу тебя поверить двум вещам. Жонкиль: одна — что дядя Генри обошелся со мной несправедливо и заслужил, чтобы ему отплатили; и другая — что я искренне полюбил тебя теперь.

Во время его долгого рассказа о себе Жонкиль быстро

двигалась по комнате, собирала вещи и укладывала их в чемоданчик, однако внимательно слушала его. И когда он наконец замолк, она подошла к нему. Ему показалось, что перед ним олицетворение самого правосудия — так она была неумолима, так бледна. Она уже надела длинное пальто и шляпку. В комнате не осталось ничего из ее вещей. Она уложила все. Опустошенность комнаты и вид Жонкиль в пальто и шляпе, готовой уехать от него, привели его в отчаяние.

— Жонкиль, — сказал он. — Скажи что-нибудь! Скажи мне, что ты веришь этим двум вещам.

Она посмотрела прямо в его глаза.

— Я не могу поверить ничему, что ты говоришь, — ответила она. — Ты так искусно обманул меня, ты сыграл свою роль в начале так совершенно! Как я могу быть уверена, что ты не играешь и сейчас?

— В этом нет никакой игры, — сказал он. — Клянусь честью...

— Она есть у тебя? — прервала она его.

Кровь бросилась ему в лицо, как будто его ударили хлыстом.

— Жонкиль! — воскликнул он.

— Что? Ты думаешь, я поверю, что ты — человек чести? Я готова верить тому, что отец обращался с тобой грубо, и ты ожесточился. Я знаю, что он — человек требовательный, и, как я говорила тебе в тот вечер, когда мы впервые встретились, мне всегда было жаль его племянника, которого он лишил наследства, хотя я тогда не знала, кто он. Я чувствовала, как это несправедливо и безжалостно. Но все это не повод для того, чтобы использовать меня как инструмент мести.

— Жонкиль, что бы я ни чувствовал вначале, но потом я искренне полюбил тебя. В это утро, когда я женился на тебе, я любил тебя всем сердцем и душой, и ненавидел себя за то, что я обманывал тебя.

— Боюсь, что я не могу верить этому, — сказала она. — Возможно, ты внезапно страстно увлекся. Некоторые мужчины называют это любовью. Возможно, ты тоже.

— Боже, Жонкиль! Ты очень жестока. У тебя есть все права быть такой, но как мне убедить тебя, что я любил

тебя, когда женился на тебе, и люблю сейчас, и это настоящая искренняя любовь! Жонкиль, Жонкиль, ненавидь меня, презирай меня, но постарайся поверить в мою любовь. Более всего в своей жизни я сожалею, что обманул тебя!

— К чему напрасные слова, — прервала она его. При электрическом свете было видно, как осунулось ее лицо и как она утомлена. — Ты такой умный актер, Роланд. Ты можешь заставить любую женщину поверить, что ты был влюблен всегда. Я не верю, что ты любишь меня сейчас.

Он резко встал, тяжело дыша:

— Ты хочешь сказать, что никогда не поверишь мне?

Она закусила нижнюю губу.

— Неважно. Человек, которого я любила и за которого вышла замуж, сегодня утром умер... Ты — чужой... Я сейчас уезжаю, и мое единственное желание, чтобы ты аннулировал наш брак.

— Нет, — сказал он. — Никогда. Я никогда не аннулирую его. Я люблю тебя, ты нужна мне. Я потрачу всю свою жизнь на то, чтобы вернуть твою любовь.

— Ты никогда не добьешься этого. Та любовь мертва.

— Я не верю тебе. Этого не может быть, Жонкиль. Ты можешь чувствовать себя обиженной, оскорбленной, но когда-нибудь ты обязательно простишь меня.

— Ты так думаешь? — Жонкиль истерически расхохоталась. Она явно находилась на грани срыва. В конце концов она была очень молода и любила этого человека так нежно. Расстаться с ним таким образом, в гневе и горечи, в день свадьбы — этого вполне достаточно, чтобы разбить сердце любой женщины.

Он схватил ее руки.

— Жонкиль, Жонкиль! Прости меня, не отвергай! — умолял он. — Я ужасно люблю тебя, Жонкиль, гораздо больше, чем я когда-либо надеялся любить женщину. Не говори, что ты никогда не будешь думать обо мне лучше, чем думаешь сейчас.

— Я могу думать о тебе лучше, но я никогда не смогу забыть того, что ты сделал. Я только прошу тебя освободить меня как можно быстрее.

Эти слова надломили его. Он упал на колени, уронил лицо в ее ладони и заплакал, тяжелыми, душераздирающе-

ми рыданиями сильного человека. Жонкиль не могла вынести этого. Бледная, дрожащая стояла она, устремив взгляд на темную голову, склоненную на ее руки. Его жгучие слезы текли по ее пальцам, опаляли ее сердце.

— Роланд, не надо, пожалуйста, не надо! — просила она, задыхаясь.

Рыдания сотрясали его. И вдруг его губы, мокрые от слез, прижались к ее пальцам в исступленном поцелуе.

— Не нужно! — сказала она снова. — Пусти меня, Роланд, пожалуйста.

Она чувствовала, что если она еще на минуту останется здесь, она сдастся, она прижмет его голову к своей груди и смешает свои слезы с его слезами, простит его, забудет все, кроме любви к нему. Но она не должна этого делать. Она должна быть сильной. Она показала свою слабость и убежала с ним, как влюбленная школьница. Больше никогда она не будет слабой, никогда не позволит победить себя эмоциям. Она проявит гордость, выдержку. Дэвид Маллори, ее любимый папа, сказал ей в их последний разговор: "Никогда не теряй гордости. Жонкиль, если ты потеряешь гордость, ты потеряешь самоуважение".

Она попыталась отнять пальцы, но Роланд удержал их.

— Ты должен отпустить меня, Роланд, — сказала она.

Сейчас она не бросала ему обвинений в игре: Роланд Чартер, сильный, смелый, циничный, никогда не сломался бы так, если бы его горе и раскаяние не были искренними. Но не могла простить его. Возможно, она что-то значила для него, он не хотел терять ее сейчас. Но разве он любил ее так, как она любила - никогда. Да, он страдает сегодня, завтра он забудет. Ей же суждено страдать всю жизнь. На память ей пришли те самые слова Байрона, о которых она говорила ему в такси, сегодня утром по дороге на вокзал (Ах, кажется вечность прошла с тех пор, с тех часов исступленного счастья и счастливого неведения!): "Любовь мужчины и жизнь мужчины идут раздельно, но смысл жизни женщины в любви..."

Душевная мука раздирала ее. Она не смела остаться здесь, наедине с Роландом, не смела позволить его рукам обнять ее, так как чувствовала, что может поддаться этому объятию, прикосновению, которое совсем недавно вызыва-

ло в ней такой трепет.

Она высвободила пальцы из его руки.

— Прощай, Роланд, — сказала она. — Я ухожу. Сожалею, что ты несчастлив. Но винить во всем ты можешь только себя. Пожалуйста, не пытайся увидеть меня снова, и если для тебя имеют хоть какое-то значение мои чувства, прошу тебя аннулировать наш брак.

Он поднял к ней опустошенное лицо, провел тыльной стороной руки по мокрым от слез, покрасневшим глазам.

— Я никогда этого не сделаю, — хрипло сказал он. — Я люблю тебя. Я никогда не отпущу тебя. Ты моя жена, ты не можешь изменить этого факта, никто не может.

Она какое-то мгновение молча смотрела на него. Затем очень спокойно повернулась и вышла из комнаты.

Он слышал, как закрылась дверь, обвел глазами пустую спальню. Она ушла. Она собирается вернуться в Риверс Корт с дядей Генри. Она хочет, чтобы он освободил ее.

Он снова опустился на край кровати и закрыл лицо руками.

— Никогда не отпущу ее, никогда, никогда, никогда! — сказал он вполголоса. — О, боже мой, боже мой, как я люблю ее. Зачем я причинил ей боль, зачем я обманул ее? Жонкиль, Жонкиль, вернись!

Глава 8

Эту ночь Жонкиль и мистер Риверс провели в небольшой гостинице на Приморском бульваре. Он хотел поговорить с ней, когда они добрались сюда, но она попросила:

— Пожалуйста, отец, оставьте меня сегодня. Я не хочу говорить о Роланде. Я просто не могу. И прошу вас, никогда снова не упрекайте меня за то, что я убежала от вас и от бабушки. Я уже достаточно наказана. Видите ли — я любила его.

Суровое лицо Генри Риверса смягчилось, губы слегка дрогнули. Он был жестким и несентиментальным человеком, не привык показывать свои переживания. Но по-своему он любил эту тоненькую девушку с коротко острижен-

ной головой и красивыми глазами. Отважное разумное существо! Многие девушки в ее положении потеряли бы самообладание, дали бы волю слезам. Она оказалась мужественной и гордой.

Он отправил ее спать, не мучая дальнейшими разговорами о будущем.

Генри Риверс немного побаивался, что утром Жонкиль может проявить слабость и попросит отпустить ее к мужу. Он когда-то любил женщину, когда-то слышал настойчивый зов пола и знал его непредсказуемую силу; Жонкиль может почувствовать желание остаться с Роландом, несмотря на зло, которое тот ей причинил. Однако за завтраком она спокойно и без эмоций говорила о своем ближайшем будущем, и он успокоился.

Но выглядела Жонкиль совершенно разбитой. Всю ночь она пролежала без сна, глядя во тьму широко открытыми, воспаленными глазами, тяжело страдая. Конечно, она ничего не сказала о своих муках приемному отцу. С детства она привыкла не выставлять своих чувств напоказ. Но Генри Риверс видел, что перед ним новая Жонкиль — целеустремленная и выдержанная девушка, а не послушная девочка.

— Я все обдумала, — сказала она. — Я вернусь домой к вам и бабушке на несколько дней... вероятно, до Нового Года, но после этого я уеду!

Генри Риверс вздрогнул и уставился на нее.

— Уедешь? Но куда, дорогое дитя? Ты хочешь, чтобы я увез тебя за границу, пока все не успокоится?

— Нет, — сказала она решительно, глядя на него грустными глазами. — Я уеду одна. Отец, я решила уехать из Риверс Корта навсегда.

Он вспыхнул, затем быстро нахмурился.

— Ты говоришь ерунду, дорогое дитя, — сказал он. — Как ты можешь уехать навсегда? Ты моя наследница. Ты совершила очень необдуманный поступок, выйдя замуж за Роланда, но это можно исправить. Я заставлю негодяя освободить тебя, тем или иным способом.

Она вздрогнула и на мгновение закрыла глаза. Она пережила муки ада вспоминая, каким последний раз видела Роланда. Даже сейчас в ее ушах звучали его ужасные, пре-

рывистые рыдания... его отчаянный поцелуй еще горел на ее руках.

— Освободит он меня или нет, это неважно, — сказала она. — Лучше я сразу все скажу, отец, чтобы не было никаких недомолвок. Я решила уехать из Риверс Корта и отказаться от своего положения наследницы. Мне двадцать один год, и я могу распоряжаться собой. Я намерена сама зарабатывать себе на жизнь.

Генри Риверс удивленно и протестующе развел руками.

— Моя дорогая Жонкиль, ты сошла с ума. Ты не понимаешь, что ты говоришь. Все эти годы я воспитывал тебя как свою дочь и наследницу. Ты не можешь оставить меня. И почему это пришло тебе в голову?

— Мне стало ясно, что это не мое законное место.

— Тогда чье же?

— Роланда, — сказала она неожиданно. — О, нет, поймите меня правильно, не думайте, что я забочусь о нем или хочу вернуться к нему. Нет. Я никогда... никогда не прошу его за то, что он так женился на мне. Но я поняла, что вы выгнали его несправедливо. Я не могу оставаться в Риверс Кorte и унаследовать то, что должно по праву принадлежать ему, вашей плоти и крови.

— Моя дорогая Жонкиль, ты говоришь чушь, — сказал мистер Риверс.

Она пожала плечами.

— Как хотите, отец, — сказала она тем же ровным голосом. — Но я все твердо решила.

— Что? Покинуть свой дом, покинуть людей, которые воспитали тебя? Это невозможно.

— Я же покинула вас ради Роланда, — напомнила она ему. — В любом случае, я не намеревалась возвращаться к вам. Теперь я еще больше утвердилась в намерении уехать из Риверс Корта.

Мистер Риверс вспыхнул и оттолкнул свою тарелку. Он был вспыльчивый человек, и поведение Жонкиль, которое он считал нелепым и неблагодарным, рассердило его.

— Пожалуйста, постарайся вспомнить, моя дорогая девочка, что я удочерил тебя, когда ты еще училась в школе. — сказал он. — Твой отец был моим другом. После того.

что у нас произошло с Роландом, я вначале намеревался завещать свои деньги на благотворительные цели, но когда бедный Дэвид Маллори умер, оставив тебя — ребенка без дома и без родственников, я решил сделать тебя своей наследницей, и моя мать одобрила это. Ты прожила под моей крышей девять лет, моя дорогая Жонкиль, и я составил завещание в твою пользу, воспитал тебя здоровой, домашней, благоразумной девушкой. А как ты отплатила мне на сегодняшний день?

— Я признаю, что плохо, — сказала она. — Но я думаю, вы не понимаете, как одинока я была все это время в вашем доме, какими суровыми были вы и бабушка. Как я ненавидела часы занятий, ботанику, коллекционирование мотыльков. Естественно, когда я первый раз вырвалась из дома, попала туда, где весело и радостно, и встретила привлекательного светского человека, я потеряла голову.

— Совершенно верно, — сказал мистер Риверс мрачно. — И поэтому я понял, и простил твое поведение. Я буду считать оскорбительным, если ты выполнишь это свое абсурдное намерение покинуть меня сейчас, сейчас, когда я простил тебя и предложил ехать домой и забыть все, что ты натворила.

— Неужели вы не видите, что моя гордость не позволяет мне больше оставаться в Риверс Корте? — сказала она. — Неужели вы не можете понять меня? Роланд был изгнан несправедливо, и я заняла его место. Я не могу оставаться там.

— Роланд был выгнан заслуженно, — сказал мистер Риверс, гневным голосом. — Ты не знаешь, что говоришь Жонкиль. Ты веришь тому, что говорит этот подлец?

— Я верю тому, что он говорил о своей жизни дома.

— Ты удивляешь меня, Жонкиль. — Ты должна признать, что я никогда не был несправедлив или груб, даже если мои занятия кажутся тебе скучными и трудными.

— Но вы нетерпеливы к слабостям других, отец. Возможно, вы не поняли Роланда.

Он нетерпеливо покрутил головой. Почему эта девочка, которую он удочерил, должна так критически относиться к нему? До вчерашнего дня он считал ее ребенком, подчиняющимся его желаниям. Его поражало и раздража-

до, что она вдруг начала проявлять собственную волю. Ее связь с Роландом сделала ее самонадеянной, и Генри Риверс не знал, как быть с этим. В своей семье он не допускал возражений, даже со стороны матери, которая была, по своему, так же сурова, как и он.

— Послушайте, отец, — добавила Жонкиль, — еще раз прошу, не думайте, что я сочувствую Роланду или намерена простить его. Нет. Но я должна быть справедливой. Я считаю, что с ним в прошлом несправедливо обошлись и совесть не позволяет мне продолжать занимать его место в Риверс Корте.

— О, не будь такой упрямой, — сказал мистер Риверс с раздражением. — Ты моя наследница и ты должна оставаться со мной до тех пор, пока не выйдешь замуж за человека, которого я одобряю.

— Я никогда не выйду замуж, — сказала Жонкиль. Затем, густо покраснев, добавила: — Снова.

— Ну-ну, ты можешь оставаться со мной.

— Нет, я чувствую, что я должна уехать и сама зарабатывать себе на жизнь. Боюсь, что теперь вам придется лишиться наследства меня, отец. О, пожалуйста, поверьте, что я благодарна вам за то, что вы удочерили меня, что дали мне такой замечательный приют. Вы поступили очень великодушно, и я всегда уважала вас, считала вас старым другом моего бедного отца.

— Только уважала — и никогда не любила! — спросил он странным голосом.

Она покраснела еще больше и сказала мягко:

— Вы никогда не нуждались в любви, отец. Вы не верите в любовь или чувства, вспомните.

Генри Риверс тяжело сглотнул. Первый раз в своей жизни он почувствовал истинное волнение. Эта девочка с ее бесстрашными глазами, гордо посаженной темноволосой головой была в этот критический час дороже ему, чем когда-либо ранее. Его мать любила Роланда Чартера, ее плоть и кровь. Но он, Генри Риверс, был больше привязан к своей приемной дочери. Если ее тайный брак и бегство ужаснули его, то сегодня он был потрясен тем, что она собирается уехать из Риверс Корта, просит его лишиться ее наследства.

Несколько мгновений он молчал. Когда он заговорил,

его голос как всегда, был резким, а лицо суровым.

— Давай не будем примешивать к деловому разговору любовь или другие чувства, — сказал он. — Давай рассмотрим вопрос беспристрастно, Жонкиль. Я простил тебя за то, что ты сделала. Теперь я прошу вернуться домой и начать новую жизнь.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Я просто не могу сделать этого, отец. Я должна уехать, должна сама заботиться о себе.

— Ты сумашедшая!

— Возможно. С моей точки зрения, я совершенно в здравом уме, — сказала она с быстрой улыбкой. — Я хочу сохранить самоуважение, свое достоинство, свою гордость. Я чуть было не потеряла все это, не так ли?

— О, будь он проклят, этот Роланд Чартер, — сказал взбешенный Риверс.

Жонкиль закрыла глаза. Острая боль внезапно пронзила ее сердце. Ах, Роланд, Роланд, которого она так сильно любила, и который так унижил ее!

Затем боль прошла. Жонкиль упорно настаивала на своем: она вернется в Риверс Корт на несколько дней, соберет свои вещи, затем поедет в Лондон и будет искать работу.

— Какую работу? — спросил он ее с раздраженным смехом. — Что ты умеешь делать? Если только ты сможешь зарабатывать, став учителем ботаники в какой-нибудь школе.

— Не хочу. Я до смерти устала от ботаники.

Он поморщился.

— Мне придется искать какую-то домашнюю работу. Я умею шить и готовить — бабушкино образование пригодится мне, — добавила она с кривой усмешкой, в которой несмотря ни на что, было столько отваги, смешанной с болью.

Мистер Риверс фыркнул.

— Домашнюю работу! Болтовня. Ты вернешься в Корт, успокоишься и забудешь всю эту чепуху, — сказал он. — Первое, что нужно сделать, это освободиться от Роланда.

— Да, — сказала она. — Я постараюсь заставить его аннулировать мой... мой брак.

Она невольно взглянула на свою левую руку. Кольца

на ней не было. Прошлой ночью она сняла это тоненькое колечко, которое он надел на ее палец в этой пыльной, мрачной регистратуре. Она плакала над желтеньким кружочком, плакала до тех пор, пока не перестала видеть; потом положила кольцо в коробочку. Она не собиралась когда-то его надевать. Однако ради любви, страсти, которую испытала, она оставила это кольцо, не смогла выбросить в мусорную кучу.

— Да, — сказала Жонкиль снова. — Я должна вернуть себе свободу. Я возьму мою девичью фамилию и буду работать, чтобы прокормить себя. Если вы захотите, я могу вернуть свою прежнюю фамилию — Жонкиль Маллори.

— Конечно нет. Ты юридически стала Жонкиль Риверс, когда я удочерил тебя.

Жонкиль тяжело вздохнула. Она очень устала бороться. Прошлой ночью ей пришлось бороться с Роландом, бороться с ее собственным неистовым, ужасным душевным волнением. Она выиграла битву на этот раз. Но сколько переживаний ждет ее впереди, сколько усилий придется потратить, прежде чем удастся обрести мир!

Генри Риверс был суровым, властным, своснравным человеком. Будучи ребенком, она считала невозможным ослушаться его или перечить ему. То, что она пережила с Роландом, изменило ее мировоззрение. Теперь она чувствовала себя совершенно независимой и не боялась этого старого человека, который так долго подавлял ее мысль и волю. Конечно, она знала, что предстоит изнурительная борьба с ним, что будет трудно уехать, не причинив массу неприятностей и боли как себе, так и ему.

Кроме того, нужно будет объясняться и с бабушкой.

На мгновение она повернула лицо к окну. Газоны на набережной, белые от инея, сверкали под ярким солнцем. Пальмовые деревья, обрамленные инеем, казались в это декабрьское утро укутаны очень тонким белым кружевом. Но мысли ее были далеко от красоты пейзажа. Усталая, ужасно обиженная человеком, которого она так страстно любила, остро ощущающая свое одиночество, она думала об отце, который умер девять лет тому назад, о матери, в нежных объятиях которых она могла бы найти прибежище и утешение.

Она горько вздохнула и повернулась к человеку, сидящему напротив нее и заканчивающему завтрак.

— Мне очень жаль, что я вас так огорчаю, — сказала она. — Но не могу переменить своего решения. Я намерена уехать из дома сразу после Нового Года, конечно, в том случае, если вы не хотите, чтобы я уехала немедленно.

Мистер Риверс поднялся и швырнул скомканную салфетку. Резким движением он два раза провел по своим густым седым усам.

— Я отказываюсь обсуждать эту нелепую затею сейчас, — сказал он. — Идем, Жонкиль. Хватит пока. Нам предстоит дальняя дорога и будет лучше, если мы поторопимся.

Жонкиль последовала за ним. Он хотел прекратить разговор. Очень хорошо. Но когда она вернется в Риверс Корт, она не переменит своего намерения. Ничто не сможет заставить ее изменить его.

Она покинула Торки в большом, мощном автомобиле, который, как всегда, вел Роулинсон. Жонкиль, укутанная в подбитый мехом плед, сидела на заднем сидении рядом с Риверсом. Было свежее, ясное, бодрящее зимнее утро. Но Жонкиль почувствовала страшную, давящую тоску, когда Роулинсон вывел машину из Торки на дорогу, ведущую в Ньютон-Аббот. Где-то здесь, между бухтой Аисти и городом находился "Палас-отель", в который Роланд привез ее, свою невесту, вчера вечером. Сколько событий произошло с тех пор! Она уезжает из Торки, направляется в Суссекс и Риверс Корт. Но Роланд, несомненно, все еще там, в комнате, которую она разделила бы с ним, если бы мистер Риверс не приехал вовремя.

Жонкиль закрыла глаза и сжала руки под меховой полостью: она думала, будет ли когда-нибудь в состоянии думать об этом месте, представлять уютную спальню в отеле без сильнейшего душевного переживания.

Она решила все начать сначала, забыть свою любовь к Роланду, разочарование, боль. Но всю обратную дорогу в Суссекс ее сердце оплакивало несостоявшееся счастье.

Старая миссис Риверс рано ложилась спать. Жонкиль и ее приемный отец вернулись в Риверс Корт поздно вечером, поэтому девушка была избавлена от муки спора или ссоры с бабушкой до следующего утра, за что она была

благодарна судьбе.

Измученная всем, что ей пришлось перенести, она крепко спала в эту ночь в спальне, которую занимала в течение многих лет. Но как только проснулась, воспоминание о Роланде и ее несчастливом замужестве вновь начали терзать ее сердце.

Все, кому приходилось переживать тяжелый душевный недуг и горе, знакомы с ужасным чувством тоски и отчаяния, которые начинают сжимать сердце в тот самый момент, когда возвращается сознание. Это почти непереносимо. Жонкиль побоялась задерживаться в постели хотя бы на минуту после того, как открыла глаза, она знала, что еще мгновение и не выдержит, зароет лицо в подушку, выплечет свое одиночество, свое горе, свою боль. Но она решила не быть слабой. Если она хочет сохранить достоинство, она должна сохранить самообладание в течение этих нескольких дней. Она быстро встала с постели, набросила халат и подошла к окну.

Ее взору открылся знакомый вид: узкие клумбы по обеим сторонам прелестной извилистой дорожки, солнечные часы и, позади, газон, спускающийся к довольно большому пруду, наполовину заросшему водяными лилиями и затемненным с одной стороны очень красивой плакучей ивой.

Это была часть сада, которую Жонкиль любила больше всего. Ребенком она часами просиживала у пруда под ивой, как зачарованная, глядела на рыбешек, стремительно проносящихся между длинными вьющимися стеблями лилий. В это утро милый ее сердцу пейзаж вызвал острый приступ отчаяния. Это был прежде дом Роланда... Именно здесь Роланд провел детство. Возможно, он тоже любил пруд и наблюдал быстро проносящихся серебряных рыбок; часто бегал по этой извилистой дорожке, мимо солнечных часов и клумб, заросших летом разноцветными душистыми цветами.

Но Роланд покинул этот сад много, много лет тому назад... А вот теперь она покидает его...

В Торки сияло солнце, но здесь, в Суссексе этим декабрьским утром было серо и уныло. Темное от тяжелых облаков небо, неприятно холодный воздух — весь этот безрадостный и пасмурный ландшафт гармонировал с душевным

состоянием Жонкиль.

Она пожила от холода и отвернулась от окна. Быстро оделась и спустилась вниз.

Миссис Риверс уже сидела за столом. Самообладание никогда не покидало ее, поэтому она мало сочувствовала странному поведению Жонкиль. Она испытала громадное потрясение, когда узнала, что Жонкиль убежала с Роландом, но это ничуть не умалило вины Жонкиль в ее глазах. Она приняла как личную обиду то, что Жонкиль так быстро забыла все, чему она ее учила, и обманула всех. Тем не менее в это утро старая леди, несмотря на всю свою чопорность, сгорала от любопытства, от желания узнать что-либо о Роланде, которого она так любила.

Обсуждать личные дела при слугах было бы непростительно в ее глазах, поэтому она ничего не сказала девушке за завтраком, кроме холодного "Доброе утро, дитя" и нескольких замечаний относительно погоды и состояния сада.

Но Жонкиль знала, что как только завтрак будет окончен, бабушка потребует сведений о Роланде. Нужно было собраться с силами, чтобы вынести этот разговор и сохранить самообладание. Позже, в библиотеке, миссис Риверс села в свое любимое кресло с высокой спинкой эпохи короля Якова Первого, ее морщинистые, тонкие руки сжали резные ручки, ее глубоко посаженные глаза устремились на Жонкиль, которая стояла несколько в стороне от нее, у французского окна — тоненькая, грациозная фигурка в сером шерстяном платье, четко вырисовывающаяся на фоне темно-коричневого бархата тяжелых портьер.

— Ну, Жонкиль, — сказала миссис Риверс. — Расскажи мне все.

Жонкиль не смотрела на нее. Она смотрела в сад, на малиновку, прыгающую и щебечущую на покрытой снегом аллее. Прелестное личико девушки было неподвижно и бледно, почти как снег. Она хотела бы забыть свое самообладание и броситься к ногам этой старой леди, которая так долго была ей бабушкой. Но она не посмела. Она осталась стоять, глядя на маленькую, занятую своим делом малиновку. Твердым голосом, лишенным всякого выражения, Жонкиль рассказала миссис Риверс все.

Старая леди наконец узнала, каким образом Жонкиль познакомилась с Роландом на балу у Поллингтонов и каким образом произошел побег.

Как Жонкиль и ожидала, ее действия подверглись резкому осуждению.

— Ты обманула меня, — сказала миссис Риверс. — Ты сказала мне, что едешь в Лондон повидаться с Дороти Оукли, а на самом деле собралась встретиться с Роландом и выйти за него замуж. Ну, это характерно для вашего поколения. Вы, современные молодые женщины, сошли с ума, потеряли чувство чести и приличия. А я думала, что ты будешь другой после воспитания в Риверс Корте.

— Мне очень жаль, бабушка, что ты ошиблась, — сказала Жонкиль, поворачиваясь к ней с короткой, усталой улыбкой.—Я не другая, я такая же, как все. И, возможно, именно из-за моей слишком затворнической жизни здесь я повела себя именно так, когда я встретила его.

— Я понимаю, что такое любовь, — сказала миссис Риверс. — Но я не понимаю полного отсутствия самообладания. Ты просто очертя голову кинулась в это тайное замужество, которое просто не могло принести тебе счастья. Оно и не принесло.

— Это не совсем так, — сказала Жонкиль. — Я была счастлива, пока я ничего не знала. Я любила его.

Страстная искренность, прозвучавшая в ее молодом голосе, заставила миссис Риверс немного поморщиться. Но она сказала с большим сочувствием:

— Ты была наказана, мое дитя. Ты теперь должна понять, что не любовь заставили Роланда жениться на тебе так скоропалительно.

Страдание, которое Жонкиль пыталась скрыть, отразилось в ее глазах. Она быстро закрыла их, затем снова открыла.

— Я знаю. И я не могу простить Роланда. Но я думаю, что обращение отца с ним озлобило и ожесточило его и что он был бы другим, если бы отец отнесся к нему с пониманием, оставил его здесь, в доме, принадлежащем ему по праву. Я уезжаю, бабушка, уезжаю, буду зарабатывать себе на жизнь сама, и, возможно, мне удастся вернуть немного гордости, которую я потеряла.

— Я не могу смотреть на вещи с твоей точки зрения, Жонкиль, — сказала старая леди. — Ты, возможно, права — в отношении Роланда. В нем было много хорошего. Я очень любила его... — ее строгий голос смягчился, — и я осуждаю твоего отца за то, что произошло... Но это не умаляет зла, которое он причинил тебе этим браком. Единственное, что ты теперь можешь сделать, это вычеркнуть его из своей жизни и снова обосноваться здесь — твой горький опыт делает тебя благоразумнее, мое бедное дитя.

Это было как бы продолжение спора Жонкиль с приемным отцом. Но Жонкиль не поддастся на уговоры, не согласится остаться в Риверс Кортс.

— Я отказываюсь принимать это как твое окончательное решение, Жонкиль, — закончила миссис Риверс; ни тени мягкости не осталось в ее голосе. — Давай сейчас прекратим этот разговор. Но позже, я надеюсь, ты одумаешься. Твой отец вовремя приехал. Никакого существенного вреда твое ненормальное поведение не принесло. Твой долг теперь состоит в том, чтобы прекратить все эти странные разговоры о гордости и тому подобное и остаться здесь с нами.

Жонкиль не видела смысла в продолжении спора. Она слишком хорошо знала бабушку. Старая леди была упряма, почти так же нетерпима, как ее сын. Жонкиль ушла. Она надела пальто, шарф и шерстяной шотландский берет, который делал ее до смешного похожей на девочку, и вышла в сад. Пасмурный зимний день не способствовал поднятию настроения. Девушка чувствовала себя совершенно покинутой и одинокой. Кроме того, каждый шаг по парку напоминал ей о Роланде — здесь он когда-то ходил, здесь был его дом. Мысль о нем причиняла боль до тех пор, пока, кажется, каждый нерв в ее теле не онемел от боли.

В конце аллеи приятный юношеский голос весело приветствовал ее.

— Привет, Килли!

Она подняла глаза. Молодой человек в твидовом костюме приближался к ней, широко шагая в сопровождении двух охотничьих собак. Она наблюдала за ним без особого восторга. Это был Билли, младший брат мужа Дороты Оукли. В прежние времена он так или иначе довольно часто встре-

чался с одинокой маленькой девочкой, которая воспитывалась как дочь и наследница Генри Риверса. Они всегда были добрыми друзьями. Теперь, когда он закончил колледж и работал в той же компании, где и его старший брат, он реже виделся с Жонкиль, но оставался ее другом и поклонником.

Дороти, его невестка, рассказала ему, что с Жонкиль что-то стряслось. Вчера Дороти позвонила взволнованная миссис Риверс с вопросом, не знает ли она, где Жонкиль. Но старая леди не дала никаких объяснений, и семья Оукли осталась в полном неведении. Они только знали, что Жонкиль убежала из дома, что казалось таинственным и волнующим. Затем из болтовни слуг они узнали, что мисс Риверс снова дома; сегодня утром Дороти порекомендовала Билли прогуляться вокруг Риверс Корта и разузнать, что там происходит.

Однако он не получил почти никакой информации от Жонкиль. Как она ни любила Билли, она сочла невозможным поведать ему о Роланде и ее неудачном побеге.

Единственно, что она ему сказала, это о намерении почти сразу уехать из Риверс Корта и искать работу.

От удивления и испуга красивое молодое лицо Билли Оукли приняло почти комическое выражение.

— Уехать из Риверс Корта искать работу, чтобы прокормить себя? Но почему, моя дорогая, моя милая Килли? Надоели мотыльки и фауна?

— Я не могу объяснить, — сказала она. — Не спрашивай меня, Билли.

— Дороти и Фрэнк правы, — подумал Билли. — Произошло что-то очень странное. Какого черта Килли нужно уезжать и работать... и почему она так выглядит?"

Ему совсем не нравилось видеть ее такой бледной, такой спокойной, такой странной. Она всегда была веселой и живой. Он посмотрел на ее изменившееся лицо и почувствовал, что сердце у него как-то странно забилося.

— Килли, старушка, — сказал он, — мы всегда были друзьями. Ты не можешь довериться мне?

Она улыбнулась ему, но глаза ее оставались печальными.

— Нет, Билл. Извини. Не задавай мне вопросов.

— Ты действительно собираешься уехать навсегда?

— Да, собираюсь.

— Но, послушай, Килли, Чанктонбридж не сможет обойтись без тебя.

— О, обойдется.

— Но я не смогу.

Жонкиль попыталась рассмеяться. Но она уловила новое выражение в глазах юноши, новую нотку в голосе, которые заставили ее внезапно вспыхнуть и отвернуться. Нет, Билли не мог вдруг влюбиться в нее после стольких лет платонической дружбы! Они росли вместе, были одногодками. Она любила его, чистого, бодрого, занятого мальчика — отличного товарища. Бабушка и мистер Риверс поощряли их дружбу; Оукли имели деньги, знали всех в графстве, кого стоило знать.

Но Жонкиль всегда относилась к Билли только как к приятелю. Его тип красоты — светлые, почти золотистые волосы, голубые глаза и розовый, здоровый цвет лица — не привлекал ее. Она всегда думала, что он считает ее другом, и ничего больше. Однако сейчас, в это холодное декабрьское утро он смотрел на нее глазами возмужалого человека, смотрел, как на женщину, женщину, за которой надо ухаживать и которую надо завоевывать.

— Не уезжай, Килли, — сказал он тихим, серьезным голосом. — Я не знаю, что тревожит тебя, старушка, и я не буду спрашивать, если ты не хочешь. Но что бы это ни было, мне невыносима мысль, что ты собираешься так неожиданно покинуть нас.

— Я должна уехать, — сказала она, не глядя на него.

— Я не могу себе представить выходные дни в Чанктонбридже, праздники — Рождество, Пасху, лето без тебя, старушка. Ты же знаешь, мы всегда были с тобой большими приятелями — все знают — Билли и Килли.

— О, да, — сказала она со смехом, который сразу же оборвался. — Я знаю это.

Он прозвал ее Килли, стал называть ее так вместо Жонкиль, много лет тому назад, когда был еще длинноногим школьником. Кияли... потому что это рифмуется с Билли... Смешной мальчишка... но добрый, веселый, на него всегда можно положиться... добрый старый Билл!

— Килли, — сказал он, вдруг поймав ее руку и сжав ее в своих руках, — мне невыносима мысль, что ты так несчастна и что ты убегаешь куда-то. Ты мне всегда нравилась, но теперь... Послушай, старушка - ты не могла бы, остаться... не могла бы остаться ради меня, то есть, я имею в виду, чтобы мы с тобой обручились? Когда-нибудь у меня будут деньги, и я неплохо зарабатываю в компании, где я работаю со стариной Фрэнком. Мы могли бы даже пожениться в следующем году... то есть, если ты постараться... проявишь интерес ко мне, Килли, дорогая.

Она стояла совершенно неподвижно - ее рука в его теплых, сильных пальцах. Несколько недель тому назад предложение Билли заставило бы ее трястись от хохота. Она дразнила бы его, подшучивала бы над ним. Но за последнее время произошло так много всего, что сделало ее мудрей. Она теперь замечала и уважала душевные волнения других людей. Глядя в голубые глаза Билли, она видела, что он серьезен и искренен в его новом пылком чувстве к ней, и она с пониманием слушала это запинаящееся, мальчишеское объяснение в любви. Оно тронуло ее, хотя и не могло вызвать ответного чувства. Выйти замуж за Билли Оукли! Невозможно - даже если бы она была свободна. Боже! Какая разница между этим предложением и предложением Роланда Чартера! Одно от застенчивого, несведущего мальчика, влюбленного в первый раз, а другое от искушенного мужчины, "самого привлекательного мужчины в Лондоне". Сможет ли она когда-нибудь забыть это описание, данное Микки Поллингтон? Привлекательный... О, да... Роланд, с его худым, загорелым лицом и циничными, красивыми глазами... Роланд, с его ленивым голосом, подтрунивающим над ее смущением... Роланд, страстный, удивительный, целующий ее губы.

Но это все уже отошло в прошлое, а то, что она приняла за любовь, было просто желание. "Любовь мужчины... и жизнь мужчины идут раздельно."

— Килли, — услышала она взволнованный мальчишеский голос молодого Оукли. — Почему ты так смотришь? Почему? Кто сделал тебе больно? Килли, дорогая, я тебе совсем безразличен? Ты не можешь обещать мне выйти за меня замуж, остаться в Риверс Кортс ради меня?

Мучительный вздох вырвался из ее груди. Бледное личико под прямой черной челкой выглядело застывшим и изможденным. Но она мягко заговорила с юношей.

— Билл, прости меня. Я не могу обещать тебе выйти за тебя замуж.

— Но почему, почему, Килли?

Она чуть не сказала: "Потому что я замужем, я уже замужем, я жена Роланда Чартера..." Но заколебалась: жена - однако не жена... Она больше не принадлежала Роланду. Она собиралась бороться за свою свободу. Зачем говорить Билли Оукли об ее роковой ошибке?

Билли же никак не хотел отступить. Никогда до сих пор он не осознавал, как дорога ему Жонкиль Риверс, как он любит ее. Удержать ее в Чанктонбридже, получить согласие на обручение стало теперь единственным стремлением его молодой жизни.

Но на все его робкие объяснения в любви Жонкиль давала один и тот же ответ.

— Это невозможно, Билли, я не могу выйти за тебя замуж. Прости меня, не проси ничего объяснить. Я собираюсь уезжать одна, да, совершенно одна, я тебя уверяю.

Именно после этих слов она посмотрела через плечо Билли и увидела высокую темную фигуру мужчины, быстро идущего к ним по покрытой снегом аллее. Сердце чуть не выпрыгнуло у нее из груди. Она узнала эту фигуру, эту походку, она узнала бы их среди тысяч других, Роланд!..

Билли заметил, как странно сжались ее губы, как напряглась вся ее стройная фигурка.

— В чем дело, старушка? — спросил он.

Она не ответила. Он проследил за ее взглядом, поворачивая свою светловолосую голову до тех пор, пока не увидел то, что видела она - высокого человека в синем пальто и мягкой серой шляпе, человека с худым, загорелым лицом. Билли никогда не встречался с ним, их семья обосновалась в Чанктонбридже полгода спустя после ухода Роланда Чартера из дома.

— Кто это, Килли? — прошептал он.

Роланд Чартер заговорил прежде, чем Жонкиль успела ответить. Он видел, что юноша крепко держит ее за руку, что-то в его позе выдавало в нем влюбленного, а не просто

приятеля, и горячая, примитивная ревность пронзила Роланда до глубины души. Он забыл все, кроме того, что он любит Жонкиль, последовал за ней сюда по той простой причине, что не может жить без нее. Он быстро стал рядом с ней и нарочито по-свойски обнял ее за плечи.

— Разрешите представиться, — сказал он. — Я Роланд Чартер. Жонкиль — моя жена.

Глава 9

Заявление Роланда произвело большое впечатление. Билли Оукли был поражен, так поражен, что сначала мог только молча таращить глаза на незнакомца, который посмел представиться как муж Жонкиль Риверс.

Если бы это молчание затянулось дальше, Жонкиль расхохоталась бы. Она была на грани истерики. Когда рука Роланда легла ей на плечи, она вся напряглась. Но затем почувствовала себя безвольной, беспомощной, полностью отупевшей. Она не могла ясно мыслить, не могла понять, зачем Роланд присхал в Чанктонбридж и какое удовлетворение получил от того, что открыто сообщил о своей связи с ней.

Билли несколько разрядил довольно напряженную обстановку, разразившись быстрой, негодующей речью. Он был вспыльчивый юноша.

— Послушайте... послушайте... я что-то не понимаю, о чем вы говорите? — произнес он, заикаясь. (Не следует забывать, что Билли был очень молод!) — Жонкиль — ваша жена? Но она не замужем. Послушай, Килли, ты ведь не замужем, правда? Это глупая шутка, да?

— О, нет, — сказал Роланд прежде, чем Жонкиль успела ответить. — Это совсем не глупая шутка. Килли, как вы ее называете, вышла замуж — и за меня.

Билли заморгал глазами. Его щеки стали пунцовыми. Затем он стремительно повернулся к Жонкиль.

— Килли, старушка, — воскликнул он. — Скажи мне, что это неправда, что это шутка. Мы знакомы много лет. Мы старые приятели. Кто этот парень? Почему он говорит,

что ты его жена?

Жонкиль пришлось сделать огромное усилие, чтобы говорить спокойно, не поддаваясь истерике. Но вначале она освободилась из-под руки Роланда. Его прикосновение слишком волновало ее. Она не могла быть спокойной, пока его рука лежала на ее плечах. Это прикосновение оживляло такие болезненные воспоминания...

— Нет, он не шутит... это... это правда, — сказала она — Он... я... я... я замужем.

— Боже мой! — выдохнул Билли

— Да, конечно, это большой сюрприз для тебя. — сказала она неудачно.

— Более чем сюрприз — ужасный удар. — сказал юноша.

Кровь отхлынула от его лица. Он был теперь бледен, усмешка исказила его губы. Он никак не мог справиться со своими чувствами и обрести равновесие. Он только что осознал, что любит Жонкиль, объяснился ей в любви. И через несколько минут узнает, что она уже замужняя женщина... Маленькая Килли... подруга его детских игр!.. Он был вынужден вычеркнуть свое недавно обретенное чувство и вести себя, как обычный, равнодушный приятель. Это было очень тяжело.

Улыбка, скорее горькая, чем насмешливая, играла на губах Роланда. Он уже понял все, что только что произошло между этими двумя людьми. Парень, кстати, очень приятный парень. влюблен в Жонкиль, сделал ей предложение. Он ей нравится... Но она не любит его, нет, Роланд был совершенно уверен, что у Жонкиль не было серьезных намерений по отношению к этому мальчику.

— Простите, если я был несколько резок, когда представлялся. — сказал он. — Боюсь, был несколько бесцеремонен Жонкиль, — ты не сказала мне имя твоего... э, ... приятеля.

Она была потрясена. Но самообладание не покинуло ее. Она нахмурилась.

— Это мистер Уильям Оукли, он живет рядом с нами. — сказала она. — Мы давно дружим. Но я не понимаю, почему я должна представлять тебя или почему ты должен приезжать сюда и рассказывать Билли о нашем... нашем

браке. Тебе недостаточно того горя, которое ты мне принес, ты хочешь и дальше причинять мне неприятности?

При слове "горе" Билли насторожился. О чем Жонкиль говорит? Не совершила ли она какой-нибудь ужасной ошибки? Он начал понимать теперь, почему старая миссис Риверс так загадочно говорила по телефону о Жонкиль. Он с испугом посмотрел на нее.

— Килли. -- сказал он. — В чем дело? Что ты надела? Почему так волновалась миссис Риверс? Ты не можешь мне сказать?

— Не могу... сейчас, — ответила она. — Не спрашивай меня, пожалуйста, Билли. И если ты хоть немножко любишь меня, пожалуйста, держи в тайне то, что ты узнал, не говори Дороти или еще кому. Я напишу тебе, или мы встретимся позже, и я все тебе объясню.

— Но я... я не понимаю, — проговорил он, запинаясь. — Ты жена мистера Чартера. Килли, и...

— Да, да, — прервала она его. — Но это только временно. Я могу сразу сказать тебе, что я намерена аннулировать этот брак. А теперь, пожалуйста, иди, Билли и помни, я хочу, чтобы ты сохранил мою тайну. Никто ничего не знает, никто на свете, кроме тебя, бабушки и отца.

Билли взглянул на Роланда Чартера, который стоял, засунув руки в карманы пальто; его глаза неотрывно смотрели на Жонкиль. На губах Роланда все еще играла горькая улыбка, но его глаза были непроницаемы. Он не прерывал свою жену. Он дал ей возможность сказать все, что она хотела сказать; он не взял на себя труд отрицать что-либо или возражать против какого-либо из ее заявлений. Билли сгорал от любопытства. Кроме того, он был основательно расстроен. Он в первый раз в жизни влюбился, а девушка оказалась замужем за челоуеком, которого она явно не любит. Он никак не мог понять, что все это значит. Однако Жонкиль просила его хранить все в тайне и обещала позже все объяснить. В нем вспыхнули рыцарские чувства. Он неожиданно шагнул к ней, умышленно игнорируя Роланда, и сжал обе ее руки в своих.

— Ладно, старушка, — сказал он. — Ты знаешь, что я твой друг, и что я люблю тебя больше всех на свете, и если я могу как-то тебе помочь, я помогу. Ни одна душа не узна-

ет ничего. Только поклянись, Килли, что ты дашь мне знать, когда я буду тебе нужен.

Жонкиль, тронутая его юношеской галантностью, сжала его руки в ответ. Неожиданно слезы обожгли ее веки, когда она отвечала ему.

— Спасибо, Билл, громадное спасибо. Возможно, вскоре мне понадобится твоя дружба. Я дам тебе знать. До свидания. Не забудь — никто не знает...

— От меня никто ничего не узнает, — пообещал он. — До свидания, Килли.

Он бросил еще один взгляд на Роланда — взгляд, выражающий пренебрежение и недоверие. "Что за парень, — думал он, — и какое он имел право жениться на Килли и сделать ее несчастной?" С беспокойством взглянув еще раз на девушку, он повернулся и пошел по аллее в сопровождении своих собак.

Роланд и Жонкиль смотрели друг на друга.

— Ну? — сказала Жонкиль, вскинув голову. — Как ты смел сделать это, Роланд? Какое ты имеешь право говорить Билли или кому бы то ни было, что я твоя жена?

— Я имею все права. — сказал он хладнокровно. — Ты моя жена.

Ее лицо стало пунцовым.

— По закону — да. Но я скажу тебе еще до того, как уехала из Торки, что я собираюсь аннулировать брак, и ничто не заставит меня жить с тобой или считать себя твоей женой.

Роланд вытащил сигарету из кармана, прикурил, затем бросил спичку в куст боярышника. На мгновение он отвел взгляд от лица Жонкиль и посмотрел вокруг. В это зимнее утро в аллее было тихо, мрачно и безрадостно. Высокие деревья, засыпанные инеем, стояли застывшие и неутешные, вздымая голые ветви к тяжелому, свинцовому небу. Время от времени холодный порыв ветра проносился вдоль дороги, гоня перед собой опавшие листья и сухие ветки. Наводящее уныние декабрьское утро. И настроение Роланда Чартера соответствовало погоде. Он стоял рядом с Жонкиль в аллее, так ему знакомой, смотрел вдоль нее на увитые плющом стены дома, который когда-то был его домом и который он должен был унаследовать. Роланд был очень

подавлен, хотя приехал в Чанктонбридж, исполненный решимости бороться за свою жену, бороться до конца. Он любит ее. Любит всеми фибрами души и не собирается наблюдать со стороны, как она уходит из его жизни, не собирается позволить ей разорвать своими слабыми руками узы, которые связывают их.

Один раз, только один раз в своей жизни он потерял самсобладание, познал мучительную горечь слез. Это было в спальне отеля в Торки в их свадебную ночь, когда Жонкиль сказала ему "до свидания". Он стоял перед ней на коленях, его слезы падали на ее руки — он умолял о снисхождении. Но как только она ушла, он начал презирать себя за это. Никогда снова он не покажет ей свою слабость. Он будет сильным — жестким, безжалостным, циничным — таким, каким был раньше. Он любит ее и намерен вернуть ее любовь.

Когда он увидел ее рядом с Билли Оукли, в нем вспыхнула ревность. Но это быстро прошло: такой еще неоперившийся птенец не может увести у него Жонкиль.

Роланд долго курил, не говоря ни слова. Затем снова посмотрел на Жонкиль.

— Я хорошо помню, что ты сказала мне о своем намерении аннулировать наш брак, — сказал он. — Я ответил тебе, что ты не можешь его аннулировать. Только я могу это сделать, но не буду. Ты нужна мне, Жонкиль, и я не успокоюсь, пока не верну тебя.

Она нетерпеливо покрутила головой. Сердце билось так сильно, что казалось, его биение сотрясает все ее тело. На нее смотрел не тот кающийся, несчастный Роланд, которого она оставила в Торки. Перед пей стоял прежний Роланд — упрямый, целеустремленный, властный. "Ты нужна мне, Жонкиль!.." Как жутко серьезно произнес он эти слова!

— Ты никогда не вернешь меня, — сказала она. — И ты не имел права приезжать в Риверс Корт.

— Мне очень жаль, что я прервал пасторальную идиллию между мистером... э... Уильямом Оукли и моей женой, — сказал он, растягивая слова.

Жонкиль задел его насмешливый тон.

— Не надо насмехаться над Билли, — сказала она. —

Он мой друг.

— Я так и понял. И ты должна признать, что в данных обстоятельствах я вел себя очень хорошо. Я позволил ему излить его увсерсия в вечной готовности позаботиться о тебе и утвердиться в надежде, что ты дашь ему знать, когда почувствуешь потребность в нем. Я даже разрешил ему пылко сжимать твои обе руки, не выразив ни малейшего протеста.

Насмешливый голос резал ее, как ножом. Красная до корней волос, она смотрела на него, сжав руки.

— А почему ты должен протестовать? Даже если бы он целовал меня, ты не мог бы протестовать. По закону ты мой муж, но я презираю тебя. Я ненавижу тебя за то, что ты так бесстыдно обманул меня, и твои желания для меня равным счетом ничего не значат.

Роланд мрачно улыбнулся.

— Ты презираешь и ненавидишь меня, не так ли, Жонкиль? Ну хорошо, ты не можешь оскорбить меня больше, чем ты сделала в Торки, когда уехала от меня в нашу свадебную ночь, поэтому говори, что хочешь. Что еще?

Она прикусила дрожащую нижнюю губу. Упоминание об их свадебной ночи почти лишило ее того самооблазания, которое она так старалась сохранить. "Воспоминание об этом причиняет боль ему! А мне?!" — думала она с горечью. Он сам во всем виноват. Правда, его угрызения совести были, видимо, неподдельными и острыми... Но в ней бушевали чувства разочарования, разбитой веры, уязвленной гордости.

Как и Роланд, она решила быть сильной и приняла жестокую необходимость подавить чувства и любовь. Она совершила ошибку, теперь нужно постараться исправить ее. Добиться этого можно, только сохраняя холодную жесткую позицию, такую же упорную, как его позиция. Главное — проявить твердость.

— Он, кажется, хороший парень, этот твой друг Билли, — услышала она голос Роланда. — Я сочувствую ему, если он думал, что ты не замужем и лелеял надежды...

— Побереги свое сочувствие для других. Билли в нем не нуждается. — прервала она его. — А теперь, пожалуйста, прекрати насмешки и скажи мне прямо, зачем ты при-

схал.

Он угрюмо смотрел на нее какое-то время. Он, конечно, ожидал, что она будет суровой, но не настолько. Внезапно он почувствовал острые угрызения совести. Каким милым ребенком — беззаботным, счастливым, доверчивым — она была, когда он познакомился с ней и увлек ее. Как она изменилась! Она страдает из-за него. Он ненавидел себя за боль, которую видел в ее глазах.

— Жонкиль, послушай меня, — сказал он, и теперь в его голосе не было насмешки, только искренность. — Я люблю тебя; веришь ты мне или нет, мне сейчас все равно. Ничто не может изменить этого факта. Я люблю тебя. Что бы я ни чувствовал вначале, когда женился на тебе, сейчас я люблю тебя и прошу тебя простить меня на этот раз.

— Нет, я не могу, — сказала она. — Я поверила тебе однажды, Роланд, но больше не могу.

Он продолжал упорно:

— Нет, ты можешь, ты должна, Жонкиль. Вернись ко мне, позволь мне служить тебе! Я готов на все, чтобы доказать, что я искренен.

— Ты можешь доказать это, только освободив меня от брачного обязательства, которое я дала, не зная, кто ты и что ты из себя представляешь.

— Нет, — сказал Роланд. — Я не могу освободить тебя, Жонкиль. Я хочу, чтобы ты вернулась. Я никогда не откажусь от тебя.

Она устало закрыла глаза, затем посмотрела на него долгим холодным взглядом.

— Ты сделал все, что мог, чтобы разрушить мою жизнь и разбить мое сердце. — сказала она. — Теперь ты собираешься усугубить зло, мучая и преследуя меня?

— Боже, — сказал он тихо. — Ты до такой степени презираешь меня, Жонкиль?

Она отвернулась от него, боясь продолжать этот разговор. В течение последних суток она приложила столько усилий, чтобы оградить свои чувства стеной льда и сдержанности, и в какой-то мере преуспела в этом. Но чувства продолжали жить и за этой, увы, непрочной стеной. Она знала, что чувствам ничего не стоит пробить брешь в стене и затопить все ее существо. Прежде она обожала Роланда.

Он был для нее богом. Его поцелуи, его прикосновения обладали силой взволновать ее гораздо больше, чем она могла себе когда-либо представить. И она все еще любила его. В глубине сердца она жаждала его любви, страстного прикосновения его губ к ее губам. Но ничто на свете не заставит ее позволить ему сделать это! Она сказала ему, что ненавидит его... она будет ненавидеть его, вскоре вырвет кровоточащие корни истинного чувства, и цветок любви никогда не вырастет. Но сейчас, так скоро после божественного цветения, это было очень трудно, и, учитывая, что она так молода, так одинока, борьба шла против значительно превосходящих сил противника.

Жонкиль снова заговорила, не поворачиваясь к нему лицом:

— Ничего хорошего не выйдет из этого нового разговора, Роланд. Мы все обсудили в Торки. Пожалуйста, уходи. Я не хочу видеть тебя. Кроме того, если отец узнает, что ты здесь...

— О, да, то-то будет беда, — закончил он за нее. — Но мне безразлично, что скажет или сделает дядя Генри. Его оскорбления не трогают меня. Только твои.

— Ты заслуживаешь их.

— Совершенно верно, — он резко рассмеялся. — Ну, продолжай, оскорбляй меня, сколько хочешь. Это причиняет боль, но я не изменю своего решения вернуть тебя.

Голова Жонкиль раскалывалась от боли. Она почувствовала, что не выдержит, если не побудет одна и не отдохнет. Вдали от него она обретала силы. Но его присутствие натягивало ее способность к сопротивлению до точки разрыва.

— До свидания, Роланд, — сказала она тихо. — Я уйду. Тебе лучше уехать из Чанктонбриджа. Я не советую тебе оставаться.

— Мои вещи в "Пастухе и собаке", — сказал он.

— Это ерунда, — сказала она, круто оборачиваясь и снова оказываясь с ним лицом к лицу. — Роланд, у тебя есть чувство приличия? Какое ты имеешь право так меня преследовать?

Улыбка чистой нежности, без всякой горечи, осветила его лицо. Он сжал ее руку выше локтя.

— О, Жонкиль, маленькая Жонкиль! Я не преследую, — проговорил он тихо. — я люблю тебя. Я хотел бы стать на колени здесь, на дороге, и целовать твои ноги, моя дорогая. Я не хочу беспокоить тебя, мне бы только получить еще один шанс завоевать твою любовь.

Щеки ее вспыхнули. Она покачала головой и выдернула руку. Она не могла допустить, чтобы он дотрагивался до нее. Затем она побежала от него по белой от инея дорожке к дому. Он видел, как она вбежала внутрь через сводчатую дверь.

Какое-то мгновение он стоял, глядя ей вслед, затем выбросил окурок и медленно пошел к дому.

Глава 10

Из зарешеченного окна библиотеки старая миссис Риверс увидела хорошо знакомую фигуру своего внука, быстро идущего по аллее по направлению к дому.

Старая леди была потрясена. Несколько раньше она видела, как бежала домой Жонкиль, и удивилась, почему девушка так спешила. Теперь она поняла. Роланд в Чаиктонбридже, и даже осмелился появиться в Риверс Кортэ.

Ее первым чувством был страх, испуг. Если Геири увидит Роланда здесь, будет ужасный скандал. Она знала раздражительность, неуправляемость Генри. Не был ли именно его горячий нрав причиной нынешних несчастий? В слепой ярости он выгнал из дома своего молодого племянника. Что он может натворить сейчас, если узнает, что Роланд снова здесь, после своей дерзкой жеитьбы на Жонкиль, избранной, как орудие мести?

Старая леди тоже была по-своему сурова. Но, глядя на внука, которого продолжала любить в течение долгих печальных лет неизвестности и разлуки, она почувствовала, как сильно забилось ее сердце. Любой ценой нужно предотвратить еще одну ссору между ним и ее сыном.

Она сама открыла входную дверь Роланду до того, как тот успел позвонить. Ее пергаментное лицо было бледно, а сжатые губы дрожали.

— О, Ролли, мой дорогой мальчик! — воскликнула она.
— Зачем ты приехал?

Роланд несколько мгновений не отвечал. Он был явно взволнован встречей с бабушкой. Он тоже любил ее и знал, что был ее любимцем, так же, как его мать была любимицей этой большой семьи. Он знал, конечно, и то, что бабушка держала его сторону в той мучительной ссоре девять лет тому назад, что она горевала, когда он уехал.

"Сильно постарела", — подумал он. Когда он жил в Риверс Корте, ее волосы отливали серебром, теперь они были абсолютно белыми. И новые морщины прибавились на лице. Блестящие голубые глаза, которые он унаследовал, полиняли. Весь ее облик (она все еще носила старомодные строгие платья, которые он помнил), детское имя Ролли, которое он не слышал с тех пор, как попрощался с ней девять лет тому назад, глубоко тронули его.

— Бабушка! — воскликнул он. — Дорогая старенькая бабушка!

Он все еще в дверях взял обе ее руки и поцеловал их. Миссис Риверс была сильно взволнована. Перед ней стоял прежний Роланд, прежний славный, галантный, милый Ролли, которого она любила, несмотря на все его глупости.

— Я счастлив видеть тебя снова, бабушка, — сказал он.

Но она внезапно выпрямилась и поджала губы. Она вспомнила о его браке с Жонкиль. Это был самый худший из всех его дурных поступков, и она не должна проявлять слабости или сентиментальности по отношению к нему.

— Роланд, — сказала она сурово. — тебе не надо было приходить сюда. О, мой дорогой мальчик, что заставило тебя обмануть Жонкиль и уговорить ее выйти за тебя замуж таким бесчестным способом? Это было низко, недостойно тебя. Непростительно. Роланд!

Он со вздохом выпустил ее руки.

— Я забыл, что я в немилости, бабушка. Я был так рад видеть тебя.

— Ну-ну, — говорила старуха, вытаскивая большой носовой платок и громко сморкаясь. — Я удивляюсь тебе, Роланд. Следовало бы быть более деликатным, более тактичным и не приезжать в Риверс Корт, да еще сейчас.

— Я приехал, чтобы увидеть свою жену, — сказал он

спокойно, — просить ее простить меня.

— Ну что ты тут стоишь на этом пронизывающем ветру? — сказала она нерешительно. — Но... я, к сожалению, не могу пригласить тебя войти в дом, мой мальчик, и право...

— Не беспокойся обо мне, бабушка, и сама не стой на сквозняке.

Она смягчилась. Но что она могла поделать? Как все женщины, старая леди не могла не поддаться обаянию Роланда. Он всегда был предан ей, заботился о ней. Ничего удивительного, что Жонкиль полюбила его и вышла за него замуж. Миссис Риверс жалела Жонкиль.

— Ролли, — сказала она, — я не думаю, что ты чего-нибудь добьешься. Жонкиль не простит тебя. Ты сильно обидел ее. Ты должен дать ей свободу и снова уехать.

Но пока говорила, она отмечала, каким измученным выглядит красивое лицо Роланда при сером дневном свете, какой он усталый и несчастный. Сердце ее болело о нем. Он был ее собственная плоть и кровь.

Однако ей не удалось продолжить этот разговор. Твердые быстрые шаги по полированному дубовому паркету позади нее заставили ее вздрогнуть и оглянуться.

— Генри! — произнесла она испуганно.

— Ну, сейчас начнется, — тихо проговорил Роланд.

Генри Риверс быстрыми шагами подошел к двери и горящими от ярости глазами уставился на человека, стоящего в дверях.

— Ты! — сказал он. — Что ты здесь делаешь? Убирайся!

Роланд спокойно встретил взгляд Генри Риверса.

— Я не собираюсь убираться, дядя Генри, — сказал он. — Я приехал, чтобы увидеть мою жену, и я увижу ее.

— Ты уже встречался с ней. Она в библиотеке. Я только что разговаривал с ней. Она сказала мне, что ты здесь и что она предпочитает больше не разговаривать с тобой. Не о чем больше говорить. Она должна получить свободу, и, ей-Богу, ты ей дашь ее. Ты — мерзавец!

Миссис Риверс схватила его за руку.

— Тихо, тихо, Генри, — сказала она обеспокоенно. — Не кричи, пожалуйста. Ты хочешь, чтобы слуги услышали.

хочешь скандала?

— Мне безразлично, кто меня слышит! — отчеканил мистер Риверс в ответ; лицо его побагровело, скулы ходили ходуном. — Пожалуйста, мама, иди в дом и предоставь мне самому разобраться с этим молодым негодяем.

— Ты можешь обзывать меня, дядя Генри, но это ничего не изменит, — сказал Роланд невозмутимо. — Будь я на твоём месте, я бы воздержался от этой ссоры. Я не хочу устраивать скандала и не хочу, чтобы ты втягивал меня в скандал. Я хочу видеть Жонкиль.

— Ты не увидишь ее. Она не хочет! — закричал мистер Риверс. — Ты сделал все, что мог, чтобы испортить ее жизнь и причинить страдания, пытаясь увести мою приемную дочь. Но ты не добьешься своего. Я не позволю Жонкиль уйти. Она хочет уехать и зарабатывать себе на жизнь сама, но я не разрешу ей! Она — моя наследница! Но ты аннулируешь брак, слышишь? Я не хочу, чтобы деньги, которые она получит, достались тебе.

Роланд напрягся.

— Мне не нужны твои деньги, дядя Генри, — сказал он. — Пойми это. Я не хочу ни одного пенса из них. Я намерен сам зарабатывать. Но мне нужна моя жена.

Мистер Риверс задыхался от ярости. Его глаза чуть не вылезали из орбит. Он забыл, что говорил ему врч в Висбадене. Забыл, как его предупреждали, чтобы он не давал волю своей горячности. Вид племянника, которого он ненавидел и который стоял в дверях так спокойно и так хладнокровно требовал Жонкиль, привел его в ярость.

— Убирайся, — сказал он хрипло. — Ты слышишь, Роланд Чартер? Вон! Вон из моего дома, чтобы я тебя не видел, слышишь!

— Генри! Генри! — вскричала его мать.

Мистер Риверс направил трясущийся налеч на Роланда.

— Ты слышишь меня?! — закричал он. — Убирайся, или я позову садовников и заставлю их вышвырнуть тебя отсюда!

Роланд твердо смотрел ему в лицо, не теряя самообладания.

— Девять лет тому назад ты приказал мне уйти из до-

ма, и я ушел, — сказал он. — Но теперь я не мальчик, и я не боюсь тебя, дядя Генри. Я не уйду без Жонкиль.

— Она не пойдет с тобой, а если она захочет уйти, я ей не позволю. Убирайся, черт возьми!

— Генри! — пыталась протестовать миссис Риверс.

Мистер Риверс двинулся к племяннику, сжав кулаки и подняв руки над головой; похоже, что он хотел ударить Роланда. Щеки и даже губы Риверса стали фиолетовыми. Вдруг он прижал руку к сердцу. Его выпученные глаза смотрели удивленно, потом испуганно.

— О!.. — задыхался он. — О...

— Генри, что с тобой?! — воскликнула миссис Риверс, испуганная его видом.

Он не ответил. Судорога исказила его черты. Он рухнул на пол и остался лежать без малейшего движения.

Старая миссис Риверс закричала:

— Генри! Генри! Сын мой!

Затем позвала еще отчаянней:

— Жонкиль, о Жонкиль, иди скорей!

Жонкиль в течение всего разговора стояла в дверях библиотеки и, дрожа всем телом, слушала гневный голос приемного отца. Теперь, в ответ на крик миссис Риверс, кинулась в прихожую, увидела Роланда, стоящего на коленях рядом с распростертым на полу телом своего дяди, и испуганно вскрикнула:

— О, что случилось?

Миссис Риверс протянула к ней трясущуюся руку:

— Моя дорогая, доктора, быстро, у твоего отца удар... — начала она.

Но Роланд покачал головой. Медленно поднимаясь на ноги, он переводил взгляд с бабушки на девушку.

— Я думаю, что доктор уже не поможет, — сказал он.

— Это больше чем удар, бабушка. Это паралич сердца.

— Ты хочешь сказать, что он мертв?

Роланд наклонил голову.

Глава 11

Жонкиль бросилась вперед и упала на колени у неподвижного тела Генри Риверса.

— Он не мог умереть, о, он не мог умереть! — выкрикивала она.

Но одного взгляда на белое лицо и широко открытые неподвижные глаза ее приемного отца было достаточно, чтобы убедиться, что Роланд был прав. Дрожа всем телом, Жонкиль встала на ноги и пошатнулась; казалось, она сейчас упадет в обморок. Роланд поддержал ее. Но это прикосновение ударило ее, как током. Она оттолкнула его, испепеляя горящими глазами.

— Не смей дотрагиваться до меня! — сказала она. — Ты это сделал... Ты убил его... ты... ты.

— Успокойся, Жонкиль! — прервала ее миссис Риверс. Старуха уже обрела свою обычную прямую осанку. Она, мать умершего, была самой спокойной из троих, стоявших над распростертым телом. Только на мгновение боль потери захлестнула ее, она оглянулась на много лет назад и увидела Генри не суровым, нетерпимым мужчиной, а маленьким мальчиком, ребенком, которого она любила и которым так гордилась. Но вот слабость прошла. В Генриетте Риверс проявился спартанский дух. Она всегда подавляла свои чувства, считала проявление личных переживаний на людях дурным тоном. Суровое самовоспитание помогло ей сохранить выдержку в час испытаний. Ей было трудно, но лицо ее было будто высечено из гранита, руки опущены вдоль тела, голову она держала прямо.

— Не надо истерик, пожалуйста, Жонкиль! — сказала она тихо. — Сейчас не время и не место обвинять Роланда. Кроме того, нелепо говорить, что он виноват в смерти своего дяди. Генри убила его собственная неуправляемая горячность. Он уже несколько месяцев страдал от болезней сердца. Врачи в Висбадене предупреждали о необходимости сохранять спокойствие. Иди в свою комнату, моя дорогая девочка, если хочешь дать волю своим чувствам. Роланд, будь добр, сейчас же позвони доктору Конуэю. Его номер — Чанктонбридж, три.

Самообладание Генриетты Риверс оказало успокаивающее действие на Жонкиль и на Роланда. Упрек бабушки заставил ее вспыхнуть.

— Прости, бабушка, — сказала она тихо, не глядя больше на Роланда. — Я забылась. Я позвоню доктору Коноусю.

Она поспешила к телефону. Через минуту миссис Риверс и Роланд услышали ее голос, теперь совершенно ровный. Она просила местного врача срочно приехать в Риверс Корт.

Роланд не произнес ни слова с тех пор, как он сказал бабушке, что Генри Риверс умер. Очень бледный, он стоял и не отводил взгляда от тела своего дяди. Он никогда не любил его, между ними никогда не было дружеских отношений, но он, естественно, был потрясен и расстроен его внезапной смертью. Страшно видеть, как внешне здоровый, сильный человек, только что стоявший перед тобой, вдруг падает мертвым к твоим ногам.

Роланд хотел закурить, чтобы успокоить нервы, но, повертев в руках портсигар, сунул его обратно в карман, не вынув сигареты, и подошел к бабушке.

— Бабушка, — сказал он, откашливаясь, — иди сядь. Не стой здесь. Может быть, мне позвать кого-нибудь из слуг помочь перенести дядю Генри наверх?

— Нет. Пусть останется здесь до прихода доктора. Лучшее пока не трогать его, — сказала миссис Риверс.

Она оперлась на руку Роланда и позволила ему проводить себя до кресла. Усевшись, она сняла очки и протерла их большим носовым платком. Затем, глубоко вздохнув, она откинулась на спинку кресла и посмотрела на Роланда.

— Я рада, что ты здесь и поможешь нам, Роланд, — сказала она спокойно.

Он прикусил нижнюю губу.

— Ты не думаешь, как Жонкиль? — спросил он. — Ты не думаешь, что я виноват в его смерти?

— Конечно, нет. Жонкиль очень молода, глупый ребенок, и естественно, не может хорошо думать о тебе после того, как ты так дурно поступил с ней. Но я не считаю тебя ответственным за кончину твоего дяди. Как я только что сказала, у него было слабое сердце, и врачи его предупреж-

дали, чтобы он не давал волю своему неистовому темпераменту. Бедный Генри, — сказала она дрогнувшим голосом, — как много, много раз я предупреждала его, чтобы он сдерживал этот свой ужасный гнев. Если бы он прислушивался к моим словам! Он не выгнал бы тебя из этого дома девять лет тому назад.

— Но если бы я не ворвался сегодня сюда, он был бы сейчас жив. Я никогда не прощу себе этого, — сказал Роланд, закрывая глаза рукой. — Жонкиль права, я виноват.

— Ну, ну, Роланд, — сказала старуха сурово. — Нужно ли тебе тоже давать волю необузданным глупым чувствам? Это чистая истерика. У вас, современных молодых людей, нет никакого самообладания.

Роланд отнял руку от глаз, вытащил портсигар и закурил сигарету. Какое-то время он молча курил. Затем сказал:

— Ты замечательная женщина, бабушка. Один Бог знает, насколько современный мир был бы лучше, если бы было больше людей, обладающих твоим мужеством и мировоззрением.

— Это не мужество и не мировоззрение. Это здравый смысл, — сказала миссис Риверс. — Если бы зло можно было исправить, или горести облегчить, или мертвых вернуть к жизни истериками и сценами, тогда бы я, конечно, дала волю своим чувствам. Но так как это невозможно, более разумно и менее тяжело для окружающих сохранять спокойствие.

Роланд кивнул. Замечательная бабушка! Та же практичная, строгая, надежная бабушка, что и много лет назад. Как хорошо он помнит ее великолепное самообладание, ее здравый смысл, ее краткие наставления. В ее присутствии он снова чувствовал себя маленьким мальчиком.

Вошла Жонкиль. Все перевернулось внутри "маленького мальчика", когда он взглянул на нее. Она была его женой, эта девушка, которая так круто изменила свое отношение к нему и без малейшего снисхождения осудила его над телом дяди; его жена — и он обожал ее. Но она ненавидела и презирала его. Из-за нее он чувствовал себя очень старым и безнадежно усталым.

Миссис Риверс обратилась к девушке:

— Ну, Жонкиль, Коизуэй едет?

— Да, бабушка, уже едет.

— Очень хорошо. Когда он приедет, он, Роланд и Питерс перенесут твоего отца наверх. Я только хочу сказать вам до прихода доктора, что я желаю, чтобы вы оба отбросили наши личные переживания и горести и сохраняли мир до похорон Генри. Потом, если вам надо ссориться - ссорьтесь. Но я не хочу, чтобы вы пререкались и нарушали покой этого дома, пока здесь лежит тело моего сына.

Несколько мгновений Жонкиль ничего не говорила. Горячая волна протеста поднималась в ней. Казалось, что любовь и страсть, которые она раньше питала к Роланду, были вырваны с корнем. Его приезд в Риверс Корт стал причиной смерти ее приемного отца. Она была ужасно потрясена, ее нервы были напряжены до предела. чувства обострены и мысли искажены. Она никогда особенно не любила мистера Риверса, но никогда и не питала к нему неприязни. Она была благодарна ему за то, что он удочерил ее и дал ей кров. Она помнила, что он был другом ее отца. Ссора с Роландом вызвала паралич сердца, поэтому она считала Роланда виноватым. Ко всем обидам, накопившимся в ее душе против него, к злу, которое он причинил ей лично, добавилась смерть ее приемного отца. И ей несколько не было жаль Роланда, хотя он выглядел таким бледным, усталым и очень расстроенным.

Глубоко посаженные глаза миссис Риверс из-под очков наблюдали за девушкой. Она поджала губы и покачала головой.

— Жонкиль, Жонкиль! — сказала она. — Ты совсем не научилась владеть собой даже после стольких лет, проведенных подле меня. Можно ли прежде всего думать о своих обидах и игнорировать мои пожелания?

— Нет, — сказала Жонкиль с усилием. — Я сделаю, как ты просишь, бабушка. С моей стороны не будет никаких ссор или беспокойств.

— Благодарю тебя, мое дитя, — сказала старуха. — И не забывай, что в большей части несчастий, выпавших на твою долю, ты повинна сама, так как позволила слепым увлечениям управлять собой, необдуманно бросилась в этот брак.

Жонкиль покраснела. Она даже не взглянула на Роланда.

— Нет, я не забуду этого, — сказала она.

— Очень хорошо. Пока, однако, держите это в секрете, — добавила миссис Риверс. — Не нужно сообщать об этом доктору или кому-нибудь еще в Чанктонбридже. Мы просто объясним Конуэю, что Роланд с дядей крупно поговорили и что сердце Генри не выдержало такого напряжения.

— Я могу сейчас же уйти, — начал Роланд.

— Пожалуйста, останься, Роланд, — прервала его бабушка.

— Но если Жонкиль так нервничает из-за...

— Жонкиль обещала на время забыть свои личные обиды, — снова не дала ему закончить миссис Риверс. — Я прошу вас обоих сохранять мир и быть всеживыми друг с другом — до тех пор, пока не похоронен мой сын.

— Видит Бог, я хотел бы быть другом Жонкиль, — сказал Роланд тихо.

— Ни о какой дружбе не может быть и речи. — сказала Жонкиль холодно. — Но ссориться нет необходимости.

Роланд жестом выразил согласие. Его глаза были напряженными и несчастными. Жонкиль стала такой ожесточенной, такой безжалостной и так не походила на кроткую, милую девочку, которую он впервые встретил на балу у Микки Поллингтон. Ну, что ж, он сам виноват в перемене, которая произошла в ней, он виноват во всем. И один Бог знает, как жестоко он наказан...

Шум машины, едущей по аллее к дому, прервал молчание и несколько разрядил тягостную атмосферу, царившую в комнате.

— Это, должно быть, доктор Конуэй, — сказала миссис Риверс, вставая. — Роланд, пожалуйста, открой дверь. Скажи ему, что ты племянник Генри, и объясни, что произошло.

Жонкиль, провожая взглядом высокую, прекрасно сложенную фигуру, не могла отделаться от ощущения, что все это — кошмар, от которого она вскоре очнется. Но когда ее глаза вдруг остановились на безжизненном, вселяющем ужас теле на полу, понимание, что это явь, а не сон, вернулось к ней. Она ощутила невыносимую усталость. Нет, про-

сто невозможно оставаться здесь и наблюдать, как доктор Конуэй будет осматривать то, что осталось от ее приемного отца. "Я никуда не гоюсь, — сказала она себе в отчаянии. — Я не могу быть такой хладнокровной и собранной, как бабушка, я не так устроена". И выбежала из комнаты,

Глава 12

Время обеда пришло и прошло. Никто ничего не ел. Обед был подан и унесен нетронутым. Миссис Риверс, сделав все необходимые распоряжения, предавалась скорби по своему умершему сыну, молясь в уединении своей спальни.

Доктор Конуэй ушел. Он сказал Роланду, что не удивлен внезапной кончиной Генри Риверса. Он, так же как и врачи в Висбадене, предупредил его насчет его сердца. Он помог перенести безжизненное тело наверх, подписал свидетельство о смерти и уехал, так как ничем больше не мог быть полезен.

И теперь, когда призрачные серые декабрьские сумерки окутали Риверс Корт, Роланд, сидевший в библиотеке, вдруг забеспокоился из-за долгого отсутствия Жонкиль: ее не видно было с тех пор, как доктор Конуэй подъехал к дому. Рональд сначала решил, что она находится в своей спальне. Его сердце заняло при мысли о ней, запершейся там и горюющей в одиночестве.

"Бедная маленькая девочка, бедная, несчастная маленькая девочка, — думал он. — Если бы только она позволила мне быть с ней, помочь ей..."

Он чувствовал сильную усталость и голод. После очень раннего завтрака в "Пастухе и собаке" он ничего не ел. Но он только что выпил виски с содовой и чувствовал себя менее напряженно. Желание увидеть Жонкиль, как-нибудь поддержать ее заставило его позвонить горничной и навести некоторые справки.

Горничная, с красными глазами и шмыгающим носом, ответила на его звонок. Она была в услужении в Риверс Кorte в течение нескольких лет, и хотя ни она и никто из других слуг не были привязаны к своему хозяину, он был

мертв, и о нем надлежало скорбеть. Там, внизу, в комнате для слуг, они унивались своим горем. Питерс, старый дворецкий, был единственным, кто искренне горевал по своему хозяину.

Горничная, которая никогда не знала, что у мистера Риверса есть племянник, с любопытством смотрела на красивого молодого человека, который спрашивал о мисс Жонкиль.

— Прошу прощения, сэръ, я не знаю, где мисс Жонкиль, — сказала она. — В ее комнате ее нет. Но повар видел, как она еще до обеда выходила в сад. Наверное, еще не вернулась.

— Спасибо, — сказал Роланд и отпустил девушку, которая побежала в комнату слуг рассказать плачущему обществу о племяннике бедного хозяина.

Роланд надел пальто и шляпу и отправился в сад. Жонкиль ушла еще до обеда. Сейчас четыре часа. Следовательно, она уже четыре часа бродила где-то в такую холодную сырую погоду. Какое легкомыслие! Он должен сейчас же найти ее и привести домой. Сумерки быстро сгущались, и Роланд нахмурился. Он беспокоился о Жонкиль. "Куда она могла уйти? — думал он. — Может быть, она проскользнула в соседнюю калитку к Оукли, к своему другу Билли?" Роланд скривил губы. Она вполне могла искать утешения у Билли. Он был "старый друг". Он, Роланд, ничто для нее...

Однако он быстро шел по саду и звал ее по имени:

— Жонкиль! Жонкиль!

В конце концов он нашел ее в небольшой темной беседке над прудом, без пальто и без шляпы, сжавшуюся в комочек и плачущую навзрыд. Роланд не мог хорошо разглядеть ее в сумерках, но когда положил руку ей на плечо, то почувствовал, что ее платье сырое. Он укоризненно прищелкнул языком.

— Жонкиль, ты глупый ребенок. Ты сошла с ума. Ты же здесь уже несколько часов. Жонкиль, иди сейчас же домой к огню, обсохни.

Она вскочила на ноги и оттолкнула его руку. Теперь он увидел ее лицо — мертвенно-бледное, покрытое пятнами от пролитых горьких слез, с челкой, откинутой назад со лба.

— Не трогай меня, — сказала она хрипло. — Как ты

смеешь ходить за мной? Почему ты не оставишь меня в покое?

— Жонкиль, не будь глупым... — начал он.

— Я не хочу идти туда. Я хочу остаться здесь одна, — прервала она его гневно. — Я не могу выносить этот дом теперь, когда там лежит мертвый отец, и ты - ты - там!

Он поморщился, но продолжал спокойно уговаривать ее, понимая, что она в истерике. Нервный, легко возбудимый ребенок, она так много пережила за последнее время, много обиды и горя, причиной которых был он. Теперь ей очень трудно почувствовать его раскаяние, его сожаление о том, что произошло.

— Жонкиль, постарайся не ненавидеть меня так сильно, — сказал он. — Я бы ушел из Корта, чтобы не раздражать тебя, но бабушка хочет, чтобы я остался до похорон. Пожалуйста, Жонкиль, иди домой. Я обещаю, что не буду беспокоить тебя, даже подходить к тебе. Ты же сказала бабушке, что будешь сохранять спокойствие.

— Я знаю, я знаю, но я... О, я не вынесу этого, — произнесла она тихим, охрипшим голосом, перевернувшем его сердце. — Он не был моим настоящим отцом, но он любил меня и был добр ко мне. А я отплатила ему черной неблагодарностью, убежала и вышла замуж за тебя, сделала несчастными его последние дни на земле.

— Успокойся, Жонкиль. Ты не должна винить себя, — сказал Роланд. — Это все моя вина. Я знаю это. Только, моя дорогая, ты ничего не исправишь, так истязая себя, оставаясь в этом холодном сыром месте. Ты заболеешь, Жонкиль. Я умоляю тебя пойти в дом и переодеться. И съесть что-нибудь.

Жонкиль перестала плакать, с силой вытерла слезы с распухших глаз тыльной стороной дрожащей руки. Она попыталась пройти мимо него.

— Очень хорошо. Я иду домой, — сказала она. — Пропусти меня, пожалуйста.

Ее тон, ее манера задела его. Он отступил, чтобы дать ей пройти, но физическое истощение взяло верх над силой и гордостью, которые оставались в Жонкиль. Ноги не слушались ее. Она вдруг почувствовала головокружение, тошноту и вскрикнула:

— Ой, я падаю!

Он успел подхватить ее, взял ее на руки и понес, как ребенка, из беседки через темный сад в дом.

— Я позабочусь о тебе, Жонкиль, пусть ты меня ненавидишь, — сказал он спокойно. — Я не могу позволить тебе так мучить себя.

Жонкиль не спорила и не сопротивлялась, она безвольно, тихо лежала на его руках. Что бы она ни переживала, какое бы недоброе чувство ни испытывала к нему, в глубине своего молодого женского сердца она чувствовала облегчение, что он стал хозяином в данный момент. Она была истощена телом и душой. Его сильное объятие несомненно успокаивало, и пока он шел с нею на руках по гравиевой дорожке мимо пруда и солнечных часов, его тепло проникло в ее тело, принося блаженное утешение. Она закрыла глаза; ее голова покоилась на его плече.

Жалея ее и не желая перечить ее воле, он не воспользовался ее слабостью, но его сердце громко стучало, когда он прижимал ее к себе и нес сквозь сумерки. Он отнес ее прямо в ее спальню и положил на кровать.

— Теперь, — сказал он, — я позвоню горничной и скажу ей, чтобы она помогла тебе раздеться и разожгла камин. Я пришлю горячий чай с коньяком. Пожалуйста, выпей его и постарайся как следует согреться. Иначе ты серьезно заболешь.

Она не протестовала, но на мгновение ее распухшие от слез глаза остановились на его лице. Он смотрел на нее серьезно и нежно. Он был очень добрый. Она понимала это. Но она не могла поблагодарить его, разбить стену льда, которая выросла между ними. Она только чувствовала крайнюю усталость и желание спать. Она снова закрыла глаза.

Он подошел к ней, взял ее холодную руку и поцеловал. Она не могла почувствовать отчаяния, внезапного проявления страстного желания, которые скрывались за этим поцелуем.

— Не беспокойся больше, Жонкиль, — сказал он, — просто отдыхай, моя дорогая. Я позабочусь о бабушке и обо всем, о чем надо позаботиться. Спокойной ночи.

Он не стал ждать ответа и быстро вышел из комнаты.

жала вызов этому человеку, который отнял у нее ее веру в любовь, ради которой в прошлом она могла бы пойти на любые жертвы.

— Ты обязан аннулировать наш брак, — сказала она. — Когда ты женился на мне, ты обманул меня. Я не знала, что ты тот племянник, которого мой... мой отец лишил наследства. Ты же не можешь полагать, что я бы вышла за тебя замуж, если бы знала это; знала бы, что ты хочешь только расквитаться с ним.

— Нет, не вышла бы, — сказал Роланд. — И я осознаю зло, которое я тебе принес. Но прошу тебя простить меня и дать мне возможность доказать свою любовь. Не можешь ли ты быть немного милосерднее. Жонкиль, проявить хоть немного великодушия?

Жонкиль отвернулась от него и посмотрела в окно. Сегодня, в этот новогодний день, было солнечнее и теплее, чем несколько недель тому назад. Солнце уже садилось. Серо-голубое небо было испещрено оранжевыми и красными полосами, а сад купался в ярко-красном свете. Но через несколько минут наступят сумерки, и затем — темнота. Зимние дни так коротки, а ночи так долги...

Гнев и вызов покинули Жонкиль. Она сейчас ощущала только почти непереносимое одиночество. В полном отчаянии она смотрела на закат; несмотря на то, что в библиотеке было тепло, она немного дрожала. Короткими днями она сможет работать и постарается позабыть все, что потеряла. Но ночи, долгие ночи, будут такими одинокими... Будущее простиралось перед ней холодное, пустое, мрачное. Она была молода, очень молода. И разве она может быть когда-нибудь счастлива снова, разве сможет вернуть свои утраченные иллюзии? Роланд отнял у нее все, ради чего стоило жить. "Любовь мужчины и жизнь мужчины идут раздельно, но смысл жизни женщины — в любви".

О, горькая правда этих слов... Какое страдание в них! Роланд научил ее любви, страсти, желанию — всем самым волнующим чувствам, которые может переживать человеческое существо. И она хорошо выучила этот урок. Она была теперь женщиной, способной на глубокую страстную любовь, она не была больше легкомысленным ребенком, страдающим от мимолетной влюбленности. Оказалось, что

любовь для нее была сутью жизни. Теперь, когда у нее отнята любовь, жизнь лишилась смысла.

Жонкиль знала, что стоит ей только протянуть руку и сказать Роланду: "Я тебя прощаю", она окажется в его объятиях; страстное прикосновение его губ утолит боль всех дней и ночей тоски, скорби и отчаяния. Но она не могла заставить себя выговорить эти слова. То, что он сделал, она считала непростительным. Она не могла больше доверять ему. Из-за него она стала ожесточенной и подозрительной. Потерять любовь очень тяжело, но потерять доверие — значит потерять саму основу счастья. Разве может быть без этого любовь или счастье? Корни этих чувств — в доверии.

Голова Жонкиль поникла. Она тяжело вздохнула и заставила себя посмотреть на Роланда. Его лицо было изможденным, несчастным. Глаза были устремлены на нее с немой мольбой. Жонкиль была очень молода и жаждала его любви всем телом, сердцем и душой. Искушение обмануть себя и заставить себя думать, что она снова может верить ему и вверить себя его попечению было велико. Она отдала бы все на свете, лишь бы вычеркнуть из памяти воспоминание о том, что он сделал, и быть такой же блаженно несведущей, такой же слепо поклоняющейся, какой она была до того, как вышла за него замуж.

Роланд увидел, что ее бледное личико смягчилось. Он шагнул к ней.

— Жонкиль, моя дорогая, моя дорогая, ты можешь простить меня? — спросил он охрипшим от волнения голосом. — Я докажу тебе, что моя любовь к тебе сейчас искренна, какой бы она ни была в прошлом. Я докажу, что я обожаю тебя, что я сделаю все, чтобы ты полюбила меня снова.

Жонкиль была не в состоянии отвечать. Она боялась себя, боялась поддаться ему. Если она сделает это, то кроме всего, что уже потеряла, она потеряет самоуважение. Нет, это было невысказано. Она должна, по крайней мере, сохранить гордость. Ее настоящий отец говорил ей: "Никогда не теряй гордости!" Роланд унизил и опозорил ее. Нельзя подчиниться этой отвратительной слабости, этому сентиментальному стремлению к нему. Допустим, она уступит, вернет его. Он снова может обмануть! И тогда она никогда не простит себе. Нет, она должна быть сильной, не должна

отступать от своего решения полностью порвать с ним и убрать любовь к нему из своей жизни.

— Жонкиль, — сказал он снова. — Неужели в твоём сердце не осталось ни капли любви ко мне?

Она заставила себя ответить:

— Может быть и осталась. Но я не понимаю, почему я должна поддаваться ей, Роланд. Я была не нужна тебе, когда была готова умереть ради тебя, идти на край земли за тобой. Я не уверена, не домогаешься ли ты меня сейчас только потому, что не можешь настоять на своём.

— Это я сделал тебя такой циничной, Жонкиль?

— Ты разрушил мою веру в тебя, — сказала она с внезапной страстью в голосе. — А если я никогда, никогда не смогу вернуть. Я не могу жить с человеком, которому не доверяю.

Он нахмурился.

— Жонкиль, если бы ты знала, как я сожалею о том, что сделал.

— О, конечно! — прервала она его с горьким сарказмом в голосе.

— Но я не могу доверять тебе, Роланд. Я не могу быть совершенно уверенной, что ты не просишь меня простить тебя просто для того, чтобы все уладить и "сохранить мир", которого так хочет бабушка. Я не могу быть уверена, что твоя любовь ко мне не результат моего желания аннулировать наш брак. Это свойственно мужчинам, они хотят того, что не могут получить.

— Опять цинизм, — сказал он.

— Возможно, это звучит не очень красиво, — сказала она. — Но я именно это имею в виду. Нет, Роланд, я просто не могу заставить себя вычеркнуть то, что ты сделал, я не могу забыть причину, по которой ты женился на мне.

— И ты ещё говоришь о любви, которая якобы осталась в твоём сердце? Боже! Не думаю, что там есть хотя бы искра любви! Ты презираешь меня, ненавидишь меня.

— К чему обсуждать мои чувства? — спросила она устало. — Не вижу в этом никакого смысла. Это... это только причиняет боль тебе и мне. Я прошу тебя, Роланд, решительно и окончательно, вернуть мне свободу и дать мне возможность начать жизнь сначала, так, как я считаю нуж-

ным.

— И тебе совершенно безразлично, что случится со мной? — вскипел он, сжимая кулаки. — Ты стала такой безжалостной, такой злобленной, что можешь послать меня к чертям собачьим, не моргнув глазом?!

Жонкиль быстро взглянула на него, затем снова уставилась в пол. Его страдальческие глаза тревожили ее.

— Ерунда, — сказала она тихо. — Непохоже, чтобы ты собирался к чертям собачьим, как ты выражаешься.

— Откуда ты знаешь? Может, к самому дьяволу, если ты прогонишь меня, — сказал он. — Мне уже будет все равно.

— Ты даже не такой порядочный, как я думала, — сказала она.

— Ты все-таки думала, что я "порядочный" после того, как все узнала обо мне? — спросил он, пристально глядя на нее.

— Я... ну, я думала, ты достаточно порядочен, чтобы теперь жить честно, — сказала она, запинаясь. — Аннулируй наш брак и постарайся выправить свою жизнь. А "идти к чертям собачьим" — признак слабости.

Роланд засунул руки в карманы. В горле у него что-то перекатывалось. Он в бешенстве закусил нижнюю губу. Его поразило, что она, которую он считал ребенком, указывает ему на его долг — таким образом. Но страдание и разочарование — лучшие учителя мудрости в этом мире, а Жонкиль получила хороший урок.

— Я собираюсь работать, — сказала она ему. — Мне тоже придется столкнуться с жизнью. И я не намерена портить ее.

— Я не откажусь, я не могу отказаться от тебя, Жонкиль! — сказал он упрямо. — Я люблю тебя, ты нужна мне, и если ты пойдешь со мной, мне не страшно ничто на свете. Если нет, клянусь, я не знаю, что я сделаю. Любовь к тебе превратила меня в слабого, сентиментального идиота, — он горько рассмеялся. — я не могу ни есть, ни спать нормально: мысли о тебе, сожаление о том, что я сделал, не дают мне покоя. И если ты будешь такой безжалостной, такой немилосердной, тогда я тоже снова стану безжалостным. И первая вещь, которую я сделаю, — это категорически отка-

жусь аннулировать наш брак.

— Ты жестокий и несправедливый, — воскликнула она.

— Я такой, каким ты заставляешь меня быть. — ответил он. — В твоих силах сделать из меня возлюбленного мужа, который будет готов умереть за тебя, или... выбери!

— Ты не заставишь меня переменить решение, что бы ты ни говорил, — закричала она с пылающим лицом. — Мне безразлично, что ты будешь делать. Я никогда не буду жить с тобой и никогда не полюблю тебя снова.

— Очень хорошо, — сказал он. — Тогда поборемся. Я буду сражаться не на живот, а на смерть. Жонкиль. Когда-нибудь я заставлю тебя вернуться.

→ Нет, никогда!

— Я заставлю, — сказал он, дрожа всем телом. — Даже если ты отправишься на другую сторону земного шара, ты останешься моей женой.

— Ты трус, Роланд.

— Нет, — сказал он. — Я не трус, но я люблю тебя, Жонкиль; безрассудно, отчаянно люблю. Я верну тебя когда-нибудь, тем или иным способом.

— Если ты искренне любишь меня, ты должен сделать то, что я хочу.

— И окончательно потерять тебя? Нет. Я не сделаю этого, Жонкиль. То, что я отказываюсь отпустить тебя, кажется достойно осуждения, но ты, возможно, не совсем понимаешь, в чем дело. Потерять тебя — это потерять собственную душу.

— Мелодраматический вздор. — усмехнулась она. — Ты очень скоро найдешь другую девушку для спасения души.

— Ты так думаешь?

Мгновение — и Роланд уже держит ее в своих объятиях. Он прижал ее к груди; она слышит, как сильно его сердце бьется около ее собственного. Днями и ночами она обуздывала свои чувства, давала себе твердые обещания, что не позволит этому человеку взять верх над ней. Он делал задачу очень трудной, старался ослабить ее, заставить забыть свою гордость и ответить на зов пола. Бесчестная иг-

ра. Она ужасно злилась на него, возмущенная его властью над ней.

— Я люблю тебя. я люблю тебя, — шептал он. — Я люблю тебя, моя жена, моя жена — ничто не сможет изменить того факта, что ты моя жена. Говори, что хочешь, делай, что хочешь. ты никогда не сможешь уйти от меня.

Она пыталась смеяться над ним, отталкивала его. На мгновение Роланд потерял самообладание. С бьющимся сердцем, с горящими глазами, он крепко сжал ее в своих объятиях.

— Ты моя, — говорил он. — Моя, Жонкиль. Запомни что Бог соединил... человек не разорвет"... ты не можешь освободиться от меня. Ты принадлежишь мне, на горе и на радость.

— Нет, — ответила она тихим, насмешливым голосом. — Ты обманом женился на мне. Это не настоящий брак. Я не могу даже высказать, как я тебя презираю за это.

— Ты безжалостная, как смерть. Боже! Что может быть безжалостнее праведной невинности! — воскликнул он.

— Отпусти меня, пожалуйста, Роланд.

— Нет, — сказал он. — Никогда, никогда, никогда! Отпустить тебя, чтобы ты вышла замуж за кого-нибудь другого... отпустить тебя, чтобы ты выслушивала предложения этого парня, Оукли... отпустить тебя, чтобы ты убежала от меня? Никогда!

— Роланд, — сказала она, стараясь изо всех сил высвободиться из его объятий. — Пожалуйста, постарайся быть благоразумным и нормальным. Ты очень утомляешь меня.

— О, не смотри на меня такими... такими усталыми, презрительными глазами. Ты не понимаешь, что ты сводишь меня с ума, Жонкиль.

— Ты отпустишь меня?

— Нет, — процедил он сквозь зубы и теснее притянул ее к себе. Его губы прижались к ее губам в долгом поцелуе, который лишил ее последнего самообладания. Она внезапно обмякла в его руках и едва ли знала, сколько времени длился этот поцелуй, но чувствовала, что земля уплывает у нее из-под ног, и что она падает... падает.

Он поднял ее и отнес на кушетку, стоявшую около огня. Жонкиль лежала неподвижно, дрожа всем телом. Она при-

тожила руку к губам. Они болели после этого пламенного поцелуя. Но душа ее болела больше: Роланд Чартер все еще обладает ужасной силой, способен сделать ей больно... тронуть самые чувствительные и отзывчивые струны в ней.

Он не сделал попытки прикоснуться к ней или снова целовать ее. Он стоял около кушетки, глядя на Жонкиль какими-то несчастными глазами.

— Я не сожалею об этом поцелуе, поэтому не буду извиняться, — сказал он. — Но я хочу сказать тебе, Жонкиль, что это последний раз, когда я целовал тебя; теперь я не сделаю этого до тех пор, пока ты сама не попросишь меня.

Она попыталась иронически улыбнуться, но он продолжал:

— Я уезжаю в Лондон. Собираюсь искать работу и прокладывать себе дорогу в жизни. Может быть, мы не увидимся какое-то время, но я буду считать своей обязанностью знать, где ты и что ты делаешь. Как только я найду работу, я буду посылать тебе половину того, что я зарабатываю, потому что долг мужа содержать свою жену. Ты не сможешь аннулировать наш брак, и ты никогда не сможешь избавиться от моей любви, моего неподдельного, искреннего желания вернуть тебя. Запомни это. Что касается денег дяди Генри, не трать времени и не проси мистера Коллинза переписать их на меня. Я не возьму их. Если ты положишь их в банк на мой счет, я никогда не возьму ни пенни с него, поэтому не утруждай себя. Если ты решишь не пользоваться ими сама, отдай их бабушке, или в какую-нибудь больницу. Мне все равно, что ты сделаешь. И еще раз помни, что ты моя жена...

Жонкиль посмотрела ему прямо в глаза. Она сделала попытку говорить, протестовать, спорить, но не смогла вымолвить ни слова. Только ее губы жалобно дрожали.

Сейчас она, все еще лежащая на кушетке, с лицом, напоминающим маску страдания под прямой черной челкой, показалась Роланду такой молодой, такой несчастной, что острая боль пронзила его сердце.

— Бедный ребенок, — промолвил он тихо. — Бедная Жонкиль. Я вел себя как свинья, о чем ужасно сожалею. Но ты оказалась лицом к лицу с гораздо большим, более силь-

ным чувством, чем ты понимаешь сейчас. Когда-нибудь ты поймешь это и вернешься ко мне. А пока до свидания, моя дорогая.

Жонкиль все еще молчала. Его слова глубоко запали ей в душу. Сейчас он был гораздо сильнее ее. Она видела, как он повернулся на каблуках и вышел из библиотеки, тихо прикрыв за собой дверь.

После того, как он ушел, в комнате воцарилась мертвая тишина, нарушенная треском кусочка угля, провалившегося сквозь решетку. Солнце заходило. Пурпурно-серая мгла сумерек уже прокралась через зарешеченное окно библиотеки и заполнила длинную комнату тенями.

Жонкиль зарылась лицом в подушку. Она устала от переживаний, от страха за будущее. Роланд ушел... когда-то она безумно любила его, когда-то его поцелуй, его прикосновения, малейшее его слово волновали ее до глубины сердца. Но теперь он ушел. А она все еще его жена... Он вдолбил это ей в голову. Она — его жена, она никогда не сможет уйти от его любви, от его желания вернуть ее...

Ее пальцы вцепились в кушетку изо всех сил, как будто она боялась, что может вскочить, кинуться к двери, позвать Роланда.

— О Боже, Боже милостивый, помоги мне! — стонала она. — Помоги мне быть сильной. Помоги мне сохранить гордость.

Из-за этой гордости и чувства обиды на него она позволила ему уйти. И все же он для нее был самым дорогим человеком на земле, единственным существом, который мог бы сделать ее счастливой.

— Роланд... — шептала она, зарывшись лицом в подушку, со щемящей тоской в сердце. — Роланд...

Жонкиль заплакала.

В гостиной Роланд столкнулся с бабушкой, которая только что распрощалась с мистером Коллинзом. Она вопросительно взглянула на Роланда. Он засунул руки в карманы, отвернулся и сказал:

— Ну, бабушка, я уезжаю. До свидания.

Старушка села, сложила руки. Ее выцветшие глаза за стеклами очков были сейчас необычайно мягкими.

— Уезжаешь, Роланд? Ты хочешь сказать, что вы с

Жонкиль не пришли ни к какому согласию?

— Нет, она все еще ненавидит меня и не доверяет мне. Это естественно. Я не осуждаю ее. Только все равно я не дам ей свободу. Я не отступлюсь, я не дам себе отдыха до тех пор, пока не верну ее.

— Ты в самом деле любишь ее?

— В самом деле, — сказал Роланд и посмотрел на бабушку, его красивое лицо было упрямо, решительно. — Я знаю, что я дрянь, я вел себя, как хам. Но я люблю Жонкиль и всегда буду ее любить.

Миссис Риверс подошла и положила руки ему на плечи.

— Ролли, мой дорогой мальчик, — сказала она. — Я верю тебе. Ты поступил очень плохо, но я верю, что ты любишь Жонкиль.

Он схватил ее руку и поцеловал ее, затем отвернулся.

— Спасибо, бабушка, — сказал он. — Ты всегда была добра ко мне, когда я был еще ребенком. Ты понимала меня. И до сих пор понимаешь. Храни тебя Бог.

Она проглотила подкатившийся к горлу ком. Она любила своего внука, эту "паршивую овцу" их семейства. На нее вдруг напала печаль, знакомая очень старым людям, когда они начинают вдруг чувствовать, что все идет к концу. На какое-то мгновение подлинная женщина со всеми свойственными ей переживаниями проявилась в этой суровой, непреклонной спартанке. Она взяла его за руку.

— Ролли, дорогой мальчик! Жонкиль собирается уехать из Риверс Корта, и если ты тоже уедешь, с кем я останусь?

Он обнял ее очень нежно и прижал к себе. Его глаза были твердыми и ясными, а губы как-то странно улыбались.

— Прости, бабушка. Но я должен ехать. Должен постараться сделать что-то стоящее, найти работу и честно работать. Я слишком долго бездельничал. Если бы я немного лучше помнил твои наставления, то не оказался бы в таком положении, в каком нахожусь сейчас... И она бы не думала обо мне так, как думает сейчас. Я должен идти. До свидания, дорогая бабушка. Я постараюсь присматривать за Жонкиль, время от времени буду давать тебе знать о себе. Держи меня в курсе ее дел. Она моя жена, и когда-ни-

будь...

— Когда-нибудь вы придете домой в Риверс Корт вместе, — закончила миссис Риверс дрожащим голосом.

— Кто знает, — сказал Роланд. — Если мне не удастся вернуть доверие Жонкиль — что ж, тогда, я думаю, мне придется вернуть ей свободу. До свидания.

Глава 14

Пришло время и Жонкиль покинуть Риверс Корт.

После отъезда Роланда миссис Риверс потратила целый день на то, чтобы отговорить Жонкиль от ее намерения, но вскоре поняла всю безнадежность этих споров. Жонкиль упорствовала в решении искать работу и "зарабатывать себе на жизнь", как она говорила.

— Я никогда не буду счастлива теперь в Чанктонбридже, бабушка, — сказала она миссис Риверс. -- Я всегда буду чувствовать, что этот дом и деньги по праву принадлежат Роланду. Я должна сама зарабатывать.

Миссис Риверс очень хотелось прижать девушку к своему сердцу, приласкать ее, выразить ей свое сочувствие и в то же время походатайствовать за Роланда. Но она не поддалась искушению. Она подумала, что будет лучше, если эти двое сами найдут свое спасение. Однако она очень беспокоилась за Жонкиль.

Роланд — умудренный жизнью человек. Он может постоять за себя. А Жонкиль еще ребенок, хоть ее славное личико так побледнело и похудело с Рождества; глаза стали огромными, страдальческими.

— Я бы очень хотела, чтобы ты не беспокоилась обо мне, бабушка, — сказала Жонкиль. — Со мной будет все в порядке. У меня накоплено пятьдесят фунтов, я возьму их с собой, чтобы было на что жить, пока я не найду работу. Я собираюсь искать какую-то работу по дому, могу быть бонной.

Миссис Риверс недоверчиво улыбнулась.

— Тебе это не понравится, моя дорогая.

— Неважно. Я должна что-то делать.

— А к кому ты пойдешь?

— Поеду в Лондон, — сказала она неопределенно. — Я могла бы посоветоваться с миссис Поллингтон. У нее масса знакомых в Лондоне.

Этот разговор происходил в гостиной холодным январским утром: в одиннадцать часов миссис Риверс пила свой обычный стакан хереса с печеньем. Жонкиль начала собирать вещи сразу после завтрака; она выглядела усталой и подавленной. Миссис Риверс тревожно разглядывала ее, затем сказала:

— Очень хорошо, Жонкиль. Поступай, как знаешь. Но смешно быть такой гордой.

— Моя гордость — единственное, что у меня осталось.

— Ну-ну, дитя. В глубине души ты любишь Роланда и когда-нибудь забудешь обиду и начнешь все сначала.

Жонкиль покачала головой. Она не собиралась позволять чувствам снова управлять собой. Она уже вычеркнула Роланда из своей жизни. Теперь она намеревалась подавить любовь и подсознательное стремление к нему, стать совершенно независимой.

— Мое единственное желание, бабушка, — аннулировать брак, — сказала она. — Я возьму фамилию Риверс. Я не могу быть миссис Чартер.

— Я спорила бы с тобой до второго пришествия, моя дорогая, — сказала миссис Риверс. — Но я вижу, что это бесполезно и только излишне утомляет меня. Мне остается сказать: иди... Иди и постарайся обрести покой. Ты знаешь, что твой дом здесь и всегда будет ждать тебя.

Жонкиль подошла к бабушке, наклонилась и поцеловала ее белую голову — это было очень редкое проявление нежности с ее стороны. Миссис Риверс никогда в прошлом не поощряла никаких сантиментов.

— Ты очень добра, бабушка, — сказала Жонкиль. — Я благодарна тебе за все, что ты сделала. Мне жаль, что я не могу остаться; жаль, если ты будешь чувствовать себя одиноко сейчас, когда скончался бедный отец. Но я должна уехать.

Миссис Риверс глубоко вздохнула. Дух независимости, упрямство Роланда и Жонкиль были выше ее понимания. В ее молодые дни ее учили склоняться перед волей старших.

Но современная молодежь предпочитает идти своим путем. Ну что ж, она может только отпустить их и ждать здесь в одиночестве; ждать и молиться. Более всего на свете Генриетта Риверс верила в силу молитвы.

Было что-то такое в характере Жонкиль, что не могло не привлекать старую миссис Риверс. Девушка обладала мужеством и сильным характером. Ведь насколько легче было бы ей принять деньги, завещанные Генри Риверсом, нежели начинать самой зарабатывать на жизнь, быть одинокой и бедной. "Очень, очень жаль, — думала миссис Риверс, — что бедняжка встретила Роланда, поддалась его обаянию и бросилась в этот брак. Однако что сделано, то сделано, и сожалеть об этом уже поздно".

Жонкиль под давлением миссис Риверс согласилась не предпринимать пока никаких шагов в отношении денег. И Роланд, и Жонкиль отреклись от них. На некоторое время состояние Генри Риверса должно оставаться нетронутым, во всяком случае до тех пор, пока молодая наследница не придет к какому-то определенному решению, чего в данный момент она не могла сделать.

— Я поеду в Лондон завтра утром, — сказала Жонкиль миссис Риверс. — Я найду где-нибудь квартиру, затем постараюсь увидеться с миссис Поллингтон. Она была очень добра ко мне на том вечере. Я уверена, что она поможет мне.

В комнату вошла горничная.

— Мистер Уильям Оукли в библиотеке и хотел бы видеть мисс Жонкиль, — сообщила она.

Жонкиль поднялась.

— Это Билли, — сказала она. — Придется повидать его.

— Пренепременно, — сказала миссис Риверс, вновь обретя свою прежнюю колкую манеру, — тем более, что он уже здесь.

Жонкиль пошла в библиотеку в состоянии раздражения и глубокой подавленности: она чувствовала, что не в состоянии вести с Билли веселую оживленную беседу.

В течение последних нескольких недель Жонкиль находилась в водовороте таких иступленных чувств, что была духовно истощена. Она бросала вызов миру, но в душе

страшилась одиночества и предстоящей работы, а больше всего боялась поддаться естественной слабости и показать себя трусихой.

У нее просто не было сил отвечать на проявления каких-либо чувств. Теперь, когда Билли превратился из платонического приятеля в предполагаемого возлюбленного, разговор с ним пугал ее.

Однако, когда она увидела юношу, ее губы дрогнули в улыбке и глаза смягчились. Он казался таким молодым, таким свежим, таким сияющим, со своими светлыми блестящими волосами, своими лучистыми голубыми глазами, со своим здоровым румянцем. В Билли Оукли всегда было что-то свежее и очень бодрое, что передавалось окружающим, и как только Жонкиль вошла в библиотеку, ее настроение немного поднялось. Она протянула ему руку.

— Как хорошо, что ты пришел, Билли, — сказала она.

Он был поражен происшедшей в ней переменой. Эта бледная, исхудавшая, усталая Жонкиль была тенью прежней Килли. Он не видел ее на похоронах мистера Риверса и предположил, что она больна. Столь недавно обретенная любовь заставляла его беспокоиться о ней. Он считал себя обязанным прийти сюда сегодня утром, хотя, столь неожиданно узнав о ее замужестве, прилагал усилия держаться в отдалении.

— Ну и ну, старушка! — воскликнул он, сжимая ее руку в своей с такой силой, что она сморщилась. — Я ужасно огорчен твоим неважным видом.

— Все в порядке, Билли. Мне теперь гораздо лучше, — сказала она. — Я уезжаю завтра.

— Навсегда?

— Да. Я же говорила тебе, когда мы последний раз виделись, что я собираюсь сама зарабатывать себе на жизнь.

— Я знаю, но насколько мы поняли, мистер Риверс оставил тебе деньги, поэтому... — Билли запнулся и замолчал.

— Совершенно верно, — сказала Жонкиль, глядя в огонь. — Но я не приняла их, Билл.

— Ну и ну, старушка, — он вновь схватил ее руку. — Ты знаешь, с тех пор, как я услышал, что ты замужем, и познакомился с твоим... твоим мужем... — это слово слов-

но застряло у него в горле, — я думал о тебе и поражался...

— Конечно, — прервала она его мягко. — Представляю твое изумление. Я сказала, что все тебе объясню. Теперь я готова. Садись, пожалуйста, и слушай. Только обещай не выражать мне сочувствия. Сейчас я могу вынести почти все, кроме сочувствия.

— Хорошо, Килли, — сказал он. — Я не буду тебя жалеть, старушка. Я понимаю.

Она села у камина, он примостился на стуле напротив нее и неотрывно смотрел на ее бледное личико. Он был по-настоящему влюблен, горел желанием утешить ее, но отлично понимал, что он неопытен и нелювок и, скорей всего, все испортит, и поэтому тактично хранил молчание.

Жонкиль рассказала своему старому другу всю историю ее брака с Роландом Чартером. Юноша напряженно слушал. Когда она замолчала, он воскликнул:

— Послушай, Килли, дружище, он не имел права так тебя обманывать!

— Не имел права, — повторила Жонкиль. — Я знаю. Именно поэтому я и не могу простить его.

— Он — абсолютная дрянь, Килли.

Она поморщилась, даже не понимая, почему. Ведь она сама так ожесточенно обвиняла Роланда. Билли продолжал:

— Ты должна получить свободу! Ты должна заставить его аннулировать брак. Это несправедливо, что он ограничивает твою свободу. Черт знает что! За всю свою жизнь не слышал ничего подобного. Все это немного похоже на какой-то плохой фильм!

Его мальчишеская пылкость заставила ее улыбнуться.

— Да, все кажется фантастическим. Тем не менее, это правда. Ни о чем не подозревая, я вышла замуж за лишеного наследства племянника бедного отца.

Билли серьезно смотрел на нее.

— Ты должна заставить его освободить тебя, старушка, — сказал он. — Ты не любишь его и не хочешь оставаться его женой.

— Нет, не люблю и не хочу оставаться его женой, — повторила Жонкиль таким тоном, как будто зубрила урок, который никак не могла выучить.

— И что бы ты ему ни говорила, он отказывается аннулировать этот ужасный брак?

— Пока что да...

Билли некоторое время сосредоточенно думал о чем-то, постукивая по сапогу хлыстом, который был у него в руках. Потом он неожиданно поднялся, подошел к Жонкиль и положил правую руку ей на плечо.

— Жонкиль. — сказал он, и его славное лицо было так серьезно, что он даже стал выглядеть несколько старше. — Ты помнишь, я говорил тебе, что я здорово влюблен в тебя и хочу, чтобы ты когда-нибудь вышла за меня замуж?

— Да, дорогой. Помню.

— Ну, я не отказываюсь от своих слов, Килли.

— Билл, как я могу...

— Подожди минутку, — прервал он ее. — Ты хочешь получить свободу, а Чартер не даст ее тебе. Но допустим, ты скажешь ему, что ты любишь меня и хочешь выйти за меня замуж. Может быть, он тогда согласится? Что ты думаешь об этом?

— О, нет, — сказала Жонкиль, — это невозможно.

— Нет, Килли, это вполне возможно, — сказал Билли. Он стал на колени перед ней. — Я хочу помочь тебе, дорогая, сделать тебя снова счастливой. Ведь ты была такой веселой. Мне кажется ужасным, что ты должна быть связана с каким-то обманщиком, который...

— О, прервати! — прервала она его поспешно.

Юноша вспыхнул. На мгновение такая неприкрытая боль исказила лицо Жонкиль, что даже он, несмотря на всю свою молодость, не мог не увидеть этого. Он обозлился на себя за то, что был причиной этой боли.

— К черту! Я полный дурак, Килли, — добавил он. — Я причинил тебе боль. Но он...

— Я не могу слышать, когда ты так его называешь... даже если он такой, как ты думаешь.

"Я — сущий дурак, вот я кто, — сказал Билли себе, и добавил с новой для него горечью, — она любит его... Она, видимо, все еще любит его... Иначе ей было бы все равно, что о нем говорят".

— Тебе, должно быть, трудно понять, Билл, — сказала Жонкиль тихо, — но когда человек любил так, как я люби-

ла Роланда, он не может выдержать некоторых вещей независимо от того, как несправедливо с ним обошлись.

Тревожные глаза Билли смотрели на нее с большой нежностью.

— Возможно, мне это действительно трудно понять, Килли, — пробормотал он. — Но неважно. Я люблю тебя, и я хочу помочь тебе.

— Боже сохрани, — сказала она, порывисто протягивая к нему руку. Он схватил и поцеловал эту маленькую загорелую руку, и поразился, что никогда раньше не замечал, какая она маленькая и нежная. Это, конечно, было потому, что раньше он не был влюблен в Жонкиль. Она присутствовала в его воображении только как приятель. Эта маленькая загорелая рука крепко сжимала теннисную ракетку, размахивала клюшкой, когда они играли в гольф, или бросала крикетные мячи, когда он тренировался, и он восхищался ее силой и ловкостью. Но сегодня это была не сильная мальчишеская рука, которую он помнил, а нежная, женственная, благоухающая ручка, которая очень волновала юношу. Он стремительно осваивал науку любви, он, который совсем недавно смеялся над этим и называл "слезливой чепухой".

— Килли, — сказал он, — почему мы не можем сделать то, что я предлагаю: сказать Чартеру, что мы хотим пожениться?

— Потому, Билл, дорогой, что мы не хотим пожениться.

— Я хочу, — сказал он с унылым видом.

— А я — нет. Я никогда не захочу снова выходить замуж.

— Но тебе нужно получить свободу.

— Да. Но не таким путем.

— Ты не думаешь, что он освободит тебя, если ему сказать, что ты любишь меня?

Жонкиль смотрела в огонь. На мгновение она забыла о Билли. Она была снова с Роландом, в этой самой комнате. Он сжимал ее в своих объятиях и говорил твердым, почти жестким голосом:

— Ты — моя, Жонкиль, моя... Отпустить тебя, чтобы ты выслушивала предложения этого парня, Оукли?.. Никогда!

Дрожь прошла по ее телу. Она зажмурилась, чтобы прогнать стоящее перед ее глазами его страстное лицо.

— Нет, — сказала она. — Я не думаю, что Роланд освободит меня, что бы я ему ни говорила.

— Я не понимаю, почему он должен держать тебя, если ты отказываешься жить с ним?

Щеки Жонкиль вспыхнули.

— Он думает, что со временем он вернет меня.

— Но этого не будет, правда, Килли?

— Нет, — сказала она быстро, почти вызывающе. — Моя гордость не позволит мне. Он не вернет меня.

— Ну тогда попробуй сделать, как я предлагаю, старушка. Скажи ему, что ты хочешь выйти замуж за меня.

Жонкиль поднялась со стула. Она посмотрела на юношу, который все еще стоял на коленях; его лицо было обращено к ней, его глаза умоляюще смотрели на нее. Она покачала головой:

— Билл, дорогой, я не могу... — вымолвила она.

— Допустим, я... я обещаю не жениться на тебе, — с большой неохотой произнес он, сильно покраснев. — Допустим, я делаю это просто для того, чтобы освободить тебя, а затем верну тебе твое слово, когда твой брак будет расторгнут, Килли.

— О, дорогой, ты очень добр, — сказала она, слезы брызнули у нее из глаз. — Но я не могу принять твое предложение, Билл. Это было бы несправедливо по отношению к тебе.

Он вскочил на ноги, взял обе ее руки.

— Нет, справедливо, — сказал он. — Таким образом я что-то сделал бы для тебя, Килли, моя дорогая, и доказал свою любовь к тебе. Скажи ему, что ты хочешь выйти замуж за меня, и получи свою свободу. А потом считай себя свободной и от меня!

На какое-то мгновение она почувствовала искушение. Пальцы Билли продолжали сжимать ее руки. Возможно, если она внушит Роланду, что хочет выйти замуж за Билли Оукли, он отпустит ее. А Биллу можно верить. Если он сказал, что не будет настаивать, чтобы она вышла за него замуж, он выполнит обещание. С ним у нее не будет трудностей.

Затем глаза ее опять потухли. Она покачала головой.

— Нет, мой дорогой. — сказала она. — Я не могу воспользоваться твоим великодушием, хотя очень тебе благодарна. Не могу по двум причинам. Первое: я тебе небезразлична, и это было бы несправедливо по отношению к тебе. Второе: это значило бы получить свободу обманом, и Роланд узнал бы, что это обман.

— Ну и что? Он обманул тебя!

— Да, — сказала она, — но злом зло не поправишь.

— Он обманом женился на тебе, почему ты обманом не можешь развестись?

— Я просто не могу, — сказала она. — Я не такой человек. Да и ты тоже. Ты прямой, как палка, Билл, и даже когда ты был ребенком, ты ненавидел обман или ложь, ты никогда никого не обманывал.

— Это совсем другое. Было бы просто справедливо, если бы ты использовала любые имеющиеся в твоем распоряжении средства, чтобы разорвать этот брак.

— Боюсь, я не могу с тобой согласиться, — сказала она. — Видишь ли, я убеждена, что ложь, обман и предательство, даже если они помогают достичь благой цели, ведут в конечном счете в трясины. Я была сурово наказана за то, что обманула бабушку и убежала с Роландом. Если я обману его и он даст мне развод, это не приведет ни к чему хорошему. Я должна играть честно, даже если мне придется остаться его женой. И в любом случае, какое это имеет значение? Я буду жить своей жизнью. Я никогда не вернусь к нему.

Билли освободил ее руки. Он был разочарован и не скрывал этого.

— Ну, если ты так думаешь, Килли, я ничего не могу поделать. Но мне очень жаль, моя дорогая старушка. Ты так несчастна, и я отдал бы полжизни, чтобы исправить нанесенное тебе зло.

— Ты - прелесть, Билл, и я очень дорожу твоей дружбой, — сказала она, вытирая глаза тыльной стороной руки. — Я, без сомнения, со временем преодолею все это. И я думаю, что Роланду надоест держать меня силой, и он когда-нибудь отпустит меня. А пока буду работать.

Билли постукивал хлыстом по сапогам. Он хмурился,

когда смотрел на нее.

— Мне так не хочется отпускать тебя совсем одну, — сказал он. — Ты, право же, такой ребенок. И так глупо с твоей стороны, дружище, отказываться от денег, которые мистер Риверс оставил тебе.

Ее глаза стали жесткими.

— Они принадлежат Роланду, а не мне. Я никогда не дотронусь до них. В будущем я надеюсь сама зарабатывать деньги, которые должны принести мне больше счастья.

— Деньги не так легко даются, Килли. Я это понял, когда пошел на службу. Может случиться так, что ты будешь чертовски нуждаться. Даже голодать.

— Я смогу перенести это.

— Откуда ты знаешь, старушка? Ты никогда не нуждалась и не голодала. Ты всегда жила среди изобилия в Риверс Корте.

— Это будет не хуже, чем духовный голод, — сказала она, слегка улыбнувшись. — А его я перенесла.

Его честное сердце болело за нее. Он покачал головой.

— Килли, дорогая, ты не знаешь, о чем ты говоришь. Ты никогда не работала, никогда не ходила голодная, никогда не нуждалась в деньгах. Я опасаюсь за тебя, и бьюсь об заклад, что миссис Риверс тоже не нравится, что ты усзаешь. Видишь ли, однажды я встретил совсем молодую девушку-машинистку, — он покраснел до корней волос, когда, запинаясь, рассказывал ей эту историю. — Она была без работы несколько месяцев и ужасно голодала. Родители ей не помогали. Я встретил ее вовремя, поддержал и подыскал ей место в нашей фирме. Иначе ей пришлось бы зарабатывать... ужасным способом, Килли. С девушками это часто случается, они оказываются в таком положении, особенно, если они молодые и хорошенькие, как ты.

Жонкиль тяжело смотрела в пол. Она получила строгое воспитание и ничего не знала о пороке, но в какой-то степени понимала, что Билли имел в виду под "ужасным способом". Но это ни в коей мере не поколебало ее решение схать одной и искать работу.

— Да, такое может случиться с некоторыми девушками, но не со мной. Это невозможно, — сказала она.

— Боже правый, конечно, нет. Я только рассказал, что-

бы ты поняла, как трудно тебе может быть, — объяснил он. — Нужно, чтобы за тобой кто-нибудь присматривал. Килли, старушка, ради Бога, если тебе не удастся получить работу, возвращайся в Чанктонбридж. Мы все будем ждать тебя.

Жонкиль не плакала с тех пор, как рассталась с Роландом, но тут не могла сдержать слез. Крупными каплями они текли по ее щекам. Юноше, который любил ее, было невыносимо смотреть, как она стоит и безутешно плачет. Он крепко обнял ее. В этом объятии не было страсти, только огромная братская нежность, и Жонкиль не сопротивлялась ей и горько рыдала, прильнув к его плечу.

— О, Билл, — плакала она, — о, Билл, если бы мы могли вернуться назад — назад в старые добрые дни до Рождества, когда я была счастлива — и глупа. О, Билл...

Билли сжал губы и почувствовал почти убийственную ненависть к человеку, который разбил сердце его маленькой подруги. Глаза его стали мрачными и суровыми, но он очень нежно гладил волосы Жонкиль. Близость ее молодого стройного тела волновала его, однако он держал свои чувства под контролем. Сейчас Жонкиль нужен был друг, брат, а не возлюбленный, и он решил выказать себя и братом, и другом.

— Ну, ну, старушка, приободрись, не унывай, — бормотал он, и в горле у него стоял ком. — Не плачь, Килли, я не могу видеть, как ты плачешь, милая.

Постепенно слезы иссякли. Она вытащила платок из кармана и вытерла мокрое лицо, затем освободилась из его объятий.

— Ты молодчина, Билли, — сказала она приглушенным голосом. — Я тебе ужасно благодарна. А теперь иди, пожалуйста, и позволь мне довести все до конца самой.

— Килли, мне так не хочется оставлять тебя.

— Со мной все в порядке, — она попыталась улыбнуться ему, хотя смятый платок был еще прижат к ее губам. — Я буду чувствовать себя гораздо лучше, когда буду работать.

— Поклянись, что ты позовешь меня, а не кого-то другого, если тебе понадобится друг, Килли, — попросил он.

— Да, клянусь. Ты славный парень, Билл.

— Хорошо. Тогда я уйду, — сказал он. — Но не забудь, если я понадобится тебе, дай мне знать. Я буду ждать. И я сделаю для тебя все на свете. До свидания, старушка.

— До свидания, Билл.

Он быстро вышел из комнаты; его красивое лицо было немного бледно. В течение многих дней он не сможет забыть горькие прерывистые рыдания Жонкиль...

Его сердце болело за нее, но он чувствовал, что помочь тут нельзя. И он вернулся домой, терзасмый мыслями о ней и тяжело переживая свою первую настоящую любовь. Для него сейчас не существовало никого на свете, кроме Жонкиль.

После того, как Билли ушел, Жонкиль направилась к кабинету мистера Риверса. Бабушка приказала слугам вытирать пыль в комнате, убирать ее, все оставляя на прежних местах. "Бедная старая бабушка, — думала Жонкиль. — Для нее так много значит эта мрачная, безобразная комната, в которой ее сын работал более тридцати лет..."

Вдоль стен в комнате стояли шкафы со скучнейшими книгами, с большими стеклянными коробками, в которых хранились ботанические образцы; столы были уставлены коробочками меньших размеров с любимыми мотыльками — коллекцией всей жизни.

Жонкиль с распухшими от слез, но сухими сейчас глазами, немного постояла в дверях кабинета. Здесь она провела так много томительных часов. Бедный отец!.. Она представила его себе за этим большим письменным столом, в очках, сосредоточенно рассматривающего новый образец папоротника, какой-нибудь листочек или крохотного мотылька... Как часто она сама сидела за небольшим столом у окна и, подчиняясь его приказаниям, рылась в громадных тяжелых энциклопедиях, которые ей было так тяжело снимать с полки, когда была подростком.

Под его диктовку она записывала наброски статей, содержащие слова невероятной длины, работала часами рядом с ним. Таким образом, по его представлению, она отдыхала, когда не занималась с гувернанткой, которая тогда жила в Риверс Корте и занималась образованием маленькой наследницы.

Жонкиль думала о Генри Риверсе печально и без обиды. Он был фанатиком своих мотыльков и своей ботаники, и честно верил, что ей гораздо полезнее учить все то, чему он хотел научить ее, чем бегать с девочками ее возраста и играть в куилы.

Сегодня, когда она смотрела на знакомые книжные шкафы и ящички с образцами, благоговейно закрытые от солнца байкой, она мысленно представила другие дни - пятнадцать, шестнадцать лет тому назад, когда она свободно бегала по пескам корнуэльского побережья.

Совсем другой ребенок сидел в те времена около стола Генри Риверса; ребенок, которому почти до слез надоела ботаника, надоели мотыльки, маленький мальчик - Ролаид Чартер... Этот мальчик прошел через те же невзгоды, которые вынесла потом и она. Он страдал так же, как и она, из-за рвения его дяди к работе. Он смотрел через это же самое окно на залитый солнцем сад Риверс Корта и не мог дожждаться момента, когда ботаник отложит очки и перо и скажет: "На сегодня хватит!"

Жонкиль было тяжело думать о Роланде как о маленьком мальчике. Мрачный кабинет с его задернутыми портьерами, вид пустого кресла мистера Риверса у большого стола вызвали у нее дрожь. Кабинет был полон духов.

Жонкиль вышла, прикрыла дверь. "Возможно, я никогда больше не увижу этой комнаты," — подумала она и пошла в свою спальню собирать вещи.

Этот период ее жизни - скучные годы ученичества, годы с нриемным отцом - был позади. Она готовилась встретиться с новым, неизвестным ей доныне существованием. Ей уже было трудно связать себя с той застенчивой, взволнованной девушкой, которую Дороти Оукли повезла на бал к Микки Поллингтон... и которая встретила там Роланда.

На следующее утро она покидала Риверс Корт.

Миссис Риверс стояла в стороне и наблюдала, как Роулинсон и Питерс укладывают багаж. Ее лицо было непреклонным, как всегда. Но на строгих губах застыла печальная, суровая улыбка.

— Глупый упрямый ребенок, — сказала она, прощаясь с Жонкиль. — Ну что ж, иди и узнай, почему фунт лиха. Дьявол гордился, да с неба свалился, ты знаешь.

— Я не боюсь свалиться, — сказала Жонкиль. — И я не могу не быть гордой. Все Маллори были такие. Это дом Роланда... и я не могу тратить его деньги.

— Это мой дом, пока я жива, — сказала миссис Риверс. — Однако давай не будем снова начинать спорить. До свидания, моя дорогая.

— До свидания, бабушка, — сказала Жонкиль, целуя ее. — Спасибо тебе за то, что ты была так добра ко мне.

Она повернулась к старому лысому дворецкому, который смотрел на нее с некоторым огорчением. Питерс пережил все горести Риверс Корта, видел изгнание красивого, милого юноши, Фоланда Чартера, девять лет тому назад. Все слуги обожали мистера Роланда... Затем эта недавняя, такая неожиданная смерть мистера Риверса; и вот теперь он свидетель отъезда мисс Жонкиль. Ему казалось, что какой-то рок довлечет над Риверс Кортом; рок, который гонит всех прочь, вытесняет все молодое, яркое, что должно заполнить это место. Но если бы кто-нибудь посторонний посмотрел сегодня на сад, залитый солнцем, сверкающий на морозе, он подумал бы, что это очаровательный райский уголок!

— До свидания, Питерс, — сказала Жонкиль, пожимая руку старого дворецкого.

— До свидания, мисс, — сказал он печально.

Она уехала, чувствуя себя виноватой: потворствуя своей гордости, удовлетворяя собственные амбиции, она бросает этих двух старых одиноких людей. Они стояли рядом — старая леди в черном платье, с белой головой, и сморщенный, ссохшийся слуга с длинным унылым лицом и бакенбардами.

После того, как машина скрылась из виду, миссис Риверс медленно пошла к дому. Она тяжело опиралась на эбеновую палку, которую иногда носила. Она вошла в библиотеку и занялась счетами. Очень одинокая старая женщина... Одинокая и усталая. Но была работа, которую нужно было делать, и был дом, в котором нужно поддерживать порядок, и был жесткий принцип: невзирая на личные беды или горести, никогда нельзя забывать о каждодневных обязанностях.

Глава 15

Только после того, как одиннадцатичасовой экспресс из Чанктонбриджа в Лондон прибыл на вокзал "Виктория", Жонкиль осознала громадную перемену, которая произошла в ее жизни.

Она оставила бабушку и роскошь Риверс Корта, оставила все и начинает действовать самостоятельно. И у нее нет ни малейшего представления о том, с чего начинать. Все, что у нее было - это пятьдесят фунтов (ее сбережения) в бумажнике и личные вещи. Кроме этого у нее не было ничего, что она могла бы считать принадлежащим ей по праву и на что она могла бы претендовать. Она была миссис Роланд Чартер, но намеревалась вступить в единоборство с миром под именем мисс Риверс. Доведя борьбу с собой до конца и одержав победу, она никогда не уступит, вычеркнет все, что было прежде, исправит ужасную ошибку, которую совершила, когда влюбилась в Роланда и убежала с ним. Независимо от того, даст он ей развод или нет, она будет игнорировать тот факт, что по закону она - его жена.

Сейчас, когда поезд остановился, носильщик открыл дверь ее вагона, она поняла, что находится в Лондоне, что уже полдень, что до вечера должна найти пристанище. Сердце у нее, естественно, дрогнуло.

"Ну и куда мне теперь идти?" — подумала она.

Жонкиль отдала носильщику свой билет на багаж и вместе с толпой пошла к барьеру. Громадный вокзал был заполнен людьми и звуками. Люди возвращались в Лондон после рождественских каникул, и поезда были переполнены. Девушка показалась себе маленькой и потерянной в этой волнующейся массе человеческих существ. Она почти не знала Лондона. Несколько раз ездила с приемным отцом в Уэст-Энд за покупками и перед Рождеством оставалась на ночь в лондонской квартире семьи Оукли (в тот роковой вечер, когда она встретила Роланда). Больше она ничего не знала о Лондоне.

Никто на нее не смотрел, и никому не было никакого дела до этой маленькой, ничем не примечательной фигурки в простом велюровом пальто с рыжей лисой и в коричневых

вой фетровой шляпе. Но она держала голову высоко, а ее глаза были ясны и бесстрашны. Ведь Жонкиль была смелой девушкой. Она никогда преждевременно не считала игру проигранной и сражалась до конца. А эта игра жизни, в которую она намеревалась играть, только начиналась.

— Такси, мисс? — спросил носильщик, подвозя к ней тачку с багажом.

Жонкиль окинула взглядом свои пожитки: два больших кожаных чемодана, маленький чемоданчик и клюшки для игры в гольф. Последние вызвали тень улыбки на ее губах. Бедные клюшки! Пройдет, видимо, много долгих и утомительных дней, прежде чем она снова взмахнет ими. Она с тоской вспомнила о зеленом упругом дерне поля для игры в гольф Чанктонбриджа, о резком свежем ветре, обвеивающем разгоряченное лицо, о счастливых играх с Билли, когда ей удавалось удрать из кабинета отца. Она лишилась всего этого. Январским утром на вокзале "Виктория" было серо и сыро. В Лондоне было туманно и холодно. И Лондон на неопределенное время будет, вероятно, ее домом.

— Куда, мисс? — повторил носильщик.

Решение уже созрело.

— Оставьте мой багаж в камере хранения, — сказала она. — Я приду за ним позже. Я еще точно не знаю, куда мне идти.

Она чувствовала, что прежде всего надо найти жилье, а потом забрать вещи. Несколькими минутами позже она уже шла, пытаясь решить, где искать пристанище. Она знала, что должна тратить свои пятьдесят фунтов очень осмотрительно, чтобы не обращаться за помощью к бабушке, поэтому не могла себе позволить жить в дорогой гостинице.

Именно тогда ей на память пришла миссис Поллингтон. Она подумала об очаровательной, элегантной, прелестной женщине, которая была такой любезной хозяйкой, такой доброй по отношению к неоперившейся дебютантке из Суссекса. Ей нравилась Микки Поллингтон. Она всем нравилась. И Микки знала Лондон вдоль и поперек, могла, возможно, дать ей разумный совет, предложить какую-нибудь работу, которую Жонкиль могла бы делать. Почему бы не пойти и не повидать Микки?

Некоторое время Жонкиль мысленно обыгрывала эту

идею со всех сторон, немного колеблясь. Микки познакомила ее с Роландом... "Самый привлекательный мужчина в Лондоне". Она была приятельницей Роланда. Как она отнесется к оекорбительному браку, который был результатом этого знакомства? Она, возможно, ничего не знает, они могли не встречаться с Роландом в новом году. "Повидаюсь с ней, — размышляла Жонкиль. — Это не принесет никакого вреда, а может быть полезно".

Она никак не могла разобраться в маршрутах автобусов и отважно остановила проезжающее мимо такси. Вскоре перед ней был большой дом в Гайд-Парке, куда она первый раз пришла в памятную ночь бала.

Но здесь ее вдруг охватила робость. В конце концов, миссис Поллингтон совсем чужой человек. Почему она должна помогать ей? Жонкиль повернула назад от входной двери и стала спускаться вниз по ступенькам снова на мостовую, и тут дверь открылась и Микки Поллингтон вышла на улицу. Микки, обворожительная в оливково-зеленом бархатном пальто прямо от парижского модельера, прекрасном пальто с громадным рысьим воротником и манжетами и в прелестной маленькой бархатной шляпке на золотистой головке. Из воротника виден был только напудренный носик, милые дерзкие глаза и ямочка на щеке.

Жонкиль бросило сначала в жар, потом в холод. Микки уставилась на нее, а она на Микки. Затем Жонкиль пробормотала, запинаясь:

— Я — Жонкиль Риверс, миссис Поллингтон!

Микки протянула руку и радостно улыбнулась.

— Боже, дитя! Я сначала не узнала вас. Как дела? Откуда вы появились? Пришли навестить меня? Как мило с вашей стороны. Я иду на официальный завтрак к Беркли. Почему вы не сообщили мне, что придете?

Жонкиль была просто не в состоянии отвечать на эти сыплющиеся на нее вопросы. Она растеряно молчала. Микки прищурила глаза и быстро оглядела девушку. Ямочка на ее щеке исчезла, и яркая светская бабочка мгновенно превратилась в истинную женщину, способную на сочувствие и сопереживание. Она сразу поняла, что с Жонкиль что-то стряслось.

— Моя дорогая, пойдите в дом на минутку, — сказала она.

— Нет, вы заняты, я... я могу прийти снова в любое время, — бормотала Жонкиль.

— Входите, — сказала Микки, вставляя ключ в замочную скважину и открывая дверь. — Мне нужно быть у Беркли к часу. Я хотела зайти вначале в магазин, но я могу это сделать и после обеда. Вы выглядите утомленной, моя дорогая. Что вы делали?

Через красивый зал они прошли в очаровательную туалетную комнату, выдержанную в голубых и серебряных тонах и выходящую окнами в парк. Микки заставила Жонкиль сесть, предложила ей сигарету и коктейль, от которых Жонкиль отказалась, затем села напротив нее с сигаретой во рту, накрашенном губной помадой поразительно красного цвета.

— Я очень удивилась, увидев вас, — сказала она. — Я думала, что как раз сейчас у вас уйма дел в Чанктонбридже. Мы вчера встречались с Долли Оукли, и она рассказала, что ваш приемный отец умер и оставил вам все деньги. Я ужасно сочувствую вашей потере. От вас осталась одна тень, моя дорогая, ничего общего с той девушкой, которая танцевала здесь перед Рождеством.

Жонкиль ослабила воротник пальто и немного отвернула лицо от добрых, испытующих глаз миссис Поллингтон.

— Может быть, — сказала Жонкиль. — Так много всего случилось. Миссис Поллингтон...

— Микки, моя дорогая, пожалуйста: для друзей я — Микки.

— Микки, в таком случае, — сказала Жонкиль. — Я не знаю, что заставило меня обратиться к вам, кроме того, что вы были так добры ко мне в тот вечер, когда мы впервые встретились. И вы — вы знаете Лондон и массу людей, а мне нужна работа.

— Работа? — повторила Микки, вынимая изо рта сигарету. — Работа — вам, моя дорогая? Наследнице?

— Лучше я расскажу вам все, — перебила ее Жонкиль. — Боюсь, что вы будете удивлены, возможно, шокированы...

— Нет, меня ничто не шокирует, — сказала Микки со

смехом. — В последнее время меня даже мало что удивляет. Все мои друзья — сумасшедшие. И вы тоже сумасшедшая? Что вы сделали? Убежали с вашим шофером?

Жонкиль нервно рассмеялась.

— Убежала, — сказала она, — но не с шофером. С вашим другом.

— Моим? Это интересно, — сказала Микки, пододвигая свой стул ближе к девушке. — Прошу вас, расскажите мне все.

Но когда Жонкиль начала рассказывать, Микки уже не смеялась. Глаза ее округлились от изумления и некоторого беспокойства. Она была удивлена. Чартер... сорвиголова, такой привлекательный Роланд... женился на маленькой Жонкиль Риверс? Это было забавно. В то же время история, которую поведала Жонкиль, была не очень приятная и выставляла Роланда не в очень красивом свете. Микки нравился Роланд. Она знала о его глупостях, была достаточно опытна, чтобы многое ему простить. Однако она ни за что бы не поверила, что он способен увлечь такую неискушенную девушку, как Жонкиль Риверс, и жениться на ней для того, чтобы совершить какую-то вендетту. Это была игра не по правилам, а Микки считала Роланда порядочным человеком. По мере того, как Жонкиль продолжала свой поразительный рассказ, Микки становилось понятнее, что произошло. Он попался в собственную ловушку. Теперь, когда обман был открыт и Жонкиль оставила его, он по-настоящему влюбился в нее, а девушка уже не хотела ничего, кроме свободы.

Микки не знала, что думать и что сказать Жонкиль. Было очевидно: Жонкиль тяжело переживает эту историю. С другой стороны, ей было немного жаль Роланда. Он тоже, видимо, страдает.

— Честное слово, мужчины — странные существа, — воскликнула Микки, когда Жонкиль замолчала. — Ну кто бы мог предположить, что Роланд выкинет такую штуку? Бедняжка! Вы пережили ужасное время. Роланда я не видела, не слышала ни слова от него. Я думаю, ему просто стыдно прийти и рассказать мне все. Вы говорите, он ищет работу где-то?

— Я так думаю, — сказала Жонкиль. — Но меня ни-

сколько не интересуется, что он делает. Миссис Подлингтон... то есть Микки... вы ведь не осуждаете меня за то, что я так поступила?

Микки погасила сигарету в пепельнице.

— Нет, моя дорогая, как я могу осуждать вас? Я понимаю, почему вы убежали с Роландом. Он дьявольски привлекателен, когда хочет этого, и даже мое умудренное старое сердце немного трепетало, когда он хотел быть обаятельным... — рассмеялась она немного застенчиво. — Но я думаю, что вы поступили уж очень круто, бросив и деньги, и дом, и отправившись искать работу.

— О, неужели никто не может понять, что моя гордость не позволит мне остаться там и взять то, что действительно принадлежит ему! — вскричала бедная Жонкиль.

— Я восхищаюсь вашим мужеством, — сказала Микки. — Это замечательно — быть такой гордой и независимой. Но разве вы не можете простить Роланда и жить с ним, раз он теперь хочет этого по-настоящему?

Лицо Жонкиль вспыхнуло.

— Нет, я не могу! — сказала она. — Я не могу простить его. А вы бы могли?

Микки наморщила свои тонкие нарисованные брови.

— Я не знаю, — сказала она медленно. — Очень трудно сказать, как вы поступили бы, окажись вы в положении другого. Но если бы я знала, что он действительно любит меня и действительно раскаивается, я бы простила его.

Жонкиль поднялась, подошла к камину, оперлась о него рукой и смотрела в задумчивости на электрический огонь, который мерцал так искусно и давал спокойное, умиротворяющее тепло.

— Я не могу, — повторила она. — Я, может быть, не такая, как другие женщины, но он обидел меня тем, что сделал. Я просто не могу простить его.

— Значит, вы не любите его, Жонкиль, — сказала Микки.

Жонкиль круто повернулась.

— Люблю, — начала она взволнованно, затем внезапно остановилась, щеки ее пылали, — то есть, любила.

Микки подошла к ней и обняла ее.

— Бедный ребенок, вы все еще любите его, — сказала

она. — Боже! Как бы вы ни были горды или разгневаны на него, вам никуда не уйти от того факта, что вы любите его. В этом весь Роланд Чартер. Он заставляет женщин обожать его. Вы терзаетесь из-за него, но не хотите этого признать. Ну, я восхищаюсь вашей отвагой. По сравнению с вами я чувствую себя слабой и мягкотелой. Мое сердце всегда подавляет мой разум. Раз вы решили настаивать на своем, я помогу вам, во всяком случае.

Жонкиль схватила руку в элегантной перчатке, которая лежала у нее на плече, и сжала ее двумя руками.

— Как мило с вашей... — начала она.

Кто-то постучал в дверь.

— Проклятье! — сказала миссис Поллингтон вполне добродушно. — У меня нет ни минуты покоя в этом доме. Ну, войдите!

Вошел дворецкий.

— Если позволите, мадам, мистер Чартер пришел повидаться с вами. Я привел его в библиотеку.

Сердце Жонкиль бешено забилося. Кровь отхлынула от ее лица. Ее глаза встретились с глазами Микки.

— Роланд! — сказала она. — Какое совпадение. Ну, мне лучше уйти, правда?

— Вы не хотите остаться и увидеться с ним. Жонкиль? — спросила Микки.

— Нет, — ответила Жонкиль, поправляя воротник и нервно застегивая пальто. — Нет, мне бы не хотелось. Мы распрощались в Риверс Кортс. Я не хочу видеть его.

Микки наклонила голову набок и некоторое время рассматривала ее. Затем она вздохнула.

— Моя дорогая, я не знаю, что мне делать с вами — или с Роландом. Вы оба просто ставите меня в тупик. знаете ли.

— Не беспокойтесь о нас, — сказала Жонкиль. — Почему вы должны?..

— Потому что я его приятельница, моя дорогая, и я хотела бы быть вашей приятельницей тоже.

— Ну я же не могу остаться и поговорить с вами, правда? Вас ждут на завтрак, и Роланд ждет в библиотеке.

— М-м, — промычала Микки, поджав накрашенные губы. — Ну, я, кажется, здорово опоздаю на этот завтрак. Я должна повидаться с Роландом. Послушайте, дорогая, при-

ходите снова, приходите после четырех, тогда мы все обсудим.

— Я лучше не... — начала Жонкиль робко.

— Не будьте идиоткой. Возвращайтесь к чаю, мы запрем все эти чертовы двери на засов и никого не впустим, — сказала миссис Поллингтон искренне. — Мне ужасно надоели все мои друзья с их драмами. Но я сочувствую вам, дитя, потому что вы неумышленно попали в такую переделку. Вас затянул в нее этот бесстыдный Роланд. Что вы собираетесь делать до четырех?

— Не имею ни малейшего представления, — ответила девушка. — Мои вещи на вокзале "Виктория".

— О, Боже, дитя! Вы не можете шляться по улицам до четырех часов, — воскликнула Микки, прищурив глаза. — Послушайте. Идите наверх. Вторая площадка, первая дверь слева. Там мой будуар. Я скажу Саннингс, чтобы она принесла вам что-нибудь поесть. Саннингс - моя горничная, она прелесть. Подождите там, пока я вернусь. Мне обязательно нужно быть у Беркли. Это важная встреча. Но я постараюсь вернуться как можно скорее.

Жонкиль с благодарностью посмотрела на нее.

— Очень мило с вашей стороны, Микки, — сказала она. — Но у вас со мной столько хлопот.

Микки положила руки на плечи Жонкиль и расцеловала ее в обе щеки (редкое проявление чувств со стороны Микки, которая считала нежности между женщинами напрасной тратой времени и сил). Ей было жаль эту бедную маленькую разочарованную девушку, которая была в эти времена поверхностной любви и быстротечных увлечений настолько старомодной, что позволила разбить свое сердце.

— Вы мне так нравитесь, детка, — сказала она. — Более того, я уважаю ваше мужество. И потом, я считаю себя косвенно ответственной за эту кутерьму. Вы познакомились с Роландом Чартером в моем доме. А теперь поторапливайтесь. Бегите наверх в мой будуар и займите себя чем-нибудь до моего возвращения. Роланд не увидит вас. Я быстро с ним разделаюсь.

— Вы ведь не скажете ему, что я здесь, хорошо?

— Конечно, нет. Я просто узнаю, что ему нужно, и тут же выпровожу его. А теперь, милая, идите наверх.

Жонкиль переутомилась и исстрадалась за последнее время. Ей так было необходимо, чтобы кто-нибудь хоть немного приободрил ее. Микки Поллингтон обладала здравым смыслом и оптимизмом, и была дружелюбно настроена по отношению к Жонкиль. Это было как раз то, в чем так нуждалась Жонкиль для подкрепления ее падающего духа. Она поднималась наверх, и сердце ее билось сильно и учащенно, когда перед ее мысленным взором представал человек, ждущий Микки в библиотеке и не подозревающий о ее присутствии в доме. Роланд!.. Роланд! Она стремилась к нему всеми фибрами души. Но ничто не заставит ее пойти к нему и безоговорочно сдаться, отказаться от ее непреклонной решимости жить впредь своей собственной жизнью.

Оказавшись в будуаре Микки, очаровательной артистической комнате, полной красивых вещей и заполненной фотографиями ее личных друзей, Жонкиль подошла к окну и стала смотреть на улицу. Она хотела увидеть Роланда, когда он будет уходить, убедиться собственными глазами, что его нет больше в доме, и тогда уж сесть и успокоиться. Она гадала, что он скажет Микки, что скажет она ему. Но как это ни странно, невзирая на очень короткое знакомство, Жонкиль была совершенно уверена, что Микки не выдаст ее. Микки была порядочным человеком. Она вела праздный образ жизни, она флиртowała, пила невероятное количество коктейлей, курила слишком много сигарет, танцевала до поздней ночи, короче говоря - прожигала жизнь. Она обычно была по уши в долгах и гораздо чаще видела своих друзей, чем мужа и детей. В общем, она была довольно типичным продуктом легкомысленного и развращенного века. Но она всегда вела честную игру, была самым верным, самым лояльным другом на свете; фактически она была слишком добродушной и мягкосердечной, чем часто злоупотребляла всякая светская шваль, которая толпилась в ее доме. Такова была Микки Поллингтон; Микки, какой знал ее Роланд Чартер, Микки, какой ее предстояло узнать Жонкиль.

Внизу в библиотеке Микки и Роланд приветствовали друг друга. Это была не очень взволнованная встреча, но вполне в свойственной им манере.

— Ну, Микки, как поживаете?

— Привет, Роланд. Выпьете что-нибудь?

— Нет, спасибо.

— О, не мелите чепухи! — сказала Микки. — Вы должны выпить коктейль. Как раз время ленча.

— Нет, благодарю, — повторил Роланд. — Только сигарету, а лучше папиросу, если у вас есть.

— Прошу, мой дорогой. Вот коробка, — сказала Микки, балансируя на подлокотнике кресла и серьезно глядя на него — слишком серьезно для Микки.

Он закурил.

Ее поразила происшедшая в нем перемена. Это был не тот Роланд, которого она знала. Он был бледен, подавлен, измучен. Складки появились вокруг его красивого циничного рта, сеть морщин прорезалась вокруг голубых глаз. Он был красив, как всегда, но так осунулся, что ее сердце заняло. Какое бы зло он ни совершил, он страдал из-за этого, поняла она сразу же.

— Извините, что я пришел не вовремя, — сказал он, выпуская облако дыма в воздух. Он не сел, а оставался стоять у камина, поставив одну ногу на медную опалубку, и смотрел на Микки со слегка извиняющейся улыбкой.

— Вы прекрасно выглядите, — добавил он. — Отправляйтесь куда-нибудь на завтрак?

— Да, к Беркли со старым генералом Франклином. Боюсь, не смогу предложить вам перекусить, Роланд.

— Я уже ел, — сказал он отрывисто. — Я заглянул сейчас потому, что надеялся застать вас дома. Микки, вы моя приятельница. Вы были очень милы со мной на пароходе, и благодаря вам я неплохо провел время в Лондоне. Я очень признателен. Но я был ужасной дрянью и злоупотребил вашей добротой.

Ее глаза сузились.

— Каким образом, Роланд?

— Я поступил как хам и как скотина с девушкой, с которой познакомился в вашем доме перед Рождеством.

Микки медленно кивнула, улыбка скользнула по ее накрашенным губам. Бедняга Роланд. Она уже знала все это. Но она, конечно, ничего ему не скажет. Она обещала этой малютке наверху, что не выдаст ее.

— Это то, что вы пришли сказать мне? — спросила она.

— Да. Я просто обязан это сделать. Я не буду пытаться оправдывать себя, потому что знаю, что был полным мерзавцем.

— Вы можете отбросить весь этот вздор с упреками в свой адрес, когда говорите со мной, мой дорогой, — сказала она. — Вы мне очень симпатичны. Вы вообще заставляете женщин грудами падать к вашим ногам. У вас масса достоинств, но в то же время вы можете быть эгоистичным и злым, как дьявол.

Он покраснел.

— Вы совершенно правы, Микки. Я не удивлен, что вы так думаете, но я не понимаю, почему я вам "симпатичен", как вы сказали.

— Я готова многое для вас сделать, — сказала она. — Но не могу видеть, когда вы ведете себя как дурак. Вы были дураком, это очевидно!

— Совершенно верно, — сказал он с неприятным смехом. — У вас есть время выслушать меня?

Она посмотрела на часы.

— В моем распоряжении пятнадцать минут. В машине я за пять минут доберусь отсюда до Беркли, поэтому я могу уделить вам десять минут. Приступайте, дружище.

Роланд отвел глаза от нее и какое-то время молча курил и смотрел в огонь. Потом он бросил окурки в кашин и поведал Микки всю историю. Она точь в точь совпадала с тем, что Микки слышала несколько минут тому назад из уст Жонкиль. Он ни в малейшей степени не приукрасил, не обелил свои поступки. И когда он сказал ей, что он любит Жонкиль и сердцем, и душой, она поверила ему.

— Мне ужасно жаль, Роланд, — сказала она. — Вы все жутко испортили.

— Конечно, я не имел права жениться на ней таким образом, — сказал он. — Но сейчас я бы отдал жизнь, чтобы только вернуть ее. Бедная маленькая Жонкиль! Она верила мне и любила меня. Это ужасно, что я отнял у нее любовь. Микки, ради Бога, скажите мне, что делать, чтобы вернуть ее?

— Мой дорогой, в данный момент вы ничего не сможете сделать, — сказала Микки. — Пусть время залечит раны Жонкиль. Больше никто и ничто не сможет этого сделать.

— Может быть, и время не поможет. Может быть, она никогда не простит меня, — сказал Роланд.

Микки посмотрела на него; по ее лицу прошла тень, оно стало печальным. Это был совсем другой Роланд. Любовь изменила его, сделала его серьезным, робким, несчастным. Когда-то он смеялся над чувствами и презирал любовные переживания. Бедный Роланд!

— Что вы собираетесь делать? — спросила она наконец.

— Работать, — сказал он. — У меня уже есть работа.

— Где?

— В автомобильной компании "Спидо" комиссионером. Буду продавать машины. Я вчера встречался с управляющим. Во время войны он был в моем батальоне. Очень славный малый и горит желанием помочь мне. У меня будет небольшая зарплата и комиссионные. "Спидо", конечно, паршивая машина, и скорость низкая, но ее можно продать кое-где. Она дешевая.

— О, Роланд, какая ужасная работа для человека вашего положения, вашего ума!

— Вполне подходящая. Я не так уж умен. Вы этого еще не поняли? Я больше ни на что не способен. Я неудачник во всех смыслах, — проговорил он. Глаза его были полны горечи. — Я не хочу работать в Англии, я бы лучше уехал за границу. Но даже когда я был в Южной Африке, я был ленив и потерпел неудачу. Может быть, я преуспею как продавец машин?

— Роланд, не принижайте себя так, — сказала она резко. — Я не могу этого выносить. Вы заслуживаете гораздо, гораздо большего.

— Ну какое это имеет значение, если я буду зарабатывать себе на жизнь? — сказал он. — У меня нет определенной профессии. Я могу продавать машины так же, как собирать апельсины, или делать какую-нибудь другую работу, за которую я брался. Мое желание остаться в Лондоне сейчас диктуется тем, что здесь Жоикиль, и я хочу найти ее, охранять ее, если я смогу. И когда я буду абсолютно уверен, что все это безнадежно, и что она никогда не простит меня, я уеду. найду какую-нибудь работу в Южной Африке и умру. Я просто не выдержу этой влажной жары.

Микки поджала губы. Она вскочила на ноги, подошла к

нему. положила руку на его плечо и посмотрела ясным прямым взором.

— Роланд, — сказала она. — Когда вы так говорите, вы приводите меня в бешенство. Но у меня нет времени оставаться здесь больше и спорить. Генерал будет злиться, если я опоздаю. Мне нужно идти. Постарайтесь вести себя, как мужчина. В конце концов победа будет за вами. Я верю в вас.

Он схватил ее руку и сжал ее. Его глаза смягчились, когда он смотрел на ее прелестное напудренное лицо, наполовину спрятанное в большом рысьем воротнике.

— Вы настоящий друг, Микки, — сказал он. — И я не стою вашей дружбы, но я постараюсь быть достойным вашей веры. Вы единственный человек на свете, который верит в меня.

Микки почувствовала ком в горле. Она ужасно боялась показаться сентиментальной или уронить хотя бы единую слезу перед тем, кого она называла "настоящим мужчиной". Поэтому она поспешно отвернулась, достала пуховку из громадной зеленой кожаной сумки и энергично стала пудрить нос.

— Ну что ж, преуспевайте в своей компании "Спидо", — сказала она шутливо, хотя ей очень хотелось сказать ему, что Жонкиль наверху. Зачем Жонкиль надо быть такой гордой маленькой идиоткой! Подумать только, пренебречь бесценным даром первой настоящей любви в жизни Роланда Чартера.

— Я начинаю работать завтра утром, — сказал Роланд, откашливаясь. — Надеюсь, я буду вас иногда видеть. Но не просите меня бывать у вас до тех пор, пока я не потружусь как следует и не заработаю право пользоваться вашим гостеприимством. Другими словами, до тех пор, пока я не смогу пригласить вас и старину Гарри в "Ритц".

— Вы знаете, что вы всегда здесь желанный гость, идиот.

— Благодарю. Но я слишком долго принимал ваши приглашения, — сказал он мрачно. — Теперь я собираюсь работать, Микки.

— Идите и процветайте, — сказала она. — И если вам когда-нибудь понадобится моя помощь, приходите за ней.

Затем она торопливо вытолкала его из библиотеки и из дома, так как чувствовала, что очень скоро она потеряет самообладание и поцелует его.

Всю дорогу до Беркли она усердно прикладывала пуховку к носику.

"Я глупая ослица, — решила она мысленно. — Как только дело касается Роланда, я становлюсь тряпкой. Мне надо было быть непреклонной с ним. Он так отвратительно поступил с бедной Жонкиль. И все же его невозможно не любить. Он такая прелесть!"

А Жонкиль способна противостоять его притяжению; Жонкиль, маленькая неопытная девушка, которая вначале так любила его, что убежала с ним. Да, она была решительная и гордая. Микки Поллингтон мысленно склонилась перед Жонкиль.

"Но я не позволю ей послать его в Африку, — добавила она про себя. — Так или иначе, я должна бросить их в объятия друг друга до того, как это случится!"

Глава 16

Примерно три месяца спустя, когда буйный мартовский ветер гнал пыль по улицам Лондона и первые нарциссы и тюльпаны, бесстрашно расталкивая почву, показывали свои головки в парках и садах, Билли Оукли получил от Жонкиль приглашение пообедать с ней в "Корнер-Хаузе".

Билли шел на эту встречу переполненный волнением. Он не видел Жонкиль с того времени, как они распрощались в Чанктонбридже вскоре после Нового года. Он не мог ничего узнать о ней от старой миссис Риверс, которая после того, как ее приемная внучка уехала из дома, стала настоящим отшельником и отказывалась сообщать соседям что-либо о Жонкиль.

Честное сердце Билли было переполнено искренней любовью к Жонкиль, поэтому он очень беспокоился о ней. Неожиданная записка с обратным адресом Сент-Джонс Вуд была приятным сюрпризом.

Удрать с работы в это время было трудно, но Фрэнк

Оукли, догадываясь о чувствах своего младшего брата к Жонкиль, разрешил ему опоздать на час после обеда. Поэтому Билли, горя желанием увидеть ее, взял такси от улицы Лиденхолл до "Корнер-Хауза", где она уже ждала его.

Одного взгляда на знакомую стройную фигуру было достаточно, чтобы убедиться, что Жонкиль совершенно оправилась после всех потрясений; выглядела она, во всяком случае, гораздо лучше, чем тогда, во время их последней встречи в Чанктонбридже. Он сжал ее руку и пробормотал:

— О, Килли, дорогая!

Жонкиль улыбнулась ему.

— Добрый старый Билл! — приветствовала она его. — Как я рада видеть тебя. Пойдем поищем столик и поговорим.

Они сели напротив друг друга в переполненном зале. Билли не отрывал глаз от Жонкиль и засыпал ее вопросами.

— Этот проклятый оркестр так гремит, что я почти не слышу тебя, — ворчал он. — Ты великолепно выглядишь, Килли. Где ты обитаешь? Что делаешь? Почему не давала о себе знать столько времени? Расскажи мне все.

Она рассказала ему о себе, начиная со дня прибытия в Лондон и встречи с миссис Поллингтон.

Она всем обязана Микки. После того дня, который она провела в доме Поллингтонов, Микки прежде всего нашла ей подходящее жилье, а потом работу. Она живет как пансионерка в очень славной семье в районе Сент-Джонс Вуд, их фамилия Робинсон. Они сильно нуждались в деньгах. Мистер Робинсон - фотограф. Однажды он фотографировал детей Микки и очень ей понравился. У Робинсонов выдался тяжелый год, и они были рады двум фунтам в неделю.

— Очень славный дом, нигде ни пылинки, и миссис Робинсон относится ко мне, как к родной дочери, — сообщила Жонкиль Билли. — Они ужасно добры ко мне. Потом Микки нашла мне работу у своей приятельницы, которая только что вернулась из Парижа и открыла магазин по продаже платьев и шляп на улице Олбимарл. Эта молодая женщина - вдова, ее муж погиб на войне. Пегги Фейбьян обладает потрясающей деловой хваткой. Она открыла салон в январе, и ей нужна была помощница, кто-нибудь, кто мог про-

давать товар, упаковывать покупки, отвечать на телефонные звонки и тому подобное. Микки подумала обо мне и послала меня повидаться с миссис Фейбьян, которая была так добра, что взяла меня. Я получаю три фунта в неделю, два из них я плачу Робинсонам, а один остается мне на карманные расходы. Не так уж плохо, правда, Билл?

Билли сидел, раскрыв рот от изумления. Он никак не мог связать Жонкиль-продащицу в модном салоне в Уэст-Энд с подругой своих детских лет в Чанктонбридже. Мысль о наследнице Генри Риверса, зарабатывающей три фунта в неделю, казалась забавной. Однако вот она здесь, та же самая Жонкиль, с ее бледным пикантным лицом и с мальчишеской фигурой, с ее красивыми зеленовато-каримыми глазами, черными, коротко остриженными волосами и прямой челкой. Она была даже довольно элегантна сегодня. Он предположил, что она должна хорошо одеваться в интересах дела.

На ней был хорошо сшитый темно-синий костюм с вышивкой золотом на воротничке и манжетах, маленькая голубая с красным шляпка была надвинута на лоб почти до бровей; пара белых лайковых перчаток дополняла костюм. Жонкиль с лайковыми перчатками! Билли улыбнулся, вспомнив с некоторой грустью загорелые исцарапанные мальчишеские руки той Жонкиль, которая воспитывалась в Риверс Кортс. Теперь эти руки были белые, удлиненные ногти отполированы. Да! Она сильно изменилась. За три месяца работы она приобрела уверенность, опыт, которые отложили свой отпечаток. В ней было меньше ребенка, больше женщины. Взгляд Билли, скользя по ее левой руке, отметил, что обручального кольца на ней не было. Она не носила обручального кольца. Он вздохнул облегченно.

— Ну, Килли, все это очень странно! — сказал он. — И тебе действительно нравится твоя работа?

— Да, — сказала она. — Пегги Фейбьян обаятельная женщина и очень покладистая, и мне нравится целый день иметь дело с красивыми платьями. Конечно, это немного однообразно. Но, к счастью, дела у миссис Фейбьян идут очень хорошо, ее салон пользуется большим успехом.

— Ты стала намного старше, Килли.

Тень прошла по ее лицу. Она откинулась на спинку стула и перебирала пальцами перчатки.

— Ну и что же, Билл? — сказала она. — Я была слишком молода и глупа. Теперь я более опытна.

— Миссис Фейбьян знает о...

— О Роланде? Да. Я рассказала ей. И она понимает меня. Но мы никогда не говорим о нем.

Билли увидел, как напряглись ее красивые губы, и колебался, прежде чем заговорить снова. Он чувствовал себя немного неловко с этой новой, зрелой, независимой Жонкиль. Затем он начал, сильно покраснев:

— Килли, старушка, могу я спросить тебя о...

— Ты хочешь узнать о Роланде? — не дала она ему говорить. — Конечно. Ну, я его не видела с тех пор, как он уехал из Чанктонбриджа. Три месяца тому назад мы почти столкнулись с ним в доме миссис Поллингтон, но мне удалось избежать встречи. Я не видела и не слышала его эти три месяца, и он не знает, где я. Микки Поллингтон поддерживает связь и с ним, и со мной. Я взяла с нее слово, что она не даст ему мой адрес. Он очень беспокоится, мне кажется. Микки говорит, что он ищет меня по всему Лондону, — она слегка усмехнулась, — но я не хочу, чтобы он меня нашел.

— Значит, он в Лондоне?

— Да. Продает машины для компании "Спидо мотор".

— Черт возьми! — воскликнул Билли, засовывая обе руки в карманы и пристально глядя на Жонкиль.

— Микки говорит, что он много работает, и прилагает массу усилий, чтобы найти меня. Но я не хочу, — сказала она снова.

— Это правда? Ты искренне не хочешь видеть его снова?

Жонкиль помолчала. Этот разговор о Роланде причинил ее сердцу боль, которая была не нова для нее и к которой она никак не могла привыкнуть. Ее личико застыло. То, что она не могла говорить о Роланде или слышать его имя без чувства острой боли, казалось ей ужасным проявлением слабости.

В течение целых трех месяцев она старалась забыть его и погасить любовь, которую питала к нему. Она с головой

окунулась в работу в салоне. В долгие вечера в доме Робинсонов она пыталась развлечь себя, делая сумочки из бисера (искусство, которому Пегги научила ее), или составляя кроссворды. Изредка виделась с Микки и ходила с ней в театр или проводила вечер у нее. Но ничто не могло отвлечь ее от памяти о человеке, которого она любила так пламенно. Даже встречи с Микки, столь приятной ей, не очень радовали ее: симпатии Микки поделены поровну между ней и Роландом, ей хотелось, чтобы они помирились. Это задевало и раздражало Жонкиль. Она старалась сохранить свою гордость и независимость. Ей было неприятно, что Микки, хотя тонко и тактично, но все же уговаривает ее повидаться с Роландом.

Миссис Фейбьян никогда не видела Роланда, ничего не знала о его обаянии и была полностью против него. Если вопрос когда-либо поднимался, она советовала своей молодой помощнице держаться от него подальше.

Однако сейчас, когда Билли спросил ее о Роланде, Жонкиль испытала прежнюю мучительную боль. Она злилась на себя, но задыхалась от желания закричать: "Я ужасно, ужасно хочу видеть его!.."

Вместо этого она сказала тихим твердым голосом: "Я никогда не увижу его снова, Билли, и чем быстрее он поймет это и позволит мне аннулировать брак, тем лучше."

— Хм, — промычал Билли.

Жонкиль нахмурилась. Ей показалось, что Билли сомневается в ее искренности, и она еще больше разозлилась на себя, на тень Роланда, которая так назойливо преследует ее.

— Давай не будем больше говорить о нем, — сказала она резко. — Расскажи мне о себе. Как у тебя дела, Билл? И как Долли и Фрэнк? Как Чанктонбридж? Бабушка иногда пишет мне, но ее письма очень натянутые, она не одобряет меня, зовет вернуться. Мне так иногда не хватает новостей из Чанктонбриджа.

— Бедняжка, я понимаю тебя, — сказал Билли. — Давай закажем роскошный обед, и я все тебе расскажу.

Ели они со здоровым аппетитом молодости. Жонкиль постаралась хотя бы на время стряхнуть с себя уныние и радовалась общению с Билли. Он смеялся и шутил, и она

смеялась в ответ, отзываясь на его молодость и добрый юмор, довольная встречей со старым другом. Как приятно увидиться с ним снова! Она пожалела, что не написала ему раньше, боялась проявления чувств с его стороны. Но он, казалось, забыл о своей любви, был прежним веселым товарищем ее детских лет, и прежняя, ребячливая Жонкиль появилась вновь, оттеснив выдержанную, серьезную молодую женщину, которая входила в ресторан.

— Теперь я знаю, где ты, и собираюсь преследовать тебя, Килли, — сказал Билли, его голубые глаза сияли от радости. Ему приходилось кричать, чтобы она слышала его сквозь рев не в меру энергичного оркестра. — Мы сходим куда-нибудь потанцевать, согласна? Я свожу тебя на шоу, а потом пойдем в ночной клуб. Как насчет чарльстона?

— Я буду рада, — улыбнулась она. — Это было бы здорово, Билл. Ты правда научишь меня танцевать чарльстон?

— Да, конечно. Кто нам запретит?

Но уже произнося эти слова, Билли покраснел и даже слетка поперхнулся. Он забыл, что Килли была замужней женщиной. "Замужняя не в обычном смысле этого слова, — возражал он себе мысленно. — Ее муж не может запретить ей бывать в обществе других мужчин".

Жонкиль прочитала его мысли. Ее глаза снова стали жесткими.

— Тебе не надо беспокоиться насчет Роланда, — сказала она. — Я не считаю себя его женой. Я могу ходить куда хочу и с кем хочу.

— Не с кем хочешь, Килли, а только со мной, — сказал Билли ревниво.

Жонкиль собиралась шутливо ответить ему, но не издавала ни звука. Билли увидел, что она побледнела. Схватившись рукой за край стола, Жонкиль держалась за него, будто у нее внезапно закружилась голова, и смотрела на дверь, которая непрерывно открывалась, пропуская желающих пообедать. Он проследил за направлением ее взгляда. Его сердце глухо забилося.

— Боже правый! Чартер! — только и мог вымолвить он.

Роланд Чартер входил в ресторан, не подозревая о присутствии там своей жены. Жонкиль смотрела на него, не отрываясь. Сердце ее бешено колотилось, каждый нерв ее

тела дрожал. В первый раз за три месяца она увидела человека, которого любила так безумно и за которого вышла замуж. Это был тот же Роланд. Даже темно-серый костюм и синий плащ были те же; он был в них и день свадьбы. Он был уже не таким загорелым, похудел, осунулся, но его ярко-голубые глаза выдавали в нем прежнего безрассудного и циничного Роланда.

Однако больше всего поразило Жонкиль в этот момент то, что он был не один. С ним была девушка. Жонкиль окинула ее взглядом, отметила со свойственной женщинам способностью мгновенно оценивать другую женщину с первого взгляда, что она была молоденькая и довольно хорошенькая, несколько усталая и очень плохо одетая. Она весело и оживленно разговаривала с Роландом, и когда улыбалась очень хорошела.

Роланд — и девушка! У Жонкиль перехватило дыхание, когда она увидела, что они приближаются к их столику. Кто она? Почему Роланд пригласил ее? Какие у них отношения — они возлюбленные или просто друзья?

Дюжина не успевших полностью сформироваться вопросов промелькнули в ее голове, и в ту же минуту она полностью осознала тот факт, что она ревнует, что ей неприятно видеть Роланда рядом с незнакомой хорошенькой девушкой. Кровь снова прилила у нее к лицу.

— Билли, — сказала она. — Я... я не хочу, чтобы он видел меня. Я...

Она замолчала. Было уже поздно, потому что Чартер вплотную подошел к их столику, посмотрел на парочку, которая занимала его, и встретился взглядом с Жонкиль.

Чартер первым обрел дар речи. Жонкиль, как загипнотизированная его страстным, горячим, горьким и в то же время радостным взглядом, какое-то время не могла вымолвить ни слова.

— Жонкиль! — проговорил он приглушенным голосом.

Она не отвечала. Мучительная краска залила ее лицо и через мгновение схлынула. Билли, который поднялся, когда Роланд и его приятельница подошли к их столику, стоял в напряженной позе с прижатыми к телу руками; его славное лицо выражало негодование. Его неприятно удивило внезапное появление мужа Жонкиль и возмутило присут-

ствии этой обносившейся неизвестной девицы. Как он смеет вступать в разговор с Жонкиль здесь, сейчас, после того, что произошло между ними?

Роланд, однако, игнорировал присутствие Билли Оукли, не обращал на него никакого внимания. Он смотрел на бледное личико своей жены.

— Жонкиль! — повторил он. — Наконец-то я нашел тебя!

Теперь она прямо посмотрела ему в глаза. Ее сердце стучало, как кузнечный молот, но она сумела справиться с волнением и отвечала вполне спокойно.

— Я не совсем понимаю, зачем ты искал меня, — сказала она. — Но в любом случае мне это неинтересно. Я здесь с Билли, а ты, как я вижу, с приятельницей. Не лучше ли тебе поискать столик?

Чартер не отрывал глаз от Жонкиль. Он едва узнавал ее: элегантный костюм, уверенность в себе и светскость, которых не было ранее. Куда подевалась та девушка, которую он встретил всего несколько месяцев тому назад — молодая, довольно неловкая Жонкиль с ее чарующей, почти детской невинностью и неопытностью, где ее быстрая, застенчивая улыбка? Неужели это та же самая девушка? Он был поражен переменой, происшедшей в ней за столь короткое время. Но ее холодность и пренебрежительное обхождение не могли полностью погасить его пыла. Он искал ее по всему Лондону в течение многих долгих, томительных недель, страстно желая увидеть ее, услышать звук ее голоса, дотронуться до ее руки, впитать единственное слово прощения. Теперь, когда он нашел ее, он не намерен был ограничиться этой встречей.

— Жонкиль! — сказал он торопливым полусшепотом. — Ты не можешь прогнать меня таким образом. Мне нужно встретиться с тобой, поговорить. Когда...

— Нам не о чем говорить, — прервала она его. — Все, что было нужно сказать, мы сказали друг другу в Риверс Корте. Ты заставляешь ждать свою приятельницу.

Роланд тотчас же отметил нотку ревности в голосе своей жены и ухватился за нее с отчаянием умирающего с голоду человека. Что бы Жонкиль ни говорила, она все еще любит его! Он был уверен в этом. Она может играть роль,

делать вид, что ненавидит и презирает его, но все еще любит его. Он заметил быстрый взгляд ее красивых глаз в сторону девушки, которая была с ним. Та стояла немного в стороне от столика, с любопытством наблюдая за этим трио. Вся ее поза выражала крайнюю усталость. Она стояла в покорном ожидании, как будто не надеясь, что ее представят, и не особенно желая этого.

Но Жонкиль не видела трогательной покорности или позы терпеливого ожидания. Она только знала, что девушка была молода, вероятно, не старше девятнадцати или двадцати лет, что у нее были правильные черты, и что все ее лицо, когда она поворачивалась к Роланду, освещалось улыбкой, которая делала ее красавицей. И Жонкиль ревновала. Она сразу возненавидела попутчицу Роланда, соображала, кто она такая, какие у них отношения, откуда она появилась.

— Жонкиль, — сказал Роланд. — Не смотри так. Давай постарайся остаться друзьями. Послушай... позволь представить тебе мисс Хендерсон и...

-- Нет, благодарю, — отрезала Жонкиль. — У меня нет желания знакомиться с твоими друзьями. Каждый из нас живет своей собственной жизнью, и я бы хотела, чтобы ты понял это, Роланд.

— Я не могу спорить с тобой здесь, -- сказал Роланд и сжал губы. — Но я хочу, чтобы ты уяснила, что каждый из нас не живет своей собственной жизнью. Я искал тебя несколько недель и сейчас, когда я нашел тебя, я не позволю тебе так легко уйти.

Жонкиль озиралась вокруг с довольно затравленным выражением — выражением человека, который чувствует себя окруженным невидимой стеной и не знает, как вырваться... и, хуже всего, что он не уверен, хочет ли он вырваться. Какой бы холодной и твердой она ни казалась, внутренне она была сильно расстроена. Эта неожиданная встреча с Роландом, звук его голоса, выражение глаз, с новой силой воскресили прежнее непереносимое желание простить его, открыть ему свои объятия, несмотря на то, что целые три месяца она делала все, от нее зависящее, чтобы убить это желание!

Но прежняя гордость тоже давала о себе знать, и за

последнее время Жонкиль научилась лучше управлять своими чувствами, закалилась в тяжелой работе. "Нельзя уступать, — говорила она себе, — нельзя позволить Роланду Чартеру снова властвовать надо мной." Она бросила взгляд на Билли, как бы прося помощи. Но Билли безмолствовал, он ничем не мог помочь ей. Он просто не знал, что сказать. Он хотел потребовать, чтобы Чартер оставил Жонкиль в покое, раз она явно не желает разговаривать с ним, но не мог, тем не менее, предписывать, что делать и как себя вести мужу Жонкиль. Кроме того, Роланд не был похож на человека, который вынесет какое-либо вмешательство.

Наконец Жонкиль сказала быстро:

— Пожалуйста, Роланд, иди и поищи себе столик, и давай закончим эту тягостную сцену. Мисс...э-э, Хендерсон ожидает тебя.

Кулаки Роланда сжались.

— Я не уйду, Жонкиль, пока ты не пообещаешь встретиться со мной где-нибудь сегодня же и поговорить.

— Я не хочу встречаться с тобой.

— Ты должна. Я должен увидеть тебя.

— Нет, — сказала Жонкиль в отчаянии.

— Да, — сказал он жестко. — Ты не можешь отказать мне. Дай мне полчаса, даже меньше, пять минут, если хочешь, но мне нужно поговорить с тобой наедине. Я чуть не сошел с ума, пока искал тебя с января...

Жонкиль закусила нижнюю губу. Ее сердце билось так бешено, что она боялась задохнуться. Она не хотела встречаться с ним, но однако он ослабил ее оборонительные укрепления. Она представила себе его долгие изнурительные поиски. Он говорит, что желание видеть ее чуть не свело его с ума. Микки Поллингтон твердит то же самое. Не может же она быть такой жестокой, чтобы отказать увидаться с ним на пять минут?

— О, очень хорошо, — сдалась она. — Я согласна, хотя не хочу этого.

Он с облегчением вздохнул.

— Спасибо. Я кончаю работать в шесть. Буду ждать тебя около здания компании "Спидо" сегодня в шесть часов.

— Хорошо, — ответила она неохотно.

Он посмотрел на нее долгим тяжелым взглядом.

— Я буду ждать тебя, Жонкиль, — сказал он. — А пока — до свидания...

Он повернулся к Билли Оукли, улыбнулся ему, но столько горечи, столько страдания было в этой улыбке, что Билли почувствовал себя неловко.

— Как дела, Оукли? — произнес он и, помедлив, направился к девушке, которая его ждала.

Жонкиль, бледная, слегка дрожащая, молча откинулась на спинку стула. Билли снова сел напротив нее, все еще не в состоянии вымолвить ни слова. Даже сквозь гул толпы они могли слышать слова Роланда, обращенные к его спутнице:

— Прости, что я так долго, Поппи. А вот и свободный столик. Идем...

Затем его голос замер.

Через мгновение Жонкиль встретила вопрошающий взгляд Билли. Она нервно рассмеялась.

— Все это так неудачно и неожиданно, — проговорила она.

— Мне очень жаль, что все так вышло, Килли, — сказал он.

— Ладно, какое это имеет значение? Разве что-нибудь имеет какое-нибудь значение? — повторила она настойчиво, пожав плечами.

— Не надо, — сказал он. — Я не могу выносить, когда ты так говоришь, Килли. Ты всегда была такой жизнерадостной, а теперь...

— О, мой дорогой, это было так давно, — прервала она его. — Я столько пережила с тех пор.

— Но почему ты согласилась встретиться с ним?

— Только для соблюдения спокойствия. Я знаю Роланда. Он очень упрям. Он не отошел бы от столика, пока я не согласилась бы на встречу.

— Ты сдержишь обещание? — спросил Билли угрюмо.

— Да, сдержу. Но это ничего не значит. Я выслушаю то, что он хочет мне сказать, и буду дальше жить и работать, как я живу и работаю с Нового года.

— Он может уговорить тебя, Килли...

— Нет, — прервала она его снова. — Что бы он ни ска-

зал, он не уговорит меня простить его или жить с ним. Не бойся за это. Мои намерения такие же, какие они были в Риверс Корте. Я никогда не прошу того, что он сделал, и не позволю дважды одурачить себя.

Билли закурил сигарету. Он так и не дотронулся до пудинга. Встреча Жонкиль с мужем испортила ему весь обед.

— Я бы так хотел, чтобы ты была свободна, чтобы я мог присматривать за тобой, — сказал он после некоторой паузы. — О, Килли, если бы ты могла заставить Чартера дать тебе развод... и если бы ты хоть чуть-чуть любила меня.

— Это бесполезно, Билл, — сказала она мягко. — Я не хочу любить тебя или кого-нибудь другого. Не стоит тратить на чувства душевные силы.

— Боже мой! Я не могу поверить, что ты стала такой циничной. Я бы мог убить Чартера за то, что он сделал с тобой! — пробормотал Билли.

— Давай не будем больше говорить об этом. Как было все хорошо, пока он не появился.

— Ладно. Расскажи мне еще о твоей работе, — сказал он с усилием.

Она начала рассказывать о салоне Пегги Фейбьян и о том, как они ведут дела. Она говорила легко, улыбалась с полным спокойствием. Но ее сердце начинало биться неровно и пульс становился учащенным, когда она вспоминала, что она обещала своему мужу увидеться с ним сегодня вечером в шесть часов, вспоминала, что он здесь, в этом зале, с девушкой, которую зовут Поппи Хендерсон. Поппи! Ну и имечко! Кто она? Просто какая-то девица, которую он подцепил для развлечения, или ее почему-либо нужно было пригласить пообедать? Она старалась не думать о девушке, но ее мысли упорно возвращались к ней.

Сегодня в шесть... Почему она сказала, что встретится с ним? Что он скажет? Будет ли это еще одна мучительная и бесполезная сцена между ними? Она никогда не простит, как бы он ни притягивал ее, заставляя ее жаждать любви, которая когда-то была между ними.

Микки будет рада, что она встречалась с Роландом. Миссис Фейбьян скажет, что она дура. Пегги Фейбьян права. Но сейчас уже поздно отступить. Она дала слово.

Глава 17

Недалеко от того места, где сидели Жонкиль и Билли, Роланд и его спутница заняли столик в углу; девушка села, а Роланд курил, откинувшись на спинку стула, и мысли его были где-то далеко. Девушка тоже отложила нож и вилку и смотрела на Роланда со смирением и обожанием.

— Ты жалеешь, что пригласил меня? — спросила она.
— Ты, я вижу, сыт по горло.

Он встряхнулся, улыбнулся ей, погасил сигарету и принялся за свой бифштекс.

— Прости меня, Поппи, я не очень обходителен со своей гостьей, — сказал он со свойственным ему обаянием.
— Нет, конечно, я не жалею, что пригласил тебя. Почему я должен жалеть?

— У меня такой жалкий вид, — сказала она. — Тебе, наверно, стыдно за меня?

— Чепуха, — сказал он. — Ты совсем не плохо выглядишь.

Она посмотрела на свое сильно поношенное пальто и юбку и поспешно подогнула рваный манжет белого хлопчатобумажного джемпера так, чтобы его не было видно. Ее лицо приобрело мрачное, даже сердитое выражение.

— Я выгляжу плохо, — сказала она. — И ты знаешь это. Ты всегда ведешь себя со мной, как джентльмен. Ты бы сказал, что я хорошо выгляжу, даже если бы я была в лохмотьях. Но тебе было стыдно представить меня своим нарядным друзьям. Впрочем, я и рада, что ты не сделал этого.

— Детка! — воскликнул он. — Ради всего святого, не будь такой смиренной. Я не представил тебя потому, что не было времени, но я собирался.

Ее худенькое личико с довольно широкими скулами и заостренным подбородком просияло. Ее голос, который был от природы грубоватым и низким, стал почти хриплым от волнения, когда она сказала:

— Ты всегда очень мил со мной, Ролли. О, Боже, я вечно забываю, что ты сердишься, когда я тебя так называю, Роланд.

— Глупый ребенок, я не сержусь, но так звала меня

бабушка. Поэтому мне не нравится, когда это имя звучит из уст кого-нибудь другого. Я очень сентиментален, не так ли?

— Ты для меня как бог, ты знаешь это, да? — сказала она.

Поставив локти на стол и подперев лицо руками, она с обожанием смотрела на него.

— Я никогда, никогда не забуду, как ты был добр ко мне, ведь я чуть не протянула ноги месяц назад.

— Фу, перестань, — сказал он. — Ешь.

— Подумать только, ты пригласил меня сюда. Ты — джентльмен, а я такая ободраная и бестолковая. — продолжила она. — Ты мог бы водить обедать леди, такую, как та, с которой ты только что разговаривал.

Он напрягся и сказал со странной улыбкой:

— Она не хочет, уверяю тебя.

— Она, может быть, слабоумная какая-нибудь? — предположила Поппи Хендерсон.

— О, нет, она очень разумная. Я ей просто не нравлюсь.

— Боже! — воскликнула Поппи. — Подумать только, есть женщины, которым ты не нравишься.

Роланд протестующе поднял руку.

— Прошу тебя, детка, перестань молоть чепуху. Ты знаешь, я не выношу этого.

Она вздохнула и воткнула вилку в картошку.

— Хорошо. Больше не буду. Но расскажи мне о леди, Ролли, то есть Роланд! Она такая хорошенькая, такая элегантная. Но как гордо она с тобой разговаривала!

Губы Роланда скривились. Жонкиль — элегантная, гордая... Это действительно была не та Жонкиль, которую он встретил на балу у Поллингтонов. Как время изменило их... всех их!

— Поппи, — сказал он. — Ты помнишь, я рассказывал о девушке, на которой я женился, и как низко я поступил с ней?

— Да.

— Ну вот, эта леди, с которой я только что разговаривал — моя жена.

Поппи вытаращила на него глаза.

— Это она?

— Да.

— О, Боже! Значит, она сумасшедшая. Я всегда говорила, что девушка, которая вышла за тебя замуж и не хочет жить с тобой, просто буйно помешанная.

— Нет, Поппи, я же рассказывал тебе, как нечестно я поступил, какую отвратительную штуку я сыграл с ней. Я во всем виноват.

— Может быть, и так. Но ты же сожалел об этом и хочешь, чтобы она простила тебя. Она, должно быть, не в своем уме, раз не прощает тебя.

Роланд усмехнулся.

— Да, боюсь, она не простит меня.

— Боже ты мой! — сказала Поппи страстным полушепотом. — Будь я на ее месте, я бы простила тебе все.

Его глаза смягчились.

— Ты глупый ребенок, — сказал он. — Ты не должна растрчивать свою любовь на меня. Я говорил тебе это много раз.

— Почему это тебя беспокоит? Я совсем не жду, что ты влюбишься в меня. Но я обожаю тебя и буду обожать.

Роланд немного покраснел.

— Пожалуйста, не надо, — сказал он. — Ты ставишь меня в неловкое положение, Поппи.

— Тебе нечего стыдиться, — сказала она. — Ты для меня как святой, никогда ничего не домогался, никогда ничего не требовал. Не то, что другие парни.

— Мужчины — животные, эгоистичные животные, Поппи.

— Но не ты! — возразила она с жаром. — Ты не такой, ты Роланд.

Роланд не знал, что сказать. Он был тронут непринужденностью ее признания, но чувствовал себя неловко. Несмотря на обширный опыт общения с женщинами, он никогда прежде не встречал ни одной, которая была бы так трогательно смиренна, так обожала бы его, как Поппи Хендерсон. Это несколько не радовало его. Большинство мужчин чувствовали бы себя польщенными и воспользовались бы ее любовью. Но Роланд был достаточно порядочен; кроме того, любовь Поппи никоим образом не могла заглушить

его страстного стремления к Жонкиль, надежды на прощение, желания быть с ней, около нее, раскаяния за то, что произошло.

Жонкиль изменилась. Сегодня это была выдержанная, довольно циничная, умудренная жизнью девушка. Но все равно это та Жонкиль, которую он полюбил впервые в жизни. Однако теперь ее можно было не только обожать, но и уважать. Он увидит ее сегодня в шесть. Она, конечно, сдержит обещание. Но что можно сказать или сделать, чтобы заставить ее поверить в искренность его раскаяния, заставить ее простить его? Он был в отчаянии.

Ему было жаль и Поппи, которая страдала сейчас от безнадежной любви к нему. Он делал все возможное, чтобы дать ей понять бесперспективность ее чувства к нему. Но она так все затрудняла, была так настойчива в выражении своей любви, так трогательно подобострастна... Он не жалел, что принял в ней участие, спас ее от многих невзгод и страданий. Но все же жаль, что она любит его так трогательно и безнадежно.

Он познакомился с ней, когда начал работать в компании "Спидо" и поселился в респектабельном, но довольно скромном доме, где сдавались меблированные комнаты. Он продавал не очень много машин и получал не очень много денег. Ему приходилось экономить на всем. Он хотел скопить денег для Жонкиль, хотел завоевать положение в обществе ради нее.

Поппи Хендерсон занимала комнату в том же подъезде, и он несколько раз встречал ее на лестнице, когда шел на работу или возвращался вечером домой. Она была продавщицей в небольшом магазине тканей недалеко от дома: получала мало, недоедала, была одинока в этом мире и вела, как казалось Роланду, собачью жизнь. Она была довольно хорошенькая, но очень усталая и измученная. Очень густые светлые волосы, коротко подстриженные и немного вьющиеся, делали ее лицо птичьим и незначительным. Но спасали ее пара действительно красивых глаз, темно-карих, прекрасно контрастирующих с бледно-желтым оттенком ее волос, и хорошо очерченный рот. В целом ее портил нездоровый цвет лица и худоба тела: казалось, что она больна или вот-вот заболест.

Роланд жалел ее. Иногда он по пять-десять минут разговаривал с ней в холле; он немного узнал о ее тяжелой жизни, о мужчинах, которые докучали ей, об ужасной борьбе, которую она вела для того, чтобы выжить и не скатиться на дно. Она была хорошей неиспорченной девушкой, жаждущей настоящей привязанности; бедным ребенком, который никогда не знал истинной любви, который осиротел в детстве и с тех пор вел очень неравную борьбу за жизнь.

Иногда ее молодость и маленькая стриженная головка напоминали Роланду Жонкиль, хотя на самом деле девушки совсем не походили друг на друга. Но он представлял Жонкиль на месте Поппи, ведущую такое же ужасное существование, и это сводило его с ума, заставляло страдать.

А потом Поппи на самом деле заболела. У нее был очень тяжелый грипп, и она чуть не умерла. Хозяйка хотела отправить ее в больницу, но Роланд знал, что Поппи испытывает патологический ужас перед больницами. Однажды вечером, проходя мимо ее комнаты, он услышал, как она рыдает и упрасивает хозяйку не отправлять ее в больницу, дать ей умереть здесь. И Роланд решил вмешаться. Он взял на себя заботу о Поппи, вызвал доктора; он оплачивал счета, приносил ей куриные бульоны, супы, молоко — все, что было необходимо, чтобы укрепить ее попорченное полуголодным существованием здоровье. Она постепенно поправлялась. Поппи хорошо понимала: Роланд Чартер тоже не был состоятельным человеком, подозревала, что ему часто приходилось ходить голодным для того, чтобы оплачивать все расходы, связанные с ее затянувшейся болезнью. Она никогда прежде не знала такой щедрости, такой доброты, и поэтому пала ниц перед ним и стала боготворить его.

Теперь она была его рабыней. Ее беспокоило только, что он запрещал ей поклоняться ему, не принимал подарков, которые она подносила ему со всей бесхитростностью и обожанием, свойственным людям ее класса.

Нет, она никак не могла понять, как Жонкиль может отвергать такого короля среди мужчин. Независимо от того, помог бы он ей в тяжелую минуту или нет, Поппи все равно боготворила бы его.

Она уже опять работала, и хотя была еще слаба, быстро восстанавливала силы. Роланд все еще во многом себе отказывал для того, чтобы послать ей что-нибудь вкусненькое и оплатить счета за лекарство.

Сегодня в первый раз он пригласил ее пообедать вместе, обращался с ней, как со своим другом, но как всегда чувствовал себя неловко перед искренним обожанием, которое светилось в ее больших карих глазах.

Закончив обед, они вместе вышли из ресторана. Роланд бросил быстрый взгляд на столик, за которым сидела Жонкиль, и увидел, что она и юный Оукли уже ушли. Поппи тоже посмотрела туда и поджала губы.

— Я должна сказать, что я не понимаю, как твоя жена может так себя вести, — начала она. Но Роланд оборвал ее таким суровым голосом, какого она никогда не слышала у него:

— Ты не должна критиковать мою жену, Поппи, — сказал он. — Я многое тебе рассказал о ней, потому что ты мой друг, но я не позволю осуждать ее.

Поппи вспыхнула. Какое-то время она выглядела обиженной. Но потом, когда они уже вышли на улицу, посмотрела на своего спутника тоскливыми карими глазами:

— Послушай, прости, Ролли... Роланд, — сказала она, поспешно поправив себя. — Я не хотела сказать ничего обидного.

— Все в порядке, детка. — ответил он. — Я знаю, что ты не имела в виду ничего плохого.

— Я просто не могу переносить, что ты так несчастлив из-за того, что она не хочет вернуться к тебе, — сказала Поппи печально.

Роланд поднял воротник пальто. Мартовский ветер пронизывал до костей, а он чувствовал себя необычайно усталым и продрогшим.

— Не беспокойся обо мне, Поппи, — сказал он. — Беги на работу и будь умницей.

— Мы увидимся вечером?

— Не думаю, Поппи. И тебе не следует ждать в холле, пока я вернусь. Это нехорошо, раз мы живем в одном доме, понимаешь, детка?

Щеки Поппи стали пунцовыми.

— Мне все равно, что говорят люди. Я только хочу видеть тебя.

— Я скоро опять приглашу тебя на обед или на чай, — сказал он мягко. — Но теперь ты поправилась, Поппи, и о тебе больше не нужно заботиться. Мы не можем использовать твою или мою комнату как гостиную, и мы не можем стоять на лестнице или в холле. Будь послушным ребенком и пойми это.

Не сказав ни слова, она повернулась и почти побежала от него. Роланд знал, что она плачет. Ему было очень жаль ее, но он не пошел за ней, а повернул к зданию своей компании. Бедная маленькая Поппи. Он совсем не хотел, чтобы она так влюбилась в него. Иногда, когда он чувствовал себя особенно одиноким и несчастным, он испытывал искушение принять ее любовь, но он никогда не позволит себе поддаться ему... никогда...

Глава 18

Жонкиль распрощалась с Билли Оукли (который взял с нее обещание снова встретиться с ним вскоре) и вернулась в магазин миссис Фейбьян на улице Олбимарл. Магазин состоял из одного большого зала на четвертом этаже здания, занятого разными учреждениями. Для того, чтобы попасть в этот зал, который миссис Фейбьян арендовала за очень высокую плату и где у нее не было даже витрины. покупателям приходилось подниматься три пролета лестницы. Но несмотря на расходы и трудности, ей удавалось получать даже некоторый доход — благодаря скорее рекомендациям, чем рекламе. Улица Олбимарл расположена в самом центре Уэст-Энда, и миссис Фейбьян, открывая свое дело, обладала тем преимуществом, что имела много друзей в Лондоне, которые более преуспели, чем она, купив однажды что-нибудь в ее магазине, они рекомендовали своим друзьям заглянуть и него. Она признавала, что ей везло. Сотни предполагаемых костюмеров появляются только для того, чтобы позорно и поспешно исчезнуть, преследуемые кредиторами.

У Пегги Фейбьян было определенное чутье на одежду. Она безошибочно определяла, какое платье и какую шляпку предложить каждому типу женщин. Она была мастерица в искусстве лести. Некрасивым и толстым старым дамам она продавала одежду, которая, как она их уверяла, "скрывает множество погрешностей"; молодых и хорошеньких женщин умела превращать в создания, предназначенные для обольщения мужчин, а из девушки, обладающей вполне заурядной внешностью, делала красавицу.

Сама миссис Фейбьян была привлекательной женщиной немногим более тридцати лет. Среднего роста, с рыжими, коротко остриженными волосами, очень белой кожей и яркими голубыми глазами за очками в роговой оправе, которые делали ее похожей на американку, она поражала всех, кто впервые встречался с ней, своей веселостью и покладистостью. Пегги приберегала очень мягкий взгляд и льстивую речь для своих жертв в салоне, когда с помощью кусочка тюля или длинной ленты, используемых в качестве приманки, хитро выуживала дополнительные пятнадцать или двадцать фунтов из своих клиентов.

По сути, она была искушенной маленькой деловой женщиной, довольно хитрой, с той жилкой еврейской практичности, которая позволяла ей успешно вести дело. Те, кто хорошо знал Пегги, никогда даже не могли помышлять о том, чтобы она поддавалась на уговоры и снизила цену, если это не была распродажа. Но они любили ее. Все любили Пегги. Она была славная женщина, и Жонкиль, которая целый день проводила с ней бок о бок, очень ценила ее. Жесткая, практичная сторона Пегги сильно помогла ее молоденькой продавщице в первые тяжелые дни разлуки с Роландом. Пегги хорошо относилась к Жонкиль, хотя иногда нападала на нее, называла ее маленькой идиоткой, когда Жонкиль проявляла какие-то признаки слабости и сентиментальности.

Пегги Фейбьян презирала женщин, которые были "тряпками", как она их называла: никакого уважения, по ее мнению, не заслуживает девушка, влюбленная в мужчину, который ее не любит, или та, которая проявляет мягкость к мужчине, который когда-то с ней плохо обошелся. Что касается Пегги, то у нее была всего одна любовь... это было в

последний год войны, когда она встретила и влюбилась в капитана Яна Фейбьяна, артиллериста регулярной армии. После двух коротких месяцев семейной жизни и счастья, которое было слишком большим, чтобы длиться долго, Ян Фейбьян был убит за два дня до прекращения военных действий! Горькая и мучительная жертва, которую Пегги принесла Англии. Она так и не оправилась от жестокости этого удара, этого чувства, что "слишком поздно", которое сокрушило и сломало ее в день прекращения войны. Но твердость помогла ей перенести горе. Детей у нее не было, молодая вдова вернулась в дом своих родителей, людей довольно обеспеченных, и жила на пенсию. Около года тому назад она возымела намерение для развлечения завести салон. Ее последняя продавщица, предшественница Жонкиль, недавно вышла замуж и уехала, поэтому Пегги радушно приняла Жонкиль, когда Микки, одна из самых верных покупательниц Пегги, прислала ее.

С того самого часа, как Жонкиль, запинаясь, изложила ей свою историю, миссис Фейбьян поддерживала Жонкиль в ее намерении выбросить Роланда из своей жизни. Роланд представлялся Пегги наихудшим видом дрянного человека. Несмотря на жалкие попытки Жонкиль замолвить пару добрых слов за Роланда, Пегги искренне презирала его.

— Я никогда не видела его и не хочу видеть, — сообщила она как-то Жонкиль, — но мне кажется, что мужчина, который мог жениться на девушке так, как он женился на тебе, должен быть негодяем. Послушай моего совета и не унижай своей гордости перед ним. Я презираю женщин, которые унижаются перед мужчинами. Вычеркни Роланда Чартера из своей жизни.

Сегодня днем, в частности, когда Жонкиль вернулась в салон на улице Олбимаря и рассказала миссис Фейбьян, что она встретила Роланда в ресторане и собирается увидеться с ним вечером, миссис Фейбьян испепелила ее взглядом.

— Жонкиль, как ты можешь быть такой слабой? Ты только стала забывать его, и вдруг собираешься снова позволить ему вывести тебя из душевного равновесия.

Жонкиль сняла шляпку и пальто и начала механически развешивать платья, которые Пегги показывала покупат-

тельнице. Она ожидала суровой критики от миссис Фейбьян и была немного пристыжена. Она не хотела спорить, хотя в глубине души знала, что никогда, ни на один час не забывала Роланда, никогда не переставала сожалеть о катастрофическом конце дня своей свадьбы.

Ей нравилось работать у Пегги: она была более или менее счастлива в дружелюбной обстановке семьи Робинсонов, у которых она жила. Но иногда чувствовала себя такой одинокой, ужасно одинокой, и ей так не хватало мужа, которого она отвергла в своем гневе и гордости.

Миссис Фейбьян одела элегантное черное пальто с отделкой из меха рыси, черную атласную шляпу с громадным бантом сбоку, затем начала красить и без того накрашенные губы. Через очки в роговой оправе ее яркие голубые глаза холодно поглядывали на молодую продавщицу.

— Не будь дурой, моя дорогая, — говорила она. — Забудь о своем обещании. Иди домой вместо того, чтобы встречаться с этой скотиной.

Жонкиль наклонилась, чтобы поднять серебряную бисерину, которая упала с розового жоржетового вечернего платья, которое она держала.

— Жаль, что эти бисерные платья рассыпаются до того, как мы их продали, — сказала она с невольным сарказмом.

Миссис Фейбьян топнула ногой.

— Жонкиль, ты уклоняешься от ответа. Если ты думаешь, что я не имею права вмешиваться в твои дела, так и скажи, и покончим с этим.

— Мы приятельницы, Пегги, — сказала Жонкиль; краска начала медленно заливать ее лицо. — Но ты не совсем понимаешь мои чувства к Роланду.

— Честно говоря, я вообще не понимаю женщин, которые в грош себя не ставят. Я никогда не понимала этого. Человек, за которого ты вышла замуж, вообразил себя таким божком, без которого ты не можешь жить и перед которым ты должна неизбежно преклоняться, и это приводит меня в бешенство. Он поступил с тобой нечестно. Выбрось его из своей жизни.

— Но если он сожалеет, Пегги, искренне сожалеет? И он, кажется...

— Ты думаешь, ты действительно думаешь, что он жи-

вет одиноко, скорбя о тебе?

— Да, — сказала Жонкиль. Но ее мысли тут же устремились к Поппи Хендерсон, вульгарной хорошенькой девице, которую Роланд привел с собой обедать. Ее щеки еще больше покраснели. В сердцах она так встряхнула розовое платье, что еще несколько серебряных бисеринок покатились по натертому паркету.

— Это платье практически уже продано леди Эллот. — сказала миссис Фейбьян, останавливая свои пронзительные глаза на платье. — Уложи его, пожалуйста, в коробку, пока от него еще хоть что-то осталось.

— Виновата, — сказала Жонкиль.

Миссис Фейбьян подошла к ней и положила ей руку на плечо.

— Послушай, старушка, — сказала она более мягким голосом. — Я не такая скотина, какой кажусь. Я понимаю твои чувства. Только Чартер не стоит твоего горя, моя дорогая. Выбрось его из головы. Ты встретишь кого-нибудь еще...

— Почему я должна кого-то встретить? — перебила ее Жонкиль. — Вот ты никого больше не встретила... Ты вдова уже несколько лет, хотя очень хорошенькая, и элегантная, и умная. Почему ты не вышла замуж снова?

Глаза Пегги за очками внезапно потемнели. Ее рука упала с плеча Жонкиль, и она отошла.

— Это другое дело. Я любила Яна, и Ян обожал меня. Мы были все друг для друга. Это такая любовь, которая почему-то не умирает... она продолжается... она продолжается во мне все эти годы. О, да, я знаю, ты думаешь, что я — твердый орешек. Ты видишь, что я хожу здесь с ртом, накрашенным, как почтовый ящик, и в юбке до колен. Ты слышишь, как я смеюсь и шучу со всеми. Но это не настоящая я. Настоящая я во Франции, похоронена вместе с Яном.

Глаза Жонкиль наполнились слезами. Она никогда раньше не слышала от Пегги Фейбьян таких признаний. В порыве сочувствия она подбежала к ней и схватила ее за руки.

— Пегги, я понимаю, это тяжело для тебя... Прости меня. Я знаю, что ты ужасно любила своего мужа. Но Пег-

ги, я думаю, я тоже очень люблю Роланда. Даже если он поступил скверно вначале, он не мерзавец в глубине души. Бабушка говорила мне, что он был очень честным, чистым и хорошим мальчиком. Все у него пошло не так, ему не везло, и иногда я чувствую, что я сама подталкиваю его вниз, и что я должна протянуть ему руку.

Миссис Фейбьян пожала плечами:

— Ну, поступай как знаешь, Жонкиль. Может быть, ты права; и может быть, если ты помиришься с ним, ты действительно окажешь на него какое-то благотворное действие. Не знаю, но я бы никогда не простила человека, который женился на мне только назло своему дяде.

Жонкиль закусила нижнюю губу.

— Я не знаю, что делать, — сказала она.

— У тебя есть еще время до шести. Обдумай все, — сказал Пегги. — Я иду обедать. Пока, моя дорогая. Не забудь, что миссис Грей-Фрит должна придти насчет того темно-красного жоржета. Его надо было подкоротить. Ей непременно нужно демонстрировать свои коленные чашечки.

Жонкиль слабо улыбнулась.

— Хорошо, Пегги. Всего доброго.

Миссис Фейбьян вышла из салона. Оставшись одна, Жонкиль начала прибираться, затем сложила розовое, вышитое бисером платье в коробку для леди Эллиот. Окончив работу, она села около электрического камина за китайской лакированной ширмой, которая скрывала от глаз часть салона, где был закуток, приспособленный Пегги под контору. Здесь Жонкиль курила в ожидании покупателей.

Она сидела, выкуривая одну сигарету за другой, и думала о Роланде, об их встрече в шесть часов. Мысль о Роланде заполнила ее мозг, беспокоила, терзала ее. Должна ли она держаться мудрого совета Пегги и не встречаться с ним, или последовать велению своего слабого, любящего сердца и сдержать обещание?

Память о Поппи Хендерсон охлаждала ее пыл, однако заставляла сгорать от любопытства и ревности, которые она никак не могла унять. Она смотрела на спокойный красный отблеск электрического камина и скрежетала зубами. Ее терзали мысли: то гордые и непреклонные, то роб-

кие, уступчивые. Почему бы ей не встретиться с ним? Это ни в коем случае не значит, что она должна поддаться мольбам, которые он может принести к ее ногам.

На какое-то мгновение она закрыла глаза и мысленно позволила себе уступить этим мольбам; представила худое, изможденное лицо Роланда, светящееся радостью и изумлением, руки Роланда, обнимающие ее, его губы на ее губах...

Она задрожала и закрыла лицо руками.

— Боже, как я ужасно слаба... Пегги Фейбьян и такие, как она, сделаны, должно быть, из кремня. Но я не кремень. Я вообще не создана быть суровой и гордой женщиной. Мне просто нужен Роланд, что бы он ни сделал... и это ужасно!..

Без пяти шесть Жонкиль вышла из салона, чувствуя на себе полусочувствующий, полупренебржительный взгляд Пегги, и направилась к зданию, занимаемому компанией "Спидо". Она не могла нарушить обещание, данное Роланду. Она должна увидеть его, даже если это будет их последняя встреча.

В половине седьмого она все еще стояла на улице, ее глаза беспокойно блуждали по толпе, выискивая высокую фигуру Роланда. Где он? Почему он не пришел? Она вошла в здание, где ей сообщили, что он ушел в половине шестого и собирался вернуться к шести часам.

Жонкиль начала чувствовать, что если он не придет, она будет горько разочарована.

В семь часов девушка все еще ходила взад и вперед по улице около помещения компании, но Роланда не было.

Глава 19

Жонкиль прождала еще полчаса, затем покинула место несостоявшегося свидания и направилась домой в неренолненном автобусе. Она очень замерзла, очень устала и была совершенно откровенно несчастна. До сих пор она даже не понимала, насколько сильно хочет видеть Роланда.

— Я отвратительная, ни с чем несообразная, глупая

особа, — твердила она себе, пока автобус грядет по дороге — бесконечно медленно, останавливаясь на каждом перекрестке. — Я ведь не собиралась быть особенно любезной с ним или позволить ему уговорить меня. Тогда почему я так несчастна? Только потому, что он не объявился?

Она, конечно, была не в состоянии ответить ни на один из тех вопросов, которые задавала себе. С незапамятных времен непоследовательность и глупость влюбленной женщины были непонятны ни мужчине, являющемуся другой заинтересованной стороной, ни самой женщине.

Всю дорогу до Сент-Джонс Вуда Жонкиль терзалась сомнениями. Почему Роланд не пришел? Что случилось? Может быть, он поступил так, чтобы досадить ей и унижить ее? Нет, дело, конечно, было не в этом. Когда он разговаривал с ней в ресторане, было видно, как он отчаянно стремится увидеться с ней. Что-то случилось, что помешало ему прийти. Но теперь она никогда ничего не узнает; может быть, она больше никогда не увидит его.

Ей следовало быть довольной, что она избежала еще одной мучительной сцены с ним, но она, тем не менее, не испытывала ни малейшего удовлетворения.

Она не могла отогнать мысль о Роланде, каким она видела его сегодня в "Корнер-Хаузе". Он казался изможденным, худым — вид у него был очень неважный. Потом она снова стала думать о Поппи Хендерсон. Кто была эта девушка? Нравилась ли она Роланду? Не воспользовался ли он своим нежным обаянием и очарованием, чтобы заставить Поппи обожать его? Бессовестный, непоследовательный Роланд! Это вполне в его духе — выкинуть такую штуку. Какое ему дело до того, чьи сердца он разбивает, если это его развлекает?

"Любовь мужчины и жизнь мужчины идут отдельно, но смысл жизни женщины в любви..."

Прежняя цитата! Она повторила ее Роланду в день их свадьбы. Даже теперь Жонкиль ощущала его руку, обнимающую ее, его губы, целующие кольцо, которое он надел ей на палец. И все это была игра... Он никогда не любил ее, он женился на ней, чтобы отомстить...

Жонкиль сжалась на своем сидении и плотно закрыла глаза.

— Почему, о почему я должна думать об этом сейчас? — внутренне кричала она себе. — Все кончено с этим, все. Я живу своей собственной жизнью и буду жить. Роланд не имеет к ней никакого отношения”

Но сегодня вечером вернулась домой прежняя удрученная Жонкиль, а не сильная, выдержанная женщина, какой ее хотела видеть Пегги Фейбьян.

Она открыла входную дверь небольшого дома в Сент-Джонс Вуде, где она жила в семье Робинсонов последние два месяца, и вошла в прихожую; вся ее стройная фигурка поникла от усталости, ноги и руки занемели. Она так долго ждала Роланда на холоде, сейчас она хотела только согреться и отдохнуть.

Доброжелательная миссис Робинсон, одна из самых терпеливых и неунывающих хранительниц домашнего очага в самых неблагоприятных обстоятельствах, поспешила из кухни в прихожую, чтобы приветствовать свою молодую жилочку.

— Ну вот и вы наконец, мисс Риверс, дорогая, — сказала она. — Мы волновались, куда вы подевались, потому что вас здесь уже целый час ждут.

Сердце Жонкиль забилося.

— Меня ждут, миссис Робинсон? Кто? Джентльмен?

— Нет, дорогая. Девушка. Славная молодая особа, но не вашего круга.

Бисение ее сердца снова замедлилось. Значит, не Роланд. Идиотство с ее стороны так переживать просто потому, что Роланд не пришел на встречу с ней.

Стаскивая перчатки, она медленно вошла в гостиную, где ее кто-то ждал. Это, должно быть, посыльная от миссис Фейбьян, разносившая покупки, с каким-нибудь поручением от Пегги.

Но в тот момент, когда Жонкиль вошла в гостиную и увидела худую потрепанную фигуру у камина, ее сердце снова всколыхнулось от волнения, и она прикусила губу. Это была Поппи Хендерсон, та девица, с которой Роланд был сегодня днем в ресторане.

При появлении Жонкиль Поппи поднялась. Несколько мгновений обе девушки смотрели друг на друга. Глаза Жонкиль были вопрошающими, лицо несколько раскрас-

нелось. Поппи была угрюмой, испуганной, но с дерзостью, свойственной людям ее класса, она откинула голову назад и вызывающе смотрела на Жонкиль.

— Вы миссис Чартер? — спросила она отрывисто.

Эта фамилия, столь непривычная для Жонкиль, заставила кровь горячей волной прилить к ее щекам. Но отвечала она совершенно спокойно.

— Да, я миссис Чартер. Но здесь меня знают как мисс Риверс. Могу я узнать, почему вы пришли?

— Не потому, что я хотела этого, — ответила Поппи грубо. — Но он послал меня, поэтому пришлось придти.

— Он?.. Вы имеете в виду - мистер Чартер?

— Да. Он заболел.

— А!.. — произнесла Жонкиль. Какое-то странное ликование овладело ею. Роланд заболел. Именно поэтому он не мог увидаться с нею. Значит, он не умышленно не пришел и не хотел унижить ее. Он заболел. Вместе с этим ощущением пришло другое - внезапное беспокойство о нем.

— Он заболел? — быстро спросила она. — Тяжело? Что с ним?

— Ему стало плохо после того, как он вышел из демонстрационного зала компании, где он работает, — сказала Поппи, дергая свои дешевые хлопчатобумажные перчатки и не отрывая глаз от ковра. — Он пошел по поручению, почувствовал слабость и приехал домой в такси. Когда я вернулась домой с работы и нашла его в постели ужасно больным и слабым, я тут же послала за доктором. Он сказал, что у Ролли... то есть у Роланда, грипп и еще малярия. Он не мог встать, чтобы пойти и встретить вас, и он боялся, что я могу пропустить вас в толпе, если я пойду на то место, где вы должны были встретиться. Поэтому он послал меня сюда, чтобы я ждала вас.

— Но откуда он узнал мой адрес?

— От друга. Мне пришлось идти к миссис Поллингтон, чтобы получить его, — сказала Поппи с оттенком гордости. — Роланд сказал, что она, вероятно, знает, где вы живете.

Жонкиль приложила руку к сердцу, которое бешено колотилось. Она посмотрела на бледное, острое личико Поппи. Ее все еще возмущало присутствие этой девицы в жизни Роланда. Какое она имеет право называть его Ролли,

находить его в постели больным, когда она вернулась домой? Кто она? Какую роль она играет в его жизни?

— Он просил меня дожидаться вас и просить вас приехать навестить его. — добавила Поппи приглушенным голосом. — Я хотела сама ухаживать за ним, но он хочет видеть вас, а не кого-то другого.

Гордость, вновь давшая о себе знать, заглушила желание выведать у этой девицы все о внезапной болезни Роланда: Жонкиль не хотела показывать, насколько она обеспокоена.

— Вы, я вижу, очень хорошо знаете мистера Чаргера. Полагаю, вы можете и дальше заботиться о нем, — начала она холодно.

Но Поппи вдруг прервала ее с необычайной горячностью. С горящими глазами, пылающими щеками Поппи напала на жену Роланда, пылая ненавистью к ней за ее холодность, ее хладнокровие, явное отсутствие всякого интереса к его болезни.

— Боже мой, вы сумасшедшая и злая, ужасно злая! — кричала она. — Мистер Чаргер, лучший человек на свете, лежит в постели больной и просит вас придти, а вам все равно, вам все равно, будет он жить или умрет!

— Право же... — начала возражать Жонкиль, но Поппи снова прервала ее, дрожа от возмущения, от неконтролируемого желания сказать жене Роланда все, что она думает о ней.

— Не надо мне ничего говорить. Вы злая. Ему не нужен никто, кроме вас, а вы пренебрегаете им. О, да, я видела вас в ресторане, вы были так надменны, так горды, так пренебрежительны, миледи. Но я могу сказать вам, что вы не стоите и гроша ломаного по сравнению с ним. Он король. да. Я бы отдала за него свою душу, но он не хочет. Ему нужны только вы!

Она разразилась рыданиями, закрыв глаза руками. Жонкиль молча уставилась на нее, не зная, что сказать. Наконец она торопливо и нервно проговорила:

— Мисс Хендерсон, вы не понимаете, что вы говорите. Вы...

— Нет, я прекрасно понимаю, — прервала ее Поппи. — Я все знаю о нем и о вас. Я знаю, что он нехорошо поступил

с вами вначале. Но он признает свою вину. Мой Бог, он так страдал из-за этого все эти месяцы. Я видела, как он мучился из-за вас. Я знаю. Вы не заслуживаете его любви, нет, не заслуживаете!

— О, замолчите! — воскликнула Жонкиль, возмущенная этой атакой. — Вы не знаете, вы не можете понять, что произошло между моим — моим! — мужем и мной. Да и вообще, какое вам до всего этого дело?

— Только то, — Поппи уперлась руками в бедра и так стояла лицом к лицу с Жонкиль, — что я боготворю его! Я бы отдала свою жизнь за него, потому что он спас меня. И я хочу видеть его счастливым. Это все. Вот почему я приехала за вами сегодня. Он заболел, и он зовет вас, и если вы не пойдете к нему... Боже, я не знаю, что я сделаю с вами!

Биение сердца Жонкиль, казалось, сотрясало все ее тело. Она нервным движением откинула волосы со лба, затем сказала:

— Как мистер Чартер спас вашу жизнь?

Поппи рассказала ей; рассказала о доброте, щедрости, великодушии человека, который жил в том же доме, что и она; рассказала, что Роланд был первым, единственным настоящим джентльменом, которого она встретила и благодаря которому поняла, что такое рыцарское и благородное обращение. Она рассказала Жонкиль, что Роланду приходилось голодать, чтобы посылать ей еду и лекарства, которые ей были необходимы; что он отказался от любви, которую она предложила ему взамен — он не требовал награды. Он с самого начала говорил ей, что любит свою жену, что его единственное желание — вернуть ее любовь и доказать свое раскаяние в том, что он совершил.

— И такого человека вы оставили чахнуть с тоски! — закончила Поппи. — Ну, все, что я могу сказать, так это то, что вы плохая, злая женщина, если вы не можете простить его и забыть ваши собственные обиды.

После этой страстной речи воцарилась мертвая тишина. В небольшой, освещенной газом гостиной Жонкиль стояла очень неподвижная, очень напряженная, глядя на пылающее лицо Поппи. Ее собственное лицо было бледным, застывшим, и в глазах отражалась такая мука, как будто слова Поппи невыносимо ранили ее. Она недооценивала

Роланда. Если все, что рассказала эта девушка, правда, а это, конечно, была правда, то Роланд доказал свое раскаяние искренностью и постоянством любви к ней. И он не только сохранил верность любви, но вел себя, как настоящий джентльмен, по отношению к этой бедной одинокой продавщице. Для Поппи он был король, герой. Она была готова умереть за него. Но Роланд отказался от ее любви: ему нужна только его жена, ее прощение — ее!

Жонкиль неожиданно закрыла лицо руками. Лед, который покрывал ее сердце, ее чувства броней, растаял, растопился под внезапными горячими лучами любви и понимания, которые озарили ее. Она была несправедлива к Роланду, недооценивала его. Что бы он ни сделал вначале, сейчас он искренне раскаявался в этом. Кто она такая, чтобы отказывать ему в прощении, проявлять свой высокомерный, упрямый характер? Она вообразила, что любила его больше, чем он — ее, уверяла себя, что смысл ее жизни в любви, а для него любовь и жизнь идут отдельно. Но оказалось, что это не так. Для него любовь значила больше. Его любовь родилась из взаимонепонимания и раскаяния, и она выстояла. А ее любовь оказалась несостоятельной, из них двоих она страдала меньше. Это она проявила свою черствость и эгоизм.

Она действительно была недостойна любви Роланда в отличие от этой необразованной маленькой продавщицы, сжигаемой страстной силой благородного чувства к человеку, который пришел ей на помощь в тяжелую минуту и ничего не попросил взамен.

Долго, долго стояла Жонкиль, закрыв лицо руками; противоречивые мысли пронеслись в ее голове. Поппи Хендерсон смотрела на нее в молчаливой горечи. Это была жена Роланда Чартера. Теперь она мучилась из-за того, что сделала. Несомненно, она пойдет к Роланду, они снова будут вместе. И она, Поппи, уйдет из их жизни. Она никогда ничего не значила для него, никогда ничего не будет значить. Однако, если он будет счастлив от того, что она помогла ему быть счастливым, это уменьшит боль безответной любви.

Наконец Жонкиль открыла лицо. Даже Поппи, как бы она ни была предубеждена против жены Чартера, почувст-

вовала к ней жалость. Жонкиль казалась такой безнадежно несчастной и пристыженной. Она стыдилась за свою гордость, за свою нетерпимость, за все глупые, злые чувства, которые отдалили ее от человека, которого в глубине души она любила.

— Поппи, — сказала она изменившимся голосом. — Я ничего не могу сказать тебе сейчас. Но я благодарю тебя за то, что ты пришла. Можешь ли ты отвести меня к моему мужу?

Поппи отвернулась, чувствуя, как слезы текут по ее щекам.

— О, да! Поехали! — выпалила она. — Я вообще не понимаю, чего мы здесь так долго стоим, заставляя его ждать.

Всю дорогу в такси Жонкиль сидела рядом с маленькой продавщицей, засыпая ее вопросами о Роланде. И она узнала много такого, о чем прежде не подозревала: о его неизменной доброте и щедрости к тем, кому жилось тяжелее, чем ему; о его долгих изнурительных поисках ее, Жонкиль; о его любви, которую не мог погасить даже ее тяжелый, ожесточенный, нетерпимый характер.

И чем более она слушала, тем более робкой она становилась, тем более сожалела о разлуке, которая была целиком на ее совести.

Он согрешил; он использовал ее любовь для того, чтобы отомстить своему дяде; он сильно согрешил, женившись на ней. Но он раскаялся, он полюбил ее в конечном счете. Какое она имела право судить и осуждать его?

Она думала о всех страданиях, через которые она сама прошла; о борьбе, которую вела с одиночеством без него; об ее горе, потому что она была так сильно разочарована и обманута в своем чувстве. Однако значительная доля вины лежала и на ней. Она должна была давно простить его. Теперь он заболел. Может быть, серьезно заболел. Может быть, уже слишком поздно сожалеть.

Внезапная боль сомнения и страха сжала сердце Жонкиль.

— О, Поппи! — воскликнула она, хватая руку девушки. — Ты думаешь, Роланд очень плох?

— Да, ему было скверно, когда я уходила, — сказала

Поппи. — Он недоедал последнее время, я знаю, и тяжело работал целыми днями. Я думаю, он просто не в состоянии сопротивляться болезни.

Жонкиль с трудом проглотила ком, подступивший к горлу.

— Он должен поправиться, Поппи, — сказала она.

— Если вы будете около него, я надеюсь, что все будет хорошо, — сказала Поппи.

Эти слова, казалось, разбили сердце Жонкиль. Она отвернулась и расплакалась.

— О, Поппи, я сделаю все возможное, чтобы загладить свою вину. Только бы он поправился, — сказала она, задыхаясь. — Не думай, что я тоже не страдала. Я страдала. Я ужасно его любила, Поппи. Но он так обидел меня, он обманул меня. У меня, конечно, были основания быть безжалостной и гордой!

— Может быть и были, — сказала Поппи. И внезапно у нее появилось чувство понимания, сострадания к этой тоненькой бледной девушке, плачущей здесь, в углу такси. Она неуклюже обняла Жонкиль.

— Бедняжка, — добавила она охрипшим голосом. — Не плачь. Еще не поздно все исправить в конце концов. Я думаю, вы оба виноваты, но он такой замечательный, что я не могу понять женщину, которая выгоняет его.

Так все странно обернулось. Когда такси подъехало к скромному жилищу Роланда Чартера, Жонкиль, его жена, плакала в объятиях бедной Поппи Хендерсон.

Глава 20

Роланд Чартер, к сожалению, был не в состоянии осознать всей глубины любви, горя и боли раскаяния, которые расточались ему в этот важный период его жизни.

К тому времени, как появились Жонкиль и Поппи, он был в полубессознательном состоянии и бредил: грипп и малярия вонзили в него свои острые когти и не хотели выпускать его бедное тело. У него был сильный жар, и он испытывал невероятные мучения. Он лежал на своей неу-

добной узкой койке в безобразной маленькой спальне, которая была его домом с тех пор, как он покинул Ривер-Корт в Новый год, и совершенно не понимал, кто за ним ухаживает и что с ним происходит.

Жонкиль уже без слез и совершенно успокоившаяся стояла у постели своего мужа (Поппи была рядом с ней) и смотрела на него. Он был подобен смерти. Она сразу почувствовала всю тяжесть его болезни, поняла, что он может умереть, и она никогда, никогда не сможет сказать ему, как горячо его любит, как сильно ей снова нужна его любовь.

Неудобная убогая комната, в которой он жил, потрясла ее: обставленная дешевой мебелью, но довольно чистая, комната буквально дышала холодом. Камни, скрытый за грязной бумажной ширмой, выглядел так, как будто в нем никогда в жизни не разводили огня. За потрепанными красными портьерами дребезжали стекла. Дверь скрипела, и из-под нее ужасно дуло. Постельное белье было явно не по размеру кровати.

Длинное, исхудалое тело Роланда дрожало в приступе малярии.

— Он не может оставаться здесь, — сказала Жонкиль, поворачиваясь к Поппи. — В этом доме он никогда не поправится.

— Я поправилась, а мне было очень плохо, — сказала Поппи, пожимая плечами.

Жонкиль покачала головой и снова посмотрела на своего мужа. Его худое лицо пылало; глаза были широко открытые, остекленевшие, измученные. Он казался необычайно трогательно молодым; темные кудрявые волосы были взъерошены, как у маленького мальчика. Он метался, стонал и что-то бормотал про себя. Взгляд Жонкиль упал на худое запястье, выглядывавшее из рукава пиджама. Он недоедал. Поппи была права. Как он может выдержать такой сильный приступ малярии и гриппа?

Жонкиль внезапно опустилась на колени около кровати. Она сняла шляпу и перчатки, положила прохладную руку на пылающий лоб Роланда. Страх и тревога охватили ее, когда она склонилась над ним. Вся прежняя страстная любовь, которую она вначале питала к нему, снова вспых-

нула в ней. Он был болен, тяжело болен и нуждался в ней. И она пришла. Но, может быть, уже слишком поздно...

— Роланд, Роланд! — позвала она.

Он оттолкнул ее руку. Она положила ее снова, убрала волосы со лба.

— Роланд! — повторила она. — Роланд, я здесь! Это Жонкиль.

Он посмотрел на нее и не узнал. Поток бессвязных слов, почти невразумительных, слетал с его уст.

— Жонкиль... Ты нужна мне... Жонкиль, прости меня... о, Жонкиль, я сойду с ума, если не найду тебя...

Она склонилась над ним во внезапном проявлении любви, страстного желания помочь и твердила:

— Я здесь, Роланд, мой дорогой, я здесь! Ты не узнаешь меня?

Но он только продолжал бормотать, иногда смеялся резким, прерывистым смехом, который выворачивал ей сердце.

— Поппи... бедная Поппи... — слышала она его бормотание. — Бессмысленно любить меня, Поппи. Я нигдешний... неудачник... Я потерял Жонкиль... Паршивая овца... Поеду в Африку...

Она обняла его за плечи и положила его голову себе на грудь. Порыв любви, муки, более острый, чем она когда-либо испытывала, охватил ее в это мгновение.

— О, Роланд, я люблю тебя, — прошептала она в отчаянии. — Роланд, не покидай меня, не покидай!

Поппи Хендерсон, которая молча наблюдала эту сцену, провела рукой по глазам. Она подошла ближе, чтобы дать несколько практических советов.

— Послушайте, не лучше ли послать за доктором, миссис Чартер? Мне кажется, ему очень плохо.

Жонкиль тихо опустила голову Роланда снова на подушку. Она встала и посмотрела на Поппи большими утомленными глазами.

— Поппи, мы не можем дать ему умереть, — сказала она. — Он должен иметь все, все самое лучшее.

— Не знаю, кто будет платить за это, — сказала Поппи угрюмо. — У него нет ни гроша.

— Но у меня есть, — сказала Жонкиль.

В первый раз с тех пор, как умер ее приемный отец, она вспомнила, что является наследницей Геири Риверса и обладательницей сотен тысяч фунтов. Нужно только обратиться к поверенным, и она сможет получить в банке любую сумму, какая ей нужна. Первый раз ей потребовались деньги - для Роланда. Когда-то это было наследство Роланда. Но теперь оно должно спасти Роланда. Бабушка одобрила бы это. Бабушка не дала бы Роланду умереть. Не даст и она, его жена.

— У меня есть деньги, — повторила она. — Столько, сколько я захочу. Об этом не беспокойся, Поппи. Слушай, ты должна пойти в ближайшую телефонную будку и вызвать лучшего врача в округе. Потом позвони, пожалуйста, миссис Поллингтон - ее номер найдешь в телефонной книге. Если она дома, скажи ей, что мисс Риверс - миссис Чартер - находится по этому адресу с мистером Чартером, что он опасно болен.

— Она знает, — сказала Поппи. — Я же была у нее перед тем, как ехать к вам.

— Тогда попроси ее приехать сюда ко мне сейчас же, — сказала Жонкиль. — Она - наш друг, Поппи. Она приедет.

Поппи убежала. У нее было только одно желание: помочь выкарабкаться человеку, который спас ее жизнь. И она больше не испытывала горечи, не чувствовала гнева из-за жены Роланда. Миссис Чартер прикладывала все усилия, чтобы спасти его, и это было все, чего хотела Поппи.

Оставшись наедине с Роландом, Жонкиль опустилась на колени у его изголовья. Те минуты, которые прошли до прихода врача и Микки Поллингтон в ответ на вызов Поппи, показались ей часами. Теперь она страдала больше, чем во все предыдущие месяцы переживаний и боли, потому что пришла к нему, а он не узнал ее. Она была с ним, но не могла облегчить его страданий. Беспреданно крутясь и ворочаясь в постели, он звал ее, бормотал что-то о ней, смеялся и рыдал попеременно, и ее сердце превращалось в одну кровотокающую рану жалости и любви к нему.

— Роланд, Роланд, мой дорогой! — повторяла она снова и снова.

Но он не отвечал ей и продолжал жалобно звать ее. И когда она наклонилась и поцеловала его сухие потрескав-

ны сбить температуру, и уж потом можно будет перевезти его. Но это не раньше завтрашнего утра.

— Очень хорошо. — сказала Микки. — Я позвоню доктору Бойд-Стьюарту, своему приятелю, и попрошу его все устроить и прислать сюда немедленно медицинскую сестру, которая бы присмотрела за мистером Чартером до того, как мы его перевезем.

Бедный усталый врач страхкасы склонился перед Микки. Доктор Бойд-Стьюарт был одним из светил Харли Стрит.

— Это было бы отлично. — сказал он.

Микки повернулась к Жонкиль.

— Я еду прямо на Харли Стрит и сама повидаю Джона Бойд-Стьюарта, — сказала она. — Я вернусь и привезу с собой медицинскую сестру.

Губы Жонкиль задрожали, но она постаралась улыбнуться. Все это время ее сердце болезненно колотилось, а глаза не отрывались от беспокойной, мечущейся фигуры на кровати.

— Спасибо, Микки, ты прелесть. — сказала она. — Мы должны спасти его!

— Конечно, мы спасем его.

— Пожалуйста, попросите доктора Бойд-Стьюарта приехать, если вы хотите знать его мнение, — вставил врач, который подошел к Роланду и приложил палец к его горячему тонкому запястью.

— Да, пожалуйста, Микки, постарайся, — взмолилась Жонкиль.

— Попробую. Джон — прелесть, и если кто и может вытащить Роланда, так это он, — сказала Микки.

— Встряхнись, детка, — добавила она, сжимая руку Жонкиль. — Я ненадолго.

Она исчезла, оставив после себя слабый, неуловимый аромат духов. Вместе с ней, казалось, исчезло и мужество бедной Жонкиль. Она жалобно повернулась к Поппи, которая держалась в тени.

— Поппи, — сказала она. — Бедная Поппи, ты тоже любишь его...

Поппи ответила хрипло, отрывисто:

— Это не имеет значения. Ничего не имеет значения,

лишь бы он поправился.

— Кто эта Жонкиль, которую он все время зовет? — спросил врач, все еще стоявший около Роланда.

Жонкиль подавила слезы. Ее щеки горели.

— Это я, его жена, — сказала она.

— Он может успокоиться, если узнает вас. Постарайтесь, чтобы он понял, что вы здесь, миссис Чартер.

Никогда прежде сердце Жонкиль не отзывалось более горячо, более страстно на это обращение. Миссис Чартер! Да, она жена Роланда, и она любит его, любит его... Все, что случилось в прошлом, было вычеркнуто из памяти. Он должен узнать ее, должен знать, что она хочет простить и забыть.

Она забыла, что доктор и Поппи Хендерсон смотрят на нее. Ничто не имело значения, кроме Роланда. Она села на край кровати и заключила его в свои объятия, прижала его голову к своей груди, приложила свою прохладную щеку к его лицу, и произносила его имя снова и снова.

— Роланд, Роланд, мой дорогой, мой единственный, — шептала она. — О, Роланд, дорогой, поговори со мной, это Жонкиль. Жонкиль. Я никогда не покину тебя снова, никогда, Роланд. О, послушай меня, дорогой, поговори со мной, пожалуйста.

Роланд прекратил стонать и метаться и какое-то время лежал совершенно спокойно. Взгляд его тусклых голубых глаз стал более осмысленным.

Она сжалась его в своих объятиях, слезы текли по ее щекам.

— Роланд, мой дорогой! — шептала она.

Он тяжело вздохнул. Очень слабая улыбка появилась на его губах, и она уловила чуть слышный шепот:

— Жонкиль, ты? Я что, умер? И попал в рай?

Затем его тяжелые веки закрылись, голова склонилась на ее плечо. Она в страхе посмотрела на него, потом на доктора.

— С ним все в порядке? Он ведь не умер, нет? — спросила она, запинаясь.

Доктор, слушая пульс Роланда, улыбнулся ей успокаивающе.

— Конечно, нет, миссис Чартер. Я думаю, вы добились

того, что требовалось, — сказал он. — Мистер Чартер спит.

• • •

Никто из имеющих отношение к описываемой драме никогда не забудет эту длинную ночь.

Доктор Бойд-Стьюарт приехал вместе с миссис Поллингтон и поднял слабствующий дух Жонкиль очень обнадеживающим мнением о пациенте. Хороший уход, отдых, правильное питание и заботы скоро поставят Роланда Чартера на ноги. Для беспокойства нет основания.

Приехала и больничная сестра, выбранная Бойд-Стьюартом, умелая и квалифицированная молодая женщина, которая сразу же забрала власть в свои руки, никому не разрешив оставаться в этой небольшой спальне, кроме пациента и себя.

Жонкиль слабо протестовала, говоря, что она желает остаться со своим мужем, однако сестра была вежлива, но непреклонна.

— Спальня крохотная, а мистеру Чартеру нужен свежий воздух и покой, — сказала она. — А теперь будьте умницей, моя дорогая, и позвольте миссис Поллингтон позаботиться о вас. Иначе вы вымотаете свои последние силы. Я обещаю послать за вами, если мистер Чартер будет звать вас. Но я думаю, что после всех этих лекарств он проспит большую часть ночи.

Микки поддержала ее:

— Сестра права. Пойдем со мной, Жонкиль, дорогая, — сказала она. — Ты выглядишь утомленной, а сейчас ты не нужна Роланду.

Жонкиль мгновение колебалась у постели мужа, глядя на него тоскливыми глазами. Она неохотно оставляла его. Именно сейчас, когда он узнал ее, назвал ее имя, заснул, уронив голову на ее плечо, она почувствовала самое острое облегчение и наслаждение. Она не хотела оставлять его ни на минуту.

— Я пойду с тобой, Микки, если так нужно, — сказала она.

Поппи Хендерсон, стоявшая в дверях, готовая броситься выполнять любое поручение, горящая желанием быть полезной, услышала эти слова и выступила вперед.

— Если вы не возражаете против не очень красивой и

неприбранной комнаты, вы можете остаться со мной на эту ночь, чтобы быть поближе к Роллу... к мистеру Чартеру, — проговорила она, запинаясь.

Глаза Жонкиль прояснились.

— О, Поппи, как хорошо! — воскликнула она.

Микки переводила глаза с одной девушки на другую. Ей уже понравилась Поппи Хендерсон - Поппи была "славный малый", а это Микки ценила больше всего на свете. И внезапно она сняла свой собольий палантин, который она набросила на плечи, когда Поппи позвонила ей, и одарила бедную маленькую продавщицу своей широкой дружеской улыбкой.

— Замечательная мысль, Поппи, — сказала она. — А как насчет того, чтобы пригласить и меня остаться на ночь? Дома я не смогу глаз сомкнуть. Давайте посидим втроем и попьем кофе. Потом вздремнем как-нибудь, если захотим.

Поппи покраснела. Она была так взволнована, что не сразу ответила. Она должна была признать теперь, что любила маленькую, стройную, коротко стриженную девушку, жену ее обожаемого Роланда; но что касается Микки, то к ней она почувствовала что-то вроде поклонения. То, что миссис Поллингтон может быть такой непритязательной и не возражает против идеи остаться в ее бедной спальне, ошеломило Поппи.

Наконец она обрела дар речи.

— Идем, — сказала она хриплым голосом. — Я буду рада.

И вот в спальне, соседней с той, где Роланд Чартер спал под наблюдением одной из лучших больничных сестер Лондона, Микки, Жонкиль и Поппи Хендерсон сидели около поспешно затопленного камина, пили кофе и ели печенье далеко за полночь.

Около трех часов Жонкиль взяла Микки за руку, прошла с ней на цыпочках к комнате Роланда, послушала снаружи, не услышала никаких звуков и вздохнула с облегчением.

— Он, видимо, все еще спит. Все в порядке, Микки, — прошептала она.

Микки улыбнулась, глядя в лицо девушки. Жонкиль выглядела утомленной, но какой-то новый свет исходил из

ее красивых глаз. Микки неожиданно крепко обняла Жонкиль.

— Конечно, все в порядке, — сказала она. — И очень скоро вы с Роландом сможете раскаться в своей глупости и поехать в долгое свадебное путешествие.

Жонкиль спрятала лицо на плече Микки.

— О, Микки, какой я была душой! — сказала она приглушенным голосом. — Я люблю его, теперь я точно это знаю, и должна была давно простить его.

— Он был скверный мальчишка, и ты была маленькой идиоткой, — сказала Микки с чувством. — Но можно надеяться, что вы оба научитесь уму-разуму в будущем.

Глава 21

Спустя неделю пришло время, когда Роланд Чартер настолько окреп, что жене разрешили провести целый час в его палате; до этого она могла только в течение пяти минут быть с ним, а затем строгие сестры и врачи выпроваживали ее.

— Роланд, я ненавижу весь медицинский персонал! — объявила Жонкиль, входя в красивую солнечную палату в лечебнице доктора Бойд-Стьюарта на улице Уимполь. — Они все сплотились для того, чтобы не дать мне видеть тебя.

Роланд, слабый, бледный, изможденный лихорадкой, но с живым блеском в глазах, сел в кровати и протянул к ней руку.

— Правда, Жонкиль, ты действительно так хочешь видеть меня? Не обманываешь меня? — спросил он.

— Конечно, нет, — ответила она. — И сегодня, наконец, сестра сказала, что я могу оставаться с тобой целый час. Тебе лучше?

— Гораздо лучше, — ответил он. — Прошлая ночь прошла превосходно, уже целые сутки нормальная температура. Сядь, дорогая.

Последнее слово, произнесенное так нежно, заставило Жонкиль задрожать. Она пододвинула стул к его кровати и

села, робкая и молчаливая. Он откинулся на подушки и смотрел на нее с невысказанной страстью во взоре. Она казалась более красивой, чем он представлял себе раньше. Она была в сером: серый, хорошо сшитый костюм, который подходил к ее стройной мальчишеской фигурке; серая мягкая шляпка на темной стриженной головке; серебристая лифа на плечах; серые туфли и шелковые чулки в тон. Она покраснелась, возможно, от волнения, что видит его, и под густыми ресницами ее глаза сияли, как звезды.

Сердце Роланда сильно забилося. Внезапно он протянул к ней руку.

— О, моя дорогая! — вымолвил он.

Она взяла его руку, наклонила голову и, не глядя на него, сказала:

— Нам много о чем нужно поговорить, Роланд. Но прежде всего я хочу сказать тебе, как я жалею, что прогнала тебя вначале.

— У тебя есть все основания вообще не прощать меня. Жонкиль, — сказал он. — Я сильно согрешил, обманув тебя и таким образом женившись на тебе. Но я узнал и полюбил тебя, моя дорогая, полюбил сильнее, чем когда-либо считал возможным полюбить женщину. Моя любовь, конечно, не оправдывает прошлых поступков, но мне так нужно твое прощение.

— Я была упряма и самолюбива, — сказала она тихо. — И однако, верь мне, Роланд, я страдала: ты так был мне нужен!

Его пальцы сжали ее тоненькие пальчики.

— Правда, дорогая? Значит, ты не так сильно ненавидела и презирала меня, как я думал?

— Нет. Я часто хотела послать за тобой, Роланд. И мне не так уж нравилось работать, когда не с кем было поговорить, кроме Пегги Фейбьян и Робинсонов. Я иногда виделась с Микки, но она всегда так занята. Ты знаешь, сколько у нее дел.

— Дай Бог ей счастья, — сказал Роланд с чувством. — Она так помогла нам обоим.

— И Поппи тоже, — сказала Жонкиль. — Мы должны что-нибудь сделать для Поппи, Роланд.

— Конечно, — согласился он. — Мы ей обязаны своим

нынешним счастьем, ведь она привела тебя ко мне.

Жонкиль подняла голову и посмотрела на него почти робко.

— Роланд, в тот вечер, когда ты заболел, Микки сказала, что я была идиоткой, а ты — ты скверный... — ее губы дрогнули в улыбке. — Я думаю, что она права. И еще она считает, что мы оба должны взяться за ум и поехать в долгое свадебное путешествие.

Рука Роланда так сильно сжала ее пальцы, что она сморщилась от боли.

— Жонкиль... Жонкиль, ты считаешь... ты можешь настолько простить меня, чтобы послушаться этого совета? — спросил он.

Она соскользнула со стула, опустилась на колени у сто кровати и спрятала лицо у него на груди. Он сбросил маленькую фетровую шляпку с ее головы, нежно поглажив ее по волосам.

— Моя дорогая, — добавил он. — Всем сердцем и душой я прошу тебя простить меня за то зло, что я принес тебе. Позволь мне начать снова, доказать мою любовь, посвятить тебе мою жизнь.

— Я простила, давно, — сказала она. Сердце ее бешено колотилось, все ее тело трепетало от его прикосновения. — И я никогда по-настоящему не переставала любить тебя, Роланд. Я мучилась, сердилась, страдала. Но я все простила и забыла.

— Что я могу сделать, чтобы доказать свою любовь? — спросил он ее.

— Просто люби меня, будь счастлив со мной, — ответила она. — Сегодня утром я получила письмо от бабушки, Роланд; она пишет, что ждет нас в Риверс Корте, как только ты сможешь переносить дорогу. Она хочет, чтобы мы немного пожили с ней. Она так рада, что мы... что у нас все в порядке, Роланд.

— Бедная старенькая бабушка, — проговорил он. — Да, мы съездим к ней. Но, дорогая, наша работа?..

— Ты уже потерял свою работу, — приглушенно засмеялась она. — Я вчера тоже бросила ателье. Пегги отступилась от меня, считая меня полностью безнадежной. Это все бесполезно, Роланд. Мы не можем работать. Мы просто

должны выбросить наши прежние обиды и предубеждения и жить на деньги, которые оставил нам бедный отец. Я уверена, что теперь, когда он знает — а я верю, что он действительно знает — что мы любим друг друга и хотим жить вместе, он будет счастлив, что мы живем на его деньги.

— Но он оставил их тебе, а не мне, дорогая.

— Ты мой муж, — сказала она, поднимая к нему лицо.

— То, что мое, должно быть твоим.

Несколько мгновений Роланд боролся с собой, затем сказал:

— О, Жонкиль, если бы я не был таким несудачником если бы только у меня было что-нибудь, что бы я мог дать тебе...

— У тебя есть твоя любовь. Это все, что мне когда-либо было нужно, — сказала она серьезно. — Дай мне ее — и ты дашь мне все. В этом ты не обманешь моих ожиданий.

— Клянусь Богом, никогда! — сказал он горячо.

Он поднял ее левую руку. Его сердце затрепетало от радости, когда он увидел на ее пальце обручальное кольцо, которое он надел в декабре. Он поднес руку к губам.

— Моя жена, — сказал он. — Слава Богу, ты моя жена.

— Как ты можешь любить меня, Роланд, когда я была такая упрямая, такая злая?

Он взял ее в свои объятия и крепко прижал к своему сердцу.

— Я заслужил все, что ты делала и говорила, и даже больше, — прошептал он. — Это просто чудо, что ты все еще любишь меня.

— Да, люблю, — сказала она. — Помнишь старую поговорку, я так часто вспоминала ее... о том, что любовь является смыслом жизни женщины?

— Эта поговорка устарела, — сказал он быстро, улыбаясь. — В ней говорится, что любовь мужчины и жизнь мужчины идут раздельно, что это разные вещи. Ну, что касается меня, любовь — это ты, а ты — это вся моя жизнь, дорогая.

Она приблизила свое лицо с полными слез глазами к его лицу, и их губы слились в поцелуе.

Роланда Чартера называли самым привлекательным мужчиной в Лондоне. Его внимания добивались многие женщины. Кроме одной. Той, на которой он женился.

Жонкиль, наследница миллионного состояния, вела тихую уединенную жизнь. Она была совсем не готова к жизни света и не могла противостоять опытному соблазнителю. Только когда она стала женой Роланда, она поняла, что им двигала не любовь, а месть.

Дэниз Робинс с истинным мастерством описывает отношения двух людей, ревность и разочарование преданной женщины, раскрывая тайны женского сердца.

Книги Дэниз Робинс оставляют в нас странную иллюзию, как будто мы знаем ее героев, как старых друзей.

"Королева любовных романов" - так называли эту писательницу. И как хорошо, что ее истории всегда имеют счастливый конец.

СОДЕРЖАНИЕ

Коллин Маккалоу

ТИМ 5

Дэниел Робинс

ЖОНКИЛЬ - ЦВЕТOK ЛЮБВИ 209

М 15 Маккалоу, Колин.
Тим /К. Маккалоу. Жонкиль — цветок любви/ Д. Робинс: /Романы/.— Т.: Узбекистон,
1993.— 397 с.

ISBN 5-640-01536-5

И (Австрал)

В книгу вошли два новых произведения известных писателей — Колин Маккалоу, которую наши читатели полюбили за книгу "Повощие в терновнике", и Дениз Робинс. Глубокие и тонкие психологические наблюдения, неординарные человеческие характеры персонажей привлекут интерес широкого круга читателей.

№ 318-93

Гос б-ка Республики Узбекистан
им. А. Навои.

М 480400000—57 93
М 351 (04) 93

Литературно-художественное издание

К. Маккалоу
ТИМ

Д. Робинс
ЖОНКИЛЬ — ЦВЕТОК ЛЮБВИ

Ответственный за выпуск *А. Бичерова*
Худож. редактор *Ж. Гурова*
Техн. редактор *А. Горшкова*
Корректор *И. Богдарова*

Подписано в печать 25.06.93 г. Формат 84x108¹/32.
Гарнитура "Бодоми". Печать офсетная. Усл. п. л. 21,0.
Уч.-изд. л. 20,28. Тираж 100.000. Заказ № 464
Цена договорная

Издательство "Узбекистон". 700129, Ташкент, Навои, 30.
Договор 121—93

Отпечатано на арендном предприятии Ташполиграфкомбината
Государственного комитета Республики Узбекистан по печати
700129, Ташкент, Навои, 30.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЎЗБЕКИСТОН"

приглашает к сотрудничеству деловых партнеров.

Предлагаем издательские услуги в широком спектре. На материале заказчика или издательства выпускаются книжная или изобразительная (рекламная) продукция. Предоставляются полиграфические услуги, в том числе исполнение заказов на зарубежной полиграфбазе развитых стран. К заказанным Вами рекламным буклетам, проспектам, а также открыткам или альбомам могут быть выполнены необходимые слайды на пленке "Кодак". Издательство располагает лицензией на вывоз своей продукции за пределы республики.

Адрес издательства: 700129, Ташкент,
ул. Навои, 30.
Телефон 44-38-10
Факс 44-11-35

ВЫШЛИ В СВЕТ

*совместные издания издательства "Ўзбекистон"
с разными деловыми партнерами*

"Фемида"— серия сборников произведений мастеров
детективного жанра

Зарубежный детектив "Век XX"— серия сборников
произведений мастеров детектива США, Англии,
Франции, ФРГ, куда входят современные
остросюжетные "крутые" детективы

"Фантастика"— серия сборников произведений
мастеров научно-фантастического жанра

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ

*Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка
Ф. Кнорре. Капитан Коркус
С. Жапризо. Убийство в спальном вагоне
Дж. Х. Чейз. Это ваш венок, леди
А. ван Вогт. Слэн. Война против Руля
Г. О. Смит. Космическая чума
Г. Шерфлинг. Западня на сцене
Р. Стаут. Умолкнувший оратор*

